

**Тобольский государственный историко-архитектурный
музей-заповедник**

Серия: «Культурное наследие народов Западной Сибири»

А. А. АДАМОВ

Новосибирское Приобье в X - XIV вв.

Ответственный редактор: А. В. Нескоров

Тобольск-Омск, 2000

ББК 63.4 (253.3)

A28

Рецензент: Т. Н. Троицкая, доктор ист. наук, профессор

Адамов А. А.

A28 Новосибирское Приобье в X - XIV вв. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. - 256 с.

В монографии анализируются материалы археологических памятников эпохи средневековья, расположенных в Новосибирском Приобье, на юге Западной Сибири. Эта работа вводит в оборот новые обширные материалы, относящиеся к сроткинской культуре Верхней Оби. Подробно рассматривается инвентарь, погребальный обряд и хронология. Книга иллюстрирована таблицами, рисунками.

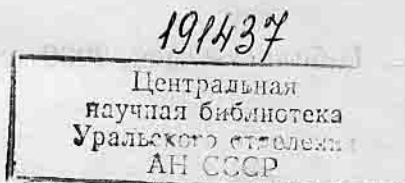
Предназначается для археологов, этнографов, историков, музейных работников, студентов.

Издание осуществлено при поддержке ОАО «Тобольск-ТВЭЛ» и АОЗТ «Сталь».

ISBN 5-8268-0417-3

© Адамов А.А., 2000 г.

© Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник,
2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Бурные политические процессы последнего времени привели к подъему национального самосознания у всех народов России и в частности сибирских народов. Возрос интерес к прошлым страницам истории. Особое значение для освещения периода до присоединения Сибири к русскому государству, нашедшего слабое отражение в письменных источниках, приобретают данные археологии.

Наметившийся в последние годы широкий интерес к сибирской средневековой археологии не случаен. Здесь лежат ответы на прошлое сибирских аборигенов, однако широкое применение ретроспективного метода в археологических исследованиях тормозится недостаточной источниковедческой базой, особенно относящейся к периоду первой половины II тыс. н. э.

Предлагаемое исследование памятников X - XIV вв. Новосибирского Приобья ликвидирует одно из белых пятен в средневековой истории Западной Сибири, подводя источниковую базу под одним из сложных вопросов о тюркизации в Приобье, точки зрения на которую являются весьма различными. В своей работе мы пытаемся на основе новых материалов решить некоторые дискуссионные вопросы сросткинской культуры, прослеживаем судьбу сросткинского населения в первой половине II тыс. н. э.

Исследования археологических памятников Новосибирского Приобья, эпохи средневековья, имеют небольшую историю. Впервые памятники Приобья привлекли внимание еще участников академических экспедиций XVIII в. Наличие курганных насыпей у с. Грязнуха и с. Ора на Оби отмечал Д. Г. Мессершмидт (Messerschmidt D. G., 1962, s. 74-78). В 1741 г. Г. Г. Гмелин осмотрел городище на р. Уени, составил подробное его описание и план как самого городища, так и план местности, где оно расположено. У деревни Орские Юрты им отмечены древние татарские могилы (Радлов В. В., 1894, прил., с. 105, 106).

Унтер-шахмейстер горной службы Василий Головин, осматривая в 1780 г. выходы руды у д. Малетиной, в своем отчете отмечал, что вверх по р. Оби от села находится четырехугольная "крепостца" длиной 80, а шириной 45 сажень, обнесенная с трех сторон земляным валом и обыкновенным рвом (Чюпин П. О., 1894, с. 567). В 20-х годах директор краеведческого музея г. Камень-на-Оби Г. И. Юхневич обследовал памятники на правом берегу р. Оби близ с. Чингисы (Уманский А. П., 1972 а, с. 51).

И только в 1952-1954 гг. впервые в Новосибирском Приобье работала экспедиция Ленинградского отделения института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова, которая проделала большой объем работ в зоне затопления Новосибирской ГЭС, открыла десятки археологических памятников всех эпох, провела их широкие археологические исследования. Однако памятникам первой половины II тыс. н. э. было уделено недостаточное внимание. Исследовалось только поселение Малыгинский лужок 2, материал с которого так и не был опубликован М. П. Грязновым.

С 1957 г. начинает свои ежегодные работы Новосибирская археологическая экспедиция, бессменным организатором которой является Т. Н. Троицкая. Она и ее ученики провели широкие разведочные работы в Новосибирском Приобье, открыли сотни разновременных памятников, в том числе и объектов, относящихся к первой половине II тыс. н. э.

Впервые статья, где публиковался материал первой половины II тыс. н. э., вышла в 1972 г. В ней рассматривались результаты исследования в 1967 г. поселения Ордынское 5 (Романцова В. Д., 1972). На поселении было раскопано одно сооружение, до раскопок представляющее собой невысокую насыпь с ямами по краям. По результатам работ был сделан вывод, что это остатки наземного жилища, круглого в плане. Жилище носило временный характер (Романцова В. Д., 1972, с. 62). Керамика,

обнаруженная при раскопках жилища, по мнению автора, близка керамике с городищ Умна 4, Седова Заимка и кургана на городище Крутоборка 2 и датируется XII - XIV вв. Временные стойбища из легких наземных шалашей, как считает автор, были связаны с летним отгонным скотоводством (Романцова В. Д., 1972, с. 64).

В заметке, посвященной результатам исследований 1974 г., городище Седова Заимка так же, как и в более ранней статье, датировалось XII - XIV вв. (Троицкая Т. Н., Романцова В. Д., Соболев В. И., 1975, с. 239).

Однако чуть позже В. Д. Романцова несколько изменила датировку городищ Седова Заимка, Умна 4, Крутоборка 2, поселение Ордынское 5, датировав их, как и прежде, только на основании керамики, XI - XIII вв. (Романцова В. Д., 1976, с. 132). Ею отмечено, что керамика с этих памятников теснейшим образом примыкает к сосудам IX - X вв. из Новосибирского Приобья, но есть и отличие, которое объясняется их разновременностью. Посуда этих памятников следует за керамикой I тыс. н. э. Верхняя дата XIII в. объясняется тем, что керамика памятников XIV - XVII вв. уже заметно отличается (Романцова В. Д., 1976, с. 133). Аналогии керамике Новосибирского Приобья XI - XIII вв. автор видит в Басандайских курганах, могильнике Ур-Бедари и Гурьевском поселении. Основу населения XI - XIII вв., по мнению автора, продолжают составлять аборигенные, угросамодийские племена. Отмечено, что в керамике имеется ряд черт, которые можно объяснить контактами с тюркским населением (Романцова В. Д., 1976, с. 133).

Развернутый анализ керамического комплекса начала II тыс. н. э. был дан В. Д. Романцовой в статье, посвященной исследованиям на городище Седова Заимка (Романцова В. Д., 1978). Дату памятника XI - XIII вв. автор, как и прежде, определяет на основании анализа керамики (Романцова В. Д., 1978, с. 90).

В. И. Соболев, опубликовав результаты своего исследования 1975 года на городище Каменушка 1 (Соболев В. И., 1979), подробно остановился на керамическом комплексе, выделив по профилировке верхней половины сосудов 4 группы. Отмечено, что наиболее близкие аналогии посуде памятника известны на городище Седова Заимка и могильнике Красный Яр 1, что позволяет отнести все эти памятники к одному времени - к XI - XIII вв. (Соболев В. И., 1979, с. 80).

В статье о комплексе археологических памятников Красный Яр 1 Т. Н. Троицкой к началу II тыс. н. э. отнесены 7 могил и курган № 22. Два сосуда из насыпи кургана 17-18 датированы XIII - XIV вв. (Троицкая Т. Н., 1978, с. 117). Как считает автор, археологический материал свидетельствует о проникновении на территорию Приобья в XII - XIV вв. монгольского влияния или самих монголов. В керамике прослеживаются местные традиции. На основании сосудов XIII - XIV вв. датировано городище Каменушка 1 (Троицкая Т. Н., 1978, с. 117).

Публикуя материалы могильника Усть-Алеус 7, В. И. Молодин и В. И. Соболев выделили три группы погребений. Из них вторая группа по инвентарю датируется XIII - XIV вв. Третья группа, имеющая другую ориентацию, но надежно не датированная, возможно одновременна второй группе (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, с. 162). По мнению авторов, погребения второй группы наиболее близки могильникам на Ближних Елбанах и Еловка 1, но, как заключают авторы, погребения, сходные с Усть-Алеусскими как по обряду так и по инвентарю, встречаются на огромной территории Евразии, что связано с продвижением монголо-татарских племен (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, с. 162).

В 1980 году В. И. Соболев обобщил известный материал о памятниках начала II тыс. н. э. Новосибирского Приобья городищ Седова Заимка, Каменушка 1, Умна 4, поселений Ордынское 5 могильников Седова Заимка 2, Красный Яр 1, Усть-Алеус 7. Им отмечено, что поселения и городища располагались на высоких террасах рек. Городища имели деревянные укрепления, жилища представлены как

полуземлянками, так и наземными постройками шалашевидного типа (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 173, 174).

Керамика В. И. Соболевым по форме делится на три типа: плоскодонные и круглодонные сосуды и чаши. Дата памятников определяется по сходству с хорошо датированными комплексами XI - XIII вв. (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 174). Керамику поселения Ордынское 5 автор связывает с материалами тюркских памятников Южной Сибири и датирует поселение X - XI вв. Городища же Седова Заимка, Каменушка 1, Умна 4 следуют за поселением и датируются XI - XIII вв. В погребениях встречены захоронения лошадей, что связано, по мнению автора, с появлением в Новосибирском Приобье татаро-монголов (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 174).

В статье В. Д. Романцовой о курганном могильнике Седова Заимка 2 (Романцова В. Д., 1983) отмечено, что сосуд, найденный в ровике одного из курганов, аналогичен керамике городищ Новосибирского Приобья XI - XIII вв. (Романцова В. Д., 1983, с. 92). Анализируя материал могильника, автор приходит к выводу, что могильник функционировал не раньше XI в. Верхней датой, установленной на основании сосуда, является XIII в. (Романцова В. Д., 1983, с. 93). Отмечено, что погребальный обряд могильника отличается от обряда одновременных могильников: Ближних Елбан, Красного Яра 1, Усть-Алеуса 7. Некоторое сходство наблюдается только с курганом 42 Басандайского могильника, который синхронен могильнику. Памятник связан с местными племенами, о чем, по ее мнению, говорит керамика, традиции которой восходят к одинцовской культуре. Но в погребальном обряде автор не видит местных корней (Романцова В. Д., 1983, с. 93).

Т. Н. Троицкая и Е. М. Черноскутов в работе, посвященной результатам исследования кургана на могильнике Юрт-Акбалык 4, опубликовали небольшой материал, среди которого выделяется бронзовое зеркало с изображением крылатого хищника (Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М., 1984). На основании анализа изображения на зеркале исследователи пришли к выводу о том, что зеркало датируется не ранее IX в. Для датировки же самого кургана полученного материала, по их мнению, недостаточно (Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М., 1984, с. 134).

А. П. Уманский, публикуя материалы исследований в урочище Раздумье (Уманский А. П., 1987), выделил среди могил Раздумья 1 погребения, относящиеся к XIII - XIV вв. без определенной этнической привязки (Уманский А. П., 1987, с. 93).

Обобщая различные точки зрения на те небольшие материалы первой половины II тыс. н. э. из Новосибирского Приобья, накопленные к середине 80-х годов, отметим следующие основные проблемы. Прежде всего это проблема датировки памятников. У исследователей не сложилось единой точки зрения на хронологию памятников этого периода. Так, В. Д. Романцова датирует в пределах XI - XIII вв. городища Седова Заимку, Умну 4, Крутоборку 2, поселение Ордынское 5 (Романцова В. Д., 1976, с. 132) и курганный могильник Седова Заимка 2 (Романцова В. Д., 1983, с. 93). В. И. Соболев этим же временем датирует городище Каменушка 1 (Соболев В. И., 1979, с. 80), а поселение Ордынское 5 считает более ранним и относит его к X - XI вв. (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 174). Однако, Т. Н. Троицкая датировала городище Каменушка 1 в пределах XIII - XIV вв. (Троицкая Т. Н., 1978, с. 117). Такое положение сложилось из-за отсутствия датирующих вещей на поселенческих комплексах.

В то же время в исследованных могильниках первой половины II тыс. н. э. в могилах отсутствовала керамика, которая не входила в обязательный погребальный инвентарь. Обоснованность же датировки Т. Н. Троицкой сосудов из Красного Яра 1 XIII - XIV вв. вызвало сомнение, так как в кургане, где они были найдены, ни в одной из могил не было хорошо датирующихся предметов. Поэтому о датировке

поселенческих комплексов приходилось судить предположительно, сравнивая их как с более ранними, так и с более поздними керамическими комплексами Приобья.

Из проблемы датировки памятников, где часто единственная категория инвентаря - это керамика, вытекает проблема разработки единой классификации всего керамического комплекса, позволяющего проследить возможные хронологические изменения в керамике для более точной и обоснованной датировки поселений и городищ в пределах первой половины II тыс. н. э. Предложенные классификации В. Д. Романцовой и В. И. Соболева не содержали критерий для датировки памятников в узких хронологических рамках.

Одной из проблем при изучении керамики первой половины II тыс. н. э. является проблема ее преемственности с керамикой верхнеобской культуры. В. Д. Романцова считала, что керамика памятников первой половины II тыс. н. э. продолжает традиции керамики конца I тыс. н. э., а некоторое отличие заключается в хронологических изменениях и контактах с тюркским миром (Романцова В. Д., 1976, с. 133). Эту точку зрения поддерживала и Т. Н. Троицкая (Троицкая Т. Н., 1978, с. 117). В. И. Соболев, напротив, связывал ее с приходом нового населения и полагал, что она аналогична материалам тюркских памятников (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 174).

Вторая из крупных проблем - это проблема единства материальной культуры населения Новосибирского Приобья в первой половине II тыс. н. э. Если единство керамического комплекса исследователи не подвергали сомнению, то особую трудность из-за отсутствия в могилах сосудов вызывала взаимосвязь могильников и поселений. Вводимые в оборот материалы не отвечали на вопрос о том, оставлены ли могильники и поселения одной этнической группой, а некоторое разнообразие погребального обряда объясняется хронологическими рамками, или в Новосибирском Приобье наблюдалось чересполосное проживание различных племен. Не ясна была и взаимосвязь материальной культуры с одновременными памятниками соседних территорий, их общие черты и отличия.

Одна из основных проблем в средневековой археологии Западной Сибири - это проблема этнической интерпретации исследованных памятников. По этому вопросу точки зрения были самыми разнообразными. От угро-самодийской местной основы (Романцова В. Д., 1976, с. 133) до появления в Новосибирском Приобье монгольского влияния или самих монголов (Троицкая Т. Н., 1978, с. 117), или татаро-монголов (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, с. 162).

Рассматривая культуру населения Новосибирского Приобья в X - XII вв., нельзя обойти вниманием развитие взглядов на сrostкинскую культуру, тем более, что ее хронологические рамки расширены и включают теперь начало II тыс. н. э. Историкография сrostкинской культуры частично уже рассматривалась (Неверов С. В., 1980; 1988 б), поэтому остановимся только на основных моментах.

Сrostкинский этап в развитии древних культур Алтая был выделен М. П. Грязновым в 1930 г. Этот этап, датирующийся VII - X вв., был оставлен, по мнению М. П. Грязнова, культурой кочевников-конников, очень сходной с культурой предшествующей эпохи (Грязнов М. П., 1930, с. 9).

С. В. Киселев, опираясь на материалы Сrostкинского могильника, повторил основные положения работы М. П. Грязнова, но пересмотрел хронологию и датировал сrostкинские курганы первой группы IX - X вв. (Киселев С. В., 1951, с. 553). Отметив отличие сrostкинских погребений от горно-алтайских, он подчеркнул местные корни сrostкинского этапа (Киселев С. В., 1951, с. 552, 557).

М. П. Грязнов переименовал сrostкинский этап в сrostкинскую культуру, к которой были отнесены погребения на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1950, с. 14), он отметил, что племена сrostкинской культуры до IX - X вв. занимали на Алтае

менее обширную территорию, а затем вытеснили с правобережья Оби древнее оседлое население (Грязнов М. П., 1950, с. 15). В монографии, посвященной исследованиям на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1956, с. 145-152), им был дан развернутый анализ сrostкинской культуры. Отмечено, что на Алтае она является продуктом местного развития. В VIII в. сrostкинцы распространились из Алтая на север, сменив прежнее население этих районов (Грязнов М. П., 1956, с. 151). В дальнейшем М. П. Грязновым было выделено четыре локальных варианта сrostкинской культуры: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский, кемеровский (Грязнов М. П., 1960, с. 34).

А. А. Гаврилова отметила, что сrostкинский тип отражает тесную связь с катандинским, что объясняется их хронологической близостью. Сrostкинская культура, по ее мнению, сложилась вне Алтая и связывается с уйгурами (Гаврилова А. А., 1965, с. 72). К четырем локальным вариантам культуры, выделенным М. П. Грязновым, был добавлен пятый - горно-алтайский (Гаврилова А. А., 1965, с. 72).

В целом ряде вышедших в семидесятые годы работ Д. Г. Савинов рассматривал различные аспекты сrostкинской культуры. Не согласившись с А. А. Гавриловой в вопросе о выделении горно-алтайского варианта, он рассматривает восточно-казахстанские памятники как, несомненно, сrostкинские. Заметив, что область распространения памятников сrostкинской культуры и страны кимаков совпадает, он сделал вывод, что сrostкинская культура - археологическая культура кимаков (Савинов Д. Г., 1973, с. 191). Датировав сrostкинскую культуру IX - X вв. и отметив, что определенную роль в ее формировании сыграли уйгуры, Д. Г. Савиновым была высказана точка зрения, что нужно говорить не о сrostкинском типе могил, а о сериях вещей сrostкинского типа (Савинов Д. Г., 1974, с. 5). Причем, несмотря на то что сrostкинская культура заканчивает свое существование на рубеже I и II тысячелетий н. э., многие предметы сrostкинского комплекса продолжают существовать и в начале II тыс. н. э. (Савинов Д. Г., 1974, с. 8). Чуть позднее к четырем вариантам сrostкинской культуры, выделенных М. П. Грязновым, он добавляет восточно-казахстанский и западно-алтайский (Савинов Д. Г., 1976, с. 104). По его мнению, сrostкинская культура, широко позднее распространяясь, теряет свое этническое содержание и становится общераспространенной в пределах кимако-кыпчакского объединения (Савинов Д. Г., 1979, с. 61).

Точка зрения Д. Г. Савинова встретила возражения В. А. Могильникова, подробно остановившегося на различиях в погребальном обряде кимаков Прииртышья и степных предгорий Алтая и сrostкинской культуры, локализованной им в лесостепном Приобье и Прииртышье, у кромки южной тайги (Могильников В. А., 1979, с. 59). Подчеркнуты различия между ними и неправомочность объединения их в одной культуре. В то же время сrostкинская культура рассматривается как многокомпонентная, образовавшаяся в значительной мере при участии кимаков, местного самодийского и в меньшей степени угорского субстратов. Различные варианты сrostкинской культуры объясняются различной степенью участия этих компонентов (Могильников В. А., 1979, с. 59). В 1981 г. В. А. Могильников, как прежде, отделил кимаков от сrostкинской культуры, выделил в последней три этапа: VIII - IX, IX - X и XI - начало XIII вв. (Могильников В. А., 1981, с. 45).

В восьмидесятые годы вышел ряд статей, посвященных конкретным памятникам сrostкинской культуры: в Барабинской лесостепи (Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., 1981; Молодин В. И., Елагин В. С., 1984; Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А., 1988; Бородовский А. П., Новиков А. В., 1988; Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Полосьмак Н. В., Беланов П. И., 1988), отмечены связи и сосуществование на одной территории сrostкинской культуры и местного населения горносталевакского этапа потчевашской культуры (Молодин В. И., Елагин В. С., 1984,

с. 127). В Алтайском крае у с. Грязново (Могильников В. А., Неверов С. В., Уманский А. П., Шемякина А. С., 1980), на р. Алей (Уманский А. П., Неверов С. В., 1982), Змеевском могильнике (Неверов С. В., 1982). Д. Г. Савинов, рассмотрев изображения сибирских реалий на половецких каменных изваяниях, пришел к выводу, что из районов распространения сrostкинской культуры геометрическая орнаментация в предмонгольское время проникла в Туву и Минусинскую котловину. А кыпчакские племена приняли участие в сложении культуры Южной Сибири (Савинов Д. Г., 1984 б, с. 120).

В обобщающей монографии Д. Г. Савинов выделил четыре варианта сrostкинской культуры: североалтайский, западноалтайский, кемеровский, новосибирский (Савинов Д. Г., 1984 а, с. 109-112). Складывание сrostкинской культуры происходило на основе памятников катандинского типа VII - VIII вв. с сильным влиянием культуры восточно-казахстанских племен (Савинов Д. Г., 1984 а, с. 112). Как и прежде, сrostкинская культура рассматривается им как государственная культура, получившая наибольшее распространение в границах созданного кимаками этносоциального объединения (Савинов Д. Г., 1984 а, с. 118).

Д. Г. Савиновым был рассмотрен ажурный стиль в искусстве степной Евразии (Савинов Д. Г., 1987). Им намечена одна из возможных линий развития ажурного стиля, идущая от хуннов через таштыкскую, а возможно, и верхнеобскую культуру к раннесредневековым кыпчакам и от них к огузопеченегам (Савинов Д. Г., 1987, с. 89). Отдельные украшения в ажурном стиле начала II тыс. н. э. свидетельствуют о расселении их носителей и участие кыпчакского компонента в сложении местных культур (Савинов Д. Г., 1987, с. 88).

Скульптурные изображения рыб в памятниках сrostкинской культуры рассмотрены Ю. А. Плотниковым (Плотников Ю. А., 1987). Автор пришел к выводу, что погребения женщин с фигурками рыб и мужчин с тремя конями принадлежат правящему дому, по-видимому, йемекам (Плотников Ю. А., 1987, с. 115).

Три этапа тюркизации Среднего и Томского Приобья, занявшие продолжительный период, были выделены Л. М. Плетневой. На втором этапе в IX - X вв. отмечено проникновение населения сrostкинской и кыргызской культур (Плетнева Л. М., 1987, с. 98-99).

В. А. Могильников, рассмотрев погребальный обряд памятников кулундинской степи, выделил погребения с конем в грунтовой яме, характерные для кимаков или тюрок с Горного Алтая. Погребения же с чучелом или шкурой коня свидетельствуют о смешении пришлого тюркского и местного угросамодийского населения (Могильников В. А., 1988, с. 66). Единичные погребения в подбоях рассматриваются Д. Г. Савиновым (Савинов Д. Г., 1984 а, с. 93), как проникновения уйгурских этнических элементов. Наличие же в подбойных захоронениях шкуры коня показывает смешение уйгуров с кимаками (Могильников В. А., 1988, с. 66). В то же время, М. В. Мороз, рассмотрев погребальный обряд захоронения умершего со шкурой коня в сrostкинской культуре, пришла к выводу, что этот обряд принадлежит пришлому уйгурскому населению (Мороз М. В., 1988, с. 44).

Еще одна точка зрения на сrostкинскую культуру принадлежит С. В. Неверову, который считает, что традиции погребального обряда сrostкинской культуры восходят к традициям одинцовской культуры (Неверов С. В., 1988 б; 1990; 1991). Подобную точку зрения высказали еще в 1984 г. новосибирские археологи (Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А., Бородовский А. П., 1984, с. 126). Отделяя от сrostкинцев погребальные памятники с захоронением коня, которые, по мнению автора, оставлены тюрками Горного Алтая, погребения со шкурой коня - кимако-кыпчакскими племенами, трупосожжение - погребения средневековых хакасов, собственно сrostкинскими С. В. Неверов считает памятники с захоронениями отдельных труположений.

Отмечая, что сrostкинская культура принадлежит самодийскому (или угро-самодийскому) этносу (Неверов С. В., 1980, с. 172), С. В. Неверов предлагает считать сrostкинскими только памятники Верхнего Приобья VII - XII вв., не распространяя этого названия на памятники кимаков и других этнических групп (Неверов С. В., 1988, с. 197).

В XI - XII вв., заняв районы лесостепи Алтая, кыпчакские племена ассимилировали население сrostкинской культуры, которое восприняло погребальный обряд и материальную культуру пришельцев, что свидетельствует об окончании процесса тюркизации изучаемых племен. В XI - XII вв. количество сrostкинских памятников уменьшается, и уже в начале XIII в. они неизвестны (Неверов С. В., 1990, с. 173).

В развитие взглядов В. А. Могильникова на хронологию сrostкинской культуры (Могильников В. А., 1981, с.45) С. В. Неверовым была предложена более дробная хронология. Памятники делятся на два периода - ранний (конец VII - середина IX вв.) и поздний (середина IX - XII вв.). В раннем периоде выделяются этапы: инский (конец VII - VIII вв.) и гоньбинский (первой половины IX в.). В позднем периоде этапы: грязновский (второй половины IX - первой половины X вв.) и шадринцевский (второй половины X - XII вв.) (Неверов С. В., 1991, с. 182).

С такой протяженной датой существования сrostкинской культуры не согласился Д. Г. Савинов, который в своей обобщающей монографии памятники VII - VIII вв., не содержащие характерный для сrostкинской культуры комплекс предметов сопроводительного инвентаря, не считает сrostкинскими, они отражают проникновение отдельных групп населения с культурой тюркского (катандинского) типа из более южных районов Саяно-Алтая. Причем, по его мнению, часть этого населения не была впоследствии ассимилирована сrostкинцами (Савинов Д. Г., 1994, с. 90). Верхней датой сrostкинской культуры Д. Г. Савинов считает 30 гг. XI в., когда с распадом кимаковского объединения завершается существование сложившейся в рамках данного объединения археологической культуры (Савинов Д. Г., 1994, с. 91).

Несколько пересмотрев свою точку зрения, Д. Г. Савинов отметил, что на современном этапе изучения следует все же раздельно рассматривать археологические памятники Прииртышья, идентифицируемые с собственно кимаками, и памятники сrostкинской культуры, оставленные племенами, входившими в состав кимако-кыпчакского этносоциального объединения (государства) (Савинов Д. Г., 1994, с. 77). Формирование локальных вариантов сrostкинской культуры явилось результатом синтеза местных и пришлых компонентов: в северо-алтайском - алтае-телеский и, возможно, уйгурский; в западно-алтайском - алтае-телеский и кыргызский; в кемеровском - также алтае-телеский с преобладанием кыргызского; в новосибирском - алтае-телеский с преобладанием местных элементов (Савинов Д. Г., 1994, с. 100, 101).

С отличной точкой зрения выступил А. М. Илюшин, который предложил отказаться от понятия сrostкинская археологическая культура, считая, что под этим понятием механически объединяются культурные традиции многочисленных племен и народов, сосуществующих и сменяющих друг друга на разных территориях этого обширного региона (Илюшин А. М., 1996, с. 19). По его мнению, отказавшись от выделения средневековых археологических культур, наиболее плодотворным является подход этноархеологический, позволяющий отождествлять памятники с конкретными этнонимами (Илюшин А. М., 1996, с. 19, 20). Подобный подход А. М. Илюшин использовал в своей монографии, посвященной средневековым курганам кочевников долины реки Бачат. Отметив, что появление могильников Беково и Шанда связано с приходом на эти земли тюркоязычных кочевников под эгидой кыпчаков, был сделан вывод о тождественности их "теленгута́м", которые являются непосредственными

предками бочатских телеутов (Илюшин А. М., 1993, с. 39-42).

Таким образом, в решении проблем формирования и хронологии сrostкинской культуры сложились следующие основные точки зрения М. П. Грязнова, считающего, что сrostкинцы сложились на Алтае, а в IX - X вв. вытеснили с Оби древнее, верхнеобское население.

Д. Г. Савинова, датирующего культуру IX - нач. XI вв. и отмечающего, что она сложилась на основе памятников катандинского типа VII - VIII вв. с сильным влиянием культуры восточноказахстанских племен. В сrostкинскую культуру входили многочисленные племена кимакского этносоциального объединения.

В. А. Могильников локализовал сrostкинскую культуру в лесостепном Приобье и Прииртышье, датировав ее VIII - началом XIII вв. Культура рассматривается им как многокомпонентная, сложившаяся при участии кимаков и самодийского или угорского субстратов.

С. В. Неверов, датировав сrostкинскую культуру VII - XII вв., считает, что она распространена только в Верхнем Приобье. Сложилась она на базе одинцовской и принадлежит самодийскому (или угро-самодийскому) этносу.

Таким образом, для разрешения или, по крайней мере, проблемного сдвига в позднесредневековой археологии Новосибирского Приобья было явно недостаточно той степени изученности археологических памятников, которое имело место до середины семидесятых годов.

Поэтому с 1978 г. автор проводит самостоятельные исследования на памятниках Новосибирского Приобья. Обобщению накопленного за эти годы материала, относящегося к X - XIV вв., и посвящена данная работа.

Создание данной работы было бы невозможно без самоотверженного труда студентов-историков Новосибирского государственного педагогического университета, школьников города Новосибирска, деливших с автором трудности полевой работы. Автор благодарен Т. Н. Троицкой, [Е. А. Сидорову], А. В. Матвееву, В. Д. Романцовой предоставивших свои неопубликованные материалы.

Остеологические определения выполнены И. Е. Гребневым, иллюстрации Г. Ю. Хрисонопуло, Н. Ю. Адамовой и автором.

ГЛАВА II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД.

Погребальный обряд населения Новосибирского Приобья X - XIV вв. представлен значительным количеством могильников и погребений. Хронологически памятники укладываются в два периода: X - XII и XIII - XIV вв. К X - XII вв. относятся пять могильников, но только четыре исследовались, и в них выявлено 27 погребений. К XIII - XIV вв. относятся десять могильников, исследовались девять, и в них выявлено 81 погребение. Целесообразно рассмотреть погребальный обряд населения Новосибирского Приобья раздельно по этапам. Это поможет выявить характерные особенности погребального обряда каждого хронологического периода, проследить тенденцию развития погребального обряда на протяжении столетий. А также детально проследить сходство и отличие с могильниками соседних территорий в различные периоды.

Остановимся на характерных чертах погребального обряда могильников X - XII вв.

Березовый остров 1. Исследовано восемь (один курган имеет двойную нумерацию) курганов с 17 погребенными. Погребальный обряд характеризуется следующими чертами: захоронения производились под курганными насыпями округлой (62,5%) формы диаметром от 5,5 до 10 м и овальной (37,5%) формы размером до 10 x 13 м. В насыпях зафиксированы прокалы (37,5%) и кости животных (12,5%), очевидно, это следы тризн. Под курганами находилось от одной (62,5%) до шести могил. Многомогильные курганы при подзахоранивании досыпались и поэтому имеют удлиненную, овальную форму.

Погребенные лежат в могильных ямах различной глубины, причем последняя не зависит от возраста погребенного, есть глубокие детские могилы и неглубокие взрослых мужчин. В четырех случаях (23,5%) сохранилось перекрытие могилы жердями, в одной могиле на жерди был положен слой бересты. В двух (11,8%) костяки были завернуты в бересту, в одном (5,9%) детском погребении, возможно, был гроб. Как правило, погребения одиночные (94,1%), но встречено и одно групповое (4 костяка). Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища. Они ориентированы головой на СВ или В (82,4%), две (11,8%) ограбленные могильные ямы ориентированы по линии СВ-ЮЗ. С двумя скелетами (11,8%) была положена погребальная пища, от которой сохранились кости животных. В одной могиле (5,9%) находился глиняный сосуд, обломки другого обнаружены в насыпи кургана. Один погребенный (5,9%) сопровождался захоронением лошади. Целый костяк взнузданного коня лежал в отдельной могиле с правой стороны от человека и был ориентирован от него в противоположную сторону.

Высокий борок. В двух курганах выявлено три детских погребения. Два погребения (курган 13) находились под вытянутой насыпью, присыпанной к более раннему кургану. Погребенные лежат в могильных ямах, на спине, вытянуто, головой на СВ. Один ребенок был положен в деревянный ящик с крышкой, перекрытой берестой. В другой могиле сохранились остатки продольного перекрытия, сверху закрытого берестой. Видимо, это погребение является вторичным, так как часть костей сдвинута. В насыпи кургана над погребенными выявлены остатки сожженного деревянного поминального сооружения и прокалы. Еще одно детское погребение было впускным в курган 15. От него сохранились только остатки черепа и украшения.

Крохалевка 13. Курган диаметром 7 м был окружен ровиком. Под насыпью выявлено четыре погребения. В насыпи кургана найдены кости животных - следы тризны. Три одиночных погребения взрослых располагались в неглубоких могильных ямах, одно детское - в насыпи кургана. Погребенные лежат на спине, вытянуто, три ориентированы головой на В, одно на СВ. Два погребенных были завернуты в бересту.

Быстровка 1. В кургане размером 19 x 16 м, под насыпью выявлен подквадратной ровик с разрывом на С. Обнаружено два погребения в могильных ямах, одно на уровне материка. Погребения одиночные, два костяка лежали на спине, вытянуто, головой на ССВ. Один завернут в бересту, в одной могиле найдена погребальная пища (крестец барана). Еще одна разграбленная могила ориентирована по линии СВ - ЮЗ, в ней вместе с человеком было положено чучело коня и глиняный сосуд.

При анализе погребального обряда могильников X - XII вв. Новосибирского Приобья (Березового острова 1, Крохалевка 13, Высокого борка, Быстровка 1) ясно выступают черты их близкого сходства (табл. 24). Прежде всего, это курганные могильники. Они располагались в пойме на возвышающихся останцах (Березовый остров 1, Высокий борок, Батуринский Мыс) или на краю надпойменной террасы (Крохалевка 13, Быстровка 1). Курганные насыпи, как правило, довольно крупные, диаметром от 7 м, скорее всего, возводились из дерновых блоков. В курганах от одного (50%) до шести погребений. В последних случаях насыпи досыпались и имели удлиненную форму. В насыпях довольно часто прослеживаются следы тризн (50%), это прокалы, реже - скопления костей животных. Часть курганов окружены ровиками (16,7%). Как правило, погребения одиночные (96,3%), в могильных ямах (92,6%), редко в насыпи. Костяки лежат на спине, вытянуто, головой на СВ или В (81,5%).

Прослеживаются остатки берестяных чехлов (18,5%) и перекрытие могилы жердями (22,2%). Иногда с костяком в могилу помещали погребальную пищу (11,1%). Одна из характерных черт обряда - редкое включение в сопровождающий инвентарь сосудов (7,4%). Так же редки погребения вместе с человеком целого коня или только черепа и костей конечностей (7,4%).

Сравним характерные черты погребального обряда X - XII вв. с погребальным обрядом населения конца I тыс. н. э. Новосибирского Приобья. Здесь во второй половине I тыс. н. э. прослеживается непрерывное развитие верхнеобской культуры. С V по X вв. выделяются три последовательно сменяющихся этапа (Троицкая Т. Н., 1992). В погребальном обряде верхнеобцев с течением времени наблюдаются изменения. Если для V - VII вв. ведущим является обряд труположения, то с VIII в. получает распространение обряд трупосожжения, который с IX в. становится ведущим (Троицкая Т. Н., 1991; 1994, с. 224). Не редкость и в верхнеобских могилах сосуды (Троицкая Т. Н., 1977, с. 123). Ориентация могильных ям с трупосожжением в могильниках конца I тыс. н. э. Умна 3 и Каменный Мыс преимущественно по линии СЗ - ЮВ (Троицкая Т. Н., 1977, с. 125).

Отсутствие каких-либо признаков трупосожжения, редкость включения в погребальный инвентарь сосудов, ровики, окружающие курганы, другая ориентация могильных ям в погребальном обряде Новосибирского Приобья X - XII вв. не позволяют видеть преемственности с погребальным обрядом верхнеобской культуры конца I тыс. н. э.

В то же время основные черты погребального обряда X - XII вв. Новосибирского Приобья присущи сrostкинским могильникам Верхней Оби IX - X вв. и прежде всего, могильникам Ближние Елбаны VI, VII (Грязнов М. П., 1956), Грязново

(Могильников В. А. и др., 1980), Кучук 1 (Шамшин А. Б. и др., 1992). Общими чертами являются: курганные насыпи, ровики вокруг курганов, как правило, одиночные погребения в могильных ямах, вытянутое положение погребенного головой на СВ или В, использование в погребальном обряде бересты, почти полное отсутствие в могилах посуды, погребальная пища (кости животных), редкость положения коня с человеком.

Безусловно, погребения X - XII вв. Новосибирского Приобья относятся к сrostкинской культуре, тем более, что хронологические рамки сrostкинской культуры расширены, и исследователи включают в нее и памятники начала II тыс. н. э. (Могильников В. А., 1981, с. 45; Неверов С. В., 1991, с. 182).

Могильников, датирующихся началом II тыс. н. э. на Верхней Оби немного: Змеевский (Неверов С. В., 1982, с. 100-121) и Ближние Елбаны V, VIII, передатированные С. В. Неверовым (Неверов С. В., 1988 а, с. 17; 1991, с. 182). Эти могильники имеют погребальный обряд, аналогичный памятникам Новосибирского Приобья, продолжающий традиции сrostкинской культуры Верхней Оби второй половины I тыс. н. э., что вполне согласуется с мнением С. В. Неверова, считающего, что на Верхней Оби продолжает существовать в начале II тыс. н. э. сrostкинское население (Неверов С. В., 1991, с. 182).

В Кузнецкой котловине к началу II тыс. н. э. относятся могильники Шанда (Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., 1991; 1992; Илюшин А. М., 1993), Беково (Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., 1993; Илюшин А. М., 1993) и часть курганов Ур-Бедари, один из которых №30 (Елькин М. Г., 1970). Все эти памятники объединяет схожий обряд погребения: курганные насыпи с кольцевым ровиком, грунтовые могилы, погребенные на спине вытянуто, головой чаще всего на В, использование бересты, в могилах часто встречается погребальная пища и отсутствуют сосуды. Часто погребенных сопровождают костяки коней, ориентированные в противоположную сторону. Костяки лошадей найдены в отдельных могильных ямах, а в Ур-Бедари вместе с погребенным.

Эти характерные черты очень близки одновременным им могильникам Новосибирского Приобья. Хотя здесь, как и на Верхней Оби, в отличие от памятников Кузнецкой котловины редки захоронения человека с конем. Однако в могильнике Березовый остров 1 известно погребение целого коня в отдельной могиле, как в Беково и Шанда, а в Быстровке 1 в одной могиле находился погребенный и чучело лошади, как в погребении 1 кургана 30 могильника Ур-Бедари.

В Томском Приобье одновременны нашим могильники Усть-Киндинский (Чиндина Л. А., 1992), Еловский (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970) и основная часть погребений Басандайского (Басандайка, 1948). Погребальный обряд Еловского и Усть-Киндинского могильников близок обряду памятников Новосибирского Приобья, отличаясь только частым погребением с человеком коня, что сближает их с могильниками Кузнецкой котловины. Небольшое смещение ориентировки в этих могильниках к северу (в Еловском в 3 погребениях ориентация на СВ, в 1 - на С и в 2 - на СЗ, а в Усть-Киндинском только на ССЗ) вряд ли имеет принципиальное значение. Басандайский могильник гораздо ближе по погребальному обряду памятникам как Новосибирского Приобья, так и памятникам верховьев Оби, отличаясь лишь своей устойчивой южной ориентировкой.

Ниже по Оби в Тяголовском могильнике первой половины II тыс. н. э. черты погребального обряда представлены как грунтовыми могилами под курганными насыпями, так и без насыпей, встречены и наземные погребения под насыпями. Основной обряд погребения - ингумация, но встречена и кремация в виде поверхностного обжигания. Погребальные сооружения представлены ящиками из

плах или бревен. В могилах обязательно находился сосуд (Боброва А. И., Петрова Н. В., 1993, с. 112).

В Нарымском Приобье в могильнике XII - XIII вв. Бедеровский Бор III погребенные находились в грунтовых могилах, западины от которых фиксировались на поверхности. Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на СВ и В. В погребальный инвентарь входили сосуды (Березовская Н. В., 1992).

В Барабинской лесостепи известны могильники, датирующиеся началом II тыс. н. э. Это Венгерово VII и Осинцево IV (Савинов Д. Г., 1988). Погребальный обряд могильников, несмотря на отдельные черты сходства (курганные насыпи и ровики в курганах), все же весьма отличается от сросткинских с Верхней Оби. Погребенные захоронены, как правило, не в могильных ямах, а на уровне древней поверхности, ориентированы на запад, встречено трупосожжение. На месте захоронения возводились деревянные конструкции, которые сжигались. Как считает автор, население, оставившее данные курганы, местное, в своей основе воспринявшее ряд южных элементов (Савинов Д. Г., 1988, с. 112).

В Таежном Прииртышье достаточно полно исследован погребальный обряд усть-ишимской культуры, для которого характерны курганные могильники. Насыпи курганов содержали остатки кострищ, кости животных и наборы вещей. Погребенные захоранивались по обряду трупоположения, как в могильных ямах, так и в насыпях курганов, ориентация неустойчивая. Характерной чертой является помещение сосуда в могилу и отсутствие костей животных (Конилов Б. А., 1993, с. 112-120).

Таким образом, в Новосибирском Приобье, на Верхней Оби, в Кузнецкой котловине и Томском Приобье в начале II тыс. н. э. проживало население, имеющее очень близкий погребальный обряд. Однако проявляются и локальные различия: в большем проценте погребений с человеком коня в Кузнецкой котловине, в Еловском и в Усть-Киндинском могильниках из Томского Приобья, или в южной ориентировке Басандайского могильника. Сходный погребальный обряд продолжает здесь традиции сросткинского погребального обряда Верхней Оби второй пол. I тыс. н. э. В то же время он отличен от погребального обряда верхнеобской культуры конца I тыс. н. э. с его господством трупосожжения.

Погребальный обряд могильников XIII - XIV вв. характеризуется следующими чертами.

Ю р т - А к б а л ы к 4. В кургане диаметром 7,8 м выявлено одно погребение мужчины, лежащего в могильной яме, на спине, головой ориентированного на ССВ. Вокруг могилы выявлен ровик, заполненный сажей.

К р у т о б о р к а 2. По незначительным остаткам можно только сказать, что погребение было под курганной насыпью. Вместе с костяком было положено чучело коня, череп и кости ног. Конь ориентирован головой на СВ, вместе с ним была положена конская сбура.

К р а с н ы й Я р 1. Курганы диаметром от 3 до 7 м и высотой от 0,15 до 0,5 м. В насыпи одного кургана погребение хищника (собаки?), в насыпи кургана 33 развал сосуда. Еще два сосуда XIII - XIV вв., стоящие вверх дном на угольном пятне, встречены в кургане 17-18, однако связать с ними какое-либо погребение сложно (Троицкая Т. Н., 1978, с. 106). Под насыпью кургана, как правило, одна могила (92,3%). Погребенные в могильных ямах, на спине, вытянуто, головой на СВ и В (78,6%). Два костяка ориентированы головой на ЮЗ и ЮВ. Все погребения одиночные. В четырех могилах (28,6%) прослеживаются остатки деревянного перекрытия. Одно погребение вторичное.

В ы с о к и й б о р о к. Двенадцать курганов XIII - XIV вв. имели насыпи

диаметром от 3 до 6,6 м. В десяти курганах по одному погребению (83,3%) и только в двух по два. Насыпи содержали следы тризн (41,7%); кости животных (16,7%), прокалы (25%), в двух курганах (16,7%) в насыпи находились сосуды. В одном кургане раскопано погребение хищника (собаки?), в пяти выявлены ровики (41,7%). Погребения одиночные, в могилах (92,9%), кроме одного детского, расположенного в насыпи. Костяки лежат на спине, вытянуто. Десять ориентированы головой на СВ и В (71,4%), один - на С, а два - на З и ЮЗ. Одна ограбленная могильная яма была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В трех погребениях (21,4%) прослеживалось деревянное перекрытие могилы, четверо погребенных были завернуты в бересту (28,6%), два лежали в колодах (14,3%). В двух могилах с человеком было положено чучело коня (14,3%). Конь лежал слева от погребенного, ориентированный в ту же сторону. В кургане 12 к СВ от центральной могилы было выявлено сожженное поминальное сооружение.

Седова Заимка 2. Девять курганов диаметром от 4 до 7 м содержали от одной (55,6%) до двух (22,2%) могил. Под двумя насыпями могил не оказалось. Насыпи содержали следы тризн (77,8%). В большинстве курганов (88,9%) выявлен ровик. В одном из курганов в ровике находился сосуд. Погребения одиночные, в могильных ямах (100%). Костяки лежали на спине, головой на СВ, с отклонениями к С и В (55,6%). Из четырех ограбленных могил две ориентированы по линии СВ-ЮЗ и две - З-В. В могилах выявлены остатки деревянного перекрытия (77,8%), следы бересты (77,8%).

Ельцовский 1. Курганы диаметром от 5,5 до 12 м. В насыпях встречены прокалы (18,8%) и кости животных (50%), в основном это черепа и нижние челюсти лошадей. В насыпи одного кургана встречено сожженное поминальное сооружение из досок с двумя сосудами. В трех курганах сохранился помост из дерева и бересты над могилой. В курганах, как правило, по одному погребению (93,8%). В 15 курганах погребенные лежат в могильных ямах (94,1%), одном - в насыпи. Погребения одиночные. Курганы основательно ограблены. В четырех погребениях удалось установить, что костяки лежали на спине, вытянуто, два погребения по смещенным костям можно определить как вторичные. Погребенные ориентированы головой на В (2 могилы), СВ (1 могила), ЮЗ (2 могилы), СЗ (2 могилы). Три могильные ямы ориентированы по линии З-В. Шесть - по линии СВ-ЮЗ и одна - по линии СЗ-ЮВ. В четырех погребениях прослежено перекрытие из жердей (23,5%). Один костяк лежал в колоде (5,9%), сверху закрытой берестой, один в деревянном гробу (5,9%), детское погребение завернуто в бересту. В четырех случаях с погребенным была положена лошадь (23,5%). Целый костяк коня лежал в отдельной могиле справа от человека, ориентированный в противоположную сторону. В трех погребениях череп и кости конечностей коня находились вместе с костяком человека в одной могильной яме.

Усть-Алеус 7. Одиннадцать погребений относятся к XIII - XIV вв. (№ 1-7, 11-14). Авторы описывают могильник как грунтовый (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979), однако не исключено, что он был курганным, так как часть могил потревожена (ограблены). Над одной из могил прослеживался прокол. Погребения одиночные. Для четырех установлено, что костяки лежали на спине вытянуто. Девять погребенных ориентированы головой на СЗ (81,8%), два на ЮВ. В пяти могилах обнаружены остатки деревянного перекрытия (45,5%), один погребенный был завернут в бересту (9,1%). В одной могиле (9,1%) вместе с человеком, справа от него, находился череп и кости конечностей лошади, ориентированные в противоположную сторону.

Раздумье 1. Наличие надмогильных сооружений не установлено, но учитывая большую степень разрушения памятника, возможно, они существовали. Погребенные лежат в могильных ямах на спине, вытянуто, головой на СВ (57,1%) и

ЮЗ (28,6%). Большинство могил перекрыто жердями (71,4%). Семь костяков в берестяных чехлах (100%), три из которых имели ладьевидную форму. В одно погребение была положена погребальная пища (14,3%).

Кротово 15. Курганы небольшие, диаметром от 4 до 5,5 м. В двух курганах в насыпях выявлены прокалы (50%), в двух - кости животных (50%). Под насыпью одно (25%) или два (75%) погребения. Все погребенные в могильных ямах. В шести могилах (85,7%) по одному костяку, в одной - два. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на В (5 могил), СВ (2 могилы). Все могилы перекрывались деревянным настилом. В парном захоронении один из погребенных лежал в лодке, другой в колоде. Четыре костяка были завернуты в бересту. В одной могиле обнаружена погребальная пища (14,3%).

О погребальном обряде населения Новосибирского Приобья в XIII - XIV вв. мы можем судить с достаточной полнотой. В девяти могильниках исследовано 81 погребение.

Прежде всего по погребальному обряду наиболее близки друг другу такие могильники: Юрт-Акбалык 4, Крутоборка 2, Красный Яр 1, Высокий борок, Седова Заимка 2, Ельцовский 1, Раздумье 1, Кротово 15. Их характерные черты следующие (табл. 24): как правило, это небольшие курганные насыпи от 3 до 7 м в диаметре. В 44,6% курганов обнаружены следы тризн. Это прокалы (25%) и кости животных (33,9%). В насыпи 8,9% курганов обнаружены глиняные сосуды, а 23,2% имеют ровик. Большинство курганов одномогильные (80,4%). Погребенные находились в могильных ямах (94,3%), как правило на спине, в вытянутом положении, головой на СВ с отклонениями к В и С (60%). Еще 20% ограбленных могил ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Противоположную ориентацию - головой на ЮЗ и З имели 10% погребенных. В 42,9% могил выявлены остатки деревянного перекрытия, а в 34,3% - берестяные чехлы. 5,7% погребенных лежали в колодах, а с 10% был положен конь. Один целый костяк лошади находился в отдельной могиле, а остальные погребения с чучелом коня в одной могиле с человеком. Объединяет эти могильники и отсутствие глиняных сосудов в погребальном инвентаре. В двух могильниках Высокий борок и Ельцовский 1 выявлены идентичные поминальные сооружения. В насыпях курганов Высокого борка и Красного Яра 1 обнаружены погребения некрупного хищника (собаки?). В могильнике Кротово 15 выявлены погребения в лодках. Ладьевидные берестяные чехлы в Кротово 15 и Раздумье 1, скорее всего, не имитация лодок, а особенности конструкции чехлов. Чехлы в погребениях, похожие на лодки, выявлены в могильнике Малый Чуланкуль 1 (Малиновский В. Б., 1990, с. 212).

Могильник Усть-Алеус 7 по основным моментам погребального обряда близок остальным могильникам. Это, вероятно, курганы (?), они содержат следы тризн (прокал), могилы углубляются в материк, прослеживаются перекрытия могил деревом и берестяные чехлы. Одно погребение сопровождалось чучелом лошади. В могилах отсутствует посуда. Отличие же заключается в ориентации погребенных головой на СЗ, а два ориентированы в противоположную сторону, головой на ЮВ.

Сравнение погребального обряда могильников XIII - XIV вв. из Новосибирского Приобья с обрядом X - XII вв. показывает их несомненную идентичность (табл. 24). Сходство проявляется по таким чертам: на всем протяжении X - XIV вв. могильники курганные, в 50% курганов X - XII вв. и 44,6% XIII - XIV вв. в насыпи выявлены следы тризн. Это прокалы или кости животных. Общей чертой является и наличие ровиков, в X - XII вв. они имеются в 16,7% а в XIII - XIV вв. - 23,2% курганах. Погребенные, как правило, в могилах 92,6 и 94,3%, на спине, головой ориентированы на СВ с отклонениями в X - XII вв. 81,5%, а в XIII - XIV вв., если учитывать и

ориентацию ограбленных могильных ям, 80%. Погребенные, как правило, одиночные в X - XII вв. 96,3%, а в XIII - XIV вв. 98,6%. Несколько меньше процент в X - XII вв. могил с деревянным перекрытием 22,2 против 42,9% и берестяных чехлов 18,5 против 34,3%. Однако надо учитывать, что первые несколько древнее и в них дерево должно сохраняться хуже. Только у 7,4% могил X - XII вв. в погребальный инвентарь входили сосуды, в XIII - XIV вв. сосудов в могилах не выявлено. Редко встречаются и погребения человека вместе с конем или его чучелом: 7,4% в X - XII вв. и 10% в XIII - XIV вв. Причем целый костяк коня на обоих этапах располагался в отдельной могиле рядом с человеком, а чучела коней находились в одной могиле.

Погребения в лодках могильника Кротово 15, имеющие далекие аналогии в Лихачевском могильнике (Генинг В. Ф., Зданович С. Я., 1987, рис. 5), в могильнике Усть-Балык (Семенова В. И., 1985, с. 241), вряд ли говорят о проникновении сюда какой-то угорской или самодийской группы. Основные черты погребального обряда и инвентаря Кротово 15 не выделяют его среди других могильников.

Рассмотренные черты сходства показывают, что в XIII - XIV вв., в сравнении с X - XII вв., не происходит смены погребального обряда у основной группы населения Новосибирского Приобья. Ориентация погребенных в могильнике Усть-Алеус 7, не характерная для памятников X - XII вв. Новосибирского Приобья, показывает, что в XIII - XIV вв. сюда проникают отдельные группы нового населения, но судя по всему, близкородственного, так как по остальным признакам этот памятник идентичен Приобским могильникам.

Памятников монгольского времени в степном Алтае известно немного. Как отмечает С. В. Неверов, здесь к XIII в. прекращает свое существование сросткинская культура (Неверов С. В., 1991, с. 182). В могильнике Ближние Елбаны XIV костяки в могильных ямах, на спине, ориентированы головой на запад с отклонениями (Грязнов М. П., 1956, с. 155). Сходную ориентировку имел и погребенный из Кармацких курганов (Могильников В. А., 1992, с. 93). На ЮЗ ориентированы погребенные и в могильнике у с. Усть-Алейка (Кунгуров А. Л., 1991).

В могильнике Кудыргэ, на Алтае, погребенные хоронились под курганными насыпями из камня, в могилах, на спине, вытянуто, головой ориентировались на С. В одной могиле погребенный лежал в колоде (Гаврилова А. А., 1965, с. 45).

В Томском Приобье погребальный обряд характеризуется следующими чертами: это курганные могильники, в насыпях курганов встречена керамика и кострища. Погребения большей частью имеют могильную яму, основной способ погребения труположение, ведущая ориентация юго-восточная. Могилы перекрывались деревом, в них выявлены береста, дощатые гробы, рамы обкладки. Встречаются и захоронения чучела коня (Плетнева Л. М., 1990, с. 119, 120; 1994). В Басандайском могильнике, в хорошо датируемом XIII - XIV вв. кургане 42, находилось шесть погребений (Басандайка, 1948, табл. 53). В Астраханцевском в состав погребального инвентаря включались сосуды (Плетнева Л. М., 1987, с. 99).

Для Нарымского Приобья характерны курганы с несколькими погребениями. В курганах основной способ захоронения - наземный, в деревянных погребальных сооружениях с обязательным сосудом в могиле (Боброва А. И., 1992, с. 6). В Сургутском Приобье на сайгатинском этапе погребальный обряд характеризуется грунтовыми могильниками с четкими рядами могил и устойчивой ориентировкой и деревянными гробовищами-колодами. В могилах часто встречается посуда (Федорова Н. Е., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1991, с. 141, 142).

Погребения XIII - XIV вв. в Барабинской лесостепи известны в могильниках Туруновка 2, Садовка 2 (Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. П., 1990, с. 161),

Сопка 2 (Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Полосьмак Н. В., Беланов П. И., 1988, рис. 34,1; Молодин В. И., Соловьев А. И., 1995). Погребенные в углубленных в материк могильных ямах под курганными насыпями, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ-З и СВ. Довольно большой процент погребенных сопровождался сосудами. В трех могилах находились чучела лошадей.

На Южном Урале выделяются две группы курганов: с насыпью с применением камня и земляные курганы. Для первых характерны могильные ямы с перекрытием деревянными плахами или досками, преобладающая ориентировка головой на запад с отклонениями. В 16,6% могил вместе с погребенными находились целые остовы коня. Встречены дощатые гробы, ящики и колоды. Для погребения под земляными курганами характерны: простая форма могил, деревянными плахами и досками перекрыты более 40% могил. Более 10% погребенных сопровождалось погребением коня, в подавляющем большинстве это черепа и кости ног. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головами на З с отклонениями. Зафиксированы дощатые гробы, ящики и колоды. В обеих группах погребений в могилах редко встречается посуда (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, с. 45-47).

В Южной Сибири в XIII - XIV вв. распространены памятники каменного этапа аскизской культуры, для которых характерно трупосожжение на стороне с погребением на горизонте, под невысоким каменным курганом (Кызласов И. Л., 1981, с. 206).

Из вышперечисленного видно, что выделяется несколько регионов по погребальному обряду, резко отличающихся друг от друга. Это Сургутское Приобье с грунтовыми могильниками, с посудой в могилах. Для Нарымского Приобья характерны многомогильные курганы с наземными захоронениями, с сосудами. В Южной Сибири господствовал обряд трупосожжения. В Томском и Новосибирском Приобье, Алтае, Барабе, Южном Урале погребальный обряд весьма схож - курганные могильники с труположением, небольшое количество погребенных сопровождалось захоронением коня или его чучела и посудой в могилах. Различие же, прежде всего, проявляется в ориентации погребенных. Юго-восточная в Томском Приобье, северо-восточная в Новосибирском Приобье, северная на Алтае, западная и юго-западная в степном Алтае, Барабе, Южном Урале. Все это говорит о том, что здесь проживало родственное население, в составе которого в XIII - XIV вв. можно выделить ряд локальных вариантов.

Таким образом, в XIII - XIV вв. В Новосибирском Приобье по сравнению с X - XII вв. смены погребального обряда не произошло. Небольшое изменение прослеживается только в переходе от многомогильных курганов к индивидуальным. В XIII - XIV вв. погребальный обряд населения Новосибирского Приобья отличается от погребального обряда соседних территорий прежде всего СВ ориентировкой.

2. ПОМИНАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ.

В могильниках первой половины II тыс. н.э. выявлены остатки трех поминальных сооружений. Одно относится к X - XII вв., два к XIII - XIV вв.

К X - XII вв. относится сооружение из кургана 13 могильника Высокий борок. В насыпи кургана над одним из погребений выявлены остатки деревянной конструкции из бревен, жердей и досок. Здесь же прослеживались остатки берестяных полотнищ. Сооружение было сожжено, о чем свидетельствуют обожженные деревянные остатки. Конструкция была квадратной формы размером 3 x 3 м. Ориентирована углами по сторонам света. В нем найдены железные наконечники стрел, тесло и нож. Стрелы лежали двумя группами, остриями в разные стороны, между ними чуть больше 70

см. Скорее всего, стрелы находились в колчане. Точно так наконечники располагаются и в погребениях могильника Березовый остров 1.

К XIII - XIV вв. относятся сооружения из могильников Высокий борок и Ельцовский 1. В могильнике Высокий борок под насыпью кургана 12 выявлено два погребения. В центральном - костяк человека головой на СВ, с ним чучело коня. Вокруг кургана частично прослежен ровик. К СВВ от центрального погребения выявлено сооружение 1. В котлован глубиной до 31 см, трапециевидной формы была впущена деревянная рама из досок, плотно пригнанных к стенкам котлована. Ширина досок достигает 25 см при толщине 3 см. Доски располагались вертикально. Размеры сооружения: длина боковых сторон 2,33 и 2,36 м, СВ стенка - 1,7, а ЮЗ - 2,1 м. Доски внутри были обожжены, Внутри сооружения найдены остатки обугленных досок и бересты. Полукругом вдоль СЗ, ЮЗ, ЮВ стенок сооружения сохранились остатки девяти деревянных столбов. Сверху на 10-15 см до уровня материка они были обуглены, а в ямах глубиной от 32 до 60 см прослеживалась только труха. Заполнение сооружения - черная супесь с углем. В ней найден железный наконечник стрелы. Ровик, окружавший курган, примыкал к сооружению, а не был им перерезан. Конструкция из досок была возведена одновременно с центральным погребением, затем вокруг был вырыт ровик. Сооружение сожжено и расплывшейся курганной насыпью частично присыпано.

В кургане 14 Ельцовского 1 могильника находилось одно центральное, ограбленное погребение. В нем остатки человека и коня. Судя по костям, человек лежал головой на СВ, с ним чучело лошади. К СВ от погребения у края кургана остатки сооружения из досок, оно углублено в материк на 10 - 20 см. Сооружение подквадратной формы, хорошо сохранились три стороны, состоящие из досок шириной до 30 см. Его размеры 2,1 x 1,85 м. Сооружение сожжено, доски обуглены. В углах конструкции обнаружено два глиняных сосуда. Один стоял вверх дном. Кроме сосудов здесь найден железный нож, небольшая медная обкладка, скорее всего, от деревянного сосуда и полый цилиндр из кости.

Без сомнения, перед нами аналогичные по назначению конструкции. Их общие черты: подквадратной формы сооружения из дерева, связанные с погребениями. Конструкции сожжены. В них найден инвентарь. Особенно близки между собой сооружения XIII - XIV вв. Они из досок слегка углублены в материк. Располагались к СВ от погребений. В погребениях костяк ориентирован головой на СВ, с ним чучело коня. Конструкция X - XII вв. отличается только тем, что расположена над погребением. Погребенный, над которым она возведена, так же, как и в курганах с сооружениями XIII - XIV вв., был ориентирован головой на СВ.

Похожие на наши сооружения исследованы на памятнике Сопка 2. Это четырехугольные срубы из бревен которые сжигались. Однако связи с погребальными сооружениями не выявлено. В. И. Молодин считает их угорскими культовыми местами с захоронением иттерма (Молодин В. И., 1990; 1992).

Приобские сооружения связаны с погребальным обрядом. Взаимосвязь культовых сооружений с могильниками аналогична расположению древнетюркских поминальных оградок. Принадлежность четырехугольных каменных оград тюркам не вызывает сомнения у исследователей. Интересен и такой факт, что все чаще встречаются совместное расположение в едином комплексе поминальных оградок и погребений человека с конем в Саяно-Алтае (Овчинникова Б. Б., 1990, с. 8).

По результатам исследования на Алтае В. Д. Кубаревым были восстановлены основные черты поминального обряда тюрков Восточного Алтая. Оградка - это не что иное, как жилище, которое сооружалось из досок или жердей. Плиты, поставленные

на ребро, это основание жилища. Каменное изваяние устанавливалось у жилища и изображало самого умершего. По окончании поминок жилище сжигалось, изваяние разбивалось. Сгоревшее жилище, от которого оставалось только основание из каменных плит (оградка), сразу же забрасывалось камнями. Из предметов, найденных в алтайских оградках, чаще всего встречаются кости животных, железные ножи, предметы упряжи и вооружения, сосуды и зернотерки (Кубарев В. Д., 1984, с. 79-81).

Подобная реконструкция, конечно же, является идеальной моделью, которую не всегда воплощали в натуре строители тюркских оградок. Да и твердо установленных фактов к середине 80-х годов было немного. Но правомерность подобной реконструкции, кроме комплексов Новосибирского Приобья, подтверждается раскопанным на территории Кемеровской области сrostкинским погребально-ритуальным комплексом (могильник Калтышево, курган 1) второй пол. X - первой пол. XI в. Комплекс, окруженный глубоким рвом, представлял собой деревянное квадратное сооружение с длиной сторон 6,5 м, сложенное из бревен в 2-3 венца, которое было частично сожжено (Савинов Д. Г., 1994, с. 95). В Туве комплексом Сарыг-Булун, где была установлена восьмиугольная юрта, которая была затем сожжена (Кызласов Л. Р., 1969, с. 38, рис. 5). На Южном Урале в поминальном комплексе XIII в. Каменный Амбар II среди каменных оградок раскопано сожженное, деревянное, сооружение в виде квадратного одновенцового сруба, впущенного в неглубокий котлован (Костюков В. П., 1994, с. 144-146). К точке зрения В. Д. Кубарева близко мнение Д. Г. Савинова, который рассматривает обычные древнетюркские оградки по всей территории их распространения как упрощенную проекцию памятников типа храмовых комплексов тюркских каганов, существовавших в среде рядовых кочевников (Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 1994, с. 120).

Как мы видим, по основным чертам сооружения Новосибирского Приобья повторяют поминальные древнетюркские оградки. Они расположены на могильниках и связаны с погребениями. Сооружения XIII - XIV вв. возводились под курганами, где выявлены погребения человека с чучелом коня. Подквадратные конструкции, напоминающие жилища, строились здесь из дерева из-за отсутствия выходов камня. Судя по всему, ставились здесь и изображения умерших из дерева, от которых остались ямки с остатками сожженных столбов (поминальный комплекс Высокого борка). Аналогичен и инвентарь: наконечники стрел, ножи, сосуды. Связью с поминальным ритуалом объясняется и то, что в сооружении могильника Ельцовский 1 сосуд стоял вверх дном. Для традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири характерным является сопричастность перевернутого котла смерти, миру мертвых (Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С., 1988, с. 145). По окончании поминок, как и на Алтае, сооружения сжигались, уничтожались и деревянные идолы, а над комплексами возводили земляную насыпь.

О том, что поминальные конструкции возводились тюркским населением, свидетельствуют и погребения из курганов, где они находятся. В могилах вместе с человеком положены чучела коня. Подобный обряд, как считает Ю. С. Худяков, возник в уйгурской среде и был перенесен на другие территории в ходе переселения уйгуров (Худяков Ю. С., 1990, с. 36).

Аналогичные нашим поминальным конструкциям черты мы находим у половцев. Половецкие изваяния устанавливались в квадратных в плане святилищах, стены которых были сделаны из камня (Плетнева С. А., 1974, с. 73; 1990, с. 126). Вполне могли сооружаться и деревянные святилища (Плетнева С. А., 1990, с. 127). Кроме каменных изваяний, половцы изготавливали и деревянные статуи (Плетнева С. А., 1974, с. 59). Часть восточноевропейских статуй связана с погребениями человека с

чучелом коня (Трефилев С. П., 1905, с. 142-144; 1907, с. 367).

Конструкция X - XII вв. из могильника Высокий борок возведена непосредственно над могилой. Единичность такого поминального сооружения в насыпи, хотя исследовано большое количество курганов X - XIV вв., говорит о том, что устойчивой традиции возведения поминальников непосредственно над могилой не было. Аналогии такому расположению мы можем проследить на Верхней Оби в кургане I могильника Ближние Елбаны IX. К СВ от сооружения сохранились остатки столбов, здесь же найден инвентарь (Грязнов М. П., 1956, табл. LX; LXI). Еще одно близкое сооружение исследовано в кургане I могильника Осинцево IV (Савинов Д. Г., 1988, рис. 42; 43) в Барабе. Как отмечает автор, осинцевские курганы оставлены смешанной группой населения, участие в сложении которых принимало пришедшее тюркское население (Савинов Д. Г., 1988, с. 112). Определенное сходство с нашими поминальными сооружениями наблюдается на Змеинкинском и Калмакском могильниках. Как отметила О. Б. Беликова, проникая на Средний Чулым, кыргызы должны были приспособляться к местным условиям, которое выразилось в том, что курганы стали возводиться из земляного грунта, а вместо каменных оградок изготавливались деревянные рамы-обкладки (Беликова О. Б., 1996, с. 151).

У сибирских татар, несмотря на влияние мусульманства, изменившего традиционный обряд погребения, сохранились отдельные черты, находящие аналогии поминальному обряду первой половины II тыс. н. э. Так, у западносибирских татар в качестве надмогильных сооружений широко были распространены деревянные, неплотные, срубы кертмя прямоугольной формы (Томилов Н. А., 1980 а, с. 122). Эти сооружения, связанные с погребальным обрядом, близки поминальным сооружениям. Связующим звеном в эволюции между надмогильными сооружениями сибирских татар и поминальными конструкциями X - XIV вв. может служить обряд погребения могильника Черталы I. Могильник датируется XVII в. и оставлен тарскими татарами (Мельников Б.В., 1991, с. 145, 146). Здесь в качестве надмогильных сооружений возводили сруб, который поджигался и в процессе горения засыпался землей. Частично сожженный деревянный сруб, засыпанный землей, был выявлен и в другом могильнике тарских татар XVII - XVIII вв. Бергамак II (Татауров С. Ф., 1995, с. 81, 82).

Еще одна черта, уходящая корнями в древнетюркское время, - орнаментированные столбы у надмогильных срубов тевризских татар. Причем по орнаменту в верхней части можно было определить пол погребенного человека (Богомолов В. В., Томилов Н. А., 1980, с. 159), а на могилах томских татар стояли вертикальные доски или полубревна, верхняя часть которых вырезалась в форме человеческой головы (Томилов Н. А., 1983, с. 113).

Таким образом, в первой половине II тыс. н. э. в Новосибирском Приобье сохранялась древнетюркская традиция сооружения поминальных конструкций. Только с приходом в Приобье, бедное камнем, конструкции возводились исключительно из дерева. Деревянными были и изображения умерших. Конструкции возводились как над погребениями, так и в большинстве случаев рядом с ними.

Подводя итог, нужно отметить, что для населения X - XII вв. Новосибирского Приобья характерны общие черты в погребальном обряде. Они выражаются в возведении курганных насыпей, в которых часто содержатся остатки тризн. Курганы часто окружены ровиками. Под ними одно или несколько погребений. Погребения, как правило, одиночные. Костяки в могильных ямах, на спине, в вытянутом положении, головой ориентированы на СВ. Покойники часто заворачивались в бересту, а могилы перекрывались жердями. Изредка умершие сопровождалась как целым конем, так и его чучелом.

Анализ погребального обряда X - XII вв. показывает, что он не связан с традициями погребального обряда верхнеобской культуры, где в конце I тыс. н. э. господствовал обряд трупосожжения. В тоже время погребения сrostкинцев Верхней Оби второй половины I тыс. н. э. имеют те же основные черты, что и памятники Новосибирского Приобья, что говорит о их несомненной принадлежности к одной культуре.

Погребальный обряд X - XII вв. Новосибирского Приобья при сравнении с одновременными памятниками с других территорий не представляет собой обособленную общность, а входит в большое культурное единство, которое охватывает все Верхнее Приобье, включая и Кузнецкую котловину, и Томское Приобье до устья Томи. В тоже время на этой территории можно выделить ряд локальных вариантов, имеющих свои характерные черты.

В XIII - XIV вв. смены погребального обряда в Новосибирском Приобье не произошло. Основная часть памятников имеет близкий погребальный обряд, в основных чертах повторяющий традиции обряда предыдущего этапа. Только один могильник (Усть-Алеус 7) несколько отличается от других могильников, прежде всего своей ориентировкой погребенных. Из существенных изменений, произошедших в этот период, нужно отметить переход к одномогильным курганам, что привело и к уменьшению размеров надмогильных насыпей. Как и прежде, население Новосибирского Приобья входило в большую общность, имеющую многие общие черты в погребальном обряде. Главное же отличие Новосибирского Приобья от других территорий - это ориентация костяков, которая оставалась прежней, северо-восточной.

Общей чертой на протяжении двух этапов остается и традиция возведения деревянных поминальных сооружений, которые сжигались. Основные черты этих конструкций сближают их с древнетюркскими поминальниками, которые широко распространены в Южной Сибири, на Алтае, в Казахстане.

ГЛАВА II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД.

Погребальный обряд населения Новосибирского Приобья X - XIV вв. представлен значительным количеством могильников и погребений. Хронологически памятники укладываются в два периода: X - XII и XIII - XIV вв. К X - XII вв. относятся пять могильников, но только четыре исследовались, и в них выявлено 27 погребений. К XIII - XIV вв. относятся десять могильников, исследовались девять, и в них выявлено 81 погребение. Целесообразно рассмотреть погребальный обряд населения Новосибирского Приобья раздельно по этапам. Это поможет выявить характерные особенности погребального обряда каждого хронологического периода, проследить тенденцию развития погребального обряда на протяжении столетий. А также детально проследить сходство и отличие с могильниками соседних территорий в различные периоды.

Остановимся на характерных чертах погребального обряда могильников X - XII вв.

Березовый остров 1. Исследовано восемь (один курган имеет двойную нумерацию) курганов с 17 погребенными. Погребальный обряд характеризуется следующими чертами: захоронения производились под курганными насыпями округлой (62,5%) формы диаметром от 5,5 до 10 м и овальной (37,5%) формы размером до 10 x 13 м. В насыпях зафиксированы прокалы (37,5%) и кости животных (12,5%), очевидно, это следы тризн. Под курганами находилось от одной (62,5%) до шести могил. Многомогильные курганы при подзахоранивании досыпались и поэтому имеют удлиненную, овальную форму.

Погребенные лежат в могильных ямах различной глубины, причем последняя не зависит от возраста погребенного, есть глубокие детские могилы и неглубокие взрослых мужчин. В четырех случаях (23,5%) сохранилось перекрытие могилы жердями, в одной могиле на жерди был положен слой бересты. В двух (11,8%) костяки были завернуты в бересту, в одном (5,9%) детском погребении, возможно, был гроб. Как правило, погребения одиночные (94,1%), но встречено и одно групповое (4 костяка). Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища. Они ориентированы головой на СВ или В (82,4%), две (11,8%) ограбленные могильные ямы ориентированы по линии СВ-ЮЗ. С двумя скелетами (11,8%) была положена погребальная пища, от которой сохранились кости животных. В одной могиле (5,9%) находился глиняный сосуд, обломки другого обнаружены в насыпи кургана. Один погребенный (5,9%) сопровождался захоронением лошади. Целый костяк взнузданного коня лежал в отдельной могиле с правой стороны от человека и был ориентирован от него в противоположную сторону.

Высокий борок. В двух курганах выявлено три детских погребения. Два погребения (курган 13) находились под вытянутой насыпью, присыпанной к более раннему кургану. Погребенные лежат в могильных ямах, на спине, вытянуто, головой на СВ. Один ребенок был положен в деревянный ящик с крышкой, перекрытой берестой. В другой могиле сохранились остатки продольного перекрытия, сверху закрытого берестой. Видимо, это погребение является вторичным, так как часть костей сдвинута. В насыпи кургана над погребенными выявлены остатки сожженного деревянного поминального сооружения и прокалы. Еще одно детское погребение было впускным в курган 15. От него сохранились только остатки черепа и украшения.

Крохалевка 13. Курган диаметром 7 м был окружен ровиком. Под насыпью выявлено четыре погребения. В насыпи кургана найдены кости животных - следы тризны. Три одиночных погребения взрослых располагались в неглубоких могильных ямах, одно детское - в насыпи кургана. Погребенные лежат на спине, вытянуто, три ориентированы головой на В, одно на СВ. Два погребенных были завернуты в бересту.

Быстровка 1. В кургане размером 19 x 16 м, под насыпью выявлен подквадратной ровик с разрывом на С. Обнаружено два погребения в могильных ямах, одно на уровне материка. Погребения одиночные, два костяка лежали на спине, вытянуто, головой на ССВ. Один завернут в бересту, в одной могиле найдена погребальная пища (крестец барана). Еще одна разграбленная могила ориентирована по линии СВ - ЮЗ, в ней вместе с человеком было положено чучело коня и глиняный сосуд.

При анализе погребального обряда могильников X - XII вв. Новосибирского Приобья (Березового острова 1, Крохалевка 13, Высокого борка, Быстровка 1) ясно выступают черты их близкого сходства (табл. 24). Прежде всего, это курганные могильники. Они располагались в пойме на возвышающихся останцах (Березовый остров 1, Высокий борок, Батуринский Мыс) или на краю надпойменной террасы (Крохалевка 13, Быстровка 1). Курганные насыпи, как правило, довольно крупные, диаметром от 7 м, скорее всего, возводились из дерновых блоков. В курганах от одного (50%) до шести погребений. В последних случаях насыпи досыпались и имели удлиненную форму. В насыпях довольно часто прослеживаются следы тризн (50%), это прокалы, реже - скопления костей животных. Часть курганов окружены ровиками (16,7%). Как правило, погребения одиночные (96,3%), в могильных ямах (92,6%), редко в насыпи. Костяки лежат на спине, вытянуто, головой на СВ или В (81,5%).

Прослеживаются остатки берестяных чехлов (18,5%) и перекрытие могилы жердями (22,2%). Иногда с костяком в могилу помещали погребальную пищу (11,1%). Одна из характерных черт обряда - редкое включение в сопровождающий инвентарь сосудов (7,4%). Так же редки погребения вместе с человеком целого коня или только черепа и костей конечностей (7,4%).

Сравним характерные черты погребального обряда X - XII вв. с погребальным обрядом населения конца I тыс. н. э. Новосибирского Приобья. Здесь во второй половине I тыс. н. э. прослеживается непрерывное развитие верхнеобской культуры. С V по X вв. выделяются три последовательно сменяющихся этапа (Троицкая Т. Н., 1992). В погребальном обряде верхнеобцев с течением времени наблюдаются изменения. Если для V - VII вв. ведущим является обряд труположения, то с VIII в. получает распространение обряд трупосожжения, который с IX в. становится ведущим (Троицкая Т. Н., 1991; 1994, с. 224). Не редкость и в верхнеобских могилах сосуды (Троицкая Т. Н., 1977, с. 123). Ориентация могильных ям с трупосожжением в могильниках конца I тыс. н. э. Умна 3 и Каменный Мыс преимущественно по линии СЗ - ЮВ (Троицкая Т. Н., 1977, с. 125).

Отсутствие каких-либо признаков трупосожжения, редкость включения в погребальный инвентарь сосудов, ровики, окружающие курганы, другая ориентация могильных ям в погребальном обряде Новосибирского Приобья X - XII вв. не позволяют видеть преемственности с погребальным обрядом верхнеобской культуры конца I тыс. н. э.

В то же время основные черты погребального обряда X - XII вв. Новосибирского Приобья присущи сrostкинским могильникам Верхней Оби IX - X вв. и прежде всего, могильникам Ближние Елбаны VI, VII (Грязнов М. П., 1956), Грязново

(Могильников В. А. и др., 1980), Кучук 1 (Шамшин А. Б. и др., 1992). Общими чертами являются: курганные насыпи, ровики вокруг курганов, как правило, одиночные погребения в могильных ямах, вытянутое положение погребенного головой на СВ или В, использование в погребальном обряде бересты, почти полное отсутствие в могилах посуды, погребальная пища (кости животных), редкость положения коня с человеком.

Безусловно, погребения X - XII вв. Новосибирского Приобья относятся к сrostкинской культуре, тем более, что хронологические рамки сrostкинской культуры расширены, и исследователи включают в нее и памятники начала II тыс. н. э. (Могильников В. А., 1981, с. 45; Неверов С. В., 1991, с. 182).

Могильников, датирующихся началом II тыс. н. э. на Верхней Оби немного: Змеевский (Неверов С. В., 1982, с. 100-121) и Ближние Елбаны V, VIII, передатированные С. В. Неверовым (Неверов С. В., 1988 а, с. 17; 1991, с. 182). Эти могильники имеют погребальный обряд, аналогичный памятникам Новосибирского Приобья, продолжающий традиции сrostкинской культуры Верхней Оби второй половины I тыс. н. э., что вполне согласуется с мнением С. В. Неверова, считающего, что на Верхней Оби продолжает существовать в начале II тыс. н. э. сrostкинское население (Неверов С. В., 1991, с. 182).

В Кузнецкой котловине к началу II тыс. н. э. относятся могильники Шанда (Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., 1991; 1992; Илюшин А. М., 1993), Беково (Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., 1993; Илюшин А. М., 1993) и часть курганов Ур-Бедари, один из которых №30 (Елькин М. Г., 1970). Все эти памятники объединяет схожий обряд погребения: курганные насыпи с кольцевым ровиком, грунтовые могилы, погребенные на спине вытянуто, головой чаще всего на В, использование бересты, в могилах часто встречается погребальная пища и отсутствуют сосуды. Часто погребенных сопровождают костяки коней, ориентированные в противоположную сторону. Костяки лошадей найдены в отдельных могильных ямах, а в Ур-Бедари вместе с погребенным.

Эти характерные черты очень близки одновременным им могильникам Новосибирского Приобья. Хотя здесь, как и на Верхней Оби, в отличие от памятников Кузнецкой котловины редки захоронения человека с конем. Однако в могильнике Березовый остров 1 известно погребение целого коня в отдельной могиле, как в Беково и Шанда, а в Быстровке 1 в одной могиле находился погребенный и чучело лошади, как в погребении 1 кургана 30 могильника Ур-Бедари.

В Томском Приобье одновременны нашим могильники Усть-Киндинский (Чиндина Л. А., 1992), Еловский (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970) и основная часть погребений Басандайского (Басандайка, 1948). Погребальный обряд Еловского и Усть-Киндинского могильников близок обряду памятников Новосибирского Приобья, отличаясь только частым погребением с человеком коня, что сближает их с могильниками Кузнецкой котловины. Небольшое смещение ориентировки в этих могильниках к северу (в Еловском в 3 погребениях ориентация на СВ, в 1 - на С и в 2 - на СЗ, а в Усть-Киндинском только на ССЗ) вряд ли имеет принципиальное значение. Басандайский могильник гораздо ближе по погребальному обряду памятникам как Новосибирского Приобья, так и памятникам верховьев Оби, отличаясь лишь своей устойчивой южной ориентировкой.

Ниже по Оби в Тяголовском могильнике первой половины II тыс. н. э. черты погребального обряда представлены как грунтовыми могилами под курганными насыпями, так и без насыпей, встречены и наземные погребения под насыпями. Основной обряд погребения - ингумация, но встречена и кремация в виде поверхностного обжигания. Погребальные сооружения представлены ящиками из

плах или бревен. В могилах обязательно находился сосуд (Боброва А. И., Петрова Н. В., 1993, с. 112).

В Нарымском Приобье в могильнике XII - XIII вв. Бедеровский Бор III погребенные находились в грунтовых могилах, западины от которых фиксировались на поверхности. Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на СВ и В. В погребальный инвентарь входили сосуды (Березовская Н. В., 1992).

В Барабинской лесостепи известны могильники, датирующиеся началом II тыс. н. э. Это Венгерово VII и Осинцево IV (Савинов Д. Г., 1988). Погребальный обряд могильников, несмотря на отдельные черты сходства (курганные насыпи и ровики в курганах), все же весьма отличается от сросткинских с Верхней Оби. Погребенные захоронены, как правило, не в могильных ямах, а на уровне древней поверхности, ориентированы на запад, встречено трупосожжение. На месте захоронения возводились деревянные конструкции, которые сжигались. Как считает автор, население, оставившее данные курганы, местное, в своей основе воспринявшее ряд южных элементов (Савинов Д. Г., 1988, с. 112).

В Таежном Прииртышье достаточно полно исследован погребальный обряд усть-ишимской культуры, для которого характерны курганные могильники. Насыпи курганов содержали остатки кострищ, кости животных и наборы вещей. Погребенные захоранивались по обряду трупоположения, как в могильных ямах, так и в насыпях курганов, ориентация неустойчивая. Характерной чертой является помещение сосуда в могилу и отсутствие костей животных (Конилов Б. А., 1993, с. 112-120).

Таким образом, в Новосибирском Приобье, на Верхней Оби, в Кузнецкой котловине и Томском Приобье в начале II тыс. н. э. проживало население, имеющее очень близкий погребальный обряд. Однако проявляются и локальные различия: в большем проценте погребений с человеком коня в Кузнецкой котловине, в Еловском и в Усть-Киндинском могильниках из Томского Приобья, или в южной ориентировке Басандайского могильника. Сходный погребальный обряд продолжает здесь традиции сросткинского погребального обряда Верхней Оби второй пол. I тыс. н. э. В то же время он отличен от погребального обряда верхнеобской культуры конца I тыс. н. э. с его господством трупосожжения.

Погребальный обряд могильников XIII - XIV вв. характеризуется следующими чертами.

Ю р т - А к б а л ы к 4. В кургане диаметром 7,8 м выявлено одно погребение мужчины, лежащего в могильной яме, на спине, головой ориентированного на ССВ. Вокруг могилы выявлен ровик, заполненный сажой.

К р у т о б о р к а 2. По незначительным остаткам можно только сказать, что погребение было под курганной насыпью. Вместе с костяком было положено чучело коня, череп и кости ног. Конь ориентирован головой на СВ, вместе с ним была положена конская сбруя.

К р а с н ы й Я р 1. Курганы диаметром от 3 до 7 м и высотой от 0,15 до 0,5 м. В насыпи одного кургана погребение хищника (собаки?), в насыпи кургана 33 развал сосуда. Еще два сосуда XIII - XIV вв., стоящие вверх дном на угольном пятне, встречены в кургане 17-18, однако связать с ними какое-либо погребение сложно (Троицкая Т. Н., 1978, с. 106). Под насыпью кургана, как правило, одна могила (92,3%). Погребенные в могильных ямах, на спине, вытянуто, головой на СВ и В (78,6%). Два костяка ориентированы головой на ЮЗ и ЮВ. Все погребения одиночные. В четырех могилах (28,6%) прослеживаются остатки деревянного перекрытия. Одно погребение вторичное.

В ы с о к и й б о р о к. Двенадцать курганов XIII - XIV вв. имели насыпи

диаметром от 3 до 6,6 м. В десяти курганах по одному погребению (83,3%) и только в двух по два. Насыпи содержали следы тризн (41,7%); кости животных (16,7%), прокалы (25%), в двух курганах (16,7%) в насыпи находились сосуды. В одном кургане раскопано погребение хищника (собаки?), в пяти выявлены ровики (41,7%). Погребения одиночные, в могилах (92,9%), кроме одного детского, расположенного в насыпи. Костяки лежат на спине, вытянуто. Десять ориентированы головой на СВ и В (71,4%), один - на С, а два - на З и ЮЗ. Одна ограбленная могильная яма была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В трех погребениях (21,4%) прослеживалось деревянное перекрытие могилы, четверо погребенных были завернуты в бересту (28,6%), два лежали в колодах (14,3%). В двух могилах с человеком было положено чучело коня (14,3%). Конь лежал слева от погребенного, ориентированный в ту же сторону. В кургане 12 к СВ от центральной могилы было выявлено сожженное поминальное сооружение.

Седова Заимка 2. Девять курганов диаметром от 4 до 7 м содержали от одной (55,6%) до двух (22,2%) могил. Под двумя насыпями могил не оказалось. Насыпи содержали следы тризн (77,8%). В большинстве курганов (88,9%) выявлен ровик. В одном из курганов в ровике находился сосуд. Погребения одиночные, в могильных ямах (100%). Костяки лежали на спине, головой на СВ, с отклонениями к С и В (55,6%). Из четырех ограбленных могил две ориентированы по линии СВ-ЮЗ и две - З-В. В могилах выявлены остатки деревянного перекрытия (77,8%), следы бересты (77,8%).

Ельцовский 1. Курганы диаметром от 5,5 до 12 м. В насыпях встречены прокалы (18,8%) и кости животных (50%), в основном это черепа и нижние челюсти лошадей. В насыпи одного кургана встречено сожженное поминальное сооружение из досок с двумя сосудами. В трех курганах сохранился помост из дерева и бересты над могилой. В курганах, как правило, по одному погребению (93,8%). В 15 курганах погребенные лежат в могильных ямах (94,1%), одном - в насыпи. Погребения одиночные. Курганы основательно ограблены. В четырех погребениях удалось установить, что костяки лежали на спине, вытянуто, два погребения по смещенным костям можно определить как вторичные. Погребенные ориентированы головой на В (2 могилы), СВ (1 могила), ЮЗ (2 могилы), СЗ (2 могилы). Три могильные ямы ориентированы по линии З-В. Шесть - по линии СВ-ЮЗ и одна - по линии СЗ-ЮВ. В четырех погребениях прослежено перекрытие из жердей (23,5%). Один костяк лежал в колоде (5,9%), сверху закрытой берестой, один в деревянном гробу (5,9%), детское погребение завернуто в бересту. В четырех случаях с погребенным была положена лошадь (23,5%). Целый костяк коня лежал в отдельной могиле справа от человека, ориентированный в противоположную сторону. В трех погребениях череп и кости конечностей коня находились вместе с костяком человека в одной могильной яме.

Усть-Алеус 7. Одиннадцать погребений относятся к XIII - XIV вв. (№ 1-7, 11-14). Авторы описывают могильник как грунтовый (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979), однако не исключено, что он был курганным, так как часть могил потревожена (ограблены). Над одной из могил прослеживался прокол. Погребения одиночные. Для четырех установлено, что костяки лежали на спине вытянуто. Девять погребенных ориентированы головой на СЗ (81,8%), два на ЮВ. В пяти могилах обнаружены остатки деревянного перекрытия (45,5%), один погребенный был завернут в бересту (9,1%). В одной могиле (9,1%) вместе с человеком, справа от него, находился череп и кости конечностей лошади, ориентированные в противоположную сторону.

Раздумье 1. Наличие надмогильных сооружений не установлено, но учитывая большую степень разрушения памятника, возможно, они существовали. Погребенные лежат в могильных ямах на спине, вытянуто, головой на СВ (57,1%) и

ЮЗ (28,6%). Большинство могил перекрыто жердями (71,4%). Семь костяков в берестяных чехлах (100%), три из которых имели ладьевидную форму. В одно погребение была положена погребальная пища (14,3%).

Кротово 15. Курганы небольшие, диаметром от 4 до 5,5 м. В двух курганах в насыпях выявлены прокалы (50%), в двух - кости животных (50%). Под насыпью одно (25%) или два (75%) погребения. Все погребенные в могильных ямах. В шести могилах (85,7%) по одному костяку, в одной - два. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на В (5 могил), СВ (2 могилы). Все могилы перекрывались деревянным настилом. В парном захоронении один из погребенных лежал в лодке, другой в колоде. Четыре костяка были завернуты в бересту. В одной могиле обнаружена погребальная пища (14,3%).

О погребальном обряде населения Новосибирского Приобья в XIII - XIV вв. мы можем судить с достаточной полнотой. В девяти могильниках исследовано 81 погребение.

Прежде всего по погребальному обряду наиболее близки друг другу такие могильники: Юрт-Акбалык 4, Крутоборка 2, Красный Яр 1, Высокий борок, Седова Заимка 2, Ельцовский 1, Раздумье 1, Кротово 15. Их характерные черты следующие (табл. 24): как правило, это небольшие курганные насыпи от 3 до 7 м в диаметре. В 44,6% курганов обнаружены следы тризн. Это прокалы (25%) и кости животных (33,9%). В насыпи 8,9% курганов обнаружены глиняные сосуды, а 23,2% имеют ровик. Большинство курганов одномогильные (80,4%). Погребенные находились в могильных ямах (94,3%), как правило на спине, в вытянутом положении, головой на СВ с отклонениями к В и С (60%). Еще 20% ограбленных могил ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Противоположную ориентацию - головой на ЮЗ и З имели 10% погребенных. В 42,9% могил выявлены остатки деревянного перекрытия, а в 34,3% - берестяные чехлы. 5,7% погребенных лежали в колодах, а с 10% был положен конь. Один целый костяк лошади находился в отдельной могиле, а остальные погребения с чучелом коня в одной могиле с человеком. Объединяет эти могильники и отсутствие глиняных сосудов в погребальном инвентаре. В двух могильниках Высокий борок и Ельцовский 1 выявлены идентичные поминальные сооружения. В насыпях курганов Высокого борка и Красного Яра 1 обнаружены погребения не крупного хищника (собаки?). В могильнике Кротово 15 выявлены погребения в лодках. Ладьевидные берестяные чехлы в Кротово 15 и Раздумье 1, скорее всего, не имитация лодок, а особенности конструкции чехлов. Чехлы в погребениях, похожие на лодки, выявлены в могильнике Малый Чуланкуль 1 (Малиновский В. Б., 1990, с. 212).

Могильник Усть-Алеус 7 по основным моментам погребального обряда близок остальным могильникам. Это, вероятно, курганы (?), они содержат следы тризн (прокал), могилы углубляются в материк, прослеживаются перекрытия могил деревом и берестяные чехлы. Одно погребение сопровождалось чучелом лошади. В могилах отсутствует посуда. Отличие же заключается в ориентации погребенных головой на СЗ, а два ориентированы в противоположную сторону, головой на ЮВ.

Сравнение погребального обряда могильников XIII - XIV вв. из Новосибирского Приобья с обрядом X - XII вв. показывает их несомненную идентичность (табл. 24). Сходство проявляется по таким чертам: на всем протяжении X - XIV вв. могильники курганные, в 50% курганов X - XII вв. и 44,6% XIII - XIV вв. в насыпи выявлены следы тризн. Это прокалы или кости животных. Общей чертой является и наличие ровиков, в X - XII вв. они имеются в 16,7% а в XIII - XIV вв. - 23,2% курганах. Погребенные, как правило, в могилах 92,6 и 94,3%, на спине, головой ориентированы на СВ с отклонениями в X - XII вв. 81,5%, а в XIII - XIV вв., если учитывать и

ориентацию ограбленных могильных ям, 80%. Погребенные, как правило, одиночные в X - XII вв. 96,3%, а в XIII - XIV вв. 98,6%. Несколько меньше процент в X - XII вв. могил с деревянным перекрытием 22,2 против 42,9% и берестяных чехлов 18,5 против 34,3%. Однако надо учитывать, что первые несколько древнее и в них дерево должно сохраняться хуже. Только у 7,4% могил X - XII вв. в погребальный инвентарь входили сосуды, в XIII - XIV вв. сосудов в могилах не выявлено. Редко встречаются и погребения человека вместе с конем или его чучелом: 7,4% в X - XII вв. и 10% в XIII - XIV вв. Причем целый костяк коня на обоих этапах располагался в отдельной могиле рядом с человеком, а чучела коней находились в одной могиле.

Погребения в лодках могильника Кротово 15, имеющие далекие аналогии в Лихачевском могильнике (Генинг В. Ф., Зданович С. Я., 1987, рис. 5), в могильнике Усть-Балык (Семенова В. И., 1985, с. 241), вряд ли говорят о проникновении сюда какой-то угорской или самодийской группы. Основные черты погребального обряда и инвентаря Кротово 15 не выделяют его среди других могильников.

Рассмотренные черты сходства показывают, что в XIII - XIV вв., в сравнении с X - XII вв., не происходит смены погребального обряда у основной группы населения Новосибирского Приобья. Ориентация погребенных в могильнике Усть-Алеус 7, не характерная для памятников X - XII вв. Новосибирского Приобья, показывает, что в XIII - XIV вв. сюда проникают отдельные группы нового населения, но судя по всему, близкородственного, так как по остальным признакам этот памятник идентичен Приобским могильникам.

Памятников монгольского времени в степном Алтае известно немного. Как отмечает С. В. Неверов, здесь к XIII в. прекращает свое существование сросткинская культура (Неверов С. В., 1991, с. 182). В могильнике Ближние Елбаны XIV костяки в могильных ямах, на спине, ориентированы головой на запад с отклонениями (Грязнов М. П., 1956, с. 155). Сходную ориентировку имел и погребенный из Кармацких курганов (Могильников В. А., 1992, с. 93). На ЮЗ ориентированы погребенные и в могильнике у с. Усть-Алейка (Кунгуров А. Л., 1991).

В могильнике Кудыргэ, на Алтае, погребенные хоронились под курганными насыпями из камня, в могилах, на спине, вытянуто, головой ориентировались на С. В одной могиле погребенный лежал в колоде (Гаврилова А. А., 1965, с. 45).

В Томском Приобье погребальный обряд характеризуется следующими чертами: это курганные могильники, в насыпях курганов встречена керамика и кострища. Погребения большей частью имеют могильную яму, основной способ погребения труположение, ведущая ориентация юго-восточная. Могилы перекрывались деревом, в них выявлены береста, дощатые гробы, рамы обкладки. Встречаются и захоронения чучела коня (Плетнева Л. М., 1990, с. 119, 120; 1994). В Басандайском могильнике, в хорошо датируемом XIII - XIV вв. кургане 42, находилось шесть погребений (Басандайка, 1948, табл. 53). В Астраханцевском в состав погребального инвентаря включались сосуды (Плетнева Л. М., 1987, с. 99).

Для Нарымского Приобья характерны курганы с несколькими погребениями. В курганах основной способ захоронения - наземный, в деревянных погребальных сооружениях с обязательным сосудом в могиле (Боброва А. И., 1992, с. 6). В Сургутском Приобье на сайгатинском этапе погребальный обряд характеризуется грунтовыми могильниками с четкими рядами могил и устойчивой ориентировкой и деревянными гробовищами-колодами. В могилах часто встречается посуда (Федорова Н. Е., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1991, с. 141, 142).

Погребения XIII - XIV вв. в Барабинской лесостепи известны в могильниках Туруновка 2, Садовка 2 (Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. П., 1990, с. 161),

Сопка 2 (Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Полосьмак Н. В., Беланов П. И., 1988, рис. 34,1; Молодин В. И., Соловьев А. И., 1995). Погребенные в углубленных в материк могильных ямах под курганными насыпями, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ-З и СВ. Довольно большой процент погребенных сопровождался сосудами. В трех могилах находились чучела лошадей.

На Южном Урале выделяются две группы курганов: с насыпью с применением камня и земляные курганы. Для первых характерны могильные ямы с перекрытием деревянными плахами или досками, преобладающая ориентировка головой на запад с отклонениями. В 16,6% могил вместе с погребенными находились целые остовы коня. Встречены дощатые гробы, ящики и колоды. Для погребения под земляными курганами характерны: простая форма могил, деревянными плахами и досками перекрыты более 40% могил. Более 10% погребенных сопровождался погребением коня, в подавляющем большинстве это черепа и кости ног. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головами на З с отклонениями. Зафиксированы дощатые гробы, ящики и колоды. В обеих группах погребений в могилах редко встречается посуда (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, с. 45-47).

В Южной Сибири в XIII - XIV вв. распространены памятники каменного этапа аскизской культуры, для которых характерно трупосожжение на стороне с погребением на горизонте, под невысоким каменным курганом (Кызласов И. Л., 1981, с. 206).

Из вышперечисленного видно, что выделяется несколько регионов по погребальному обряду, резко отличающихся друг от друга. Это Сургутское Приобье с грунтовыми могильниками, с посудой в могилах. Для Нарымского Приобья характерны многомогильные курганы с наземными захоронениями, с сосудами. В Южной Сибири господствовал обряд трупосожжения. В Томском и Новосибирском Приобье, Алтае, Барабе, Южном Урале погребальный обряд весьма схож - курганные могильники с труположением, небольшое количество погребенных сопровождался захоронением коня или его чучела и посудой в могилах. Различие же, прежде всего, проявляется в ориентации погребенных. Юго-восточная в Томском Приобье, северо-восточная в Новосибирском Приобье, северная на Алтае, западная и юго-западная в степном Алтае, Барабе, Южном Урале. Все это говорит о том, что здесь проживало родственное население, в составе которого в XIII - XIV вв. можно выделить ряд локальных вариантов.

Таким образом, в XIII - XIV вв. В Новосибирском Приобье по сравнению с X - XII вв. смены погребального обряда не произошло. Небольшое изменение прослеживается только в переходе от многомогильных курганов к индивидуальным. В XIII - XIV вв. погребальный обряд населения Новосибирского Приобья отличается от погребального обряда соседних территорий прежде всего СВ ориентировкой.

2. ПОМИНАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ.

В могильниках первой половины II тыс. н.э. выявлены остатки трех поминальных сооружений. Одно относится к X - XII вв., два к XIII - XIV вв.

К X - XII вв. относится сооружение из кургана 13 могильника Высокий борок. В насыпи кургана над одним из погребений выявлены остатки деревянной конструкции из бревен, жердей и досок. Здесь же прослеживались остатки берестяных полотнищ. Сооружение было сожжено, о чем свидетельствуют обожженные деревянные остатки. Конструкция была квадратной формы размером 3 x 3 м. Ориентирована углами по сторонам света. В нем найдены железные наконечники стрел, тесло и нож. Стрелы лежали двумя группами, остриями в разные стороны, между ними чуть больше 70

см. Скорее всего, стрелы находились в колчане. Точно так наконечники располагаются и в погребениях могильника Березовый остров 1.

К XIII - XIV вв. относятся сооружения из могильников Высокий борок и Ельцовский 1. В могильнике Высокий борок под насыпью кургана 12 выявлено два погребения. В центральном - костяк человека головой на СВ, с ним чучело коня. Вокруг кургана частично прослежен ровик. К СВВ от центрального погребения выявлено сооружение 1. В котлован глубиной до 31 см, трапециевидной формы была впущена деревянная рама из досок, плотно пригнанных к стенкам котлована. Ширина досок достигает 25 см при толщине 3 см. Доски располагались вертикально. Размеры сооружения: длина боковых сторон 2,33 и 2,36 м, СВ стенка - 1,7, а ЮЗ - 2,1 м. Доски внутри были обожжены, Внутри сооружения найдены остатки обугленных досок и бересты. Полукругом вдоль СЗ, ЮЗ, ЮВ стенок сооружения сохранились остатки девяти деревянных столбов. Сверху на 10-15 см до уровня материка они были обуглены, а в ямах глубиной от 32 до 60 см прослеживалась только труха. Заполнение сооружения - черная супесь с углем. В ней найден железный наконечник стрелы. Ровик, окружавший курган, примыкал к сооружению, а не был им перерезан. Конструкция из досок была возведена одновременно с центральным погребением, затем вокруг был вырыт ровик. Сооружение сожжено и расплывшейся курганной насыпью частично присыпано.

В кургане 14 Ельцовского 1 могильника находилось одно центральное, ограбленное погребение. В нем остатки человека и коня. Судя по костям, человек лежал головой на СВ, с ним чучело лошади. К СВ от погребения у края кургана остатки сооружения из досок, оно углублено в материк на 10 - 20 см. Сооружение подквадратной формы, хорошо сохранились три стороны, состоящие из досок шириной до 30 см. Его размеры 2,1 x 1,85 м. Сооружение сожжено, доски обуглены. В углах конструкции обнаружено два глиняных сосуда. Один стоял вверх дном. Кроме сосудов здесь найден железный нож, небольшая медная обкладка, скорее всего, от деревянного сосуда и полый цилиндр из кости.

Без сомнения, перед нами аналогичные по назначению конструкции. Их общие черты: подквадратной формы сооружения из дерева, связанные с погребениями. Конструкции сожжены. В них найден инвентарь. Особенно близки между собой сооружения XIII - XIV вв. Они из досок слегка углублены в материк. Располагались к СВ от погребений. В погребениях костяк ориентирован головой на СВ, с ним чучело коня. Конструкция X - XII вв. отличается только тем, что расположена над погребением. Погребенный, над которым она возведена, так же, как и в курганах с сооружениями XIII - XIV вв., был ориентирован головой на СВ.

Похожие на наши сооружения исследованы на памятнике Сопка 2. Это четырехугольные срубы из бревен которые сжигались. Однако связи с погребальными сооружениями не выявлено. В. И. Молодин считает их угорскими культовыми местами с захоронением иттерма (Молодин В. И., 1990; 1992).

Приобские сооружения связаны с погребальным обрядом. Взаимосвязь культовых сооружений с могильниками аналогична расположению древнетюркских поминальных оградок. Принадлежность четырехугольных каменных оград тюркам не вызывает сомнения у исследователей. Интересен и такой факт, что все чаще встречаются совместное расположение в едином комплексе поминальных оградок и погребений человека с конем в Саяно-Алтае (Овчинникова Б. Б., 1990, с. 8).

По результатам исследования на Алтае В. Д. Кубаревым были восстановлены основные черты поминального обряда тюрков Восточного Алтая. Оградка - это не что иное, как жилище, которое сооружалось из досок или жердей. Плиты, поставленные

на ребро, это основание жилища. Каменное изваяние устанавливалось у жилища и изображало самого умершего. По окончании поминок жилище сжигалось, изваяние разбивалось. Сгоревшее жилище, от которого оставалось только основание из каменных плит (оградка), сразу же забрасывалось камнями. Из предметов, найденных в алтайских оградках, чаще всего встречаются кости животных, железные ножи, предметы упряжи и вооружения, сосуды и зернотерки (Кубарев В. Д., 1984, с. 79-81).

Подобная реконструкция, конечно же, является идеальной моделью, которую не всегда воплощали в натуре строители тюркских оградок. Да и твердо установленных фактов к середине 80-х годов было немного. Но правомерность подобной реконструкции, кроме комплексов Новосибирского Приобья, подтверждается раскопанным на территории Кемеровской области сrostкинским погребально-ритуальным комплексом (могильник Калтышево, курган 1) второй пол. X - первой пол. XI в. Комплекс, окруженный глубоким рвом, представлял собой деревянное квадратное сооружение с длиной сторон 6,5 м, сложенное из бревен в 2-3 венца, которое было частично сожжено (Савинов Д. Г., 1994, с. 95). В Туве комплексом Сарыг-Булун, где была установлена восьмиугольная юрта, которая была затем сожжена (Кызласов Л. Р., 1969, с. 38, рис. 5). На Южном Урале в поминальном комплексе XIII в. Каменный Амбар II среди каменных оградок раскопано сожженное, деревянное, сооружение в виде квадратного одновенцового сруба, впущенного в неглубокий котлован (Костюков В. П., 1994, с. 144-146). К точке зрения В. Д. Кубарева близко мнение Д. Г. Савинова, который рассматривает обычные древнетюркские оградки по всей территории их распространения как упрощенную проекцию памятников типа храмовых комплексов тюркских каганов, существовавших в среде рядовых кочевников (Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 1994, с. 120).

Как мы видим, по основным чертам сооружения Новосибирского Приобья повторяют поминальные древнетюркские оградки. Они расположены на могильниках и связаны с погребениями. Сооружения XIII - XIV вв. возводились под курганами, где выявлены погребения человека с чучелом коня. Подквадратные конструкции, напоминающие жилища, строились здесь из дерева из-за отсутствия выходов камня. Судя по всему, ставились здесь и изображения умерших из дерева, от которых остались ямки с остатками сожженных столбов (поминальный комплекс Высокого борка). Аналогичен и инвентарь: наконечники стрел, ножи, сосуды. Связью с поминальным ритуалом объясняется и то, что в сооружении могильника Ельцовский 1 сосуд стоял вверх дном. Для традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири характерным является сопричастность перевернутого котла смерти, миру мертвых (Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С., 1988, с. 145). По окончании поминок, как и на Алтае, сооружения сжигались, уничтожались и деревянные идолы, а над комплексами возводили земляную насыпь.

О том, что поминальные конструкции возводились тюркским населением, свидетельствуют и погребения из курганов, где они находятся. В могилах вместе с человеком положены чучела коня. Подобный обряд, как считает Ю. С. Худяков, возник в уйгурской среде и был перенесен на другие территории в ходе переселения уйгуров (Худяков Ю. С., 1990, с. 36).

Аналогичные нашим поминальным конструкциям черты мы находим у половцев. Половецкие изваяния устанавливались в квадратных в плане святилищах, стены которых были сделаны из камня (Плетнева С. А., 1974, с. 73; 1990, с. 126). Вполне могли сооружаться и деревянные святилища (Плетнева С. А., 1990, с. 127). Кроме каменных изваяний, половцы изготавливали и деревянные статуи (Плетнева С. А., 1974, с. 59). Часть восточноевропейских статуй связана с погребениями человека с

чучелом коня (Трефилев С. П., 1905, с. 142-144; 1907, с. 367).

Конструкция X - XII вв. из могильника Высокий борок возведена непосредственно над могилой. Единичность такого поминального сооружения в насыпи, хотя исследовано большое количество курганов X - XIV вв., говорит о том, что устойчивой традиции возведения поминальников непосредственно над могилой не было. Аналогии такому расположению мы можем проследить на Верхней Оби в кургане I могильника Ближние Елбаны IX. К СВ от сооружения сохранились остатки столбов, здесь же найден инвентарь (Грязнов М. П., 1956, табл. LX; LXI). Еще одно близкое сооружение исследовано в кургане I могильника Осинцево IV (Савинов Д. Г., 1988, рис. 42; 43) в Барабе. Как отмечает автор, осинцевские курганы оставлены смешанной группой населения, участие в сложении которых принимало пришедшее тюркское население (Савинов Д. Г., 1988, с. 112). Определенное сходство с нашими поминальными сооружениями наблюдается на Змеинкинском и Калмакском могильниках. Как отметила О. Б. Беликова, проникая на Средний Чулым, кыргызы должны были приспособляться к местным условиям, которое выразилось в том, что курганы стали возводиться из земляного грунта, а вместо каменных оградок изготавливались деревянные рамы-обкладки (Беликова О. Б., 1996, с. 151).

У сибирских татар, несмотря на влияние мусульманства, изменившего традиционный обряд погребения, сохранились отдельные черты, находящие аналогии поминальному обряду первой половины II тыс. н. э. Так, у западносибирских татар в качестве надмогильных сооружений широко были распространены деревянные, неплотные, срубы кертмя прямоугольной формы (Томилов Н. А., 1980 а, с. 122). Эти сооружения, связанные с погребальным обрядом, близки поминальным сооружениям. Связующим звеном в эволюции между надмогильными сооружениями сибирских татар и поминальными конструкциями X - XIV вв. может служить обряд погребения могильника Черталы I. Могильник датируется XVII в. и оставлен тарскими татарами (Мельников Б.В., 1991, с. 145, 146). Здесь в качестве надмогильных сооружений возводили сруб, который поджигался и в процессе горения засыпался землей. Частично сожженный деревянный сруб, засыпанный землей, был выявлен и в другом могильнике тарских татар XVII - XVIII вв. Бергамак II (Татауров С. Ф., 1995, с. 81, 82).

Еще одна черта, уходящая корнями в древнетюркское время, - орнаментированные столбы у надмогильных срубов тевризских татар. Причем по орнаменту в верхней части можно было определить пол погребенного человека (Богомолов В. В., Томилов Н. А., 1980, с. 159), а на могилах томских татар стояли вертикальные доски или полубревна, верхняя часть которых вырезалась в форме человеческой головы (Томилов Н. А., 1983, с. 113).

Таким образом, в первой половине II тыс. н. э. в Новосибирском Приобье сохранялась древнетюркская традиция сооружения поминальных конструкций. Только с приходом в Приобье, бедное камнем, конструкции возводились исключительно из дерева. Деревянными были и изображения умерших. Конструкции возводились как над погребениями, так и в большинстве случаев рядом с ними.

Подводя итог, нужно отметить, что для населения X - XII вв. Новосибирского Приобья характерны общие черты в погребальном обряде. Они выражаются в возведении курганных насыпей, в которых часто содержатся остатки тризн. Курганы часто окружены ровиками. Под ними одно или несколько погребений. Погребения, как правило, одиночные. Костяки в могильных ямах, на спине, в вытянутом положении, головой ориентированы на СВ. Покойники часто заворачивались в бересту, а могилы перекрывались жердями. Изредка умершие сопровождалась как целым конем, так и его чучелом.

Анализ погребального обряда X - XII вв. показывает, что он не связан с традициями погребального обряда верхнеобской культуры, где в конце I тыс. н. э. господствовал обряд трупосожжения. В тоже время погребения сrostкинцев Верхней Оби второй половины I тыс. н. э. имеют те же основные черты, что и памятники Новосибирского Приобья, что говорит о их несомненной принадлежности к одной культуре.

Погребальный обряд X - XII вв. Новосибирского Приобья при сравнении с одновременными памятниками с других территорий не представляет собой обособленную общность, а входит в большое культурное единство, которое охватывает все Верхнее Приобье, включая и Кузнецкую котловину, и Томское Приобье до устья Томи. В тоже время на этой территории можно выделить ряд локальных вариантов, имеющих свои характерные черты.

В XIII - XIV вв. смены погребального обряда в Новосибирском Приобье не произошло. Основная часть памятников имеет близкий погребальный обряд, в основных чертах повторяющий традиции обряда предыдущего этапа. Только один могильник (Усть-Алеус 7) несколько отличается от других могильников, прежде всего своей ориентировкой погребенных. Из существенных изменений, произошедших в этот период, нужно отметить переход к одномогильным курганам, что привело и к уменьшению размеров надмогильных насыпей. Как и прежде, население Новосибирского Приобья входило в большую общность, имеющую многие общие черты в погребальном обряде. Главное же отличие Новосибирского Приобья от других территорий - это ориентация костяков, которая оставалась прежней, северо-восточной.

Общей чертой на протяжении двух этапов остается и традиция возведения деревянных поминальных сооружений, которые сжигались. Основные черты этих конструкций сближают их с древнетюркскими поминальниками, которые широко распространены в Южной Сибири, на Алтае, в Казахстане.

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ

1. КЕРАМИКА.

Керамика является самым массовым материалом в археологических коллекциях с памятников материальной культуры Западной Сибири, начиная с эпохи бронзы. На протяжении тысячелетий керамическое производство развивается в рамках натурального хозяйства, и поэтому оно становится одним из главных источников для решения хронологических и культурных вопросов, об этническом составе населения, его происхождении и расселении. Не является исключением и Новосибирское Приобье в X - XIV вв., где на поселенческих комплексах керамика составляет основу всех коллекций.

Первая статья, где рассматривалась керамика первой половины II тыс. н. э., была посвящена результатам исследования на поселении Ордынское 5 (Романцова В. Д., 1972). В. Д. Романцовой отмечено, что аналогии сосудам с поселения Ордынское 5 известны в Новосибирском Приобье на городищах Умна 4 и Седова Заимка, и эти памятники можно датировать XII - XIV вв. Небольшое различие керамики с поселения (плоское дно) от материалов городищ объяснялось большим расстоянием между ними или небольшим различием в хронологии (Романцова В. Д., 1972, с. 64).

В 1976 г. в статье В. Д. Романцовой "Городища XI - XIII вв. в Новосибирском Приобье" среди других вопросов рассматривается и керамика (Романцова В. Д., 1976). К одному времени, на основании керамических комплексов, отнесены городища Седова Заимка, Умна 4, Крутоборка 2, поселение Ордынское 5, но датировка этих памятников несколько изменена с XII - XIV на XI - XIII вв. и отмечено, что керамика теснейшим образом примыкает к сосудам с памятников IX - X вв. Поэтому основу населения в первой трети II тыс. н. э. продолжают составлять аборигенные племена, видимо, угро-самодийские (Романцова В. Д., 1976, с. 132). Имеющиеся в керамике некоторые черты, например, плоское дно, можно объяснить контактами с тюркским населением.

В 1978 г. ею же был дан развернутый анализ керамики XI - XIII вв. на примере городища Седова Заимка (Романцова В. Д., 1978), где выделено три типа: горшки круглодонные, плоскодонные, чаши. Была подтверждена и ранее высказанная точка зрения о тесной связи керамики городища с посудой предшествующего времени (Романцова В. Д., 1978, с. 90). Отмечено, что имеются и отдельные отличия от сосудов IX - X вв., заметно некоторое огрубление керамики, в технике изготовления и в орнаментации, часть сосудов заглажена небрежно, есть толстостенные, появились крупные жемчужины и ямки, увеличилось количество чаш. Датировка определена на основании керамического комплекса, который существовал чуть позже памятников IX - X вв., а верхней датой взят XIII в., так как керамика XIV - XVI вв. резко отличается от керамики городища Седова Заимка (Романцова В. Д., 1978, с. 90).

В статье В. И. Соболева по результатам исследования городища Каменушка I (Соболев В. И., 1979, с. 76-80) подробно рассмотрен керамический комплекс. По профилировке верхней части сосуда и венчика им выделены следующие группы: сосуды с прямым, отогнутым наружу венчиком; сосуды с округлым, отогнутым наружу венчиком; сосуды с прямой шейкой, венчик с налепом скошен внутрь. Посуда, как отмечалось, имеет близкие аналогии с керамикой городища Седова Заимка и могильников Красный Яр 1, на основании этого и городище Каменушка было датировано XI - XIII вв. (Соболев В. И., 1979, с. 80). Однако Т. Н. Троицкая несколько погрешений могильника Красный Яр I и связанные с ними сосуды отнесла к XIII -

XIV вв. и на основании их датировала этим же временем городище Каменушка 1 (Троицкая Т. Н., 1978, с. 117).

В 1980 г. В. И. Соболевым был обобщен материал с памятников пер. пол. II тыс. н. э. из Новосибирского Приобья (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 173-177). В керамике начала II тыс. н. э., вслед за В. Д. Романцовой, выделено три формы: плоскодонные сосуды с хорошо выраженной шейкой, круглодонные хорошо профилированные сосуды, чаши (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 174). Намечена внутренняя хронология памятников. Поселение Ордынское 5 было датировано X - XI вв., а его керамика связана с тюркскими памятниками Южной Сибири. По мнению В. И. Соболева, городище Седова Заимка, Каменушка 1, Умна 4 следуют за поселением и датируются XI - XIII вв. (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 174).

В 1983 г. В. Д. Романцовой опубликован сосуд из могильника Седова Заимка 2, датированного XI - XIII вв., и отмечено, что этот сосуд типичен для городищ Седова Заимка и Каменушка 1, керамика которых неразрывно связана с местными традициями, восходящими к одинцовской культуре (Романцова В. Д., 1983, с. 93).

Таковы имеющиеся в литературе до настоящего времени сведения о керамике Новосибирского Приобья начала II тыс. н. э. Однако незначительное количество материала и отсутствие общей, сравнимой классификации сосудов с различных памятников, имеющих во многом схожий керамический комплекс, не позволили исследователям проследить хронологические изменения в керамике и на этом основании обоснованно датировать поселенческие комплексы.

К настоящему времени мы располагаем значительной коллекцией керамического материала, среди которой есть целые сосуды из хорошо датированных комплексов. Это позволяет нам проследить развитие форм и орнамента керамики и подойти к решению ряда культурно-генетических вопросов.

Весь керамический комплекс с X по XIV вв. Новосибирского Приобья обрабатывался по единой методике. По форме сосуды разделены на три группы: горшки, банки, чаши (табл. 2). Горшки по форме шейки делятся на три типа:

Т и п 1 - с отогнутым наружу венчиком, хорошо выраженной шейкой и раздутым туловом.

Т и п 2 - с прямой шейкой и раздутым туловом.

Т и п 3 - с раздутым туловом и чуть намеченной шейкой.

Первый тип горшков имеет два варианта: с диаметром по венчику меньше диаметра по тулову, с диаметром венчика больше чем диаметр тулова. Горшки могут быть как плоскодонные так и круглодонные. Плоскодонных горшков немного - только с поселения Ордынское 5 и по одному найдено на городище Седова Заимка и местонахождении Ордынское 11.

Анализовалась и форма венчика. Всего выделено пять форм венчика: срезанный наружу, прямой или овальный, приостренный, утолщенный с наружной стороны и срезанный внутрь (табл. 3).

Было выделено и десять элементов орнамента на сосудах X - XIV вв. (табл. 4). Это ямочные вдавления: округлой или многогранной палочкой, вдавления пальцем, углом палочки. Гребенчатые штампы: когда гребенка ставилась перпендикулярно поверхности сосуда, "пильчатая" гребенка - когда нажим штампом производился под наклоном, однозубая гребенка. Выделены также такие элементы как отпечаток гладкой палочки, прочерченные линии, "жемчужины", валик. Анализовались и мотивы орнамента на керамике X - XIV вв. Был выделен двадцать один мотив (табл. 5). Учитывалась и степень орнаментированности сосудов.

Керамика X - XII вв. представлена фрагментами не менее чем от 223 сосудов. Прежде всего остановимся на керамике из могильников. Всего обнаружено три сосуда

в двух могильниках. В курганном могильнике Березовый остров 1 один сосуд находился в могиле (рис. 44,10) и обломки еще одного найдены в насыпи (рис. 37,12). Сосуд из могилы представляет собой круглодонный горшок с отогнутым венчиком и выраженной шейкой, орнаментирован только рядом ямочных вдавлений по шейке. Горшок из насыпи имеет диаметр по венчику больше, чем диаметр по тулову, он орнаментирован ямочными вдавлениями в виде треугольника. Могильник хорошо датируется X - XII вв. Сосуд из кургана 14 могильника Быстровка 1 относится к горшкам и имеет диаметр по венчику больше, чем диаметр по тулову (рис. 50,7). Украшен только рядом ямочных вдавлений. Курган датируется X в.

В нижнем слое городища Черный бок 20, датируемого двумя железными трехлопастными наконечниками стрел XI - XII вв., получен керамический материал не менее чем от девяноста пяти сосудов. Рассмотрим, что же для него характерно. Сосуды представлены двумя основными группами: горшками (87,4%) и чашами (12,6%) (табл. 6). Горшки подразделяются на два типа: с отогнутым наружу венчиком и хорошо выраженной шейкой (72,6%) и с прямой шейкой (14,8%). Горшки с отогнутым наружу венчиком двух вариантов: с диаметром по венчику меньше диаметра по тулову (60% от всей коллекции) и с диаметром по венчику больше чем диаметр тулова (12,6%). Основная часть сосудов имеют срезанный наружу венчик (74,7%) и 20% прямой (табл. 7). Орнамент представлен прежде всего ямочными вдавлениями, составляющими основу орнамента. Два других распространенных элемента - гребенчатый штамп и оттиск гладкой палочки (табл. 8). Мотивы орнаментации немногочисленны. Основным является ряд ямочных вдавлений (91,6%). Небольшое число сосудов украшено рядом вертикальных оттисков гребенки и гладкой палочки (15,8%) или горизонтальными рядами из оттисков гребенки (8,4%). Другие мотивы орнаментации единичны (табл. 9). Характерной чертой является и бедная орнаментация сосудов с городища. 73,7% сосудов не имеют орнаментации или украшены только одним орнаментальным мотивом, в подавляющем большинстве случаев это ряд ямочных вдавлений по шейке (табл. 10).

Поселение Каменушка 3 а датируется X - XII вв. железным трехлопастным наконечником стрелы. Керамика памятника представлена фрагментами от пяти сосудов. Три из них - горшки. Все они имеют только ряд ямочных вдавлений по шейке.

Основываясь на датированных керамических комплексах могильников и поселений, можно выделить основные традиции керамики X - XII вв. Основу коллекций составляют горшки с ярко выраженной шейкой двух вариантов. Большая часть сосудов не имеет орнамента или украшена только одним мотивом. Сосуды украшены ямочными вдавлениями, гребенкой или оттиском палочки.

Опираясь на выявленные закономерности в орнаментации керамики X - XII вв., мы можем отнести к этому времени и другие памятники, не имеющие датированных находок. К X - XII вв. относятся городища Седова Заимка, Умна 4, Старобибеево 4, Крутоборка 2, Кашламский бор 7, поселения Ордынское 5, Боровое 1, Черный бок 21, местонахождения Юрт-Акбалык 8, Завьялово 6, Красный Яр 1, Ордынское 11, Крохалевка 11 а, Бурмистрово.

Керамика XIII - XIV вв. представлена фрагментами не менее чем от семидесяти шести сосудов. Для того, чтобы выделить характерные черты сосудов XIII - XIV вв., остановимся на керамике из хорошо датируемых могильников. В связи с тем, что керамика не входила в состав погребального инвентаря, все сосуды обнаружены в насыпи курганов, в тризнах и поминальных сооружениях. Коллекция из могильников представлена 9 сосудами - 3 из Красного Яра 1, 3 - из Высокого Борка 1, 1 - из Седовой Заимки 2, 2 - из Ельцовского 1. Восемь сосудов - круглодонные горшки, один имеет поддон, причем создается впечатление, что сначала был сформирован обычный

круглодонный горшок, а затем к нему был прилеплен поддон. Восемь сосудов имеют срезанный наружу венчик, один прямой. По шейке сосуды украшены рядом ямочных вдавлений или углом палочки. Сосуды украшены гребенчатым штампом, оттисками гладкой палочки, ямочными вдавлениями. Элементы орнамента и мотивы орнаментации те же, что и в X - XII вв., но есть и отличие. Это степень орнаментированности сосудов. Если в X - XII вв. основная часть посуды (70,4%) не имеет орнамента или украшена одним мотивом орнаментации, то в посуде могильников XIII - XIV вв. из девяти сосудов таких только два. Семь сосудов имеют два и больше мотивов орнаментации и их поверхность украшена не менее чем на 1/3.

Эти основные черты, характерные для сосудов XIII - XIV вв. из могильников Новосибирского Приобья, ярко выступают на керамическом комплексе городища Каменушка 1. Всего на памятнике найдены фрагменты керамики не менее чем от тридцати восьми сосудов. Основу коллекции (табл. 11) составляют круглодонные горшки двух вариантов (89,5%). Основная часть сосудов (табл. 12) имеет срезанный наружу венчик (89,5%). Сосуды украшены ямочными вдавлениями, гребенчатым штампом и оттисками гладкой палочки (табл. 13). Ведущими из мотивов орнаментации (табл. 14) являются ряд ямочных вдавлений (89,5%), горизонтальный ряд вертикальных оттисков из гребенки или гладкой палочки (52,6%), иногда это горизонтальная елочка (15,8%). Все это очень похоже на керамику X - XII вв. Однако по степени орнаментированности керамика Каменушки 1 отличается от керамики X - XII вв. Не орнаментированы или имеют только один мотив 31,5% сосудов с городища, а остальные украшены двумя или более мотивами орнаментации (табл. 15), тогда как в X - XII вв. таких сосудов только 29,6% (табл. 10). Материалы с городища подтверждают то, что степень орнаментированности сосудов из могильников XIII - XIV вв. не случайность. Другие керамические коллекции поселений Крохалева - Соколово 3, 4 аналогичны керамике городища Каменушка 1. По этим же критериям мы можем датировать и единичные находки с других памятников.

Остановимся на сравнительной характеристике керамики X - XII и XIII - XIV вв. Новосибирского Приобья. Сосуды X - XII вв. представлены тремя группами: горшки, банки, чаши. В XIII - XIV вв. отсутствуют баночные сосуды, хотя и в X - XII вв. они составляют ничтожный процент 1,4% (табл. 2). Ведущей формой сосудов на протяжении с X по XIV вв. являются горшки с ярко выраженной шейкой. Причем представлены оба варианта с диаметром по венчику меньше, чем диаметр по тулову и больше, чем диаметр по тулову. Объединяет оба этапа и одинаковый процент горшков обоих вариантов. Сосуды с диаметром по венчику меньше, чем диаметр по тулову в X - XII вв. составляют 63,2%, в XIII - XIV вв. - 67%, с диаметром по венчику больше, чем диаметр по тулову 11,2 и 10,6%. Остается одинаковым и количество чаш в коллекциях на обоих этапах: в X - XII вв. - 13,2% в XIII - XIV вв. - 13,2%. Но в XIII - XIV вв. происходят и некоторые изменения в керамическом комплексе. Появляется новый тип горшков: с очень небольшой, почти отсутствующей шейкой. Падает доля горшков, имеющих прямую шейку с 11,2 до 2,6%. Сосуды, это относится к горшкам и банкам, как правило, имеют круглое дно, исключение составляют только восемь плоскодонных горшков, встреченных в X - XII вв. Отсутствие плоскодонных горшков на последующих этапах подтверждается отсутствием плоских днщ в материалах коллекции, исключение составляют только чаши, основная масса которых имеет уплощенное дно.

На протяжении всего рассматриваемого периода общими являются и формы венчика (табл. 3). Основным является срезанный наружу венчик, в X - XII вв. он встречается у 72,7% сосудов, в XIII - XIV вв. - у 81,6%. Широко представлен и прямой венчик в X - XII вв. - 19,3%, в XIII - XIV вв. - 11,8%. Другие формы венчика встречаются на незначительном количестве сосудов, что также объединяет керамику

на всем протяжении X - XIV вв. Рассматривая элементы орнамента, нужно отметить несомненное сходство их на протяжении пяти столетий (табл. 4). Это, прежде всего, ямочные вдавления округлой или граненой палочкой, в X - XII вв. она представлена на 74,4% сосудов, а в XIII - XIV вв. на 61,8%. Продолжают украшать в XIII - XIV вв. сосуды и углом палочки. Представлен на всем протяжении X - XIV вв. и гребенчатый штамп, включая и такие его разновидности, как пильчатая гребенка и однозубый штамп. Еще один весьма широко распространенный элемент - это оттиск гладкой палочки. Преобладание в процентном соотношении в XIII - XIV вв. таких элементов орнамента, как оттиск угла палочки и гребенчатый штамп объясняется тем, что сосуды XIII - XIV вв. украшены гораздо богаче чем в X - XII вв. Из десяти выделенных нами элементов орнамента на сосудах X - XII вв. для XIII - XIV вв. характерны семь. Отсутствуют только вдавления пальцем, жемчужины и валик, хотя и прежде они встречались эпизодически.

Общими являются и все основные мотивы орнаментации (табл. 5). Из выделенных нами для X - XII вв. двадцати одного мотива в XIII - XIV вв. встречены шестнадцать, причем остальные пять мотивов и в X - XII вв. встречены только по одному разу. Наиболее распространенными для X - XIV вв. являются один, реже несколько рядов ямочных вдавлений и горизонтальные ряды из вертикальных оттисков гребенки или гладкой палочки, реже встречается горизонтальная елочка из оттисков гребенки или гладкой палочки.

Такое сходство посуды на протяжении X - XIV вв., когда общими являются формы сосудов и венчиков, элементы и мотивы орнаментации, создавали трудность в определении датировки поселений и городищ. Однако такой хронологический показатель существует, это степень орнаментированности посуды (табл. 10; 15). На всем протяжении X - XIV вв. неорнаментированная посуда (кроме орнамента по срезу венчика) встречается редко, не более 6,3%. В X - XII вв. 64,1% сосудов имеют только один мотив орнаментации, в подавляющем количестве случаев это ряд ямочных вдавлений по шейке. В XIII - XIV вв. доля такой посуды падает до 29%. Одновременно растет и доля орнаментации сосудов. Так в X - XII вв. двумя и более мотивами украшено 29,6% а в XIII - XIV вв. их уже 68,4%.

Таким образом, мы видим, что керамический комплекс с X по XIV вв. развивался постепенно, без резких изменений. Основа его была заложена еще с X в. (форма сосудов, венчиков, элементы и мотивы орнамента). Это в основном круглодонные горшки с хорошо выраженной шейкой и со срезанным наружу венчиком. В X - XII вв. основная часть посуды украшена только орнаментом по венчику и рядом ямочных вдавлений по шейке. Только у трети сосудов орнамент покрывает верхнюю треть сосуда. В XIII - XIV вв. 68,4% посуды украшены от одной трети и более.

Керамический комплекс X - XII вв. представлен на 19 памятниках, расположенных на всей территории Новосибирского Приобья. Естественно, встает вопрос о связях керамики начала II тыс. н. э. с керамикой предшествующего времени на этой же территории.

Во второй половине I тыс. н. э. в Новосибирском Приобье проживало население верхнеобской культуры, сформировавшееся на основе населения кулайской культуры (Троицкая Т. Н., 1979, с. 53). Керамический комплекс верхнеобской культуры претерпевает изменения, но в целом сохраняется преемственность в керамике на каждом из ее этапов (выделяется три этапа) (Троицкая Т. Н., Адамов А. А., 1987; Троицкая Т. Н., 1992).

Как уже отмечалось, была высказана точка зрения, что керамика начала II тыс. н. э. теснейшим образом связана с керамикой конца I тыс. н. э. (Романцова В. Д. 1976, с. 132; 1978, с. 90). Эта точка зрения вытекала из анализа посуды с городища Седова Заимка (Романцова В. Д., 1978, с. 90). Автор раскопок считает городище

Седову Заимку однослойным памятником. Нами была проанализирована коллекция керамики и выделены две хорошо различающиеся группы.

Первая - 45 сосудов - выделяется своей тонкостенностью, светлым обжигом, хорошо отмученным тестом. Другая группа сосудов - 53, отличается темным цветом, рыхлой структурой, толстыми стенками. Обе группы керамики были проанализированы по ряду признаков. По форме сосуды подразделяются на горшки и чаши (табл. 16). Горшки, в свою очередь, делятся на три типа:

Т и п 1. С ярко выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком.

Т и п 2. С прямой вертикальной шейкой.

Т и п 3. С прямой шейкой, скошенной вовнутрь сосуда, и раздутым туловом.

Сосуды первого типа подразделяются на два варианта: с диаметром по венчику меньше диаметра тулова и с диаметром по венчику больше, чем диаметр тулова.

При сравнении формы сосудов для двух групп керамики характерно разное соотношение по типам горшков. Если среди сосудов первой группы только один имеет ярко выраженную шейку и отогнутый наружу венчик (2,3%), то среди второй группы сосудов к этому типу относятся 73,5% сосудов, причем представлены оба варианта, что характерно для керамики X - XII вв. Новосибирского Приобья. 44,2% сосудов первой группы имеют прямую вертикальную шейку и только 3,8% во второй. Среди сосудов 1 группы 27,9% имеют прямую шейку, скошенную внутрь, среди сосудов 2 группы этот тип не представлен, не встречается он и среди всей коллекции керамики X - XII вв. Равным оказалось только соотношение чаш в обеих группах.

Различно соотношение и формы венчиков по группам (табл. 17). Для первой группы характерен прямой (53,5%) и срезанный вовнутрь (39,5%) венчики, для другой - срезанный наружу (77,4%) и небольшая часть прямого (11,3%). Кроме того, 53,5% сосудов первой группы имеют весьма заметное утолщение шейки, что отсутствует у сосудов второй группы.

Различие наблюдается и в элементах орнамента (табл. 18). Керамика первой группы, по сравнению со второй, не орнаментировалась вдавлениями пальцем и углом палочки, а также пильчатой гребенкой. В то же время на керамике второй группы отсутствует двузубая гребенка, представленная на 20,9% сосудов первой. Для других элементов характерно различное соотношение встречаемости. Так только 34,9% сосудов первой группы украшены ямочными вдавлениями округлой палочки и 73,6% - второй. Значительно реже украшались сосуды второй группы и гребенчатым штампом и прочерченными линиями. 65,1% сосудов первой группы украшены жемчужинами и только 11,3% - второй. Равной оказалась лишь встречаемость оттисков гладкой палочки - 20,9 и 18,8%.

Отличие наблюдается и в мотивах орнаментации (табл. 19). Так, на сосудах первой группы отсутствуют такие мотивы, как два ряда ямочных вдавлений, ямочные вдавления треугольником, вертикальные ряды из ямок, беспорядочные ямочные вдавления, несколько рядов из оттисков вертикальной гребенки или палочки, горизонтальная елочка, представленные на второй группе. А на сосудах первой группы различается и процентное соотношение тех мотивов, которые представлены на обеих группах: горизонтальный ряд ямочных вдавлений (33,3 и 56,6%), горизонтальный ряд жемчужин (65,1 и 11,3%), вертикальные или наклонные оттиски из гребенки и гладкой палочки (37,8 и 15,1%).

Ярко различия между группами выступают и в степени орнаментированности сосудов (табл. 20). Если 16,3% сосудов первой группы имеют только один мотив, то во второй группе таких сосудов 71,7%. Но 74,4% сосудов первой группы покрыты орнаментом до половины и только 17% второй.

Таким образом, две группы сосудов городища Седова Заимка имеют существенные различия между собой. Сравнение же сосудов первой группы с

материалами юрт-акбалыкского (IX - X вв.) этапа верхнеобской культуры (Троицкая Т. Н., 1992) показывает их несомненное сходство. Так, более половины сосудов юрт-акбалыкского этапа имеют прямую шейку, а около четверти - скошенную вовнутрь (Троицкая Т. Н., 1992, с. 31), среди сосудов первой группы городища Седова Заимка аналогичные шейки имеют 44,2 и 27,9% соответственно. Общей чертой является и значительный процент сосудов с утолщением шейки. Сходство наблюдается и в элементах орнамента. Сосуды юрт-акбалыкского этапа, как и керамика первой группы, украшались оттисками круглой или граненой палочки, гребенчатым штампом, жемчужинами и прочерченными линиями (причем отсутствует и пильчатая гребенка, и однозубый штамп) (Троицкая Т. Н., 1992, рис. 4).

Наблюдается сходство и в мотивах орнаментации. Так, горизонтальные линии из ямок на сосудах юрт-акбалыкского этапа составляют 40% а из жемчужин - 53% (Троицкая Т. Н., 1992, табл. 7), а на керамике первой группы - 33,3 и 65,1%. Представлены на юрт-акбалыкской керамике и другие орнаментальные мотивы, характерные для первой группы: несколько рядов ямочных вдавлений, горизонтальные линии из гребенчатого штампа или прочерченных линий, оттиски вертикальной или слегка наклонной гребенки или гладкой палочки (Троицкая Т. Н., 1992, рис. 4). Идентичность сосудов юрт-акбалыкского этапа и первой группы проявляется и в степени орнаментированности. Так, один или два мотива орнаментации встречены на 20% сосудов юрт-акбалыкского этапа и 23,3% - первой группы. А орнаментацию до половины сосуда имеют 80% сосудов IX - X вв. и 74,4% - первой группы.

Из всего вышеизложенного, учитывая существенные различия между двумя группами керамики городища Седова Заимка и в то же время идентичность первой группы сосудам юрт-акбалыкского этапа верхнеобской культуры, а второй группы - памятникам X - XII вв. Новосибирского Приобья, можно сделать вывод, что городище Седова Заимка - двухслойный памятник.

Различие керамики X - XII вв. Новосибирского Приобья и керамики юрт-акбалыкского этапа верхнеобской культуры не позволяет согласиться с утверждением о преемственности характерных черт сосудов X - XII вв. от керамического комплекса верхнеобской культуры.

Исходя из вывода о том, что основой для формирования керамики X - XII вв. Новосибирского Приобья не может быть керамика верхнеобской культуры, обратимся к материалам второй пол. I тыс. в поисках возможных аналогий. Прежде всего нужно отметить, что в сросткинских погребениях второй половины I тыс. н. э. керамика близка нашей. Это Бобровский могильник, где керамику можно разделить на две части. Одна часть, кувшиновидные сосуды, как указывает Ф. Х. Арсланова, имеют связи с потчевашской, показывая на этническую близость населения, оставившего этот комплекс (Арсланова Ф. Х., 1980, с. 95). Другие же формы сосудов очень близки нашей, особенно это круглодонные горшки (Арсланова Ф. Х., 1980, рис. 5). Остальные сосуды отличаются только наличием плоских днищ. Так же, как и керамика X - XII вв. Новосибирского Приобья, почти две трети сосудов из Бобровки, кроме орнамента по венчику и ряда ямочных вдавлений по основанию шейки, другой орнаментации не имеют. Остальные сосуды украшены не более чем на одну треть. Совпадают и срезанный наружу венчик, и основные элементы орнаментации: гладкая палочка, гребенчатый штамп, ямочные вдавления. Широко представлены аналогичные горшки и в могильнике Чулым 2 (Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А., 1988, рис. 6,9; 10,8; 11,6; 15,5; 18,9), которые исследователи связывают с тюркским населением (Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А., 1988, с. 59). Подобная керамика эпизодически (что обусловлено традицией не ставить сосуды погребенным) встречается и на других сросткинских курганных могильниках - на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1956, табл. LVI,4; LVI,7), Камышинка (Арсланова Ф. Х., 1972, табл. VI),

Зевакинском могильнике (Арсланова Ф. Х., 1972, табл. VI), Грязново (Могильников В. А., Неверов С. В., и др. 1980, рис. 4,11), Ине (Уманский А. П., 1970, рис. 5,3-5), Хлеборобный Елбан (Казаков А. А., Горбунов В. В., 1993, рис. 1,2,3), Гилево (Могильников В. А. 1981, рис. 26,53), Измайловки (Трифонов Ю. И., Ермолаева А. С., 1987, с. 173, рис. 73,3), Карашат I (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987 а, с. 178, рис. 93,5,6), Акчий III (Трифонов Ю. И., Ахинжанов С. М., 1987, с. 175, рис. 91,7).

Материалы из погребений дополняются находками на поселениях. Правда, до последнего времени сrostкинские поселения второй пол. I тыс. н. э. в литературе не рассматривались и специальными исследованиями не подвергались. Поэтому авторы, опубликовавшие результаты работ на поселении Ушлеп 5, датировали его пер. пол. I тыс. н. э. (Кунгуров А. Л., Горбунов В. В., 1993). Однако в керамическом комплексе поселения Ушлеп 5 ярко выступают черты, характерные для посуды из сrostкинских могильников второй половины I тыс. Это и плоскодонные горшки с прямым или срезанным наружу венчиком, и практически отсутствие орнамента на сосудах, кроме ряда ямочных вдавлений по шейке. Эти черты, без сомнения, позволяют нам рассматривать поселение Ушлеп 5 как сrostкинский памятник и датировать его в пределах второй половины I тыс. н. э.

Рассматривая керамику X - XIV вв. Новосибирского Приобья в соотношении с одновременной керамикой с других соседних территорий, нужно отметить, что в Омском Прииртышье в начале II тыс. н. э. была распространена усть-ишимская культура (Могильников В. А. 1987; Конников Б. А., 1992; 1993). Ее керамика резко отличается от Приобской, явно продолжая традиции местного потчевашского населения. На реке Томи известны несколько памятников X - XII вв. с керамикой, близкой нашей. Это Басандайский могильник (Басандайка, 1948, табл. 28) и могильник близ устья Большой Киргизки (Васильев Е. А., 1994, рис. 5,5). На селище Есауловское 2 керамика полностью отвечает выделенным нами особенностям для керамики X - XII вв. (Ширин Ю. В., 1992, с. 39, рис. 3). Вполне возможно, что к этому времени относится и часть керамической коллекции средневекового времени с городища Маяк, близ Новокузнецка (Эрдниев У. Э., 1960, табл. IX,1,3,5; Ширин Ю. В., 1992, с. 40, рис. 4). Без сомнения, аналогичная керамика представлена из хозяйственной ямы на окраине г. Бийска, где она датируется началом II тыс. н. э., лазуритовой подвеской (Кунгуров А. Л., 1993, рис. 2,1-3).

Севернее устья Томи в первой пол. II тыс. н. э. была распространена керамика, отличная от нашей, богато украшенная (Боброва А. И., 1982, рис. 6; Боброва А. И., Петрова Н. В., 1993, рис. 6,7), однако на Среднем Чулыме был распространен керамический комплекс, близкий к нашему (Беликова О. Б., 1996, рис. 73,14; 78,14; 88,10). Таким образом, в начале II тыс. н. э. памятники, имеющие близкий керамический комплекс, занимали все Верхнее Приобье до устья р. Томи, р. Томь и Средний Чулым.

Определенные изменения в керамике, прослеженные для керамики XIII - XIV вв. Новосибирского Приобья, являются не специфическими, а проходят в рамках общих изменений. Полностью аналогичная керамика представлена на Басандайском могильнике в кургане № 42 (Басандайка, 1948, табл. 27,1). На городище Маяк (Эрдниев У. Э., 1960, табл. XIII,9; Ширин Ю. В., 1992, с. 40, рис. 4), на Гурьевском поселении (Елькин М. Г., 1974, рис. 3-5), на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1956, табл. LIX,9-13), поселении Зайцево 2 (Шамшин А. Б., Горбунов В. В., 1993, рис. 2,1-6), на поселении Троицк 3 (Горбунов В. В., Бородаев В. Б., 1995, рис. 2). Форма сосудов остается прежней. Это круглодонные горшки с отогнутой шейкой, срезанным наружу венчиком, основная масса сосудов орнаментирована на одну треть гребенчатым штампом, ямочными вдавлениями, оттиском гладкой палочки. Схожие изменения в керамическом комплексе, что и на Верхней Оби в первой пол. II тыс. н. э., происходили и на Среднем

Чулыме (Беликова О. Б., 1996, рис. 13,1; 23,1; 65,1; 92,2; 103,4-7).

Таким образом, основой в сложении керамического комплекса X - XIV вв. Новосибирского Приобья явились не верхнеобские керамические традиции, а керамика населения сrostкинской культуры второй пол. I тыс. н. э. Сохранение этих традиций прослеживается в формах сосудов и слабой их орнаментации. Изменения в керамике происходили постепенно, не нарушая сложившихся традиций.

Единство керамического комплекса на территории Верхнего Приобья до устья Томи и Притомья основывается на единстве керамики сrostкинской культуры. Для всей этой территории характерны единые хронологические изменения, выразившиеся в усилении орнаментации посуды.

2. В О О Р У Ж Е Н И Е .

Различные вопросы вооружения конца I тыс. н. э. Западной Сибири уже получили в литературе достаточно полное освещение (Худяков Ю. С., 1981; Плотников Ю. А., 1981; Худяков Ю. С., 1986). Были сделаны многие важные выводы о военном деле кимаков. Было отмечено, что основу составляла легкая кавалерия, вооруженная луком и стрелами для дистанционного боя, а также рубяще-колющим оружием для ближнего боя, имелись и тяжеловооруженные всадники (Худяков Ю. С., 1986, с. 198).

Большая работа по систематизации военного дела населения лесной полосы Западной Сибири эпохи средневековья была проделана А. И. Соловьевым. Им был сделан важный вывод, что в начале II тыс. н. э. по количественному и качественному соотношению боевых средств население лесной полосы Западной Сибири не уступало уровню вооружения соседних регионов (Соловьев А. И., 1987, с. 144).

Большой разнообразный материал, накопленный за последние годы в Новосибирском Приобье позволяет с достаточной полнотой осветить многие вопросы вооружения населения X - XIV вв. контактной зоны леса и степи.

Ж е л е з н ы е н а к о н е ч н и к и с т р е л .

Железные наконечники стрел широко представлены в материале из Новосибирского Приобья. Они входили в состав погребального инвентаря, найдены при исследовании городищ и поселений. Классификация железных наконечников стрел строилась на основах, разработанных А. Ф. Медведевым (Медведев А. Ф., 1966), Ю. С. Худяковым (Худяков Ю. С., 1986), И. Л. Кызласовым (Кызласов И. Л., 1983). Основные понятия, использованные в работе, были разработаны Ю. С. Худяковым (Худяков Ю. С., 1979 б).

Железные наконечники стрел относятся к одному отделу - черешковых. По сечению пера они подразделяются на группы, по форме пера на - типы (табл. 22).

Г р у п п а I. Трехлопастные наконечники. Встречено всего 3 экз. в памятниках X - XII вв., делятся на два типа.

Т и п 1. Ромбические с шейкой. Включают 2 экз. с памятников Черный борок 20 (рис. 14,1) и Каменушка 3 а (рис. 32,2). Длина пера с шейкой 4,4 и 4,7 см, ширина 1 и 1,4 см. Аналогичные наконечники широко представлены в аскизской культуре на ее малиновском этапе (Кызласов И. Л., 1983, рис. 26,5, табл., XXVII,2-4; табл. XXVIII,7,8). XI - XII вв. датируются подобные наконечники из могильника Терен-хол (Худяков Ю. С., 1982, с. 121) и Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 27,9). А в Биляре датируются не позднее конца X в. (Хузин Ф. Ш., 1985, с. 145).

Т и п 2. Вытянуто-пятиугольный. Включает 1 экз. с городища Черный борок 20 (рис. 14,2). Размеры пера 6,6 x 1,6 см. Точная копия подобного наконечника известна в могильнике Терен-хол, где датируется XI - XII вв. (Худяков Ю. С., 1982, с. 121).

Г р у п п а II. Трехгранные наконечники. Представлены 2 экз. из памятников X - XII вв., подразделяются на два типа.

Т и п 1. Ассиметрично-ромбические. Включает 1 экз. из могильника Березовый

остров 1 (рис. 40,8). Размеры пера 5,5 x 1,2 см. Подобные наконечники из могильника Джартаг датируются VIII - X вв. (Трифонов Ю. И., 1983, рис. 1,10-12). Близкие экземпляры известны среди наконечников аскизской культуры (Кызласов И. Л., 1983, табл. XX,14,15) и у кимаков (Худяков Ю. С., 1986, рис. 82,7).

Т и п 2. Боеголовковый. Включает 1 экз. из могильника Березовый остров 1 (рис. 42,6). Размеры пера 20,6 x 1,1 см. Наконечник имеет очень длинную шейку. Близкие наконечники содержатся в Ишимской (Ермолаев А., 1914, табл. II,1) и Холмогорской коллекциях, в Томском могильнике, где датируются второй пол. I тыс. н. э. (Соловьев А. И., 1987, с. 44).

Г р у п п а III. Круглые наконечники. Представлены только 1 экз. из памятника XIII - XIV вв.

Т и п 1. Шиловидный. Включает 1 экз. из могильника Красный Яр 1 (рис. 68,24). Размеры пера 3,7 x 0,9 см. Шиловидный наконечник известен в XIV в. Халчаяне (Пугаченкова Г. А., 1967, с. 253, рис. 1).

Г р у п п а IV. Четырехгранные наконечники. Представлены 13 экз. из памятников X - XIV вв. Подразделяются на пять типов.

Т и п 1. Боеголовковый. Включает 1 экз. из памятника X - XII вв. Быстровка 1 (рис. 50,4). Размеры пера 5,1 x 1,1 см. Наконечник имеет короткую пирамидальную головку и длинную шейку. В Восточной Европе подобные наконечники датируются X - начало XI вв. (Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985, табл. 138,15). Близкие наконечники имелись и у кимаков (Худяков Ю. С., 1986, рис. 82,17), а также встречены в могильнике XI - XII вв. Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 27,9,11).

Т и п 2. Ромбовидный. Включает 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 40,7). Размер пера 2,4 x 1,5 см.

Т и п 3. Пирамидальный с короткой шейкой. Включает 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 42,5). Размеры пера 4,5 x 1,2 см. Аналогичные наконечники стрел известны на Билярском городище, где датируются XI - пер. пол. XIII в. (Хузин Ф. Ш., 1985, с. 162). Близкие наконечники известны в аскизской культуре (Кызласов И. Л., 1983, табл. XX,5-7). Ю. С. Худяков аналогичный наконечник из могильника Терен-хол датирует XIII - XIV вв. (Худяков Ю. С., 1982, рис. 143,5).

Т и п 4. Шиловидные. Включает 2 экз. Один из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 37,4), другой из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 84,8). Как указывает Б. А. Конников, аналогичные наконечники в Сибири появляются с VII - VIII вв. н.э. (Конников Б. А., 1980, с. 71). Близкие наконечники известны в Казахстане в могильнике IX - X вв. Карашат 1 (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987, с. 196, рис. 100,16) и в культуре амурских чжурчжэней X - XI вв. (Медведев В. Е., 1977, табл. XLIV,1,2,3,10). В X - XII вв. они известны в Прииртышье (Арсланова Ф. Х., 1968, рис. 7). Эта форма доживает до XVII - нач. XVIII вв. (Молодин В. И., 1979, табл. XXXVIII,1).

Т и п 5. Стамесковидные. Включает 8 экз. Один наконечник не имеющий упора, встречен в памятнике X - XII вв. Березовый остров 1. (рис. 41,8). Размеры пера 9 x 0,7 см. Еще четыре - в насыпи кургана X - XII вв. могильника Высокий борок (рис. 46,4-7). Размеры пера от 5,4 до 6,7 см. Три других, с упором, происходят из памятников XIII - XIV вв. Седова Заимка 2 (Романцова В. Д., 1983, рис. 3,8), с длиной пера 9 см, и Высокий борок (рис. 77,6,7) длина пера 5,7 и 5 см. Аналогии стамесковидным наконечникам известны из Усть-Киндинского могильника X - XII вв. (Чиндина Л. А., 1992, рис. 2,1,2), в Змеинкинском и Калмакском могильниках на Чулыме (Беликова О. Б., рис. 42,1; 68,1,7,9), в Прииртышье (Коников Б. А., 1980, рис. 1,22; 1983, рис. 3,6), у чжурчжэней в X - XI вв. (Медведев В. Е., 1977, табл. XL,1-22).

Г р у п п а V. Ромбические наконечники. Представлены 6 экз. из памятников X

- XIV вв. Выделяется один тип.

Т и п 1. Ромбические с шейкой. Включает 2 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 39,5.; 40,6) Из памятников XIII - XIV вв. по 1 экз. из Седовой Заимки 2 (Романцова В. Д., 1983, рис. 2,4) и Красного Яра 1 (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 5,30) и 2 экз. из Высокого Борка (рис. 77,8; 84,11). В Восточной Европе этот тип распространен повсеместно в XI в. (Кирпичников А. М., Медведев А. Ф., 1985, табл. 139,13; Хузин Ф. Ш., 1985, табл. LIV,4-12). Он большой серией представлен в аскизской культуре на малиновском этапе (Кызласов И. Л., 1983, рис. 26,46,45). Наконечники подобной формы бытовали в Сибири до прихода русских (Соловьев А. И., 1987, с. 38).

Г р у п п а VI. Плоские наконечники. Представлена 45 экз. из памятников X - XIV вв. Выделено восемь типов.

Т и п 1. Лопаточковидные. Включает 3 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 42,2-4). Длина пера от 5,8 до 6,1 см, ширина 1,5 см. Подобные наконечники были широко распространены в Восточной Европе, где датируются IX - XI вв. (Кирпичников А. М., Медведев А. Ф., 1985, табл. 138,19) и на малиновском этапе аскизской культуры X - XII вв. (Кызласов И. Л., 1983, рис. 26,42). В Лагеревских курганах на Южном Урале они встречены в IX - X вв. (Мажитов Н. А., 1981, рис. 42,22-24), на реке Кане этот тип датируется X - XI вв. (Савельев Н. А., Свинин В. В., 1978, с. 146, рис. 5).

Т и п 2. Срезни треугольные. Включает 2 экз. из памятников X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 37,7) и Старобибеево 4 (рис. 2,7). Размеры пера 3,5 x 2,4 см; 3,5 x 1,7 см. Оба наконечника не имеют упора при переходе от пера к черешку. Аналогии известны в Прииртышье (Конилов Б. А., 1980, рис. 1,39-43), на Южном Урале из могильника Ямши-Таусский IX - X вв. (Мажитов Н. А., 1981, рис. 17,4).

Т и п 3. Срезни удлинненно-треугольные. Включает 2 экз. из памятника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 41,7) и XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 77,5). Более ранний наконечник не имеет упора при переходе от пера к черешку, что отличает его от срезней монгольской эпохи в Восточной Европе (Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985, табл. 140,2) Близкий наконечник известен из Басандайского могильника (Басандайка, 1948, табл. 72,224). Наконечники с упором распространяются в Сибири с монгольского времени. Известны в XIII - XIV вв., в Кипских курганах (Конилов Б. А., Шван Ф. Д., 1983, рис. 1,2), в могильнике Кудыргэ (Гаврилова А. А., 1965, табл. XXV,10), в находках у с. Белый Яр (Худяков Ю. С., 1979 а, рис. 1,10), в Кыштовском могильнике XVII - нач. XVIII вв. (Молодин В. И., 1979, табл. XXXVIII,3,4).

Т и п 4. Короткие развилчатые срезни. Включает 2 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 81,2,9). Длина пера 3,5 и 1,7 см. Время бытования в Западной Сибири с VI по XIX вв. (Соловьев А. И., 1987, с. 43). Полностью аналогичные наконечники известны на могильнике Остяцкая гора (Дульзон А. П., 1955, с. 145, табл. V,4-6).

Т и п 5. Ромбические. Включает 5 экз. из памятников XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 74,4; 81,1,3), Кротово 15 (рис. 99,11), Седова Заимка 2 (Романцова В. Д., 1983, рис. 2,21). Подобные наконечники широко распространены с монгольского времени, они встречены в Забайкалье (Кириллов И. И., 1979, рис. 13,13), Алтае (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3; Кочеев В. А., 1983, с.158, рис. 2,1-5), в могильнике XIII - XIV вв. у с. Усть-Алейка в Верхнем Приобье (Кунгуров А. Л., 1991, рис. 1,8,9), городищах Маяк (Эрдниев У. Э., 1960, табл. XI,8), Искер (Конилов Б. А., Худяков Ю. С., 1981, рис. 2,12), могильниках Тургай 1 (Дульзон А. П., 1952, с. 192, табл. 1,1,2) и Балагачево (Дульзон А. П., 1952, с. 195, табл. IV,1-4), Остяцкая гора (Дульзон А. П., 1955, с. 145, табл. V,1-3), Кыштовка 1 (Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 1980, табл. V,3,5), Кыштовка 2 (Молодин В. И., 1979, табл. XXXVIII,11-14,16,17) в Туве

(Дьяконова В. П., 1966, табл. V,3,5).

Т и п 6. Удлиненно-ромбические. Включает 3 экз. из памятников X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 37,6,8) и Высокий борок (рис. 46,3) и 23 экз. с памятников XIII - XIV вв., 5 экз. из Красного Яра 1 (рис. 68,18,20-23), 5 экз. из Высокого Борка (рис. 80,5; 81,6,10,11; 84,7), 1 экз. из Ельцовского 1 (рис. 92,4), 2 экз. из Кротово 15 (рис. 99,12,13), 1 экз. из Усть-Ини (рис. 100,4), 4 экз. из Усть-Алеуса 7 (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2,1-4), 3 экз. из Раздумье 1 (Уманский А. П., 1987, рис. 86,7-9) и 2 из Седовой Заимки 2 (Романцова В. Д., 1983, рис. 2,13; 3,6). Наконечники X - XII вв. не имеют упора при переходе к черешку, им аналогичны наконечники X - XII вв. Еловского (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. II,2,3) и Басандайского (Басандайка, 1948, табл. 52,18) могильников. Удлиненно-ромбические наконечники с упором широко распространены с монгольского времени (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3; Кунгуров А. Л., 1991, рис. 1,5-7) и до XVIII - XIX вв. (Кызласов Л. Р., 1964, с. 83, табл. 1,46).

Т и п 7. Фигурнолистные. Включает 2 экз. из памятника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 81,7,8). Длина пера 8 и 8,5 см, ширина 3,7 и 3,5 см. Аналогии известны на Алтае (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3), Забайкалье (Ковычев Е. В., 1984, рис. 18; Хамзина Е. А., 1970), Монголии (Медведев А. Ф., 1966, с.169, табл. 29,13,14).

Т и п 8. Треугольные. Включает 3 экз. Один из городища X - XII вв. Седова Заимка (рис. 6,3). Размер пера 6 x 2,4 см. Два из памятников XIII - XIV вв. Каменушка 1 (рис. 55,4) и Высокий борок (рис. 76,14). Имеют широкий круг аналогий. На территории Южного Урала известны в памятниках IX - X вв. (Мажитов Н. А., 1981, рис. 51,7). В Прииртышье в могильнике у с. Усть-Ишим, где датируются X - XII вв. (Конинов Б. А., 1983, рис. 4,5). На Алтае в могильнике Змеевка аналогичный наконечник датируется X - началом XI вв. (Неверов С. В., 1982, с. 118, рис. 4,3). В X - XII вв. известны в Басандайском могильнике (Басандайка, 1948, табл. 90,42). XIII - XIV вв. датируются близкие по форме наконечники из погребения в долине р. Нуры (Маргулан А. Х., 1959, с. 251, рис. 5,5) и Южного Урала (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 7,1).

Костяных свистунок из памятников Новосибирского Приобья неизвестно. Отсутствие костяных свистунок характерно и для сrostкинской культуры в IX - X вв. (Худяков Ю. С., 1986, с. 180-205). Однако на городище Черный борок 20 и Седова Заимка в слоях X - XII вв. найдены два костяных предмета по форме близких к свистункам, но не имеющих отверстий (рис. 14,15; 6,11). Как отмечал Ю. С. Худяков, костяные шарики без отверстий помогали креплению наконечников стрел (Худяков Ю. С., 1986, с. 150), однако существует и другая точка зрения - такие шарики разрывали рану (Хангалов М. Н., 1891, с. 147).

Таким образом, для X - XII вв. выделено 15 типов железных наконечников стрел. Ни один из типов не преобладает над другими. Выделяется большая группа наконечников, которые можно отнести к бронебойным. Для этого же времени характерны и находки панцирей. О широкой их распространенности и свидетельствует большое число бронебойных наконечников. С монгольского времени количество бронебойных наконечников уменьшается. Сами наконечники заметно укрупняются и предназначаются для нанесения больших резаных ран.

Костяные наконечники стрел

Классификация костяных наконечников построена на основах, разработанных А. Н. Кулемзиным (Кулемзин А. Н., 1976) и Ю. С. Худяковым (Худяков Ю. С., 1986). Все наконечники относятся к одному отделу черешковых. По сечению пера делятся на четыре группы, по форме пера делятся на типы (табл. 23).

Г р у п п а I. Трехгранные. Делятся на три типа.

Т и п 1. Листовидные. Представлены на двух этапах: X - XII вв. - 3 экз. (рис.

6,6; 14,4; 34,8), XIII - XIV вв. - 3 экз. (рис. 65,1; 71,5; Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2,5).

Т и п 2. Ассиметрично-ромбические. Представлены только в XIII - XIV вв. - 11 экз. (рис. 69,7; 76,11,12; 81,4,5; 92,5-7; 100,5,6; Романцова В. Д., 1983, рис. 3,2).

Т и п 3. Ромбические. Представлен 1 экз. только в XIII - XIV вв. (рис. 71,4).

Г р у п п а II. Ромбические. Делятся на три типа.

Т и п 1. Листовидные. Представлены на двух этапах X - XII вв. - 20 экз. (рис. 2,5; 6,5,7,9,12; 14,5; 35,10; 39,8; 40,9-11,15-17; 41,9-14), XIII - XIV вв. - 1 экз. (Романцова В. Д., 1983, рис. 2,17).

Т и п 2. Ассиметрично-ромбические. 1 экз. X - XII вв. (рис. 6,8) и 1 экз. XIII - XIV вв. (рис. 56,5).

Т и п 3. Ромбические. Встречено 2 экз. XIII - XIV вв. (рис. 82,3).

Г р у п п а III. Круглые. Выделено два типа.

Т и п 1. Боеголовковые. Встречено на памятниках X - XII вв. - 7 экз. (рис. 14,6,7; 32,3; 39,6; 40,12-14), XIII - XIV вв. - 6 экз. (рис. 68,6,7; 76,10; 77,2,3).

Т и п 2. Шиловидные. 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 39,7). Имеет длинное острие ромбического сечения.

Г р у п п а IV. Четырехгранные. Выделяется один тип.

Т и п 1. Стерженьковидные. Встречен 1 экз. X - XII вв. (рис. 14,3).

Костяные наконечники стрел в лесостепной зоне составляют довольно значительную группу. Основные их формы не менялись во времени. Однако в XIII - XIV вв. резко возросло число ромбических и ассиметрично-ромбических наконечников, что можно объяснить копированием железных, в которых также преобладают эти формы.

В X - XII вв. количество костяных наконечников преобладает над железными. В погребениях в колчаных наборах также чаще встречаются костяные наконечники. В XIII - XIV вв. соотношение изменилось, преобладают уже железные, которых становится больше и в колчаных наборах.

В более южных районах, особенно степных, костяные наконечники встречаются крайне редко (Худяков Ю. С., 1986, с. 150, 190). Широкое их использование в лесостепной зоне связано, скорее всего, с тем, что здесь в хозяйственной жизни общества большее значение имеет охота, чем в степной части, ориентированной на животноводство. Поэтому здесь требовалось гораздо больше наконечников стрел, так как лук играл важную роль в охоте. Нехватку железных компенсировали костяными, которые, с одной стороны, удовлетворяли требованиям прочности, а с другой, их изготовление было менее трудоемким, чем изготовление железных наконечников, доступным каждому взрослому мужчине (Сидоров Е. А., 1973, с. 122).

Поэтому, очевидно, в X - XII вв. железных наконечников не хватало, и они компенсировались костяными, более простыми в изготовлении. С монгольского времени производство железных наконечников возросло (возможно, это связано с меньшими потребностями в изготовлении таких металлоемких изделий, как составные доспехи и сабли) и, так как они качественнее костяных, последние были заметно потеснены.

Л у к

В Новосибирском Приобье из-за легких лесных почв сохранность деревянных предметов очень плохая. Поэтому целые экземпляры или деревянные части лука не обнаружены, однако известны костяные пластины от луков.

На памятниках X - XII вв. пластины от луков не встречены, хотя колчан со стрелами находился в каждом мужском погребении. По-видимому, лук в это время изготавливался целиком из дерева без каких-либо костяных накладок.

Из памятников XIII - XIV вв. происходят костяные накладки от четырех луков. В трех погребениях обнаружены по одной фронтальной костяной накладке с вырезом

для тетивы, подтреугольной в сечении (рис. 68,5; 69,5; Романцова В. Д., 1983, рис. 2,7). Подобные накладки встречаются в Восточноевропейских погребениях (Медведев А. Ф., 1966, с. 126, табл. 4), три обнаружены на Билярском городище (Хузин Ф. Ш., 1985, табл. XLV,2-4), три на Осинкинском могильнике (Савинов Д. Г., 1981, рис. 74,4,5) и одна на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1956, табл. LXI,15). Находки в наших погребениях только по одной концевой накладке говорят, что это не случайность. Как отмечал Д. Г. Савинов, лук с одной концевой накладкой должен быть асимметричным (Савинов Д. Г., 1981, с. 160).

Две костяные фронтальные плечевые накладки происходят из разрушенного погребения в низовьях реки Иня (рис. 100,7,8). Одна из них целая, длиной 16,3 см, она плавно расширяется от 1 до 2,5 см. Близкие накладки на плечи лука известны в могильнике XV - XVI вв. Абрамово 10 (Соловьев А. И., 1987, рис. 4) и среди накладок на луки монголов (Худяков Ю. С., 1991, рис. 50,3; 51,1,2)

Колчаны.

На памятниках X - XII вв. из-за плохой сохранности органических веществ, в частности дерева и бересты, целых колчанов не обнаружено. Однако в могильнике Березовый остров 1 в могиле сохранилась деталь колчана, это костяная петля для продевания ремня портупей. Петля представляет собой вытянутую подтреугольную пластину с четырьмя небольшими отверстиями по краю для прикрепления к колчану и с одним большим отверстием для ремня портупей (рис. 35,9).

Основной район распространения костяных петель - Восточная Европа. А. Ф. Медведевым была составлена подробная сводка костяных петель (Медведев А. Ф., 1966). Это одна из частых находок кочевнических древностей южнорусских степей в XI - XIV вв. (Плетнева С. А., 1958, с. 167). Петли, аналогичные нашей, датируются в Восточной Европе XI - XII вв. (Плетнева С. А., 1981, рис. 82; Смирнов А. П., 1981, рис. 78; Хузин Ф. Ш., 1985, с. 137). В XIII - XIV вв. форма петель изменяется (Малиновская Н. В., 1974, табл. XVIII). В Сибири известны аналогичные петли: из могильника XI - XII вв. Беково (Илюшин А. М., 1993, рис. 48,4; 49,2,3), из поселения X - XII вв. у д. Кипо-Кулары в Прииртышье (Коников Б. А., 1984, рис. 2,12) и на колчане из погребения первой четверти XI в. грота Узун-Хая (Кызласов И. Л., 1986, рис. 5). Костяные колчаные петли, близкие по конструктивным особенностям нашим, известны из Змеинкинского и Калмакского могильников (Беликова О. Б., 1996, с. 79, 80).

Наконечники стрел в колчанах хранили остриями в разные стороны. Это хорошо видно по погребениям, где наконечники стрел лежат на одной линии, остриями, направленными в противоположные стороны. По расстоянию между ними, около 70 см, определяется длина самой стрелы и колчана. Такая длина стрел близка длине стрел из могильника Абрамово 10 (Соловьев А. И., 1987, с. 30). Берестяной колчан длиной 70-72 см, стрелы в котором хранились наконечниками в разные стороны известен в могильнике Чап из Центрального Тянь-Шаня (Табалдиев К., Солтобаев О., 1995, с. 112). Аналогичные расположения наконечников в могилах и такое же, как в наших, расстояние между ними характерно для сросткинских погребений Ближних Елбан (Грязнов М. П., 1956, с. 149) и могильника Шадринцево 1 (Неверов С. В., Горбунов В. В., 1996, с. 176, 177).

Для XIII - XIV вв. известны остатки двух колчанов. Целый экземпляр обнаружен в погребении 1 кургана 3 могильника Кротово 15 (рис. 99,1). Он лежал в мужском погребении на костях правой ноги. Колчан был шит из целого куска бересты. Сохранился ряд отверстий от прошивки. Длина колчана 62,5 см. Верхняя горловина имела ширину 12,5 см. В нижней части колчан расширялся, и, по всей видимости, (здесь сохранность хуже) ширина его была не менее 18 см. Дно колчана закрывала деревянная дощечка. На колчане прослеживается ряд отверстий, судя по всему, для

крепления деревянных дощечек, с помощью которых колчан подвешивался к поясу. Наконечники стрел были вложены в колчан (сохранились их остатки между слоями бересты колчана) остриями вверх и выступали от его устья до 20,5 см. Таким образом, длина стрел составляла 83 см.

Остатки еще одного берестяного колчана выявлены в погребении 1 кургана 12 могильника Высокий борок. Сохранилась только срединная часть, по которой можно сказать, что ширина колчана была 9 см, а расстояние между стенками 3 см. Наконечники стрел в нем хранились остриями в разные стороны и расстояние между ними 70 см. В этом же погребении с правой стороны костяка, судя по всему, был положен еще один колчан, который не сохранился. Наконечники стрел, как и в первом случае, лежали остриями в разные стороны, расстояние между ними 90 см.

В большинстве выявленных случаев в XIII - XIV вв., как и в X - XII вв., наконечники стрел в колчанах носили остриями в разные стороны. Совпадает и длина наконечников 70 - 80 см. Аналогии колчану из Кротова 15 известны в сrostкинских погребениях. Ю. С. Худяков относит их к закрытым колчанам с цилиндрическим приемником (Худяков Ю. С., 1986, с. 190). Близок и колчан из могильника XIII - XIV вв. у с. Усть-Алейка, где он имеет длину, равную нашему 0,6 м (Кунгуров А. Л., 1991, рис. 3,14), а также колчан из грота Узун-хая (Кызласов И. Л., 1986, с. 119, рис. 6). Полностью аналогичный нашему колчан найден в погребении XIII - XIV вв. могильника Сопка 2, однотипен даже узор на колчанах (Молодин В. И., Соловьев А. И., 1995, рис. 10). Известны изображения подобных колчанов и на половецких каменных изваяниях (Плетнева С. А., 1974, с. 119, табл. 3,9).

Таким образом, в первой половине II тыс. н. э. в Новосибирском Приобье были распространены берестяные колчаны, скорее всего, закрытого типа. Наконечники в них носились в большинстве случаев остриями в противоположные стороны, но иногда и наконечниками вверх. В X - XII вв. на колчанах крепились костяные петли для их подвешивания. В большинстве же случаев, как и в XIII - XIV вв., такие петли были деревянными. К поясу колчаны подвешивались с помощью ремней, без применения металлических крючков.

Рубящее оружие.

Известно три экземпляра из памятника X - XII вв. Березовый остров 1.

Палаш - 1 экз. Найден в кургане 3. Длина клинка 87 см, имеет ладьевидное перекрестие, ширина 2,7 см (рис. 34,13). Данный палаш Ю. С. Худяков определил как меч (Худяков Ю. С., 1980, с. 30, табл. II; 1986, с. 191). Однако тщательный осмотр показал, что это не меч, а однолезвийный палаш.

Сабли. 2 экз. Относятся к двум группам.

Г р у п п а 1. Трехгранная прямая. Найдена в кургане 8 погребение 2. Длина клинка 80,7 см, ширина 3 см. Имеет брусковидное перекрестие. Рукоять заметно изогнута в сторону лезвия (рис. 42,9). В могилу она была положена в деревянных ножнах, обклеенных берестой, которые сохранились только частично.

Г р у п п а 2. Трехгранная, слабоизогнутая. Найдена в кургане 4. Длина клинка 80,4 см, ширина 3 см. Клинок слабоизогнут, черешок от рукояти не имеет изгиба, перекрестие брусковидное (рис. 35,13).

Набор рубяще-колющего оружия продолжает традиции предшествующего времени IX - X вв., не отличается от типично кимакских экземпляров (Худяков Ю. С., 1986, с. 191-195; Худяков Ю. С., Плотников Ю. А., 1995). В то же время аналогичное рубящее оружие было характерно и для начала II тыс. н. э. Близкие экземпляры известны в могильниках Шадринцево 1 (Неверов С. В., Горбунов В. В., 1996, рис. 3,8), Усть-Киндинском (Чиндина Л. А., 1992, рис. 2,11), Шанда и Беково (Илюшин А. М., 1993, рис. 29; 47,1), Еловском (Матюшенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. 1,12,13), Басандайка (Басандайка, 1948, табл. 32,58; 90,44), на Южном Урале (Иванов

В. А., Кригер В. А., 1988, с. 12, рис. 2). Большая коллекция близких сабель хранится в музее ТГУ (Ожередов Ю. И., 1994, рис. 1).

Наконечник дротика.

Известен 1 экз. с поселения X - XII вв. Черный борок 3 а. Он имеет треугольное, линзовидное сечении, лезвие размером 8,5 x 263 см и толстый, прямоугольный в сечении черешок (рис. 32,1). Дротик от наконечника стрел отличается прежде всего толщиной черешка, который у последних гораздо тоньше.

Защитное вооружение.

Защитное вооружение известно только из памятников X - XII вв. Оно представлено железными панцирными пластинками. Всего известны пластины из двух погребений могильника Березовый остров 1 и обломок пластины с городища Черный борок 20. Рассматривая найденные пластины, можно сделать вывод о существовании двух разных типов панцирей.

Тип 1. Ламеллярный. Представлен пятью пластинами из могильника Березовый остров 1 (рис. 43,1) и одной пластиной с городища Черный борок 20 (рис. 14,8). Пять пластин, каждая размером 10,7 x 3 см, лежали одним массивом, один из краев заходил на другой. Сохранились и остатки кожаного ремня, скреплявшего пластины. Через четыре пары боковых отверстий пластины скреплялись между собой узким ремешком, проходившим зигзагом. Через одно отверстие с краю узкой стороны скреплялись ряды пластин. Но остаются еще отверстия, которые не участвовали в креплении пластин между собой.

По-видимому, с их помощью панцирь прикреплялся к кожаной основе. С узкого края наших пластин идут два отверстия, через которые продевался ремешок. Так как через них не технологично скрепление пластин между собой, то наши пластины, скорее всего, были крайними в панцире. Как наиболее легко отделяемые от панциря, они были отрезаны от полного набора и положены в погребение к коню. Обломок пластины с городища Черный борок 20, судя по всему, входил в набор от аналогичного панциря.

Наиболее близки пластины ламеллярного панциря пластинам древнетюркского доспеха (Худяков Ю. С., 1986, с. 158, рис. 69). Аналогичные пластины начала II тыс. н. э. известны в Басандайском (Басандайка, 1948, табл. 32,52), Змеинкинском и Калмакском (Беликова О. Б., 1996, рис. 35,2,3; 69,9,10,14) могильниках. Ю. С. Худяков и А. И. Соловьев пришли к выводу о широком распространении в конце I - начале II тыс. н. э. панциря в виде рубахи с короткими рукавами и коротким подолом, состоящим из пластин ламеллярной системы крепления в Сибири и Забайкалье (Худяков Ю. С., Соловьев А. И., 1987, с. 155).

Тип 2. Ламинарный. В одном из погребений кургана Березового острова 1 найдены две железные пластины размером 22,5 x 7,3 см (рис. 35,11,12), пластины лежали в два ряда на расстоянии друг от друга. По всей видимости, мы имеем здесь дело с кожаным панцирем, усиленным двумя большими железными пластинами. На погребенного такой панцирь надеть было нельзя, и он был положен на дно могильной ямы. Составной панцирь был известен монголам (Плано Карпини, Рубрук, 1957, с. 50, 51). О существовании кожаных панцирей говорит и фольклорный материал хакасов (Бутанаев В. Я., 1981, с. 188).

Судя по изображению головы человека на нагрудной бляхе из погребения 3 кургана 8 могильника Березовый остров 1 (рис. 44,2), населению был известен и куполообразный шлем с полумаской. Подобный шлем реконструирован также по изображениям А. И. Соловьевым (Соловьев А. И., 1984, с. 9; 1987, с. 62).

Таким образом, в Новосибирском Приобье в X - XII вв. в системе вооружения сохраняются традиции, характерные для кимаков конца I тыс. н.э. Основу военных отрядов населения Новосибирского Приобья в X - XII вв. составляла легкая кавалерия

из взрослых мужчин - воинов, которые были вооружены луками со стрелами, в колчаных наборах которых был большой спектр бронебойных наконечников, кроме того воины были вооружены и рубяще-колющим оружием. В составе этих отрядов имелись и тяжеловооруженные всадники, защищенные панцирными доспехами или комбинированными с железными пластинами, защищающими важнейшие места. Голову и лицо закрывали шлемы с полумасками.

Местное население хорошо могло противостоять тяжеловооруженным всадникам, имея довольно большой набор разнообразных бронебойных наконечников стрел. Наконечники представлены как с упором, так и без него. Наконечники без упора характерны для лесной полосы Западной Сибири (Соловьев А. И., 1984, с. 8). Примерное равенство обеих групп показывает, что население Новосибирского Приобья находилось на границе двух больших регионов, со своими характерными особенностями. Большее количество костяных наконечников, чем железных говорит о важном значении охоты в хозяйственной жизни.

В XIII - XIV вв. среди наконечников стрел упала доля бронебойных. Размеры наконечников увеличились, они предназначаются для нанесения широких резаных ран, что важно для охоты. Увеличение размера наконечников потребовало увеличение мощности лука. Это достигалось с помощью костяных накладок. В погребениях отсутствует защитное вооружение, рубящее оружие, хотя погребений исследовано значительно больше. Наконечники стрел в берестяных колчанах носились остриями в противоположные стороны, реже остриями вверх, как и в X - XII вв.

3. КОНСКАЯ УПРЯЖЬ.

У д и л а.

Всего известно семь экземпляров удила из памятников Новосибирского Приобья. Удила, как правило, были положены в погребения вместе с остатками лошадей. Все удила двусоставные, кольчатые. Можно выделить два типа.

Тип 1. С восьмерковидным окончанием грызла. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 43,2). Удила с восьмерковидным окончанием грызла широко представлены в последней четверти I тыс. н.э., где они, как правило, встречаются с металлическими пластинчатыми псалями, закрепляемые в первом кольце грызла. У многих в отверстия на окончании грызла вставлены небольшие колечки, за которые непосредственно и держались поводья (Левашова В. П., 1952, рис. 1,36,37,38; 5,46; Савинов Д. Г., 1982, рис. 4,6; Мажитов Н. А., 1981, рис. 22,11; Кызласов И. Л., 1986, рис. 7). Как указывает И. Л. Кызласов, подобные окончания грызла выходят из употребления в X - XI вв. (Кызласов И. Л., 1983, с. 25). Наши удила вместо пластинчатых псалий имеют кольчатые, что довольно редкое явление. Аналогии известны в могильниках Карашат 1 (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987 а, с. 184, рис. 95,4), Бажынты (Суразаков А. С., 1982, рис. 2,14), в культуре амурских чжурчженей X - XI вв. (Медведев В. Е., 1977, табл. III,3).

Тип 2. Кольчатые удила с однодырчатим окончанием грызла. Встречен один экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 44,9). К XIII - XIV вв. относятся два экз. из могильника Высокий бокор (рис. 77,12; 80,2) и по одному из могильников Ельцовский 1 (рис. 93,3), Усть-Алеус 7 (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2,13), Крутоборка 2 (рис. 100,3). Кольчатые удила с простым округлым однодырчатим окончанием грызла с начала II тыс. н.э. становятся преобладающей формой удила, что видно и на нашем материале. Этот процесс прослеживается и на других территориях: в Приобье (Боброва А. И., 1982, рис. 2,2), на Томи (Басандайка, 1948, табл. 47,99), в Кузнецкой котловине (Илюшин А. М., 1993, рис. 26,14; 28,3; 43,1; 46,1), на Чулыме (Беликова О. Б., 1996, рис. 8,4; 43,8; 71,8), на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 7,28; 8,20), на Руси (Кирпичников А. Н., 1973, с. 17),

исключение составляет аскизская культура, где удила с кольчатými псалями немногочисленны (Кызласов И. Л., 1983, с. 29).

Стремена.

Известно 8 экз. X - XIV вв. Все стремяна были положены в погребения с конем. Всего к этому периоду в Приобье относятся семь погребений с конем и с остатками сбруи. В четырех наборах вместе с удилами найдены и железные стремяна. В двух погребениях с конями могильников Усть-Алеус 7 и Высокий бокор несмотря на то, что удила присутствовали, стремян не было. Скорее всего, в этих погребениях стремяна были не металлические, а деревянные, которые, учитывая плохую сохранность дерева в погребениях, не сохранились. Деревянные стремяна известны в аскизской культуре (Кызласов И. Л., 1983, табл. XV,4.), в поздних теленгитских (Могильников В. А., Елин В. Н., 1983, с. 153, рис. 20; Мыльников В. П., Тэцу Масумото, 1994, рис. 3,2) и бурятских (Зайцев М. А. и др., 1994, рис. 8,2) погребениях. Металлические стремяна Новосибирского Приобья четырех типов.

Т и п 1. Восмерковидные. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 43,3,6). Восмерковидная форма стремян широко представлена в сибирском материале во второй пол. I тыс. н. э., являясь наиболее распространенной формой. Подобные стремяна известны на Алтае (Савинов Д. Г., 1982, рис. 4,10), в Хакасии (Поляков А. С., 1983, рис. 4,6; Левашова В. П., 1952, рис. 1,41; 5,45,50,55), в Туве (Вайштейн С. И., 1966, табл. I,10; III,15; V,16), в Верхнем Прииртышье (Арсланова Ф. Х., 1972, с. 63, табл. 4,15,6; с.65, табл. 5,3), на Южном Урале (Мажитов Н. А., 1981, рис. 20,27). В X - XI вв. они являются пережиточной формой на Руси (Кирпичников А. И., 1973, с. 48), доживают до X - XI вв. на Южном Урале (Мажитов Н. А., 1981, рис. 68,12,15,22), встречаются у чжурчжэней X - XI вв. (Медведев В. Е., 1977, табл. II,1). Восмерковидные стремяна представлены в XI - XII вв. в Кузнецкой котловине из могильника Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 34,1; 37,5,6).

Т и п 2. Овальной, близкой к треугольной, формы с овальным завершением верхней дужки с прорезным отверстием. Встречено 4 экз. в могильниках XIII - XIV вв.: два - из Высокого борка (рис. 80,4,6), по одному из Крутоборки 2 (рис. 100,2), и Ельцовского 1 (рис. 90,1). Близкие по форме стремяна отнесены Г. А. Федоровым-Давыдовым к типу ДII и датируются им второй половиной XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 116). Аналогичные стремяна в XIII - XIV вв. известны на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, с. 32, рис. 8,1,19; с. 33, рис. 9,1), Чулыме (Беликова О. Б., рис. 8,6,7;), Хакасии (Кызласов И. Л., 1980, рис. 4,2), Алтае (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3).

Т и п 3. Стремяна, близкие по форме второму типу, отличаются только более приостренной формой верха, большим изгибом подножки. Встречено 2 экз. из могильника XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 90,3; 96,11). Аналогии можно найти в Хакасии (Кызласов И. Л., 1980, рис. 5,2), Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 11,14,20), Алтае (Гаврилова А. А., 1965, табл. XXX, 5), Чулыме (Беликова О. Б., 1996, рис. 49,13) где они датируются в пределах XIII - XIV вв.

Т и п 4. Стремя с широким приостренным плоским верхом дужки и с массивными дужками и подножкой. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 96,9). Точные аналогии неизвестны. Но по широкому массивному верху наиболее близки нашему стремени, стремяна из могил у с. Королевки XIV в. (Максимова А. Г., 1965, с. 88, табл. 2,1) и у горы Суханихи на Енисее (Гаврилова А. А., 1964, с.165, рис. 1,6).

Подпружные пряжки.

Обнаружено четыре экземпляра. Все из погребений с конем, где находились среди других предметов конской узда, поэтому мы можем уверенно относить их к подпружным. Две пряжки железные, две костяные. Железные по форме

подразделяются на два типа.

Т и п 1. Пряжка овальной формы размером 4 x 6,2 см, боковые грани которой расплющены, за счет чего пряжке придана овальная форма. Встречена в могильнике X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 43,4).

Т и п 2. Прямоугольная пряжка с уплощенной слабоизогнутой передней дужкой размером 9,4 x 5,4 см и подвижным железным язычком. Встречена в могильнике XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 90,2).

Костяные пряжки - одна из довольно частых находок в курганах сrostкинской культуры второй половины I тыс. н. э. (Неверов С. В., 1985), в первой половине II тыс. встречаются эпизодически. По форме относятся к одному типу.

Т и п 1. Удлиненной формы с приостренным носиком и железным язычком. Встречено 2 экз. из могильников XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 81,13), и Ельцовский 1 (рис. 93,2). Размеры пряжек 18,8 x 4,6 см и 16,2 x 5,6 см. Аналогичные пряжки известны из Болгара (Закирова И. А., 1988, рис. 100,6) из могильников Ильмовая падь (Гаврилова А. А., 1965, рис. 13,18), Быстрая (Савинов Д. Г., 1990, с. 131, рис. 5), Часовенная гора (Савинов Д. Г., 1990, с. 128, рис. 2; с. 129, рис. 3), Змеинкинского (Беликова О. Б., 1996, рис. 19,5), Калмакского (Беликова О. Б., 1996, рис. 58,7; 71,6) и у с. Усть-Алейка (Кунгуров А. Л., 1991, рис. 2,5). По всей видимости, удлиненные костяные пряжки можно считать хронологическим признаком монгольского времени.

Нужно указать, что подпружные пряжки крупнее поясных. Это отмечено и для русских древностей (Кирпичников А. Н., 1976, с. 76).

Наносный султанчик. К уздечному набору относится железный наносный султанчик из погребения 1 кургана 13 могильника Ельцовский 1 (рис. 93,4). Султанчики широко представлены в материалах аскизской культуры (Кызласов И. Л., 1983, с. 11). Наш экземпляр имеет короткую втулку, что сближает его с аскизскими султанами XIII - XIV вв. (Кызласов И. Л., 1983, табл. VII).

Наконечники ремней. К украшению сбруи мы можем отнести два длинных бронзовых наконечника ремня из кургана 14 могильника Быстровка 1 (рис. 50,5). Близкие им аналогии известны в памятниках конца I тыс. н. э. Третье отделение 1 (Бородовский А. П., Новиков А. В., 1988, рис. 30,7), у совхоза "Поспелихинский" (Уманский А. П., Неверов С. В., 1982, рис. 1,4) могильниках начала II тыс. н. э. Еловском (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. II,7), Малая Бича (Конинов Б. А., 1987, рис. 8,5,13). Длинные наконечники оголовий мы находим и в Восточной Европе в X - XI вв. (Кирпичников А. Н., 1973, табл. X), этим же временем подобные наконечники ремней датировал и С. В. Неверов (Неверов С. В., 1988 а, с. 14; Неверов С. В., Горбунов В. В., 1996, с. 173).

Остатки седел. Седла, которые были деревянными, в погребениях не сохранились. Однако мы можем к их остаткам отнести обломки костяных пластинок (рис. 92,12-16), судя по всему, это обкладки луки седла (могильник XIII - XIV вв. Ельцовский 1 курган 12). Тонкие железные обкладки луки седла известны в аскизской культуре (Кызласов И. Л., 1983, табл. XVII), в Восточной Европе (Кирпичников А. Н., 1973, табл. XIII). Сохранились и седельные кольца из могильника XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 87,3; 92,11; 96,13-15). Близкие аналогии им известны на Алтае (Гаврилова А. А., 1965, табл. XXVII,1-9), в Хакасии (Кызласов И. Л., 1983, табл. XIV,35-38), Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 12,19-21).

К остаткам седла мы можем отнести костяные гвоздики (рис. 90,4) из могильника Ельцовский 1. Подобные гвоздики, только серебряные, известны из кургана Никольское V (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989, рис. 91). Костяные "заклепки" из могильника (рис. 90,5), судя по всему, вставлявшиеся в прорези сбруйных ремней, служили как для их скрепления, так и для украшения.

Навершие плети. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв.

Ельцовский 1 (рис. 89,5). Стержень с шаровидным окончанием, изготовленный из кости, имеет продольное сквозное отверстие. Длина 4,8 см, диаметр черенка 1,4 а окончания 1,9 см. Навершие орнаментировано поперечными резными желобками. Аналогии нашему изделию известны из могильника Усть-Алейка (Кунгуров А. А., 1991, рис. 2,2). Плеть использовалась как универсальное средство управления конем при верховой езде (Кирпичников А. Н., 1973, с. 71). Кроме того, могла использоваться и в качестве оружия (Бородовский А. П., 1987; Курылев В. П., 1978, с. 8).

4. ОРУДИЯ ТРУДА.

Т е с л а.

В Новосибирском Приобье известно 18 экземпляров. Их можно разделить на два типа.

Т и п 1. С несомкнутой втулкой с хорошо выраженными плечиками, за счет чего ширина лезвия больше ширины втулки. Встречено 7 экз. из памятников X - XII вв. (рис. 34,6; 35,6; 37,3; 40,5; 43,5).

Т и п 2. С несомкнутой втулкой без плечиков с шириной лезвия, равной ширине втулки. Встречен 1 экз. из кургана X - XII вв. могильника Высокий борок (рис. 46,1) и 10 экз. из памятников XIII - XIV вв. (рис. 68,17; 76,3; 77,10,11; 80,1; 84,5; 99,10; Романцова В. Д., 1983, рис. 2,11; Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2,7; Уманский А. П., 1987, рис. 2,16).

Вопросы хронологии тесел древнетюркского времени Южной Сибири были рассмотрены С. П. Нестеровым. Тесла с плечиками датированы им VIII - X вв., а без плечиков - VI - VIII вв. (Нестеров С. П., 1981, с. 171,172). Однако узость хронологических границ и рассматриваемой территории, небольшой фактический материал (23 экз., тогда как только в южной части Западной Сибири найдено более 150 находок тесел эпохи средневековья) привели С. П. Нестерова к ошибкам в относительной датировке тесел. Нужно отметить, что тесла с плечиками появились, по всей видимости, в VII в., а возможно, и в VI в. Этот тип представлен в Тимирязевском могильнике в группе курганов VI - VIII вв. (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, рис. 55,3), в погребении VII в. Шестаковских курганов (Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. Н., 1971, рис. 25,5). До IX в. тесла с плечиками встречаются очень редко, господствующим типом были тесла без плечиков. В IX - X вв. тесла обоих типов сосуществуют. В Приобье тесла без плечиков во второй пол. I тыс. н. э. представлены широко (Грязнов М. П., 1956, табл. VII,16; Плетнева Л. М., 1984, рис. 7,2; 8,9; Троицкая Т. Н., 1978, рис. 3,2; Чиндина Л. А., 1991, с. 164, рис. 24,3,4,6,7).

В X - XII вв. тесла с плечиками являются господствующим типом. Они широко представлены в аскизской культуре на ее малиновском этапе (Кызласов И. Л., 1983, табл. XXIV,4-7), в Басандайском (Басандайка, 1948, табл. 34,59,73,76), в Еловском (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. I,17; II,1; V,5), Усть-Киндинском (Чиндина Л. А., 1992, рис. 2,12) могильниках. В памятниках XI - XII вв. Шанда и Беково (Илюшин А. М., 1993, рис. 28,2; 31,1; 47,4; 50,1). И в Новосибирском Приобье в X - XII вв. подавляющее количество тесел с плечиками.

В XIII - XIV вв. В Новосибирском Приобье господствующим типом опять становятся тесла без плечиков. Такая же тенденция прослежена и на материалах аскизской культуры (Кызласов И. Л., 1983, табл. XXIV,8-10), и могильнике XIII - XIV вв. Усть-Алейка (Кунгуров А. Л., 1991, рис. 1,4)

В зависимости от способа прикрепления рукояти, теслом могли пользоваться как собственно теслом, так и как топором. Отличаются они друг от друга тем, что топоры имеют более клиновидное сечение, тогда как у тесел оно изогнутое (Соловьев А. И., 1983, с. 138). Исходя из характера сечения, наши тесла применялись как универсальное деревообделочное орудие, что для Южной Сибири было отмечено

С. В. Киселевым (Киселев С. В., 1951, с. 516, 529, 530) и С. П. Нестеровым (Нестеров С. П., 1981, с. 172).

Исследователи не раз обращали внимание на возможное использование тесел в качестве оружия (Грязнов М. П., 1956, с. 152; Нестеров С. П., 1981, с. 122; Худяков Ю. С., 1981, с. 120; Соловьев А. И., 1983, с. 139). Высказывался и основной аргумент: тесла часто встречаются в могилах взрослых мужчин - воинов. Не исключая совсем возможного применения тесел как рубящего оружия, нужно отметить, что под эту категорию, скорее всего, подходили не собственно тесла, а топоры (Соловьев А. И., 1983, с. 139).

Тесла, как уже отмечалось, были основным универсальным деревообделочным инструментом, остро необходимым мужчинам при господстве натурального хозяйства. При этом нужно отметить, что тесла чаще всего встречаются в лесостепной и предтаежной зонах, где их роль в хозяйственной жизни возрастает. Вследствие этого тесла и входили в погребальный инвентарь взрослых мужчин, которые были, кроме всего прочего, и воинами.

Н о ж и.

Всего нами учтено 28 ножей из могильников и поселений. Они распределяются следующим образом: в памятниках X - XII вв. найдено 12 ножей, XIII - XIV вв. - 15 ножей. В литературе известны разные классификации ножей: по сочетанию черешка и спинки и их взаимного расположения (Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, с. 68), по форме спинки (Медведев В. Е., 1986, с. 60), по функциональному признаку (Культура Биляра ..., 1985, с. 56) с дополнением размера (Плетнева С. А., 1989, с. 91). Наиболее подробная классификация предложена И. Л. Кызласовым, где учитывается металл, форма крепления к рукояти, форма спинки, форма сечения лезвия, форма перехода лезвия в черешок (Кызласов И. Л., 1983, с. 20). Из-за плохой сохранности ножей мы не можем использовать в полной мере классификацию И. Л. Кызласова. Все наши ножи однолезвийные, черешковые. По форме спинки их можно отнести к одной группе: с прямой спинкой. Группу ножей с прямой спинкой можно разделить по размерам лезвия на два типа.

Т и п 1. С длиной лезвия от 4 до 8,3 см (26 экз.).

Т и п 2. С длиной лезвия более 11,4 см (2 экз.).

Первый тип, учитывая его размеры, использовался для повседневных хозяйственных нужд, обработки дерева, кости. Второй тип можно отнести к боевым. Ручки ножей были деревянными и костяными. Преобладали деревянные, сами они не сохранились, но на черенках ножей остались следы древесного тлена. Костяных ручек ножей немного. Три экземпляра относятся к X - XII вв., один к XIII - XIV вв. Все они из рога, с пазом для черенка ножа. Ножны были деревянными, об этом говорят сохранившиеся отпечатки дерева на лезвиях ножей, но в большинстве случаев какие-либо отпечатки отсутствуют, возможно, ножны были из кожи.

О конструкции деревянных ножен мы можем судить только по одному наиболее сохранившемуся экземпляру XIII - XIV вв. из могильника Высокий бок (рис. 79, 11). Они были сделаны из двух деревянных брусков, причем паз между ними проходил не параллельно лезвию ножа, а перпендикулярно. Сверху ножны были обклеены берестой. Аналогичную конструкцию имели ножны из могильника Сопка 2 (Молодин В. И., Соловьев А. И., 1995, рис. 5, 4).

Ножи находились как в погребениях взрослых, так и захоронениях детей. Наиболее часто они располагались чуть ниже кисти руки у бедренной кости. Причем, если в X - XII вв. предпочтение отдавали левой стороне, то в XIII - XIV вв. - правой. Для затачивания ножей использовались каменные оселки. Их в большом количестве находят на городищах и поселениях, изредка они входят и в инвентарь погребенных.

П р я с л и ц а.

Всего учтено три пряслица с памятников двух периодов. Они найдены на городище Черный борок 20, поселение Каменушка 3 а и в могильнике Высокий борок.

Известно, что качество и материал изготавливаемой нити зависят от размера и веса пряслиц (Литвинский Б. А., 1978, с. 42). Исходя из этого можно выделить два типа пряслиц:

Т и п 1. Небольшие по размеру и весу. К ним относятся пряслице из кости с городища X - XII вв. Черный борок 20 (рис. 14,16) и керамическое с поселения X - XII вв. Каменушка 3 а (рис. 32,5).

Т и п 2. Отличается от первого большим размером и весом. Он представлен пряслищем из черного смолистого вещества (капа?) из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 72,5).

Небольшое количество пряслиц, найденных на памятниках пер. пол. II тыс. н.э., вряд ли свидетельствует о неразвитости прядения и ткачества у населения Новосибирского Приобья. Скорее всего, основная масса пряслиц изготавливалась из дерева, как это было принято у народов Сибири (Попов А. А., 1955, с. 84). Этнографические исследования свидетельствуют о том, что, кроме деревянных, применялись и пряслица из кости, причем ханты делали костяные пряслица из головки бедренной кости животного (Попов А. А., 1955, с. 84). Точно также изготовлено и наше костяное пряслице. Различные типы пряслиц у населения Новосибирского Приобья свидетельствуют о том, что изготавливались нити различной толщины.

К л е щ и. Один экземпляр обнаружен в погребении могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 44,17). Общая длина клещей 29,7 см, они имеют хорошо подогнутые губы. Б. А. Колчиным на Восточноевропейском материале выделено два вида кузнечных клещей: большие двуручные и одноручные (Колчин Б. А., 1953, с. 56). Одноручные клещи использовались для средних и небольших изделий, причем их длина в среднем была 20-25 см (Колчин Б. А., 1985, с. 250). Судя по размеру, наши клещи относятся к одноручным. Аналогии им известны из Томского Приобья (Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 210, рис. 75,2), с Билярского городища (Культура Биляра ..., 1985, с. 75, табл. XXVII,2), в Хакасии (Сунчугашев Я. И., 1979, с. 184, табл. XX,1). Близкие размеры имели клещи у чжурчжэней (Леньков В. Д., 1974, с. 103, рис. 25).

М о л о т о к. Встречен 1 экз. вместе с клещами в погребении могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 44,11). Размеры молотка: длина - 7,5, ширина - 3,5, толщина - 1,9 см. С одной стороны молоток для выковочных и вытяжных работ имел плоскую прямоугольную поверхность, с другой клиновидное завершение. Среди древнерусских молотков аналогичные экземпляры наиболее многочисленны (Колчин Б. А., 1985, с. 249). Близкую форму имеют и молотки, одновременные нашему из могильника Басандайка (Басандайка, 1948, табл. 32) и Шайгинского городища (Леньков В. Д., 1974, с. 107, рис. 23).

Н о ж о в к а. Полотно ножовки найдено в одном наборе с клещами и молотком в погребении могильника Березовый остров 1 (рис. 44,16). Близкий экземпляр ножовки известен из Денисовой пещеры (Деревянко А. П., Молодин В. И., 1994, рис. 12,2).

Л ь я ч к а. Один экземпляр обнаружен на городище X - XII вв. Старобибеево 4 (рис. 2,9). Ложковидной формы с втульчатой ручкой. Носик для слива металла сильно вытянут и приострен.

Т и г л и. Известны обломки не менее трех тиглей с памятников X - XII вв. На городище Умна 4 обнаружены обломки от двух тиглей цилиндрической формы с округлым дном (рис. 5,11). На поселении Каменушка 3 а найден цилиндрический тигель с плоским дном (рис. 32,4). Диаметр тигля - 5,2 высота - 3,9 см. Тигли как с округлым дном, так и плоскодонные применялись древнерусскими ремесленниками

(Колчин Б. А., 1985, с. 262).

Серп. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 84,2). Частично сохранившееся, слабо изогнутое, лезвие имеет ширину 2,6 см и небольшой угол между черешком, на котором сохранились следы деревянной рукояти, и лезвием.

Жернова. Встречено 2 экз. с памятников X - XII вв. Целый верхний жернов диаметром 31 см найден на городище Седова Заимка (рис. 6,19). Обломок еще одного жернова диаметром 26 см обнаружен на городище Черный борок 20 (рис. 14,21). Судя по размерам, их можно отнести к ручным ротационным мельницам.

Рыболовные крючки. Встречено 2 экз. Один найден в погребении могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 39,2). Длина крючка 8,1, ширина цевья 3,5 см, крючок сделан из железной проволоки квадратного сечения и имеет хорошо выраженную бородку и петлю на противоположном конце. Другой обнаружен в могильнике XIII - XIV вв. Седова Заимка 2 (Романцова В. Д., 1983, рис. 2,8). Крючок сделан из железной проволоки круглого сечения. Длина крючка 6,8 см, ширина цевья 2,3 см. Крючок не имеет бородки, противоположный конец расплюсчен. Большие размеры крючков говорят о том, что скорее всего этот крючок от самолова. Крючки на бечеве, опускаемые в воду без наживы преимущественно зимой, использовались для ловли осетров, налимов и стерляди (Павлов А., 1878, с. 70, 141).

Кочедыки. Известно 7 экз., все изготовлены из кости. Основной чертой, сближающей их, является слегка приостренный изогнутый конец, частично хорошо залощенный. Они найдены на городище X - XII вв. Черный борок 20 (рис. 14,17-20), и Седова Заимка (рис. 6,13), и в могильниках XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 96,2), и близ устья р.Иня (рис. 100,9). Среди них выделяются два кочедыка. Один представлен наиболее сохранившимся экземпляром с городища Седова Заимка. Он имеет ромбический рабочий конец с круглой основой, частью имеющую по центру два перпендикулярных сквозных отверстия и втулку на противоположном конце (рис. 6,13). Обломок от аналогичного кочедыка был найден на городище Черный борок 20 (рис. 14,18).

Довольно большое количество кочедыков показывает, что они занимали заметное место в хозяйственной жизни населения X - XIV вв. Костяных кочедыков на памятниках Западной Сибири известно немного. Возможно, это объясняется тем, что они не входили в обязательный погребальный комплекс вещей. Они датируются широким хронологическим отрезком времени, известны в могильнике Катанда II в VI - VII вв. (Гаврилова А. А., 1965, рис. 6,3), во второй половине I тысячелетия н. э. в Приобье (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 2,18), в ундугунской культуре Восточного Забайкалья первой половины II тыс. н. э. (Кириллов И. И., 1983, рис. 4,8), на поселении у д. Кипо-Кулары X - XII вв. (Конилов Б. А., 1984, рис. 2,14) и поселения XIII - XIV вв. Зайцево 2 (Шамшин А. Б., Горбунов В. В., 1993, рис. 2,7).

5. ПРЕДМЕТЫ БЫТА.

Кресала.

В Новосибирском Приобье обнаружено не менее 15 кресал. Три кресала найдены в могильнике X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 34,9; 40,2; 41,16), два в погребениях могильника X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 49,3,13). Еще десять найдены в могильниках XIII - XIV вв. Красный Яр 1 (4 экз.) (рис. 68,3; 69,3; 71,9) и Высокий борок (6 экз.) (рис. 74,3; 76,5; 77,4; 79,10; 84,9). Все кресала одного типа. Это скобковидный железный стержень прямоугольного сечения с загнутыми приостренными концами для вбивания в деревянную основу.

В Восточной Европе подобных кресал немного. В Поволжье они встречены в Танкеевском могильнике IX - X вв. (Казаков Е. П., 1971, с. 104). Основной район распространения кресал подобного типа - Сибирь. Они широко представлены в

Басандайских курганах как в погребениях X - XII вв., так и в погребениях XIII - XIV вв. (Басандайка, 1948, табл. 47,28; 56,31,40), на Чулыме (Беликова О. Б., 1996, с. 68). В аскизской культуре кресала аналогичных форм представлены на всех ее этапах. И, как отмечает И. Л. Кызласов, они не связаны с местной традицией развития огня (Кызласов И. Л., 1983, с. 41). Подобное кресало было найдено в Кузнецкой котловине на поселении у г. Гурьевска (Елькин М. Г., 1974, с. 123, рис. 1,20), в монгольском погребении из Восточного Забайкалья XII - XIII вв. (Ковычев Е. В., 1981, рис. 2,3), в погребениях амурских чжурчжэней конца X - XI вв. (Медведев В. Е., 1977, с. 198, табл. XXXVIII,1-14).

В погребениях кресала расположены у пояса или чуть ниже, с правой, реже с левой сторон. Иногда кресала находятся под костями кисти руки. В могилу кресала помещали, судя по остаткам, в кожаной сумочке с небольшими кусочками кремня.

Таким образом, всю первую половину II тыс. н. э. в Южной и на юге Западной Сибири основным типом кресал были скобковидные кресала, закрепляемые в деревянной основе.

Вилки.

Вилки - один из редких предметов материальной культуры. В наших материалах известно 2 экз. Все они железные, двузубые, из могильников Высокий борок (рис. 73,2) и Ельцовский 1 (рис. 89,6), относятся к XIII - XIV вв. Ручки у вилок разные: из могильника Высокий борок цельножелезная, изготовлена из пластины, согнутой в трубочку. На конце вилки имеется подвижное колечко для подвешивания. Вилка из Ельцовского 1 черешковая, на черешке сохранились следы деревянной ручки. Точные аналогии нашим вилкам неизвестны. Двузубые вилки известны в тюхтятской культуре (Кызласов И. Л., 1983, с. 61), представлены они в аскизской культуре (Кызласов И. Л., 1983, табл. XXIII,20-22). Железная черешковая вилка известна в могильниках Басандайка (Басандайка, 1948, табл. 61,84) и Змеинкинском (Беликова О. Б., 1996, рис. 45,15), Денисовой пещере (Деревянко А. П., Молодин В. И., 1994, рис. 12,4). Изображения вилок высечены на половецких каменных изваяниях (Плетнева С. А., 1974, рис. 20,20). Носили вилки, прикрепив их к поясу, для чего они могли иметь специальные колечки. Такое ношение подтверждают и изображения их на изваяниях (Плетнева С. А., 1974, с. 32).

Щетки.

Известен 1 экз. костяной ручки щетки из могильника Ельцовский 1 (рис. 89,2) длиной 9,2 см. На одном конце щетки два ряда отверстий для щетины, другой конец оформлен в виде миниатюрной ложечки. Скорее всего подобные щетки использовались для маникюрных целей. Костяные ручки от щеток хорошо датируются XIII - XIV вв. Известно их немного: в Хакасии на Часовой горе (Кызласов И. Л., 1983, рис. 26,135) и в древнемонгольских городах (Левашова В. П., 1965, рис. 164,1,7,8).

Булавки.

Найдено 2 экз. из слоя X - XII вв. городища Седова Займка (рис. 6,1,2). Представляют собой круглые в сечении стержни длиной в 17,5 и 17,7 см. С одного конца стержни заострены, другой конец оформлен у одного экземпляра в виде загнутого кольца, у другого - квадратной пластинкой.

Женские железные булавки - специфическая черта культуры средневековых хакасов конца X - XII вв. (Кызласов И. Л., 1977, с. 102), в отличие от булавок с других территорий, которые были из бронзы (Кызласов И. Л., 1977, с. 91). Булавки с городища Седова Займка сближает с хакасскими XI - XII вв. материал (железо), общая длина, а также то, что они гладкие, тогда как в VI - X вв. булавки были витые или ложновитые (Кызласов И. Л., 1977, с. 96).

Игольники.

Встречено 2 экз. из памятников X - XII вв. Представляют собой железные

трубочки. Длина трубочки из могильника Быстровка 1 (рис. 50,6) 7,2 см, диаметр 2 см. Внутри нее сохранились остатки железной иголки. Длина игольника с городища Седова Заимка (рис. 6,4) 7,1 см, диаметр 1 см. Костяные игольники известны из могильника Дмитриевского археологического комплекса VIII - X вв. (Плетнева С. А., 1989, с. 93) и в средневековых памятниках Прибайкалья (Асеев И. В., 1980, табл. XII,3) и Забайкалья (Асеев И. В. и др., 1984, табл. XIII,9). В Юго-Восточном Приладожье трубчатые игольники датируются X - XI вв. (Кочкуркина С. И., 1973, с. 44). Широко представлены игольники в Среднем Причулымье (Беликова О. Б., 1996, с. 69).

Астрагалы.

Среди разнообразного инвентаря, полученного из раскопок средневековых памятников Новосибирского Приобья X - XIV вв., выделяются своей многочисленностью астрагалы, имеющие следы обработки - насечки, отверстия, стачивания.

В соответствии с периодизацией памятников, все обработанные астрагалы относятся к двум периодам: X - XII вв. - с городищ Черный борок 20 (нижний слой) - 6 экз., Седова Заимка - 2 экз., Старобибеево 4 - 1 экз., из могильника Быстровка 1 - 3 экз.; XIII - XIV вв. - с городища Каменушка 1 - 3 экз. Была составлена таблица распределения астрагалов по видам обработки в соответствии с датировкой (Табл. 1).

Таблица - 1

Виды обработки астрагалов	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
Сетка из прочерченных линий	3	2
Две параллельные полосы, заштрихованные сеткой	1	1
Беспорядочные насечки	2	
Отверстие сбоку	3	
Отверстие в спинке	1	
Стачивание боковых граней	1	
Углубления для заливки	1	

Из таблицы видно, что самая многочисленная группа астрагалов имеет рисунок из прочерченных линий. Это, как правило, небрежно выполненная сетка или две параллельные заштрихованные полосы. Орнамент, как правило, наносился на спинку астрагала, но у некоторых спускается ниже, на боковую сторону. Сквозные отверстия у большинства астрагалов проделывались в одной из боковых граней, где наименьшая толщина кости. Один астрагал имеет отверстие в спинке. У одного срезана часть боковой стороны и сделаны две неглубокие полые ямки, по-видимому, для заливки свинцом или бронзой для утяжеления. Основная масса астрагалов имеет только один из перечисленных признаков. Обработанные астрагалы привлекали к себе внимание исследователей, они встречаются во многих археологических культурах и датируются широким отрезком времени. Известны они в кротовских погребениях могильника Сопка 2 (Молодин В. И., 1985, с. 56), широко представлены в античных государствах Северного Причерноморья (Петерс Б. Г., 1986, с. 78), в таштыкской культуре (Кызласов Л. Р., 1960, с. 141), являются одним из часто встречающихся предметов в инвентаре салтовской культуры (Красильников К. И., 1979, с. 87) и у аланских племен Северного

Кавказа (Кузнецов В. А., 1962, рис. 17,22). Известны обработанные астрагалы и у сибирских татар - барабинцев (Соболев В. И., 1978, рис. 7 а).

Все исследователи сходятся во мнении, что астрагалы применялись для игр. Существует несколько точек зрения о значении обработки астрагалов. Как считают С. В. Киселев (Киселев С. В., 1951, с. 461), Л. Р. Кызласов (Кызласов Л. Р., 1960, с. 141), И. У. Самбу (Самбу И. У., 1978, с. 69), на астрагалах таштыкской культуры насечки являются счетными и тамгообразными знаками. Другая точка зрения принадлежит С. В. Гультову, который рассматривает знаки на астрагалах таштыкского времени не как собственно личные или семейные тамги, а как знаки зарождающейся письменности (Гультов С. В., 1984, с. 79).

Как показывает анализ наших рисунков, их нельзя рассматривать как тамги или знаки зарождавшейся письменности. Сетчатый орнамент представлен на широкой территории: на Вознесенском городище, памятнике барабинских татар (Соболев В. И., 1978, рис. 7 а), в салтовской культуре (Красильников К. И., 1979, рис. 7,11), в кимакских погребениях Прииртышья (Трифонов Ю. И., 1987, с. 146, рис. 75), на городище Маяк близ Новокузнецка (Ширин Ю. В., 1986, рис. 1) По всей видимости, орнамент на кости наносился с целью выделить некоторые астрагалы в наборе игральных костей. Как отмечают этнографы, в различных играх существуют ведущие кости, их в первую очередь и выделяли, нанося рисунки (Самбу И. У., 1978, с. 70) или окрашивая дымом (Пещерова Е. М., 1957, с. 66). Это подтверждается и находками наборов астрагалов. Так, в могильнике Акчий 1 найден набор из 255 астрагалов и только 29 из них имели следы обработки (Трифонов Ю. И., 1987, с. 146).

Астрагалы с отверстиями, так же широко представленные в нашем материале, известны и на других памятниках, где встречаются наряду с орнаментированными. Как отмечают Л. Р. Кызласов (Кызласов Л. Р., 1960, с. 141), Я. И. Сунчугашев (Сунчугашев Я. И., 1963, с. 150), астрагалы, имеющие отверстия, не всегда использовались для игры. Но нужно отметить, что в большинстве случаев наблюдается закономерность - астрагалы, имеющие сквозные отверстия, не имеют насечек. Скорее всего, это отверстия не для подвешивания, как считают исследователи (Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф., Великанова М. С., 1984, с.51; Самбу И. У., 1978, с. 69; Сунчугашев Я. И., 1963, с. 100), а просто другой способ выделения астрагалов. Это подтверждается находками наборов игральных астрагалов. Так, в наборе из могильника Акчий 1 встречены астрагалы как с нарезками, так и имеющие сквозные отверстия (Трифонов Ю. И., 1987, с. 146, рис. 75), а в могильнике Быстровка 1 был найден набор из 12 экз. (поскольку погребение было ограблено, набор видимо неполный), где 1 астрагал (рис. 50,1) имел два углубления для заливки металла (он мог служить битой); два других имели сквозные отверстия (рис. 50,2,3); 9 - без следов обработки. Известен еще один похожий набор из Бренештского могильника, где из 23 астрагалов только два имели сквозные отверстия, а один был утяжелен свинцом, т. е. являлся битой (Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф., Великанова М. С., 1984, с. 51). Два последних набора, скорее всего, не случайное совпадение, а отражение правил игры, где необходимо использование биты.

Случаи же стачивания боковых сторон у астрагалов отражают одну из разновидностей игры, когда выигрыш при бросании определялся по четырем сторонам астрагала, которым давались специальные названия. Для получения преимущества и стачивались неровности боковых сторон, как это делали узбеки и таджики (Пещерова Е. М., 1957, с. 66).

Таким образом, в Новосибирском Приобье в X - XIV вв. существовали разнообразные игры в кости, в которых использовались астрагалы.

З е р к а л а.

Всего известно два зеркала из памятников XIII - XIV вв. Зеркало из кургана

могильника Юрт-Акбалык 4 представляет собой круглый диск диаметром 10 см с изображением на обратной стороне крылатого хищника. Часть зеркала поломана в древности. В центре диска расположено ушко (Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М., 1984, рис. 2). Аналогичное зеркало известно из Биляра (Хлебникова Т. А., 1969, рис. 1). Известны зеркала с грифоном и в Томском Приобье из погребений XIII - XIV вв. (Козлова Е. Ю., 1992, с. 93; Плетнева Л. М., 1997, рис. 119,1)

Второе зеркало обнаружено в могильнике Ельцовский 1 (рис. 89,4). Круглый диск диаметром 7,3 см с орнаментом на обратной стороне из восьми ромбов, расположенных по окружности, а между ними - два треугольника. Сбоку у зеркала небольшая ручка-петелька. Аналогии орнаменту на зеркале нам неизвестны. Однако его форма и размеры аналогичны зеркалу из погребения XIII - XIV вв. могильника Новый Кумак на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 11,19).

6. УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ.

Поясные наборы.

При характеристике поясов прежде всего остановимся на самом массовом материале - на пряжках. Пряжки по материалу делятся на три отдела: железные, бронзовые, костяные.

Железные пряжки имеют две группы: рамчатые и щитковые. Рамчатые подразделяются по контуру рамки на типы:

Т и п 1. Круглые. Встречено 6 экз., три из могильников X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 41,6; 44,14) и Крохалевка 13 (рис. 49,7) и три из XIII - XIV вв. Высокий бокор (рис. 82,2), Красный Яр 1 (рис. 68,16), Юрт-Акбалык 4 (Троицкая Т. Н., 1984, рис. 3,д).

Т и п 2. Прямоугольные. Встречено 3 экз. Одна из могильника X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 49,10) и две из могильников XIII - XIV вв. Юрт-Акбалык 4 (Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М., 1984, рис. 3,а), Высокий бокор (рис. 80,3).

Т и п 3. Овальные. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 35,2; 37,9).

Т и п 4. Треугольные. Встречено 2 экз. из одного погребения могильника XIII - XIV вв. Высокий бокор (рис. 77,9,13).

Щитковые пряжки подразделяются по форме рамки на два типа.

Т и п 1. С сердцевидной рамкой и длинным неподвижным щитком. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий бокор (рис. 84,10).

Т и п 2. С овальной рамкой и неподвижным щитком. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий бокор (рис. 84,4).

Бронзовые пряжки все одной группы - щитковые. По форме передней рамки выделяются типы:

Т и п 1. Сердцевидные. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 34,7; 39,10).

Т и п 2. С овальной рамкой. Встречено 2 экз. из могильников XIII - XIV вв. Высокий бокор (рис. 79,7) и Кротово 15 (рис. 99,3).

Т и п 3. С прямоугольной рамкой. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Усть-Алеус 7 (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2,15).

Костяные пряжки щитковые двух типов.

Т и п 1. Сердцевидные. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 40,3).

Т и п 2. Без язычковые. Встречен 1 экз. из поселения XIII - XIV вв. Крохалевка - Соколово 4 (рис. 65,2).

Известна и одна часть бронзовой двусоставной застежки из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 34,3). Аналогии известны в Басандайском (Басандайка,

1948, табл. 50,58) и Калмакском (Беликова О. Б., 1996, рис. 83,11) могильниках, а также из случайных находок в Минусинской котловине (Худяков Ю. С., 1987, рис. 1,7).

Железные пряжки наиболее многочисленны в наших материалах. Преобладают два типа: круглые и прямоугольные, имеющие широкую датировку. Аналогии известны как в раннесредневековых погребениях (Гаврилова А. А., 1965, табл. XIV,1-6), так и позднесредневековых памятниках (Дульзон А. П., 1952, табл. XVI). Щитковая железная пряжка находит аналогии в аскизской культуре (Кызласов И. Л., 1983, табл. XII,20 - 23).

Бронзовые пряжки не столь многочисленны. Сердцевидные распространены в Новосибирском Приобье в X - XII вв. подобные пряжки этого же времени известны в Прииртышье (Конилов Б. А., 1983, рис. 4,4; 1983, рис. 3,17), в Приобье (Неверов С. В., Горбунов В. В., 1996, рис. 3,14; 4,11; Матюшенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. 1,2,6). Такая форма пряжек широко распространена с конца I тыс. н. э. (Грязнов М. П., 1956, табл. LV,18; Казаков А. А., 1995, рис. 1,2; Мажитов Н. А., 1981, рис. 61,1; Трифонов Ю. И., 1987, рис. 66,7; Суворова Г. И., Ткачев А. А., 1995, рис. 5,14,19,20).

С монгольского времени появляются новые формы пряжек. Близкие аналогии пряжкам с овальной рамкой известны в Басандайке (Басандайка, 1948, табл. 55,18). Пряжка с прямоугольной рамкой и жемчужинами на переднем краю рамки имеет аналогии в ундугунской культуре (Кириллов И. И., 1979, рис. 14,5), а как отмечает И. Л. Кызласов, в аскизской культуре на ее каменском этапе выражена тенденция к волнообразному оформлению переднего края рамок (Кызласов И. Л., 1983, с. 61).

Для второй половины I тыс. н. э. известно большое количество поясных костяных пряжек (Неверов С. В., 1985). В Новосибирском Приобье костяные пряжки в X - XIV вв. малочисленны, судя по всему, из поясных наборов они вытесняются железными и бронзовыми. Хотя в XIII - XIV вв. костяные пряжки продолжают использовать как подпружные.

Кроме пряжек сохранились и поясные наборы с остатками самих поясов. Для этапа X - XII вв. наборные пояса в Новосибирском Приобье неизвестны, что отражает общую тенденцию. С XIII - XIV вв. положение меняется. В Сибири вновь распространяются наборные пояса. Появляются бляхи новых форм. К монгольскому времени из Новосибирского Приобья относятся остатки шести наборных поясов. Три - из могильника Высокий борок, по одному - из могильников Красный Яр 1, Кротово 15, Седова Заимка 2.

Прежде всего, по нашим материалам, прослеживается процесс изготовления кожаной основы ремня. Сохранились остатки трех поясов. У всех одна ширина примерно 2 см. Все пояса двухслойные, однако двухслойность достигалась разными способами.

1. Пояс сшивался из двух полос кожи с прошивкой его по краю.
2. Полоса кожи сворачивалась вдвое и прошивалась по краю.
3. Оба края полосы кожи подвергались во внутреннюю сторону, где они сходились по середине ремня.

Поясные бляшки. В нашем материале бляшки от пояса изготавливались из бронзы (3 набора), железа (2 набора), кости (1 набор). Наборы из бронзы найдены в могильниках Высокий борок (рис. 79,4-7), Кротово 15 (рис. 99,2-8), Красный Яр 1 (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 5,29). В набор из Высокого борка входили наконечник ремня (рис. 79,4), десять небольших пятилепестковых бляшек (рис. 79,5), три крупные четырехлепестковые бляхи (рис. 79,6), пряжка (рис. 79,7), обоймочки. В набор из Кротово 15 входили наконечник ремня (рис. 99,6), 13 небольших сердцевидных бляшек (рис. 99,4,5), 3 крупных прямоугольных бляхи (рис. 99,7,8), две из которых имеют скобки, пряжка (рис. 99,3) и обоймочка (рис. 99,2), а из Красного Яра 1 входили

только три большие бронзовые листовидные бляхи со скобками (Троицкая Т. Н., 1978, рис. 5,29).

Поясные наборы из железа представлены в могильнике Высокий борок. В набор из кургана 4 погребения 1 входили наконечник ремня (рис. 73,13), 10 мелких ромбических бляшек (рис. 73,14), три овальных больших бляшки (рис. 73,15-17), две из которых со скобками. Набор из кургана 10 состоял из наконечника ремня (рис. 76,15), четырех длинных прямоугольных бляшек (рис. 76,16-19) и двух овальных бляшек со скобками (рис. 76,9).

От набора из кости могильника Седова Заимка 2 сохранились только наконечник ремня, одна прямоугольная бляшка со скобками и одна прямоугольная без скобки (Романцова В. Д., 1983, рис. 3,5,11,12).

Аналогии бляхам известны только поясу из могильника Кротово 15. Это крупные прямоугольные бляхи из могильника Сопка 2 в Барабе (Молодин В. И., и др., 1988, рис. 38,4,5,7).

Несмотря на то, что наши пояса не имеют точных аналогий, все они хорошо датируются монгольским временем. Крупные бляхи-обоймы со скобками, определенные А. А. Гавриловой как часовенногорские (Гаврилова А. А., 1965, с. 76), известны в Хакасии, где найдено более 50 экземпляров (Кызласов И. Л., 1983, с. 65), на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 16,30), Притомье (Басандайка, 1948, табл. 55,22), Чулыме (Матюшенко В. И., Коркина И. А., 1978, рис. 12,2), в ундугунской культуре Забайкалья (Кириллов И. И., 1983, рис. 8,3,4,9,11), на Дальнем Востоке (Конькова Л. В., 1989, рис. 19,3,7,11,16). По нашим материалам можно реконструировать и расположение бляшек на поясах. Основная черта поясных наборов второй половины I тыс. н. э. - это равномерное расположение бляшек на всей или большей части пояса (Добжанский В. Н., 1990, табл. XXVI-XXXII). Реконструкцию поясов подтверждают и изображения их на тюркских изваяниях (Могильников В. И., 1980, рис. 23).

Реконструкция расположения бляшек на поясах монгольского времени решалась так же как и на поясах второй пол. I тыс. н. э. (Басандайка, 1948, табл. 55; Гаврилова А. А., 1965, рис. 13,17,20). Наши материалы позволяют по-новому рассмотреть этот вопрос. В могильнике Высокий борок (курган 12) пояс сохранился практически полностью, причем он был надет на погребенного. Расположение бляшек было следующим: на конце ремня имелся наконечник, затем шли десять небольших бляшек, которые служили лицевой стороной пояса. Две крупные бляхи располагались с двух боков, одна на спине. Пояс заканчивался бронзовой пряжкой. Два других пояса хотя и были положены в могилу с погребенным, но не были надеты на него, но по расположению бляшек подтверждают выявленную картину (рис. 109). Понятно, почему в наборах из трех крупных блях одна не имеет скобок (2 случая), она располагалась на спине. За скобки у блях мог прикрепляться нож, мешочек с кресалом и кремнем, вилка, которые часто находят в погребениях в районе пояса.

П о н о ж и.

В четырех погребениях могильника Березовый остров 1 (рис. 35,4,5; 37,10; 41,4,5; 42,7,8) и в одном погребении могильника Крохалевка 13 (рис. 49,5,6), относящихся к X - XII вв., а также в двух погребениях курганного могильника Высокий борок (рис. 82,5,6; 84,10), датируемого XIII - XIV вв., встречены специфические крючки. Это изогнутый стержень со свободно вращающимся кольцом на конце. Обычно крючки, найденные в погребениях, относят к колчанным. Считается, что крючок прикреплялся к днищу колчана на ремне и служил для удержания его в наклонном положении (Худяков Ю. С., 1986, с. 190; Иванов В. А., 1987, с. 185; Трифонов Ю. И., 1987, с. 193; Чиндина Л. А., 1992, с. 130).

Однако в наших материалах настораживает следующий факт. В погребениях

крючки находились парами и располагались они у бедренных костей погребенных чуть ниже таза (рис. 37,1; 41,2; 42,1; 49,1; 82,1; 84,1). Такое же расположение имеют и длинные пластины с крючком на одном конце и кольцом на другом из погребений могильника Басандайка (Басандайка, 1948, табл. 58,77). Эти пластины и аналогичные пластины из тувинских погребений предмонгольского времени, отнесены Д. Г. Савиновым к поножам (набедренным ремням) (Савинов Д. Г., 1979, с. 66; 1984 а, с. 117, 118). Хотя наши крючки не имеют длинную пластину, но их также нужно отнести к деталям набедренных ремней.

На каменных половецких изваяниях, опубликованных С. А. Плетневой, имеются изображения поножей (Плетнева С. А., 1974, рис. 10). Однако они не дают целостного представления о системе крепления, так как все изображения выполнены схематично и на них отсутствуют многие детали. С. А. Плетнева пишет, что поножи служили для натягивания мягких голенищ сапог: один конец прикреплялся к поясу, другой к сапогу. По ее мнению, ремни, которые охватывают ноги, служили для поддержки длинных чулков (Плетнева С. А., 1974, с. 36). Однако данное предположение не может разрешить все вопросы. Почему пояс, к которому прикреплялись ремни, поддерживающие голенища, проходя по пояснице, резко спускается с боков вниз, почти на бедра? Каким образом дополнительные ремни поддерживали чулки?

Остановимся на основных деталях изображений системы крепления. Во-первых: на бедрах изображены кольца, от которых вниз отходят пластины или ремни к сапогам. От этих же колец вниз идут ремни, охватывающие ноги. Чаще всего ремни показаны с внешней стороны бедер, однако есть изображения с прорисовкой и на внутренней стороне (Плетнева С. А., 1974, табл. 13, № 41). Другой деталью является ремень, отходящий от колец и идущий вверх, который проходит по пояснице (Плетнева С. А., 1974, табл. 50, № 900). На одном из изображений видно, что кольца соединены между собой ремнем (Плетнева С. А., 1974, табл. 51, № 901). Реконструировать систему крепления помогают и находки из погребения 1 кургана 16 могильника Высокий бокор. Здесь чуть ниже пояса были найдены: два крюка, от них в две стороны, судя по всему, отходили ремни, от которых сохранились только железные накладки. Между крючками лежала поясная пряжка (рис. 84,1). Аналогичную картину мы наблюдаем и в погребении 2 кургана 77 Басандайского могильника (Басандайка, 1948, табл. 79).

При реконструкции ременных креплений поножей был изготовлен натуральный макет, и после ряда уточнений наиболее простым и удобным оказался следующий вариант: два крючка с закрепленными на кольцах ремнями для ног и неширокий пояс (Адамов А. А., 1991 б, рис. 4). Ремни с крючками надеваются на ноги, ремни плотно крепят крючки к ногам. Поясной ремень продевается в кольца крючков и застегивается между ними. Он не дает крючкам возможности сползти вниз (Адамов А. А., 1991 б, рис. 3). Вся система ремней, надетая на человека, держится хорошо, не сползает, практически не чувствуется при ходьбе.

Сравнивая детали расположения надетых ремней на человеке с изображениями на изваяниях, видно, что они полностью соответствуют друг другу. Пояс проходит по пояснице, затем спускается к кольцам, соединяя их по прямой. От колец вниз, так как крючки вверх подтягивает поясной ремень, охватывая ноги, спускаются и ножные ремни. Набедренные ремни служили для поддержания высоких голенищ кожаных сапог. Высота сапог на каменных изваяниях чуть выше колен. У нас голенища, скорее всего, были значительно выше.

В Новосибирском Приобье известно 7 погребений с крючками. Кроме того, поножи находились по крайней мере в трех погребениях Басандайского (курган 25 погребение 2, курган 54 погребение 1, курган 77 погребение 2) и двух погребениях Еловского (курган 1, курган 2 погребение 5) могильников. Аналогичные нашим крючки известны в могильниках Усть-Киндинском (Чиндина Л. А., 1992, рис. 2,4) и Беково

(Илюшин А. М., 1993, рис. 47,2,3; 52,1,2). Это свидетельствует о широком распространении креплений ремнями голенищ сапог в Верхнем Приобье.

Вслед за Д. Г. Савиновым (Савинов Д. Г., 1979, с. 66) мы можем говорить о поножах как об этнографической детали кыпчаков, свидетельствующей по крайней мере о значительном кыпчакском влиянии в культуре населения Верхнего Приобья.

Серьги.

Всего найдено 15 экземпляров, они делятся на три типа.

Т и п 1. Из бронзовой проволоки, скрученной спиралью. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 34,10). Наиболее ранняя аналогия известна в могильнике Релка (Чиндина Л. А., 1977, рис. 3,5). К началу II тыс. н. э. относится аналогичная серьга из Прииртышья с поселения у д. Кипо-Кулары (Коников Б. А., 1984, рис. 6,9); первой половиной II тыс. н. э. датируется серьга из Западного Забайкалья (Коновалов П. Б., Данилов С. В., 1981, рис. 10,3). Наиболее многочисленные аналогии спиральным серьгам известны в Восточной Европе - это серьги северян (Седов В. В., 1982, с. 139).

Т и п 2. Кольчатые серьги. Встречено 13 экз. Они бытуют на всем протяжении X - XIV вв. Обнаружены в могильниках X - XII вв. Высокий борок - 1 экз. (рис. 46,21), Крохалевка 13 - 2 экз. (рис. 49,11,12), Быстровка 1 - 2 экз. (рис. 50,8), Батурицкий Мыс - 1 экз. (рис. 51,1), городище Седова Заимка - 1 экз. (рис. 6,18) и могильниках XIII - XIV вв. Высокий борок - 2 экз. (рис. 68,15), Красный Яр 1 - 1 экз. (рис. 73,19,20), Юрт-Акбалык 4 - 2 экз., Ельцовский 1 - 1 экз. (рис. 92,3). Две серьги имели небольшие привески к кольцу.

Кольчатые серьги имеют широкую датировку. Известны в конце I тыс. н. э. в верховьях Иртыша (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987, рис. 113,1-4), на Алтае (Васютин А. С., Елин В. Н., 1983, рис. 1,9), на Верхней Оби (Грязнов М. П., 1956, табл. LV,6,7). В X - XI вв. были обычными у амурских чжурчжэней (Медведев В. Е., 1977, табл. LX,1-12). Известны в начале II тыс. н. э. в могильниках Еловский (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. IV,12,13), Басандайский (Басандайка, 1948, табл. 44,30,32,36), Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 34,3,4; 37,1,2), Калмакском (Беликова О. Б., 1996, рис. 83,13,14), в Забайкалье (Коновалов П. Б., Данилов С. В., 1981, рис. 10,4), в Прииртышье (Коников Б. А., 1983, рис. 2,13). В XIII - XIV вв. кольчатые серьги известны в Отраре (Акишев К. А. и др., 1987, рис. 90,4). В погребениях XII - XIII вв. на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 7,6) в XII - XIV вв. в Тискинском могильнике (Боброва А. И., 1982, рис. 1,7). Они продолжают бытовать до позднего средневековья (Молодин В. И., 1979, табл. XLVI,13,14).

Т и п 3. Представлен одной серьгой в виде знака вопроса из могильника Ельцовский 1 (рис. 91,4). Подобные серьги в Восточной Европе датируются XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 114), характерны для Южного Урала XIII - XIV вв. (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, с. 26). Известны в Средней Азии в это же время (Вактурская Н. Н., 1968, рис. 1) и в монгольских погребениях Восточного Забайкалья (Ковычев Е. В., 1981, рис. 2,5,6; 1984, рис. 15). Широко распространены серьги в виде знака вопроса и в позднесредневековых памятниках Сибири (Молодин В. И., 1979, табл. XLVI; Чиндина Л. А., 1975, табл. 8,5,6; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981, табл. 49,6,7; Матющенко В. И., Полеводов А. В., 1994, рис. 79,2).

Подвески.

Украшения представлены довольно большой серией разнообразных бляшек, в большинстве случаев это подвески различных форм. Выделяются группы, группы делятся на типы, а в типах подразделяются на варианты.

Г р у п п а 1. Ажурные подвески четырех типов.

Т и п 1. Листовидные. 8 экз. По орнаменту во внутренней части можно разделить

на 5 вариантов.

В а р и а н т 1. С изображением двух лебедей. Встречено 2 экз. из могильников X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 48,12) и Березовый остров 1 (рис. 39,12). Бляшки несколько различаются друг от друга в деталях. Подвеска с Крохалевки 13 выполнена более реалистично, а на подвеске из Березового острова 1 изображения читаются с трудом. Точных, сходных в деталях аналогий неизвестно. Но подвески подобной формы с двумя птицами известны в сrostкинских погребениях Ближних Елбан (Грязнов М. П., 1956, табл. LV,10,11), в могильнике в долине р. Ур (Елькин М. Г., 1970, рис. 8), среди коллекции вещей, найденных "между Обью и Иртышом" (Миллер Г. Ф., 1937, рис. 22), в Верхнем Прииртышье на могильнике IX - X вв. Сандыккала (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987, рис. 113,10), в Басандайских курганах (Басандайка, 1948, табл. 59,77; 84,21).

В а р и а н т 2. С растительным орнаментом. Встречено 2 экз. из могильника Крохалевка 13 (рис. 48,10,11). Аналогии подобным подвескам представлены в могильниках: на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1956, табл. LV,8,9), Кыштовка 1 (Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 1980, табл. III,9,10), в Усть-Ишимских курганах (Конников Б. А., 1984, рис. 4,10), могильнике XI - XII вв. Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 36,3).

В а р и а н т 3. С крестообразным орнаментом. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 48,9). Близкая подвеска известна в Коларовском могильнике (Плетнева Л. М., 1990, рис. 56,14).

В а р и а н т 4. Представлен подвеской из Батуриного могильника (рис. 51,2). Аналогии известны в могильнике X - XII вв. Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 36,1,2).

В а р и а н т 5. Подвески листовидной формы, но без ажурной внутренней части. Встречено 2 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 79,8,9).

Кроме уже приведенных аналогий, ажурные листовидные бляшки, отличающиеся только орнаментом во внутренней части, известны в курганных могильниках Ур-Бедари (Елькин М. Г., 1970, рис. 4), Басандайском (Басандайка, 1948, табл. 72,211) и Калмакском (Беликова О. Б., 1996, рис. 83,5).

Т и п 2. Сложной композиционной формы. Встречено 2 экз. из могильников X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 48,2) и Березовый остров 1 (рис. 39,11). Подвеска из Крохалевки 13 сохранилась полностью, тогда как из Березового острова 1 частично поломана.

Т и п 3. Подвеска с растительным орнаментом. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 48,3).

Г р у п п а 2. Цельнометаллические бляшки.

Т и п 1. Круглые - несколько вариантов.

В а р и а н т 1. Крупная круглая подвеска с ушком для подвешивания и орнаментом по краю в виде параллельных линий с штриховкой. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 39,9).

В а р и а н т 2. Небольшая, скорее всего оловянная бляшка из погребений X - XII вв. могильника Высокий борок (рис. 46,11). В центре орнамент в виде кружка с отходящими от него "лучами".

В а р и а н т 3. Штампованная бляшка из могильника XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 89,7). С орнаментом в центре в виде шести лепестков.

Т и п 2. Ромбические. Встречено 2 экз. Одна бляшка размером 2 x 1,6 см с двумя параллельными продолговатыми углублениями и дырочкой для подвешивания, X - XII вв., из могильника Березовый остров 1 (рис. 44,3). Другая, XIII - XIV вв., из могильника Ельцовский 1 (рис. 88,4) представляет собой бронзовую пластину размером 5,5 x 4,7 см, на ней в верхней части два продолговатых прореза. Точных аналогий

неизвестно. Но подвеска из могильника Березовый остров 1 напоминает по форме и размеру лазуритовые подвески у кочевников южнорусских степей X - XI вв. (Макарова Т. И., 1962, рис. 3). Похожие подвески широко представлены в Басандайском могильнике (Басандайка, 1948, табл. 48,78,84; 58,74) и из могильника Малый Гоньбинский Кордон 1 (Кунгуров А. М., 1993, рис. 1,2-9). По мнению Т. И. Макаровой, это антропоморфные амулеты (Макарова Т. И., 1962, с. 133). Но существует и другая точка зрения, что подвески - схематизированные изображения скарабеев (Давидян О. И., 1988, с. 114).

Т и п 3. Лунницы. 2 экз. из могильника Высокий борок (рис. 46,10). Лунницы были широко распространены на Руси с X вплоть до XIII в. (Седова М. В., 1981, с. 23). Наши лунницы, как и большинство европейских отлиты из олова (?) и имеют узор, копирующий зернь. В Новгороде близкие лунницы датируются пер. пол. XII - второй пол. XIII вв., на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси они наиболее распространены в XI - XII вв. (Успенская А. В., 1967, с. 103).

Т и п 4. Подвески в виде полубубенчиков. Встречено 4 экз. из могильника Березовый остров 1 (рис. 39,4; 41,19; 44,5,6) и 1 экз. из Высокого борка (рис. 46,22). Подвески в виде полубубенчиков широко представлены в усть-ишимской культуре X - XII вв. где имеются экземпляры, аналогичные нашим (Конилов Б. А., 1983, рис. 2,2,3,16; 1987, рис. 5,14; Конилов Б. А., Шван Ф. Д., 1983, рис. 1,4; 2,5), в могильнике Кыштовка 1 (Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 1980, табл. III,3), в Басандайских курганах (Басандайка, 1948, табл. 74,238) и могильнике XI - XII вв. Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 36,4-19).

Т и п 5. Представляет собой два птичьих крыла, на груди человеческая личина. 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 44,2). Отличается от подобных, широко распространенных на территории Западной Сибири в I тыс. н. э. отсутствием головы и хвоста птицы.

Для X - XII вв. характерно разнообразие форм металлических подвесок. Происхождение и этническая принадлежность ажурных подвесок рассматривалась Д. Г. Савиновым (Савинов Д. Г., 1979, с. 53-72), который рассматривал происхождение ажурного литья характерного для сросткинской культуры от ажурных изделий таштыкской культуры (Савинов Д. Г., 1979, с. 56) и считал, что оно характерно для северных районов сросткинской культуры кыпчакских по своему составу (Савинов Д. Г., 1979, с. 56). Разнообразие форм ажурных подвесок, отсутствие аналогий для части наших подвесок, говорят за то, что они отливались на месте, это согласуется с выводами Д. Г. Савинова. Ажурное литье, представленное в мемориалах сросткинской культуры конца I тыс. н. э., в X - XII вв., не исчезло, и осталось одной из характерных черт памятников сросткинской культуры, северной периферии ее распространения.

В XIII - XIV вв. ажурное литье исчезает. Отголоском затухающей традиции служат подвески XIII - XIV вв. из могильника Высокий борок (группа 1, тип 1, вариант 5). Сохраняющие листовидную форму, что и основная часть ажурных подвесок X - XII вв., они уже не имеют ажурную сердцевину. В монгольское время сохраняется и такая форма бляшек, как ромбические (группа 2, тип 2).

Перстень.

Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок. Перстень сделан из тонкой, узкой медной ленты (рис. 73,21). Стекланная вставка из бесцветного стекла имеет форму шестиугольника.

Бусы.

В основу классификации бус положены такие признаки, как материал, форма, цвет или орнамент. В зависимости от материала бусы подразделяются на группы, а по форме и цвету на - типы. Из-за большого количества типов удобнее их нумерацию сделать сквозную, как в некоторых работах (Мажитов Н. А., 1981, с. 162; Голдина

Р. Д., Кананин В. А., 1989, с. 69-77).

Г р у п п а I. Сердоликовые.

Т и п 1. Треугольные. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,12).

Т и п 2. Бипирамидальные. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,15).

Т и п 3. Многогранно-параллелепipedные. Встречен 1 экз. из могильника Высокий борок (рис. 46,13).

Т и п 4. Овальные. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,14).

Т и п 5. Многогранные. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Батуринский остров.

Г р у п п а II. Стекланные, одноцветные.

Т и п 6. Шаровидно-уплощенные, желтые. Встречено 34 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,17,27).

Т и п 7. Шаровидно-уплощенные, зеленые. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,16).

Т и п 8. Шаровидно-уплощенные, белые. Встречено 9 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,28), 2 экз. из кургана X - XII вв. могильника Крохалевка 13 (рис. 48,4), 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Красный Яр 1 (рис. 70,4).

Т и п 9. Шаровидно-уплощенные, синие. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров 1 (рис. 41,20), 3 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок.

Т и п 10. Шаровидно-уплощенные, черные. Встречено 4 экз. из могильника XIII - XIV вв. Красный Яр 1 (рис. 70,3,5-7).

Т и п 11. Многочленные, желтые. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,18).

Т и п 12. Многочленные, ребристые, синие. Встречено 2 экз. из могильников X - XII вв. Высокий борок и Березовый остров 1 (рис. 41,21; 46,25).

Т и п 13. Цилиндрические, зеленые. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Крохалевка 13 (рис. 48,5).

Т и п 14. Эллипсоидные, синие. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,26).

Т и п 15. Эллипсоидные, зеленые. Встречено 4 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок.

Т и п 16. Эллипсоидные, красные. Встречено 3 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок.

Т и п 17. Эллипсоидные, рубчатые, синие. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 76,7).

Т и п 18. Скрученные, синие. Встречен 1 экз. из городища X - XII вв. Старобибеево 4 (рис. 2,3).

Т и п 19. Скрученные, белые. Встречено 2 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 73,3,8).

Т и п 20. Скрученные, зеленые. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 73,10).

Т и п 21. Бисер, желтый (медовый). Встречен в могильнике X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,20).

Т и п 22. Бисер, голубой. Встречен в могильнике X - XII вв. Березовый остров 1.

Т и п 23. Бисер, синий. Встречен в могильнике XIII - XIV вв. Ельцовский 1 (рис. 96,7).

- Т и п 24. Бисер, белый. Встречен в могильнике XIII - XIV вв. Ельцовский I.
Г р у п п а III. Стекланные, многоцветные.
- Т и п 25. Черные, цилиндрические с желтыми или синими перекрещивающимися прожилками и разноцветными глазками. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров I (рис. 34,2).
- Т и п 26. Синие, цилиндрические, глазки с ресничками. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров I (рис. 44,8).
- Т и п 27. Шаровидно-уплощенная, желтая, с красными и черными прожилками. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Березовый остров I (рис. 44,7).
- Т и п 28. Цилиндрическая, черная, с белыми зигзагообразными прожилками. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Кротово 15 (рис. 99,9).
- Т и п 29. Шаровидная, черная со скрученными белыми прожилками. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Седова Заимка 2 (Романцова В. Д., 1983, рис. 3,10).
- Т и п 30. Эллипсоидная, голубая с красными и черными прожилками. Встречен 1 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 76,6).
- Т и п 31. Шаровидно-уплощенные, черные с белыми прожилками. Встречено 3 экз. из могильника XIII - XIV вв. Высокий борок (рис. 81,15-17), 3 экз. из могильника XIII - XIV вв. Красный Яр I (рис. 68,11-13).
- Т и п 32. Шаровидно-уплощенные, синие с желтыми прожилками. Встречено 2 экз. из могильника XIII - XIV вв. Красный Яр I.
- Г р у п п а IV. Металлические.
- Т и п 33. Бисер из бронзы. Встречен в кургане X - XII вв. могильника Крохалевка 13 (рис. 48,6).
- Г р у п п а V. Костяные.
- Т и п 34. Эллипсоидные. Встречен 1 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,19).
- Т и п 35. Перламутровые подвески. Встречено 2 экз. из могильника X - XII вв. Высокий борок (рис. 46,23,24).

Небольшое количество бус на памятниках X - XIV вв. Новосибирского Приобья, но в тоже время разнообразие типов свидетельствует о том, что массового, постоянного притока бус в Новосибирское Приобье не было. Такое положение было характерным и для средневековых кочевников Приуралья (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, с. 18). Датированными являются всего несколько типов бус. Так, бусы стекланные, цилиндрические с глазками с ресничками (тип 26) в Новгороде датируются X - нач. XI вв. (Щапова Ю. Л., 1956, с. 178), известны в Старой Ладогe (Львова Э. А., 1968, рис. 3,31). В Верхнем Прикамье характерны для X - XI вв. (Голдина Р. Д., Королева О. П., 1983). Известны на Белом Озере (Голубева Л. А., 1973, рис. 65,18; с. 181) и у аланских племен Северного Кавказа в XI - XII вв. (Кузнецов В. А., 1962, рис. 17,15). Как отмечает З. А. Львова, они были характерны для памятников X - XI вв. юго-восточных районов Восточной Европы (Львова З. А., 1968, с. 78).

Сердоликовые многогранно-параллелепипедные бусы (тип 3) в Верхнем Прикамье датируются X - XII вв. (Голдина Р. Д., Королева О. П., 1983, с. 64). Желтые стекланные бусы (тип 6) Ю. Л. Щапова датирует X - XI вв. (Щапова Ю. Л., 1956, с. 174). Р. Д. Голдина и В. А. Кананин отмечают, что они в Верхнем Прикамье встречаются в IX - XI вв. (Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989, с. 70). Синяя скрученная бусина (тип 18) имеет аналогии в Верхнем Прикамье, где найдена в группе погребений XI в. (Голдина Р. Д., Королева О. П., 1983, с. 61).

7. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ

Хронология памятников Новосибирского Приобья прежде детально не

рассматривалась. К X - XII вв. относятся 22 памятника. Из них прежде всего хорошо датируются могильники.

Березовый остров 1. Датировался Т. Н. Троицкой IX - X вв. (Троицкая Т. Н., 1979, с. 76). Полученный новый материал позволяет передатировать памятник X - XII вв. Основанием для такой датировки прежде всего служат синие цилиндрические с глазками с ресничками бусы (тип 26). Подобные бусины хорошо датируются в Новгороде X - нач. XI вв. (Шапова Ю. А., 1956, с. 178) и в это же время распространены в Старой Ладогe (Львова З. А., 1968, рис. 3,31). В Верхнем Прикамье датируются X - XI вв. (Голдина Р. Д., Королева О. П., 1983). А на Северном Кавказе XI - XII вв. (Кузнецов В. А., 1962, рис. 17,15). Как отмечает З. А. Львова, подобные бусы были характерны для памятников X - XI вв. юго-восточных районов Восточной Европы (Львова З. А., 1968, с. 78).

Из других категорий инвентаря дату памятника X - XII вв. подтверждают: бронзовая серьга, скрученная спиралью, которая аналогична серьгам с памятников начало II тыс. н. э. из Прииртышья (Конилов Б. А., 1984, рис. 6,9) и Западного Забайкалья (Коновалов П. Б., Данилов С. В., 1981, рис. 10,3). Подобные серьги типичны для северян Восточной Европы (Седов В. В., 1982, с. 139).

Бронзовые полубубенчики имеют аналогии в усть-ишимской культуре в курганах X - XII вв. (Конилов Б. А., 1983, рис. 2,2,3,16; 3,4; 1987, рис. 5,14; 1990, рис. 4,3; Конилов Б. А., Шван Ф. Д., 1983, рис. 1,4; 2,5), в могильнике Кыштовка 1 (Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 1980, табл. III,3), в Басандайских курганах (Басандайка, 1948, табл. 74,238), в могильнике XI - XII вв. Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 36,4-19) и погребении XII - XIII вв. из могильника Бедеровский Бор III (Березовская Н. В., 1992, рис. 2,14).

Хорошо датируется и костяная колчанная петля из могильника. Подобные петли широко распространены в Восточной Европе, где датируются XI - XII вв. (Плетнева С. А., 1981, рис. 82; Смирнов А. П., 1981, рис. 78; Хузин Ф. Ш., 1985, с. 137). В Сибири известны с поселения X - XII вв. у д. Кипо-Кулары (Конилов Б. А., 1984, рис. 2,12), в погребении первой четверти XI в. грота Узун-Хая (Кызласов И. Л., 1986, рис. 5) и могильника XI - XII вв. Беково (Илюшин А. М., 1993, рис. 48,4; 49,2,3).

Подтверждают датировку могильника и тесла с плечиками. Аналогичные тесла широко представлены в аскизской культуре на ее малиновском этапе (Кызласов И. Л., 1983, табл. XXIV,4-7) и из могильников начала II тыс. н. э. Басандайского (Басандайка, 1948, табл. 34,59,73,76) и Еловского (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. I,17; II,1; V,5) Усть-Киндинского (Чиндина Л. А., 1992, рис. 2,12), Шанда и Беково (Илюшин А. М., 1993, рис. 28,2; 31,1; 47,4; 50,1).

Быстровка 1. Небольшой, но выразительный материал позволяет датировать исследованный курган. Найденный железный наконечник стрелы относится к боеголовковым (группа четырехгранные, тип 1). Подобные наконечники датируются в Восточной Европе X - началом XI вв. (Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985, табл. 138,15).

Два длинных бронзовых наконечника ремня аналогичны наконечникам из памятников конца I тыс. н. э. Третье отделение 1 (Бородовский А. П., Новиков А. В., 1988, рис. 30,7), у совхоза "Поспелихинский" (Уманский А. П., Неверов С. В., 1982, рис. 1,4) и в могильниках начала II тыс. н. э. Еловском (Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. II,7) и Малая Бича (Конилов Б. А., 1987, рис. 8,5,13). В Восточной Европе длинные наконечники оголовий датируются X - XI вв. (Кирпичников А. Н., 1973, табл. X). С. В. Неверов подобные наконечники датировал X - XI вв. (Неверов С. В., 1988, с. 14; Неверов С. В., Горбунов В. В., 1996, с. 173). Учитывая это, курган можно датировать X - XI вв. Не противоречат этой датировке и кольчатые серьги, широко представленные в памятниках конца I - первой пол. II тыс. н. э.

К р о х а л е в к а 13. Здесь раскопан курган с четырьмя погребениями. Наиболее богатый материал содержит детское погребение. Ажурные подвески из погребения (тип 1, вариант 2) известны на могильниках Ближние Елбаны (Грязнов М. П., 1956, табл. V,8,9), Кыштовка 1 (Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 1980, табл. III,9,10), в Усть-Ишимских курганах (Коников Б. А., 1984, рис. 4,10) и могильнике XI - XII вв. Шанда (Илюшин А. М., 1993, рис. 36,3). Ажурная подвеска второго типа имеет аналогии только в могильнике Березовый остров 1.

Не противоречат дате начало II тыс. н. э. и железные крючки от системы крепления высоких голенищ сапог из погребения 4. Аналогичные системы крепления распространены в памятниках с начала II тыс. н. э. Они известны в Басандайском (Басандайка, 1948, табл. 79) и Еловском (Матюшенко В. И., Старцева Л. М., 1970, табл. I,4,5; II,5,6), Усть-Киндинском (Чиндина Л. А., 1992, рис.2,4), Беково (Илюшин А. М., 1993, рис. 36,3) могильниках.

В ы с о к и й б о р о к. Могилы начала II тыс. н. э. из кургана 13 датируются украшениями из погребения 3. Здесь найдены лунницы, отлитые из олова и имеющие узор копирующий зернь. Как считает М. В. Седова, они были широко распространены на Руси с X по XIII вв. (Седова М. В., 1981, с. 23). Аналогичные лунницы, по мнению А. В. Успенской, на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси наиболее распространены в XI - XII вв. (Успенская А. В., 1967, с. 103). Многогранно-параллелепipedные сердоликовые бусины (тип 3) из погребения аналогичны Верхне-Прикамским, где датируются X - XII вв. (Голдина Р. Д., Королева О. П., 1983, с. 64). Желтые стеклянные (тип 6) датируются Ю. Л. Шаповой X - XI вв. (Шапова Ю. Л., 1956, с. 174), а в Верхнем Прикамье встречаются в IX - XI вв. (Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989, с. 70).

Детское погребение 1 кургана 15 датируется началом II тыс. н. э. по подвеске в виде полубубенчика. Аналогичные подвески широко представлены в памятниках начала II тыс. н. э. Западной Сибири (Коников Б. А., 1983, рис. 2,2,3,16; 3,4; 1987, рис. 5,14; Коников Б. А., Шван Ф. Д., 1983, рис. 1,4; 2,5; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 1980, табл. III,3; Басандайка, 1948, табл. 74,238; Илюшин А. М., 1993, рис. 36,4-19; Березовская Н. В., 1993, рис. 2,14).

Ч е р н ы й б о р о к 20. Нижний слой городища хорошо датируется двумя железными трехлопастными наконечниками стрел. Оба наконечника - ромбический с шейкой и вытянуто-пятиугольный - известны в одном наборе в могильнике Теренхол, где датируются XI - XII вв. (Худяков Ю. С., 1982, с. 121).

К а м е н у ш к а 3. Найденный здесь трехлопастной ромбический с шейкой железный наконечник стрелы аналогичен наконечнику из городища Черный борок 20. Подобные наконечники широко представлены в аскизской культуре на ее малиновском этапе (Кызласов И. Л., 1983, рис. 26,5). В Биляре датируется не позднее конца X в. (Хузин Ф. Ш., 1985, с. 145).

С е д о в а З а и м к а. Верхний слой городища датируют началом II тыс. н. э. железные булавки - специфическая черта культуры средневековых хакасов X - XII вв. (Кызласов И. Л., 1977, с. 102). Они отличаются от бронзовых ложновитых булавок VI - X вв. (Кызласов И. Л., 1977, с. 96).

Остальные памятники X - XII вв. не имеют каких-либо датирующих находок и отнесены к началу II тыс. н.э. на основании керамического комплекса, для которого характерны горшки с ярко выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Основная часть сосудов неорнаментирована или украшена только одним из элементов орнамента. Сосуды украшались ямочными вдавлениями, гребенчатым штампом или оттисками гладкой палочки.

К XIII - XIV вв. относятся 17 памятников. Хорошо датируются только могильники.

Высокий борок. К XIII - XIV вв. относятся 12 курганов. Они датируются плоскими наконечниками стрел (тип 3 - 7). Для них характерно наличие упора при переходе к черешку, эта черта появляется у плоских наконечников в лесостепной зоне с XIII - XIV вв. Близкие формы широко распространены в Западной Сибири и продолжают существовать до эпохи позднего средневековья (Молодин В. И., 1979; Плетнева Л. М., 1990, с.89).

Стремена (тип 2) подтреугольной формы, с овальным завершением верхней дужки, с прорезным отверстием и широкой подножкой близки типу ДII Восточно-Европейских древностей, где датируются второй пол. XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 116). Известны в это же время на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 8,1,19; 9,1), Хакасии (Кызласов И. Л., 1980, рис. 4,2), Алтае (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3).

Аналогии длинной костяной подпружной пряжки известны в памятниках монгольского времени: в могильнике Ельцовский 1, Ильмовая Падь (Гаврилова А. А., 1965, рис. 13,18), Быстрая (Савинов Д. Г., 1990, с. 131, рис. 5), Часовенная гора (Савинов Д. Г., 1990, с. 128, рис. 2; с. 129, рис. 3), Усть-Алейка (Кунгуров А. Л., 1991, рис. 2,5), Змеинкинском и Калмакском (Беликова О. Б., 1996, рис. 19,5; 58,7; 71,6), а также из Болгара (Закирова И. А., 1988, рис. 100,6). Подобные пряжки можно считать хронологическим признаком XIII - XIV вв.

XIII - XIV вв. датируется могильник и на основании поясных наборов. В могильнике они обнаружены в трех погребениях. В состав наборов входили крупные бляхи, обоймы со скобками, хорошо датируемые монгольским временем. В Хакасии найдено более пятидесяти экземпляров подобных блях (Кызласов И. Л., 1983, с. 65), известны они и на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 16,30), Притомье (Басандайка, 1948, табл. 55,22), Чулыме (Матюшенко В. И., Коркина И. А., 1978, рис. 22,2), в ундугунской культуре Забайкалья (Кириллов И. И., 1983, рис. 8,3,4,9,11), на Дальнем Востоке (Конькова Л. В., 1989, рис. 19,3,7,11,16). Датировка подобных блях монгольским временем подтверждается и отсутствием их в позднесредневековых могильниках (Молодин В. И., 1979; Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990; Плетнева Л. М., 1990; Дульзон А. П., 1952; 1956).

Красный Яр 1. Курганы XIII - XIV вв. локализируются в центральной части могильника. Из железных наконечников стрел интересен шиловидный (группа III, тип 1), аналогичный наконечнику из погребения XIV в. в Халчаяне (Пугаченкова Г. А., 1967, с. 253, рис. 1). Среди плоских наконечников в могильнике представлены удлинненно-ромбические с упором (группа VI, тип 6). Подобные наконечники широко распространены с монгольского времени (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3) и до XVIII - XIX вв. (Кызласов Л. Р., 1964, с. 83, табл. 1,44).

В одном из погребений Красного Яра 1 найдены три шаровидно-уплощенных черных с белыми прожилками (тип 31) бусин. Точно такие же бусины найдены в погребении XIII - XIV вв. могильника Высокий борок. Датируется могильник и на основании крупных бронзовых блях со скобками, характерных для XIII - XIV вв. (Кызласов И. Л., 1983, с. 65).

Ельцовский 1. Хорошо датируется на основании костяной ручки щетки. Подобные щетки известны в Хакасии (Кызласов И. Л., 1983, рис. 26,135), в древнемонгольских городах (Левашова В. П., 1965, рис. 164,1,7,8) и характерны для XIII - XIV вв. (Кызласов И. Л., 1983, с. 65). Одно из стремян могильника аналогично стремянам из могильника Высокий борок и относится к типу ДII стремян Восточной Европы, датирующихся второй пол. XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 116). Другое стремя, с более приостренной формой верха, так же датируется в пределах XIII - XIV вв. В это время они известны в Хакасии (Кызласов И. Л., 1980, рис. 5,2), на Южном Урале (Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, рис. 11,14,20), Алтае (Гаврилова

А. А., 1965, табл. XXX,5).

Длинная костяная пряжка от конской сбруи аналогична пряжке из могильника Высокий борок, и судя по всему такие пряжки характерны для XIII - XIV вв. Наносный султанчик от конской упряжи имеет короткую втулку и наиболее близок аскизским султанам XIII - XIV вв. (Кызласов И. Л., 1983, табл. VII).

Серьга в виде знака вопроса, найденная в могильнике, аналогична серьгам, широко распространенным с XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 114; Иванов В. А., Кригер В. А., 1988, с. 26; Вактурская Н. Н., 1968, с. 250, рис. 1; Ковычев Е. В., 1981, рис. 2,5,6; 1984, рис. 15), до эпохи позднего средневековья (Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, рис. 61,6,7,23,31; Плетнева Л. М., 1990, рис. 32,23-26; Чиндина Л. А., 1975, табл. 8,5,6; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981, табл. 49,6,7; Матющенко В. И., Полеводов А. В., 1994, рис. 79,2).

Седова Заимка 2. Курганный могильник датирован В. Д. Романцовой XI - XIII вв. Однако памятник относится к монгольскому времени. Об этом говорят плоские удлинненно-ромбические с упором (группа VI, тип 6) наконечники стрел, широко распространенные с монгольского времени (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3). Крупные костяные бляхи-обоймы со скобками, относящиеся к монгольскому времени (Кызласов И. Л., 1983, с. 65). Подтверждает нашу датировку и тесло без плечиков, характерное для памятников XIII - XIV вв., тогда как в X - XII вв. были распространены тесла с плечиками. Характерной для монгольского времени является и костяная накладка на лук, как в могильнике Красный Яр 1.

Кротово 15. Небольшой, но выразительный материал, полученный с могильника, позволяет отнести его к монгольскому времени: с этого периода широко распространяются плоские ромбические, железные, с упором (группа VI, тип 5) наконечники стрел. Они встречаются в Забайкалье (Кириллов И. И., 1979, рис. 13,13), Алтае (Савинов Д. Г., 1979, рис. 3; Кочеев В. А., 1983, с. 158, рис. 2,1-5), Туве (Дьяконова В. П., 1966, табл. V,3,5), Барабе (Молодин В. И., 1979, табл. XXVIII,11-14,16,17), Приобье (Дульзон А. П., 1952, с.195, табл. IV,1-4). Аналогичные наконечники представлены и в одновременных могильниках Новосибирского Приобья - Высоком борке и Седовой Заимке. Монгольским временем датируют могильник и остатки пояса с бронзовыми бляхами-обоймами со скобками (Кызласов И. Л., 1983, с. 65). Подтверждают датировку могильника и тесло без плечиков, характерное для XIII - XIV вв.

Усть-Алеус 7. Датируется авторами XIII - XIV вв. (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, с. 162). Разделяя эту точку зрения, уже к приведенным аргументам следует добавить еще один. Пряжка бронзовая, прямоугольная, с жемчужинами на переднем краю рамки (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2,15) аналогична пряжке из Восточного Забайкалья ундугунской культуры (Кириллов И. И., 1983, рис. 7,1), верхняя граница которой доходит до XV в. (Кириллов И. И., 1983, с. 137). А по мнению И. Л. Кызласова, в аскизской культуре на ее каменском этапе выражена тенденция к волнообразному оформлению переднего края рамок (Кызласов И. Л., 1983, с. 61), что наблюдается и на нашей пряжке.

Крутоборка 2. Датируется XIII - XIV вв. стременем овальной, близкой к треугольной, форме с овальным завершением верхней дужки с прорезным отверстием. Подножка широкая, плавно изогнута. Стремя аналогично стременам типа ДII Восточно-Европейских древностей, которые датируются второй пол. XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 116). Близкие стремена этого же типа найдены в могильнике Высокий борок и Ельцовский 1.

Раздумье 1. Датируется А. П. Уманским XIII - XIV вв. (Уманский А. П., 1987, с. 93). Этой дате не противоречат железные, плоские, удлинненно-ромбические с упором (группа VI, тип 6) наконечники стрел (Уманский А. П., 1987,

рис. 2,7-9), самые распространенные в могильниках Приобья в XIII - XIV вв., и тесло без плечиков, характерное для этого периода.

Ю р т - А к б а л ы к 4. Хорошо датирующихся вещей в кургане не найдено. Как отмечают исследователи, зеркало из кургана по стилистическим особенностям можно датировать не ранее начала IX в. (Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М., 1984, с. 134). Однако аналогии зеркалу известны в Биляре (Хлебникова Т. Н., 1969, рис. 1), в Томском Приобье зеркала с грифоном найдены в погребениях XIII - XIV вв. (Козлова Е. Ю., 1992, с.93). Этим же временем, по нашему мнению, датируется и курган Юрт-Акбалык 4.

Остальные памятники XIII - XIV вв. из-за отсутствия каких-либо датирующихся находок можно датировать только на основе керамических комплексов. В хорошо датирующихся могильниках Красный Яр 1, Высокий борок, Седова Заимка 2, Ельцовский 1 обнаружены сосуды; это круглодонные горшки с хорошо выраженной шейкой. Основная часть сосудов имеет срезанный наружу венчик. Сосуды украшены ямочными вдавлениями гребенчатым штампом и оттисками гладкой палочки. От посуды X - XII вв. их отличает большая степень орнаментированности. По этому признаку к XIII - XIV вв. мы можем отнести городище Каменушка 1, поселения Крохалевка-Соколово 3, Крохалевка-Соколово 4, Черный борок 6, Каменушка 2. Местонахождение Крохалевка 13.

ГЛАВА IV

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Новосибирское Приобье - совершенно своеобразный район, отличный по характеру растительности от остальной территории. Здесь, в непосредственной близости к долине Оби, неширокой полосой по обеим ее сторонам тянется сочетание пойменных лугов и кустарниковых зарослей в долине, сосновых боров, поднявшихся на древних террасах и небольших участках степей. Растительность в пойме располагается в строгой зависимости от элементов рельефа. Ближе к руслу реки, на прирусловых песчаных валах - густые заросли кустарников. Понижения в пойме, вытянутые почти параллельно основному руслу реки, заняты долинными озерами - старицами. Иногда на месте стариц залегают основные кочковатые болота, окаймленные старыми заболоченными лугами. Вершины плоских грив и более или менее обширные приподнятые пространства в пойме заняты заливными лугами с основой из хороших кормовых злаков. На песчаных дюнах древних террас, возвышающихся над долиной реки, на больших площадях размещаются сосновые боры (Куминова А. В., Вагина Т. А., 1961, с. 15, 16). Боры занимают Приобское плато, представляющее собой высокую равнину, имеющую в западной части отметки 200 - 250 м над уровнем моря и уклон на запад. Правобережная часть Приобского плато сильно расчленена малыми притоками Оби. Из лесопокрытой части площади 51,9% приходится на сосну, 1,3% занимают кедрачи Дубровинского лесхоза (Крылов Г. В., Кожеватова Н. Ф., 1961, с. 22, 23).

Сузунский бор отличается более влажным климатом и наличием в его составе влажных и сырых участков леса, образующих травяной бор. Рельеф представляет собой чередование грив и дюнообразных всхолмлений, между которыми располагаются понижения, занятые болотами и озерами (Крылов Г. В., Салатова Н. Г., 1950, с. 58).

Снеговой покров в Приобье ложится в начале октября и сходит в конце апреля. Накопление снега происходит постепенно, и в феврале снеговой покров достигает наибольшей толщины (до 74 см высоты) и плотности (Новосибирская область ..., 1939, с. 78). Безморозный период длится 110 - 115 дней. Здесь ежегодно обеспечены теплом ранние и среднеспелые сорта яровой пшеницы, все сорта озимой ржи, овса, ячменя, гречихи, льна, раннеспелые сорта проса (Агроклиматические ресурсы ..., 1971, с. 29).

Новосибирское Приобье, расположенное между тайгой и степью, - одно из немногих мест, где возможно ведение комплексного хозяйства, включая как присваивающие, так и производящие отрасли. Хозяйство населения сросткинской культуры, несмотря на значительное количество исследованных памятников и множество посвященных им работ, слабо изучено. Это объясняется исследованием только погребальных комплексов, практически не содержащих конкретных сведений о хозяйственных занятиях. М. П. Грязнов, характеризуя сросткинскую культуру Верхней Оби, отмечал, что это скотоводческое общество, основным мясным животным в котором была овца. Первостепенную роль играл и верховой конь. Наличие же в могилах большого количества бересты, что характерно для охотничье-скотоводческих или охотничье-рыболовческих племен, показывает, что сросткинцы, придя в лесные районы Оби, утратили свой кочевой скотоводческий уклон и стали лесными жителями со скотоводческо-охотничьим полуседлым хозяйством (Грязнов М. П., 1956, с. 151, 152).

Отождествление сросткинской культуры с кимакским племенным союзом позволяет использовать письменные источники, содержащие сведения о хозяйстве кимаков. Кимаки вели как кочевое хозяйство с нерегулярным земледелием на зимниках, так и полуседлое скотоводство и земледелие. В стаде преобладали лошади

и овцы, но разводили и коз, коров, верблюдов. Сеяли просо, пшеницу, ячмень. В северных районах большую роль играла охота и рыболовство (Кумекон Б. Е., 1972, с. 92-94). Это позволило Д. Г. Савинову отмечать, что у сросскинцев в Восточном Казахстане главную роль играло скотоводческое направление, причем ближе к центральным районам Казахстана оно должно было приобретать черты полукочевое скотоводства, а ближе к северу усиливался охотничье-рыболовческий комплекс. На северном Алтае определенную роль играло земледелие (Савинов Д. Г., 1984, с. 118).

Исследование, кроме могильников и одновременных им поселений в Новосибирском Приобье, позволяет существенно расширить наши познания о хозяйстве населения X - XIV вв. Данные археологии помогают понять письменные источники и этнографические сведения. Целесообразно в нашем исследовании опираться на этнографические и письменные данные по томским татарам и прежде всего по чатам, так как чаты непосредственно проживали в Новосибирском Приобье.

Земледелие. Исследователи, характеризующие систему земледелия томских татар, ко времени прихода русских отмечают ее примитивные черты, допашенный уровень. Это положение, высказанное еще З. Я. Бояршиновой (Бояршинова З. Я., 1950, с. 50), поддержано Н. Ф. Емельяновым (Емельянов Н. Ф., 1980, с. 58) и Н. А. Томиловым (Томилов Н. А., 1980 б, с. 12). Данную точку зрения справедливо подверг критике Е. А. Сидоров, который проанализировал находки из Новосибирского Приобья, относящиеся к земледельческим орудиям, начиная со второй половины I тыс. н. э. (Сидоров Е. А., 1988, с. 52-56). Появление пашенного земледелия относится здесь к середине I тыс. н. э., что доказывают находки сошников в одинцовских погребениях V - VI вв. верхнеобской культуры (Троицкая Т. Н., 1981, рис. 5,16,23; Троицкая Т. Н., Адамов А. А., 1991, рис. 1,7). Система земледелия, как считает Е. А. Сидоров, была подсеčno-огневой с сошной обработкой земли (Сидоров Е. А., 1988, с. 53). Высказана и точка зрения о существовании в более южных районах в средневековье однорукоятного прямогрязильного рала с коротким грядилом и коротким горизонтальным полдозом без стойки (Сидоров Е. А., 1988, с. 54).

Отсутствие в наших материалах железных наконечников пашенных орудий, относящихся к X - XIV вв., не позволяет решить вопрос о том, какие орудия применялись в это время в Новосибирском Приобье. Произшедшая здесь в X в. смена культур не позволяет нам ретроспективно рассматривать сохранение прежней, сошной, обработки земли как у верхнеобцев. Не упоминаются земледельческие орудия и в русских письменных источниках XVII в. Однако некоторые наблюдения все же можно сделать. В начале II тыс. н. э. от верхнеобцев должно было остаться довольно большое количество заброшенных, частично заросших старых пашенных участков. Поэтому вполне возможно, что и в X - XIV вв. существовало сошное земледелие с применением подсеки. На это косвенно указывает большое распространение в погребениях мужчин тесел, которые могли служить как топоры при расчистке старых участков. Могли использоваться и старые гари, которые через некоторое время (когда погибшие деревья перегнивали) легко было превратить в пашни, как это отмечал С. Патканов в своем путешествии по р. Демьянке (Патканов С., 1893, с. 10). Кроме лесных участков, под пашню могли использоваться и открытые участки поймы, позволяющие без больших трудозатрат возделывать крупные участки. Так, И. Г. Гмелин отмечал, что татары Орских юрт осваивали низменные заливные земли. На них татары после спада воды сеяли яровые, которые быстро росли и редко не удавались (Белковец Л. П., 1980, с. 41). О давнем существовании пашенного земледелия говорит и лексика томских татар: такие слова как "время сева", "сеять", "пахать", "молотить", "веять" (Абдрахманов М. А., 1959, с. 214).

Основным злаком, который сеяли, очевидно, был ячмень. Он упоминается среди культурных злаков, выращиваемых кимаками. Неприхотливый, дающий высокие

урожаи, ячмень неоднократно упоминается в письменных источниках у чатов. Так, в 1630 г. Тарлав и Абак напали на находившийся в Приобье городок чатских мурз Бурлака и Кызлана и пожгли хранившийся здесь ячмень (Уманский А. П., 1972 б, с. 126). А в документе 1703 г. говорится, что чатские мурзы владеют землями от устья реки Чауса до устья реки Кимды и пашут пашни по иноземческому своему обыкновению и сеют ячмень до 30 десятин (Дульзон А. П., 1956, с. 302). Не заимствовано название ячменя и в словаре томских татар (Абдрахманов М. А., 1959, с. 214). Ячмень являлся широко распространенной культурой у тюркоязычных народов Сибири. О его важности в жизни населения может говорить и такой факт: у чулымских тюрков одно из названий ячменя переводится буквально как "еда" (Львова Э. Л., 1991, с. 58).

Из орудий уборки урожая использовали железные серпы. Серп был положен в могилу кургана 16 могильника XIII - XIV вв. Высокий борок. Наряду с ними для уборки могли использоваться и железные ножи, как это делали шорцы (Потапов Л. П., 1936, с. 72). Вполне могли употребляться и деревянные орудия, такими орудиями татары на Иртыше выдергивали колосья ячменя и овса так, что солома остается на земле (Фальк И. П., 1824, с. 391).

Сохраняли урожай, скорее всего, несколькими способами. Вряд ли зерно хранили в земляных ямах. Северные киргизы, хранившие зерно в ямах, выкапывали их глубиной 1,5 - 2 м, отверстие делали небольшим, а сама яма была довольно больших размеров (Фирштейн Л. А., 1975, с. 96). Однако подобную яму невозможно выкопать в приобском песчаном грунте. При раскопках поселений и городищ они не выявлены, не прослеживаются ямы и на поверхности памятников, хотя должны быть хорошо заметны. Часть урожая, конечно же, хранили в жилищах. В свое время на большой берестяной короб с ячменем обратил внимание В. Вербицкий, описывая убранство алтайской юрты (Вербицкий В., 1859, с. 89). Вполне возможно, злаковые хранили непосредственно у пашен, что наблюдал А. Адрианов на Саянах, отмечая, что рядом с микроскопическими пашнями инородцев расположены и склады хлеба, совершенно открытые и помещающиеся на крышах на четырех столбах, в полторасаженной высоте от земли (Адрианов А., 1888, с. 109). Аналогичные конструкции описал академик И. П. Фальк у татар на Иртыше ниже Тары. "На возвышенном твердом месте вкапывают 4 столба так, чтобы они стояли от земли на 3 фута в высоту, потом связывают их брусками и делают таким образом четырехугольник, длиной в 4 и шириной от 2,5 до 3 сажень. На брусья кладут жерди, для пшеницы и ржи прямо, а для ячменя и овса накрест и так часто, как решетина" (Фальк И. П., 1824, с. 391).

Переработка урожая осуществлялась с помощью ручных, каменных ротационных мельниц. К X - XIV вв. в Новосибирском Приобье относятся один целый жернов и два обломка. С помощью подобных жерновов шорцы перерабатывали в день около 8 кг зерна (Потапов Л. П., 1936, с. 74). Отсутствие печей показывает, что хлеб не пекли, а готовили толкан - обжаренный и растолченный ячмень, поджаренная мука. Толкан был известен томским татарам, чулымцам и всем тюркоязычным народам Алтая и Саян.

Несмотря на наличие пашенного земледелия, основой хозяйства оно не было, играя подсобную роль. Даже в 1831 г., после знакомства с техникой и культурами русского населения, земледелие не могло прокормить томских татар (Ядринцев Н. М., 1891, с. 48).

Скотоводство. Благоприятные природные условия Новосибирского Приобья, наличие обширных богатых травой участков в пойме, способствуют развитию животноводства. Однако З. Я. Бояршинова скотоводству у томских тюркоязычных групп населения, ко времени русской колонизации, наряду с земледелием, отводит лишь подсобную роль (Бояршинова З. Я., 1950, с. 52; 1960, с. 84). Так же считает

Н. А. Томилов (Томилов Н. А., 1980, с. 12). Противоположную точку зрения высказал Н. Ф. Емельянов, считающий, что у чатов и еуштинцев скотоводство было развито очень высоко и являлось их главным занятием (Емельянов Н. Ф., 1980, с. 57).

Определить реальную долю скотоводства в хозяйственной деятельности, состав и соотношение видов скота в стаде помогают остеологические определения с поселенческих комплексов. Причем, для того чтобы восстановить наиболее близкую к действительности картину, лучше всего основываться не на процентном содержании костей каждого вида от их общего количества, как это до сих пор делается в некоторых исследованиях (Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989, с. 96-101; Плетнева Л. М., 1990, с. 109, 110), а по количеству определенных особей с учетом веса одной головы каждого вида.

Остеологические определения с памятников X - XII вв. показывают (табл. 21), что наиболее существенную часть мясного рациона составляли домашние животные. Доля же диких животных в питании населения Новосибирского Приобья составляла скорее всего только 1/5 - 1/6 часть, причем, это соотношение прослеживается на всех памятниках.

Преобладание в рационе питания населения домашних животных сказалось и на астрагалах, которые использовались для различных игр в кости. Для X - XII вв. известно 25 астрагалов от мелкого рогатого скота и только 6 от косуль и диких баранов. Причем, для использования в играх не важно от каких животных взяты астрагалы так как различить их может только специалист.

Основную часть мясного рациона населения Новосибирского Приобья в X - XII вв. составляла лошадь (всего обнаружены кости как минимум от 25 голов), значительно меньше найдено костей крупного рогатого скота (7 голов), и еще меньшую роль играл мелкий рогатый скот (10 голов). Количество голов м.р.с. больше количества к.р.с., но овца значительно меньше коровы, поэтому общий вес мяса, которое можно получить от 7 голов к.р.с., будет в несколько раз больше, чем количество мяса от 10 голов м.р.с. Реально в стаде количество лошадей должно было составлять еще больший процент, чем это показывают остеологические коллекции, так как часть лошадей использовались как ездовые и вьючные.

К XIII - XIV вв. относятся определения с трех археологических памятников. На двух поселениях Крохалевка-Соколово 3 и 4, расположенных на левом берегу р. Оби ниже г. Новосибирска, основу питания составляли домашние животные (табл. 21). Могильники XIII - XIV вв., расположенные здесь же и у г. Новосибирска, с сопровождением погребенных целым конем или его чучелом (Крутоборка 2, Высокий борок, Ельцовский 1) и с костями лошадей в насыпях курганов (Ельцовский 1, Высокий борок) показывают, что как и на предыдущем этапе, в монгольское время скотоводство было ведущей отраслью хозяйства местного населения. Разводили в основном лошадей, немного было крупного рогатого скота.

Совершенно другие результаты получены на городище Каменушка 1, расположенном гораздо выше г. Новосибирска, на правом берегу р. Оби. Здесь основу питания населения составляли дикие животные, причем, из домашних встречены только кости мелкого рогатого скота. Это же подтверждает и наличие среди астрагалов, использовавшихся для игр, 7 экз. от диких животных и только 3 от мелкого рогатого скота.

Рассматривая состав стада в X - XIV вв., нужно отметить, что основным животным в нем была лошадь, разводили также и крупный рогатый скот, который, кроме мяса, давал и молочные продукты, незначительной была доля в стаде мелкого рогатого скота, причем, кроме овец, разводили и коз. Из-за высоты снежного покрова зимой в Приобье скот, даже лошади, не мог содержаться круглогодично на пастбищах, как это было в Барабе в эпоху позднего средневековья (Молодин В. И., Соболев

В. И., Соловьев А. И., 1990, с. 198) и в XIX - начале XX вв. (Томилов Н. А., 1986, с. 67). Поэтому для существования здесь скотоводства необходима заготовка кормов. Так, в 1703 г. чатские мурзы сена накашивали 2 тысячи копен (Дульзон А. П., 1956, с. 302). О древней традиции заготовки сена говорят и языковые данные, собранные у татар д. Эушта, которые сходны с аналогичными терминами в барабинском, тобольском и тюменском, а в ряде случаев и с чулымско-тюркским диалектах. Эти термины обозначают как орудия труда "оселок", "деревянные вилы", "железные вилы", "грабли" и "волокуша", так и процесс труда "собирать, сгребать сено", "метать сено на стог", "сложить стог", "копна", "ворошить сено", "возить сено" (Абдрахманов М. А., 1959, с. 218, 219). Отсутствие в наших материалах кос позволяет предположить, что заготовку сена производили, возможно, с помощью серпов. Высокие Приобские травостой облегчали заготовку достаточного количества сена, вполне возможно, заготовливали и веточный корм.

Скот содержали в открытых загонах, лишь только молодняк мог содержаться в закрытых помещениях, как это было у части томских татар до недавнего времени (Томилов Н. А., 1980, с. 21). Преобладание в составе стада лошадей, которые могли часть зимы свободно пастись, снижала потребность в сене. Состав стада с преобладанием лошади, меньшим количеством крупного рогатого скота и незначительной долей мелкого рогатого скота, сложившись еще на рубеже тысячелетий, сохранился и в более поздние периоды. Он характерен для памятников позднего средневековья Томского Приобья (Плетнева Л. М., 1990, с. 109, 110). По сведениям ясачной комиссии 1831 г., у татар Томского округа было 912 лошадей, 727 голов крупного рогатого скота и 718 голов мелкого рогатого скота (Ядринцев Н. М., 1891, с. 48). Это соотношение сохранялось и в конце XIX века в Приобских татарских селениях: Абалакские, Орские, Черный Мыс, Красный Яр, 582 жители которых содержали 514 лошадей, 357 голов крупного рогатого скота и всего 170 голов мелкого рогатого скота (Материалы и исследования ..., 1899).

Обобщая сказанное, нужно отметить, что скотоводство в X - XIV вв. играло основную роль в хозяйстве племен Новосибирского Приобья. Но в XIII - XIV вв. появляются группы населения, у которых роль скотоводства в хозяйстве падает, однако это могло быть временным явлением, связанным с падежом скота или его угоном неприятелем, что заставляло эти группы интенсивно развивать другие отрасли - охоту и рыбную ловлю.

О х о т а. Обширные Приобские боры и тальниковые заросли благоприятствовали охотничьему промыслу. Еще И. Завалишин в своем "Описании Западной Сибири" отмечал, что в Томской губернии все инородческие племена (татары, остяки, частью калмыки) живут звериным промыслом (Завалишин И., 1865, с. 22). Н. М. Ядринцев, описывая татар Томского округа, сделал вывод, что инородцы, как видно, прокармливаются более звероловством и рыболовством (Ядринцев Н. М., 1891, с. 48). О том, что главную роль в хозяйственных занятиях коренных жителей Томского уезда, как в XVII в., так и до русской колонизации, играли охота, рыболовство и собирательство писала З. Я. Бояршинова. Об этом, по ее мнению, красноречиво свидетельствуют археологические исследования на Тояновом городке, в Тохтамышевских курганах, на Басандайке, в Чернильщиковских курганах, случайные находки с памятников из окрестностей г. Томска, костяные и железные наконечники стрел охотничьего типа, кости промысловых животных, остатки шкур (Бояршинова З. Я., 1950, с. 42). Позднее с этим согласился Н. А. Томилов (Томилов Н. А., 1980, с. 12). Однако Н. Ф. Емельянов отмечал, что охота на пушных зверей у татар Приобья, хотя и занимала значительное место в жизни, но скотоводство являлось их главным занятием (Емельянов Н. Ф., 1980, с. 57). Подтверждают эти выводы и материалы с археологических памятников позднего средневековья из Томского Приобья, где кости

диких животных составляют меньшую часть (Плетнева Л. М., 1990, с. 110).

Остеологические определения с памятников X - XII вв. Новосибирского Приобья показывают, что доля мяса диких животных в питании населения вряд ли превышала 1/5. Основным объектом охоты был, прежде всего, лось, дававший значительное количество мяса, интенсивно охотились и на косуль и барсуков. Довольно редко объектами промысла были медведи, маралы и северные олени. Довольно значительным был спектр пушных животных, таких как бобр, лисица, соболь, выдра, хорь, волк. Костей этих животных, за исключением лисицы и соболя, найдено немного, однако, учитывая, что обычно тушки пушных животных на поселения не приносились, то в охотничьем промысле, скорее всего, преобладала роль пушной охоты. Не противоречат этим выводам и материалы XIII - XIV вв. с памятников Крохалевка-Соколово 3 и 4. Однако, на городище Каменушка 1 картина совершенно иная. Здесь в питании населения основную роль играли дикие животные - лоси и косули. Вполне возможно, что потеряв часть стада домашних животных по какой-либо причине, население было вынуждено переориентировать пушной промысел на мясное направление.

Таким образом, в X - XIV вв. охота в Новосибирском Приобье в хозяйственной деятельности населения играла подчиненную роль, причем, основным был пушной промысел. В XIII - XIV вв. у части населения охота стала играть заметную роль, являясь главным средством добычи животного белка.

Рыболовство. Богатая рыбой р. Обь, с ее притоками и старицами, позволяла заготовить значительное количество рыбы. Кости рыб изредка, так как они плохо сохраняются, встречаются на памятниках X - XIV вв. Новосибирского Приобья. Из орудий рыболовства можно назвать только рыболовные крючки. Крючки, судя по их размерам, использовались для самоловов. Лов рыбы самоловами, которые спускали на бечеве, производился преимущественно зимой, без наживки (Павлов А., 1878, с. 70). Ими ловят крупную рыбу - осетров, налимов, стерлядь. Отсутствие специально изготовленных грузил говорит о том, что, скорее всего, в качестве грузил использовали небольшие камни, завернутые в бересту. Тем более, что наличие пряслиц предполагает возможность изготовления ниток для плетения сетей. О способах ловли рыбы у чатов упоминается в одном из документов 1703 г., где говорится, что они ловят рыбу мордами, запорами и сетями (Дульзон А. П., 1956, с. 302). При рыбном промысле использовались долбленки. Остатки одной были обнаружены в погребении могильника XIII - XIV вв. Кротово 15.

Металлургия железа. Несомненно, основная часть железных изделий производилась на месте. Об этом свидетельствуют находки металлургических шлаков почти на всех городищах и поселениях, а также обломки печей и крица с городища Черный бокор 20. Эти свидетельства дополняются кузнечным набором в погребении кургана 9 могильника Березовый остров 1. Присутствие кузнечного набора клещей, молотка и ножовки в погребении свидетельствуют о том, что для изготовления железных изделий выделяются специализированные мастера - кузнецы.

Сырьем для получения железа, скорее всего, служили местные болотные руды. Для плавки требуются большое количество древесного угля. Выжигание его не составляло большого труда в Новосибирском Приобье, богатом лесом. Выжигали уголь, скорее всего, наиболее простым способом - в яме. Ямным способом, как наиболее простым, выжигали древесный уголь крестьяне в Чауской и Ояшинской волостях для Нижне-Сузунского завода в первой половине XVIII в. (Тальская О. С., 1972, с. 32).

Отсутствие остатков домниц на исследованных памятниках, небольшой размер крицы с городища Черный бокор 20 позволяют нам предполагать, что процесс получения железа производился без специальной домницы, как это описано И. Г. Гмелиным у кондомских татар в 1734 г., который замечает, что плавка производилась в обычной юрте на месте очага, где выкапывалось углубление, а сверху

закрывалось глиняной крышкой, в нижней части имеющей пол фута в диаметре и всего полтора вершка в верхней части. Высота крышки около фута. Спереди в ней было отверстие, которое во время плавки замуровывалось, а по сторонам два других - для подачи воздуха. Плавка длилась полтора часа, после чего был вынут вмурованный камень, крица лежала в выемке (Белковец Л. П., 1980, с. 58, 59).

Кузнечнаяковка производилась при помощи одноручных клещей и универсального молотка, для подправки изделий могла использоваться ножовка. Анализ инвентаря X - XIV вв. показывает, что кузнецы производили большой спектр железных изделий, многочисленны типы наконечников стрел, тесла, сабли, защитные доспехи, конскую упряжь, предметы быта. Железо в XIII - XIV вв. использовалось и для изготовления поясных наборов.

Цветная металлургия. Находки на памятниках Новосибирского Приобья X - XII вв., обломков тиглей и льячки и анализ бронзовых изделий показывают, что, без сомнения, часть их отливалась местными мастерами. Это относится прежде всего к ажурным украшениям. Ажурное литье, встречающееся в сrostкинских памятниках второй половины I тыс. н. э., достигло в X - XII вв. своего расцвета. Литье не отличалось особой сложностью и производилось в односторонней форме.

В XIII - XIV вв. картина резко меняется, падает количество бронзовых украшений. Медь и бронза используется только для украшения поясов. Кроме литых изделий появляются и штампованные. Кроме меди, для украшения поясов стали использовать железо и кость, что с отсутствием на памятниках XIII - XIV вв. тиглей и льячек говорит о возможном прекращении литейных работ. Возможно, это связано с прекращением поставок медного сырья в связи с изменением политической обстановки в монгольскую эпоху.

Деревообработка. Население Новосибирского Приобья в X - XIV вв. широко использовало дерево и бересту в хозяйственных целях. Для обработки применялись тесла, которые могли использоваться и как топоры и ножи. Широко использовалось дерево в строительстве жилищ и в погребальном обряде. Жилища были как срубными, так и каркасными. Расщепляя бревна, получали доски и плахи. Из дерева делались лодки-долбленки и погребальные колоды. Деревянными были и ручки ножей и сабель, а также их ножны. Широко использовалась и береста для покрытия крыш и, возможно, легких жилищ - чумов. Из бересты изготавливали колчаны, обклеивали ею ножны и древки стрел.

Таким образом, основу хозяйства населения Новосибирского Приобья в X - XIV вв. составляло скотоводство. Основным животным в стаде была лошадь, разводили также и крупный рогатый скот, незначительной была доля мелкого рогатого скота. Для стабильного существования скотоводства, в природных условиях Новосибирского Приобья необходимы были значительные заготовки сена.

Подсобную роль играло пашенное земледелие, а основным злаком, который сеяли, являлся ячмень. Присваивающие отрасли охота и рыбная ловля также, как и земледелие, выполняли подсобную роль. Основным объектом охоты, прежде всего, являлся лось, интенсивно охотились и на косуль и барсуков. Рыбу ловили с помощью сетей, а зимой самоловами вылавливали осетров, налимов, стерлядь.

Комплексное хозяйство расширяло возможности местного населения оперативно реагировать на неблагоприятные условия для одной из отраслей. Так, в XIII - XIV вв. у одной группы в хозяйстве упала доля скотоводства, но повысилась роль охоты.

Важное место в хозяйственной жизни занимала металлургия железа. Местные мастера сами получали железо и из него изготавливали широкий набор орудий труда и предметов быта. В X - XIV вв. на месте отливались и различные медные и бронзовые украшения, подвески.

ГЛАВА V

ЭТНО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ В X - XIV В. В.

Понять культурные и этнические процессы на территории Новосибирского Приобья в X - XIV вв. невозможно без четких представлений о сросткинской культуре: о ее происхождении, этапах и территории распространения. Однако, как уже отмечалось, пожалуй, ни об одной из культур на территории Сибири не было высказано столько порой прямо противоположных точек зрения. Напомним основные из них: М. П. Грязнов и С. В. Неверов территорию распространения сросткинской культуры определяли как Верхнее Приобье; В. А. Могильников считает, что она локализуется только в лесостепном Приобье и Прииртышье. Эту точку зрения поддержал Д. Г. Савинов, который первоначально включал в область ее распространения всю территорию кимацкого этносоциального объединения, но затем согласился с тем, что на современном этапе изучения следует все же рассматривать археологические памятники Прииртышья, идентифицируемые с собственно кимаками, отдельно от памятников сросткинской культуры, оставленных многочисленными племенами, входившими в состав кимако-кыпчакского государства.

По мнению М. Н. Грязнова, сросткинская культура сложилась на Алтае и вытеснила с Верхней Оби автохтонное (верхнеобское - А. А.) население. Д. Г. Савинов, поддерживая эту точку зрения, уточняет, что общим был катандинский (алтае-телеский) компонент, а в формировании локальных вариантов культуры принимали участие уйгурский, кыргызский и местный компоненты. В. А. Могильников считает ее многокомпонентной, с участием кимаков и самодийского или угорского компонентов. В то же время С. В. Неверов отмечает, что сросткинская культура сложилась на базе самодийского (или угро-самодийского) этноса и прямо продолжает традиции одинцовской культуры.

Палитра мнений исследователей о сросткинской культуре - явление не случайное. Ведь все авторы при характеристике культуры опирались только на погребальный обряд и инвентарь, происходящий из могильников. А в погребальном инвентаре сросткинцев практически отсутствует глиняная посуда, одна из важнейших составляющих, необходимых при характеристике культуры. Отсутствие сосудов в могилах не стимулировало авторов на выявление одновременных курганам поселенческих комплексов. Возможно, такая позиция оправдана для казахстанских степей, где вполне возможно существование кочевого хозяйства с кратковременными стоянками, но природные условия Верхней Оби и Барабинской лесостепи предполагают наличие поселений, пусть и не существовавших постоянно. Тем более, что на Ближних Елбанах, в непосредственной близости от сросткинских могил, М. П. Грязновым было исследовано поселение с культурным слоем, содержащим керамику и остатки жилища, хотя и датированное автором несколько позднее, чем сросткинская культура (Грязнов М. П., 1956, с. 153, 154).

Однако накопленный в могильниках с течением времени материал позволяет решить вопрос о керамическом производстве у сросткинцев. Глиняные сосуды известны на следующих памятниках: Ближние Елбаны (Грязнов М. П., 1956, табл. LVI,4; LVII,7), Камышинка и Зевакинский могильник (Арсланова Ф. Х., 1972, табл. VI), Грязново (Могильников В. А., Неверов С. В., и др., 1980, рис. 4,11), Иня (Уманский А. П., 1970, рис. 5,3-5), Хлебоборный Елбан (Кзаков А. А., Горбунов В. В., 1993, рис. 1,2,3), Гилево (Могильников В. А., 1981, рис. 26,53), Измайловка (Трифонов Ю. И., Ермолаева А. С., 1987, рис. 73,3), Карашат I (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987 а, рис. 93,5,6), Акчий III (Трифонов Ю. И., Ахинжанов С. М., 1987, рис. 91,7). Единичные

сосуды, обнаруженные в этих могильниках, дополняют керамические комплексы могильников Чулым 2 (Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А., 1988) и Бобровский (Арсланова Ф. Х., 1980). Конечно, нужно исключить из анализа керамики с этих могильников сосуды, явно относящиеся к потчевашской культуре, которые легко выделить. Аналогичный керамике из могильников комплекс представлен многочисленной серией сосудов на поселении Ушлеп 5 (Кунгуров А. Л., Горбунов В. В., 1993).

Анализ посуды из вышеперечисленных памятников показывает, что все они объединены схожим керамическим комплексом, причем сосуды собственно кимаков Прииртышья и сосуды сrostкинцев, вошедших в государственное объединение, практически не отличаются. Для этой посуды можно выделить следующие характерные черты: это плоскодонные, реже круглодонные горшки с отогнутой шейкой и срезанным наружу венчиком. Основная часть сосудов не имеет орнамента или украшена только рядом ямочных вдавлений по шейке. Небольшая часть сосудов орнаментирована гребенчатым штампом, отисками гладкой палочки и ямочными вдавлениями (рис. 102). Идентичный керамический комплекс объединяет, несмотря на вариации погребального обряда, все эти могильники. Причем сrostкинская керамика заметно отличается от керамики граничащих с нею культур - потчевашской на Иртыше и в Барабинской лесостепи и верхнеобской на Оби и в Кузнецкой котловине.

При сравнении памятников X - XII вв. Новосибирского Приобья со сrostкинскими нельзя не заметить их близкого сходства, особенно с могильниками Барнаульского Приобья. Прежде всего, сходство выражается в погребальном обряде. Общими являются такие черты, как курганные насыпи с одной или несколькими могилами, наличие ровиков под курганами. Это, как правило, единичные погребения в могильных ямах, костяки лежат на спине, вытянуто, головой на СВ. В погребальном обряде используется береста, почти полное отсутствие в могилах посуды и наличие погребальной пищи (кости животных), редкое положение вместе с человеком коня или его чучела.

Сходство проявляется и при анализе керамических комплексов. Сосуды X - XII вв. Новосибирского Приобья по всем своим показателям аналогичны керамике сrostкинской культуры. Это горшки с ярко выраженной шейкой и срезанным наружу венчиком. Хотя основу нашей коллекции, в отличие от сrostкинской, составляют круглодонные сосуды, но имеется плоское дно и у сосудов с поселения Ордынское 5 и городища Седова Заимка. Вероятно, плоское дно - это хронологический показатель. Общими являются элементы орнамента и скудная орнаментация сосудов, 2/3 из которых, кроме орнамента по срезу венчика и ряда ямок по шейке, других украшений не имеют.

Предметный комплекс, характерный для сrostкинской культуры второй половины I тыс. н. э., подробно рассматривался Д. Г. Савиновым (Савинов Д. Г., 1984, с. 115, 116). С течением времени он, конечно же, сильно изменился, но все же отдельные сrostкинские черты продолжают сохраняться и в X - XII вв. В начале II тыс. не только сохранился, но, судя по нашим материалам, достиг своего расцвета ажурный стиль. Подвески, выполненные в этом стиле, многочисленны и разнообразны и составляют основу медных украшений, тогда как бляшки, украшавшие сбрую и поясные ремни, столь многочисленные во второй половине I тыс. н. э., к началу II тыс. практически исчезают.

В наших материалах имеется одна целая и обломок типично сrostкинских поясных бронзовых пряжек с вытянутым носиком и имитация подобной пряжки из кости. Продолжают существовать, как и в сrostкинской культуре, кольчатые серьги. Дополнительным штрихом сходства может являться и способ хранения наконечников стрел в колчанах остриями в разные стороны, как и в сrostкинских погребениях на

Ближних Елбанах.

Вышеперечисленные черты сходства позволяют нам сделать вывод о том, что памятники X - XII вв. Новосибирского Приобья безусловно относятся к сrostкинской культуре, что подтверждает мнение В. А. Могильникова и С. В. Неверова, расширяющих хронологические границы сrostкинской культуры.

Исследование и выделение среди общей массы памятников XIII - XIV вв. Новосибирского Приобья позволяет с большой полнотой остановиться на сравнении их с памятниками X - XII вв., относимых нами к сrostкинской культуре. В культуре населения двух этапов наблюдается много общих черт. Прежде всего, это выражается в погребальном обряде. Как и прежде, над погребенными насыпались курганы, часто окруженные ровиками; насыпи содержат остатки тризны; умершие в могильных ямах; их положение вытянуто, на спине, головой они ориентированы на СВ с небольшими отклонениями. Могилы, как и прежде, перекрывались деревом; в погребальном обряде использовали бересту, керамические сосуды в погребальный инвентарь не входили, хотя в быту использовались широко. Небольшой процент погребенных сопровождался конем. Причем известны как погребения целого коня в отдельной могильной яме, так и чучела лошади в одной могиле с человеком. В Ельцовском I встречено оба варианта погребения коней. Существует, как и на предыдущем этапе, обычай возведения поминальных деревянных сооружений, которые сжигались. Единственное существенное отличие в погребальном обряде - это переход от курганов, содержащих в большинстве случаев несколько погребенных, к одномогильным курганам.

Ярко черты сходства проявляются в керамическом комплексе. Общими являются формы сосудов: круглодонные горшки с четко выраженной изогнутой или прямой шейкой. Общими являются и формы венчиков, причем совпадает и соотношение их встречаемости на сосудах, и элементы, и мотивы орнаментации. Изменение произошло только в степени орнаментированности сосудов. В XIII - XIV вв. резко уменьшается количество неорнаментированных и слабо орнаментированных (только венчик и ряд ямочных вдавлений по шейке) сосудов.

Не изменились с течением времени характерные особенности в расположении поселений. На всем протяжении X - XIV вв. существуют как долговременные поселения, расположенные на возвышенных местах, близко у воды, так и сезонные, в глубине террасы. Кроме них выделяются и кратковременные стоянки, где ставились только легкие переносные жилища. Остается прежней техника строительства жилищ. На обоих этапах существуют срубные полуземлянки, каркасные полуземлянки и каркасные наземные жилища, существовали и легкие переносные чумы, крытые берестой.

В XIII - XIV вв., как и на предыдущем этапе, продолжают использовать поножи для поддержки высоких голенищ у сапог. Не изменились и игры в кости с использованием астрагалов. Наконечники стрел в колчанах продолжают хранить остриями в разные стороны. Сохранились и кольчатые серьги. Ажурный стиль в XIII - XIV вв. прекращает свое существование, хотя в нашей коллекции есть подвески, имеющие листовидную форму, как и ажурные подвески предыдущего этапа.

Все это говорит о том, что смены населения в Новосибирском Приобье в XIII - XIV вв. не произошло. Однако вполне возможно проникновение отдельных групп нового населения (могильник Усть-Алеус 7), но, судя по всему, это было близкородственное население, так как все различие заключается только в ориентировке погребенных.

Остановимся теперь на одном высказанном многими исследователями тезисе об участии местного, верхнеобского, населения в Приобье в сложении сrostкинской культуры. Спектр мнений по этому вопросу широк: от точки зрения С. В. Неверова, ставившего знак равенства между верхнеобской и сrostкинской культурами, до

В. А. Могильникова, считающего, что верхнеобцы вошли составной частью в сrostкинскую культуру.

Верхнеобская культура была выделена М. П. Грязновым (Грязнов М. П., 1956, с. 99-144). Впоследствии Т. Н. Троицкая уточнила периодизацию этапов и выделила новые, расширив хронологические рамки культуры (Троицкая Т. Н., 1979; 1981; 1991; 1992). Л. А. Чиндина памятники, относимые Т. Н. Троицкой к верхнеобским, рассматривает в рамках релкинской культуры (Чиндина Л. А., 1991). Однако, учитывая приоритет в названии культуры М. П. Грязнова, мы разделяем точку зрения Т. Н. Троицкой на название культуры и ее периодизацию.

Верхнеобская культура на своем первом, одинцовском этапе (V - VI вв. н.э.), охватывает огромную территорию, в которую входит все Верхнее Приобье. На всей этой территории выявлены одинцовские памятники. На последующих этапах, тимирязевском (VII - VIII вв. н.э.) и юрт-акбалыкском (IX - X вв. н.э.), культура занимает уже только Новосибирское и Томское Приобье. А выше по Оби памятников этих этапов нет, здесь их сменяют сrostкинские.

Сравним характерные черты материальной культуры одинцовского этапа верхнеобской (так как он непосредственно предшествует на Верхней Оби сrostкинским памятникам) и сrostкинской культур. Прежде всего, обратимся к погребальному обряду. Действительно, некоторые черты сходства между двумя культурами можно выделить. И одинцовские, и сrostкинские могильники курганные, погребенные лежат в могильных ямах, вытянуто, на спине, головой ориентированы на СВ. Причем (и это считается главным признаком сходства) погребенные не сопровождаются захоронением лошадей. Другие признаки сходства, упоминаемые в литературе, крайне неубедительны. Это продольное или поперечное перекрытие деревом могильной ямы. Или использование бересты в погребальном обряде, причем, как в верхнеобских, так и в сrostкинских могильниках, она встречается довольно редко. Естественно, находясь в одной природной зоне, где широко распространена береза, в обеих культурах береста как удобный материал использовалась широко. Вполне естественно использование ее в погребальном обряде, как это практиковали все сибирские народы. Еще один из аргументов - это надмогильные срубные конструкции. Для одинцовского этапа о существовании таких конструкций, по неясным остаткам древесной трухи, сделал предположение М. П. Грязнов (Грязнов М. П., 1956, с. 105), а в одинцовских могильниках Новосибирского и Томского Приобья они неизвестны. Достаточно редки, чтобы служить характерным признаком, срубные конструкции и в сrostкинских курганах.

Различие же заключается в отсутствии в одинцовских курганах ровиков и пусть, на первый взгляд, мелкой, но, как нам кажется, принципиально важной детали: помещение в могилу глиняной посуды. Для одинцовских погребений это правило, а в сrostкинские могилы сосуды помещались крайне редко. Причем нельзя сказать, что у сrostкинцев отсутствовало производство глиняной посуды, а в могилу помещали кожаные или деревянные сосуды, которые не сохранялись. Этому противоречит обилие сrostкинских керамических сосудов в могильниках Чулым 2 и Бобровский. Здесь под влиянием потчевашского населения в погребальный инвентарь стали входить сосуды. Сrostкинская традиция не помещать сосуды в могилы сохранялась и для памятников в X - XIV вв. н.э. Новосибирского Приобья, хотя керамическое производство было весьма развито, и глиняная посуда широко использовалась в хозяйстве. Отсутствие глиняной посуды в сrostкинских могилах говорит о том, что верхнеобской погребальный ритуал не повлиял на сrostкинский.

Керамика служит одной из черт культуры, которая позволяет решить вопрос о преемственности культур. Одинцовские сосуды круглодонные, с орнаментом, покрывающим всю шейку, с прямым или срезанным вовнутрь венчиком, шейка в

большинстве случаев утолщена. Т. Н. Троицкой выделено 30 композиционных построений для сосудов V - VI вв. (рис. 103). Это совершенно не похоже на сrostкинские плоскодонные горшки со срезанным наружу венчиком и очень бедным орнаментом (рис. 102). Причем и значительно позднее в X - XII вв. около 2/3 всех сосудов украшались только одним элементом. Это позволяет нам считать, что заметного, а тем более определяющего влияния верхнеобцев на сrostкинскую керамику не произошло.

Данные керамического комплекса подтверждаются сравнением бронзовых литых изделий верхнеобской и сrostкинских культур. Верхнеобские изображения птиц с личиной на груди, медведей, композиции из животных резко отличаются от ажурного стиля литых бронзовых изделий сrostкинской культуры.

Различие в погребальном обряде, керамике, литье верхнеобцев и сrostкинцев дает нам право рассматривать, вслед за М. П. Грязновым, сrostкинцев Барнаульского Приобья, как пришлое население, возможно, появились они в VII в., так как здесь нет памятников тимирязевского этапа, тогда как в Новосибирском и Томском Приобье такие памятники есть. Верхнеобское население из Барнаульского Приобья было вытеснено, и оно не оказало заметного влияния на пришедшее население.

Рассмотрим участие верхнеобцев в культуре населения X - XII вв. Новосибирского Приобья. Это участие считалось определяющим. Высказывалось мнение о непрерывности в развитии культуры. Хотя и выделялись некоторые новые черты, появившиеся в начале II тыс. н. э. Погребальный обряд верхнеобского населения к концу I тыс. н. э. претерпевает значительные изменения. Труположение сменилось трупосожжением (Троицкая Т. Н., 1991, 1994). Отсутствие каких-либо признаков трупосожжения в наших материалах говорит о резком отличии погребального обряда X - XIV вв. Новосибирского Приобья от погребального обряда верхнеобцев. Данные погребального обряда подтверждаются и при анализе керамического комплекса. Керамика X - XII вв. Новосибирского Приобья отличается от керамики верхнеобской культуры. Эти различия проявляются в форме сосудов (исключая только чаши), в формах венчиков. Верхнеобские сосуды имеют заметное утолщение шейки, что отсутствует у сrostкинских сосудов. Есть заметное отличие и в большинстве элементов и мотивах орнаментации. Однако все же отдельные черты сходства можно отметить. Это прежде всего отдельные элементы орнамента: гребенчатый штамп, жемчужины, возможно, оттиск гладкой палочки. Сходство наблюдается и в отдельных мотивах орнамента, таких как горизонтальные прочерченные линии или линии из гребенчатого штампа, зигзаг из гребенчатого штампа, ряды из вертикальных оттисков гребенки или гладкой палочки.

Все это говорит о том, что пришедшее с верховьев Оби в X в. сrostкинское население сыграло определяющую роль в формировании населения Новосибирского Приобья. Сохранение некоторых верхнеобских черт в орнаментации керамики пришлого населения, а также возросшая по сравнению с предшествующим временем степень орнаментированности сосудов говорит о том, что какая-то часть прежнего верхнеобского населения приняла участие в формировании культуры пришельцев. Однако учитывая небольшое количество этих элементов сходства, их малый процент в орнаментации посуды, это участие было крайне незначительным.

Перед тем, как ответить на вопрос, отличаются ли памятники X - XIV вв. Новосибирского Приобья от одновременных им памятников с соседних территорий, рассмотрим точки зрения на культурную и этническую принадлежность этих памятников.

В. А. Могильников, расширив хронологические рамки сrostкинской культуры, выделил в ее развитии этап XI - начало XIII вв. Но памятники, относящиеся к этому этапу, названы не были (Могильников В. А., 1981, с. 45). Эта точка зрения была

поддержана С. В. Неверовым, который выделил в развитии сросткинской культуры шадринцевский этап (вторая половина X - XII вв.) и отнес к этому этапу следующие памятники: Сростки, Ближние Елбаны V, VII, Ивановка, Мало-Панюшево, Шадринцево, Ново-Ильинка, Змеевка, Осинки. В XIII в., по его мнению, сросткинская культура прекращает свое существование (Неверов С. В., 1991, с. 182).

В. А. Могильников, рассматривая культуру населения Томского Приобья X - XII вв., выделил басандайскую культуру, в которой отмечает органическое смешение особенностей местной самоедской и привнесенной тюркской культур. Им отнесены к этой культуре Еловский и Басандайский могильники. В Басандайском могильнике, по мнению В. А. Могильникова, комплекс местных черт преобладает над привнесенными тюркскими. А в Еловском могильнике тюркские черты выражены более ярко. Постепенно в течение первой половины II тыс. в результате слияния тюркского пришлого и местного самоедского элементов сложилась новая этническая группа - томские татары (Могильников В. А., 1980, с. 245, 246).

Поддержав точку зрения В. А. Могильникова, Л. М. Плетнева дала более развернутую характеристику басандайской культуре. Басандайская культура, по ее мнению, датируется в пределах X - XIV вв. Керамика и погребальный обряд памятников Томского Приобья отличаются от памятников Новосибирского Приобья, Среднего Чулыма и Нарымского Приобья (Плетнева Л. М., 1993, с. 42, 43).

Д. Г. Савинов считает, что с распадом кимакского государства в конце X в. прекращает свое существование и сросткинская культура (Савинов Д. Г., 1984, с. 118). Часть кыпчакского населения продвинулась на территорию Томской области и завершила тюркизацию местного населения. В могильнике Басандайка ясно проступают сросткинские черты в погребальном обряде, вещевом комплексе и керамике. Близок Басандайке и Еловский могильник, в котором, по мнению Д. Г. Савинова, сросткинские черты выражены гораздо отчетливее (Савинов Д. Г., 1984, с. 147).

А. М. Илюшин могильники XI - XII вв. Беково и Шанда в Кузнецкой котловине связывает с приходом в долину р.Бачат тюркоязычных кочевников под эгидой кыпчаков. По его мнению, они оставлены представителями племени теленгутов (Илюшин А. М., 1993, с. 41).

При сравнении памятников Новосибирского Приобья с одновременными им памятниками прилегающих территорий прежде всего рассмотрим керамический комплекс. В Томском Приобье керамика, относимая Л. М. Плетневой к басандайской культуре (Плетнева Л. М., 1993, с. 42, 43), по своим характерным чертам аналогична сосудам Новосибирского Приобья. В обоих случаях это сосуды с отогнутым венчиком и раздутым туловом и чаши. Сосуды украшались только в верхней части. Общими являются и элементы орнамента: гребенка, ямки, оттиск палочки, резные линии. Совпадают и мотивы: ряды из вертикальных оттисков гребенки, ряд ямок, зигзаг или волна из оттисков гребенки. Близость обоих комплексов подтверждают и опубликованные материалы с Басандайского городища (Басандайка, 1948, табл. 13,2,3; 14,8; 15,8). А сосуды из Басандайских курганов подтверждают изменения в степени их орнаментированности от X - XII вв. (Басандайка, 1948, табл. 28) до XIII - XIV вв. (Басандайка, 1948, табл. 27,1), характерные и для Новосибирского Приобья.

Полностью аналогичны нашей керамике и сосуды Кузнецкой котловины. Причем, основываясь на выявленных нами закономерностях, мы можем датировать поселение Есауловское 2 X - XII вв. (Ширинов Ю. В., 1992, рис. 3), а поселение у г. Гурьевска XIII - XIV вв. (Елькин М. Г., 1974, рис. 2,11,12; 3; 4; 5; Ширинов Ю. В., 1992, табл. 1), XIII - XIV вв. датируется и часть керамического комплекса с городища Маяк (Эрдниев У. Э., 1960, табл. XIII,9; Ширинов Ю. В., 1992, табл. 1). Аналогичная нашей керамике известна и с верховьев Оби с поселения на Ближних Елбанах (Грязнов М. П., 1956,

табл. LIX,9-13).

Керамика первой половины II тыс. н. э. Барабинской лесостепи могильников Туруновка 2 (Соболев В. И., 1978, рис. 2,а,б; Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, рис. 34,1), Садовка 2 (Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, рис. 34,2) и культового места Сопка 2 (Молодин В. И., 1990, рис. 9; Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990, рис. 28,1,2) заметно отличается от керамики Новосибирского Приобья. Это выражается в формах сосудов. Для Барабы, по-видимому, не характерны сосуды с отогнутым наружу венчиком. Два ряда горизонтальных ямочных вдавлений, один из которых идет по тулову, являющихся характерной чертой барабинской керамики, отсутствуют в Приобских материалах. Различия выражаются и в композиционных построениях. Однако эти различия не являются всеобъемлющими, можно найти и некоторые общие черты. Таким образом, в X - XIV вв. на всей Верхней Оби, в Кузнецкой котловине был распространен единый керамический комплекс, который отличается от керамики Барабинской лесостепи, что вполне объяснимо, если учесть, что здесь еще во второй половине I тыс. н. э. наблюдается тесное взаимовлияние сrostкинскогo и потчевашского населения, которое и повлияло на дальнейшее развитие керамического комплекса.

При рассмотрении погребального обряда сразу бросаются в глаза черты сходства на всей территории Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины. Это все те же основные признаки сrostкинской культуры верховьев Оби второй половины I тыс., важнейшим из черт которых является труположение, в большинстве случаев без коня и сосудов в могилах, под курганными насыпями. Особенно близок погребальный обряд Новосибирского Приобья обряду басандайской культуры, который охарактеризован Л. М. Плетневой (Плетнева Л. М., 1994). Это курганные могильники, где 92% погребенных положены в могилу. В Новосибирском Приобье таких погребений в X - XII вв. - 92,6, а в XIII - XIV вв. - 94,3%. Сходство проявляется и в том, что преобладают одиночные погребения, лежащие вытянуто на спине. Подавляющее число умерших захоронено по обряду труположения, но встречено 6 погребений с трупосожжением на месте и 2 на стороне. Это очень низкий процент (около 2,5%) который должен быть еще уменьшен, так как часть погребенных из Басандайского могильника, относимых З. Я. Бояршиновой к погребенным с трупосожжением на месте (Бояршинова З. Я., 1948), вызывают большие сомнения (Адамов А. А., 1996, с. 51). Сходство проявляется и в использовании бересты при погребении, а также в остатках тризн - костров и костей животных в насыпях курганов. Встречены в могильниках и погребения с лошадьми или их чучелами.

Однако в погребальном обряде в различных регионах прослеживаются и локальные черты. В Новосибирском Приобье на всем протяжении X - XIV вв. господствует В-СВ ориентировка. Эта же ориентация является ведущей и в первой четверти II тыс. н. э. для Барнаульского Приобья. В Томском Приобье в могильниках X - XIV вв. ведущей является Ю-ЮВ ориентировка погребенных. В Кузнецкой котловине известны могильники только X - XII вв., которые отличаются большим количеством погребений с конем.

Таким образом, на территории Верхнего Приобья, в Кузнецкой котловине в X - XIV вв. был распространен идентичный керамический комплекс. Очень схож и погребальный обряд, но все же можно выделить несколько локальных вариантов: Новосибирский с СВ ориентировкой, Томский с Ю-ЮВ ориентировкой, Кузнецкий с большим количеством коней в могилах.

Все перечисленное не позволяет рассматривать памятники Томского Приобья отдельно от памятников Новосибирского и Барнаульского Приобья и Кузнецкой котловины. Все они относятся к одной археологической культуре - сrostкинской. Отличие в ориентировке памятников Томского Приобья не может служить для

выделения отдельной басандайской культуры.

Накопленные материалы делают возможным уточнить датировку сросткинской культуры и границы ее распространения. В. А. Могильниковым в развитии сросткинской культуры был выделен этап XI - начало XIII вв. (Могильников В. А., 1981, с. 45), а С. В. Неверов выделил шадринцевский этап второй половины X - XII вв. для памятников Верхней Оби (Неверов С. В., 1991, с. 182). Материалы Новосибирского Приобья хорошо разбиваются на два этапа X - XII и XIII - XIV вв. Для каждого этапа характерны особенности в погребальном обряде, керамике, вещевом комплексе, но в то же время ясно выступают и черты сходства, характерные для сросткинской культуры. Поэтому мы поддерживаем мнение С. В. Неверова о выделении шадринцевского этапа. Датировку этапа нужно расширить до X - XII вв., так как нет достаточно четких критериев для разделения памятников в пределах X в. Шадринцевский этап X - XII вв. сросткинской культуры охватывал все Верхнее Приобье, включая и Кузнецкую котловину.

Этап XIII - XIV вв. предлагаем назвать по опубликованному городищу Каменушка I - каменушкинским. Памятники этого этапа распространены в Новосибирском и Томском Приобье, Кузнецкой котловине. С. В. Неверов считает, что к XIII в. сросткинская культура на Верхней Оби прекратила свое существование. За это вроде бы говорит изменение в ориентировке погребенных монгольского времени. Однако керамика с поселения в пункте Ближние Елбаны II (Грязнов М. П., 1956, табл. LIX,9-13), без сомнения, относится к сросткинской культуре, что говорит о сохранении здесь и в XIII - XIV вв. сросткинского населения, но малочисленность материала не позволяет пока решить вопрос о культурной принадлежности памятников верховьев Оби монгольского времени.

Точка зрения, расширяющая хронологию сросткинской культуры на Верхней Оби, вызвала критику Д. Г. Савинова (Савинов Д. Г., 1994, с. 90, 91). Памятники VII-VIII вв. (и до середины IX в.), а также памятники начала II тыс., в которых отсутствует характерный для сросткинской культуры комплекс предметов сопроводительного инвентаря, не могут, по мнению Д. Г. Савинова, рассматриваться с точки зрения принадлежности к одной культуре (Савинов Д. Г., 1994, с. 90, 91). Однако, какие предметы входят в этот комплекс: палаши типа знаменитого "сросткинского меча", луки со срединной фронтальной накладкой-вкладышем, наконечники стрел на длинном веретенообразном стержне, костяные изогнутые псаили с "сапожком", удила с "8"-образными кольцами, расположенными в одной плоскости, стремена с невыделанной пластиной, костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, сердцевидные бляхи-решмы с личиной-колокольчиком, "Т"-видные тройники, "у"-образные уздечные бляшки, прямоугольные бляшки с петлей, двухсоставные застежки, украшения, выполненные в "ажурном стиле" (Савинов Д. Г., 1984, с. 112). Как видно из всего перечисленного, подавляющая часть типов вещей относится к украшениям, которые быстро меняют свою форму и поэтому имеют узкие хронологические рамки, но ведь это вещи, мода на которые приходит и уходит. А другие составляющие культуры - погребальный обряд, керамический комплекс? На Верхней Оби прослеживается устойчивая преемственность как погребальной обрядности, так и форм и орнаментации посуды, отличных от других культур, - верхнеобской, потчевашской, кыргыской. Поэтому тот предметный комплекс, выделенный Д. Г. Савиновым, действительно характеризует сросткинскую культуру, но на этапе IX - X вв., а преемственность или отличие культуры населения Верхней Оби других этапов нужно рассматривать, опираясь уже на совсем другие составляющие материальной культуры.

Этническая характеристика памятников X - XIV вв. Новосибирского Приобья в связи с выявленным тождеством их со сросткинской культурой может иметь взаимоисключающие точки зрения. Одним из последовательных сторонников тюркской

принадлежности памятников сросткинской культуры является Д. Г. Савинов. Самодийскую или угро-самодийскую точку зрения отстаивает С. В. Неверов. В. А. Могильников считает ее многокомпонентной с участием тюркского и самодийского этносов. При этом и С. В. Неверов, и В. А. Могильников при этнической характеристике сросткинской культуры исходили из ее связи с верхнеобской культурой. Однако, учитывая, что между сросткинцами второй половины I тыс. н. э. и верхнеобцами нет устойчивой связи ни в погребальном обряде, ни в керамике, точка зрения о значительном участии самодийцев в сросткинской культуре не подтверждается. На Верхней Оби сросткинская культура является пришлой. Поэтому наиболее вероятной является точка зрения о тюркской принадлежности памятников сросткинской культуры. В наших материалах мы можем найти подтверждение этому.

Прежде всего, это поминальные сооружения, напрямую связанные с широко известными поминальниками Алтая и Южной Сибири. Естественно, что в Приобье, где нет достаточного количества камня, их делали из дерева. Еще одна яркая черта - специфическое крепление высоких голенищ сапог. Такое крепление изображено на многих половецких каменных изваяниях. Широкое их распространение в Новосибирском, Томском Приобье, Кузнецкой котловине говорит в пользу не просто тюркской принадлежности этих памятников, а о кыпчакской. В пользу тюркской принадлежности говорят и отсутствие керамики в погребальном инвентаре, и погребения вместе с человеком лошадей или их чучел. Судя по всему, о кыпчакской принадлежности памятников говорит и ажурное литье, широко распространенное на Верхней Оби.

Таким образом, сросткинскую культуру можно связывать с тюркским, а точнее с кыпчакским этносом. Приход в X в. в Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкую котловину нового населения ознаменовал не постепенную тюркизацию на протяжении веков местных аборигенов, а проникновение больших групп кыпчакского населения, в состав которых были включены отдельные небольшие группы аборигенов. Основная часть верхнеобского населения была с этих территорий вытеснена. Именно на основе населения сросткинской культуры, судя по всему, сформировалась большая группа сибирских татар - томские татары. Локальные различия, прослеженные на этой территории в X - XIV вв., означают, судя по всему, формирование различных групп томских татар: чатов, эуштинцев, колмаков.

Таким образом, обобщая сказанное, мы можем сделать следующие выводы. Сросткинцы на Верхней Оби появились не ранее VII в. н. э. Автохтонное верхнеобское население было вначале вытеснено из Барнаульского Приобья, и оно не оказало заметного культурного влияния на пришедшее население.

На шадринцевском этапе сросткинской культуры (X - XII вв.) сросткинцы продвинулись ниже по Оби и заняли Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкую котловину. С этой территории основная часть верхнеобцев была вытеснена, а небольшая часть ассимилирована, так как черт, характерных для верхнеобской культуры, в материальной культуре шадринцевского этапа сросткинской культуры очень немного.

Не произошло смены населения в Кузнецкой котловине, Новосибирском, Томском, а возможно, и Барнаульском Приобье и в XIII - XIV вв. Близость материальной культуры этого населения с материальной культурой предшествующего времени позволяет нам выделить в развитии сросткинской культуры каменушкинский этап (XIII - XIV вв.). Сросткинскую культуру можно связывать с тюркским, а точнее с кыпчакским этносом, на ее основе и сформировались томские татары.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая наше исследование, нужно отметить, что для сrostкинской культуры второй половины I тыс. н.э., и прежде всего Верхней Оби, характерен ряд черт, выделяющих ее среди других культур. Одним из основных признаков является керамический комплекс, который своей формой, слабой орнаментацией резко отличается от керамики как верхнеобской, так и потчевашской культур.

Сrostкинцы вытеснили из Барнаульского Приобья автохтонное верхнеобское (одинцовского этапа) население, участие которого в формировании облика сrostкинской культуры было незначительным. В X в. сrostкинцы продвинулись еще ниже по Оби, вытеснив, а частично ассимилировав, верхнеобское население из Новосибирского Приобья. Культуру населения X - XII вв. Новосибирского Приобья можно рассматривать в рамках шадринцевского этапа сrostкинской культуры. Для него характерно наличие хорошо укрепленных родовых центров, расположение зимних поселений в глубине террас в лесу. Существовали и временные стоянки. Жилища представлены срубными и каркасными полуземлянками, а также наземными балаганами. Использовали и легкие переносные, каркасные жилища.

Погребальный обряд представлен подкурганными погребениями в могильных ямах, на спине, вытянуто, головой на СВ. Характерная черта - отсутствие сосудов в могилах и редкое сопровождение человека конем или его чучелом. В поминальном обряде используются подквадратные деревянные сооружения, которые сжигались.

Керамический комплекс представлен круглодонными горшками (хотя встречены и плоскодонные) с отогнутой шейкой и срезанным наружу венчиком. Большая часть сосудов не имеет орнамента или украшена только одним мотивом. Основу хозяйства населения X - XII вв. Новосибирского Приобья составляло скотоводство. Основным животным в стаде были лошади. Подсобную роль играло пашенное земледелие и присваивающие отрасли - охота и рыбная ловля. Важное место занимало и металлургическое производство. Из железа изготавливался широкий спектр орудий труда и оружия. Отливались и бронзовые украшения.

В XIII - XIV вв. смены культуры не произошло. Как и прежде используются летние и зимние поселения и временные стоянки. Не изменяются и конструкции жилищ, а также погребальный и поминальный обряд. Изменение в керамическом производстве прослеживается только в степени орнаментированности сосудов. В XIII - XIV вв. две трети сосудов орнаментированы до половины тулова, в отличие от слабо орнаментированной керамики X - XII вв.

Не прослеживаются существенных изменений в хозяйственной жизни, хотя появляются группы населения, у которых повысилась роль охоты. Поэтому культуру населения XIII - XIV вв. Новосибирского Приобья можно рассматривать в рамках каменушкинского этапа сrostкинской культуры.

Культура населения Новосибирского Приобья X - XIV вв. не является обособленным явлением. Сrostкинская культура как шадринцевского (X - XII вв.), так и каменушкинского (XIII - XIV вв.) этапов занимала все Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину, о чем свидетельствует прежде всего единство на этой территории керамического комплекса.

Сrostкинская культура Верхней Оби оставлена тюркским, а точнее кыпчакским этносом. Приход больших масс тюркского населения на Верхнюю Обь с поэтапным освоением этой территории означал не постепенную тюркизацию на протяжении веков местных аборигенов, а вытеснение последних с этой территории и частичной ассимиляции отдельных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдрахманов М. А. Особенности развития словарного состава при диалектно-языковом смешении // Учен. зап. ТГПИ. - Томск, 1959. - Т. XVIII. - С. 195-220.
- Адамов А. А. Жилища поселения Боровое 1 // Жилища народов Западной Сибири. - Томск, 1991 а. - С. 3-7.
- Адамов А. А. О назначении парных крючков из погребений первой половины II тыс. н. э. лесостепного Приобья // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. - Тюмень, 1991 б. - С. 164-168.
- Адамов А. А. "Обожженная" береста: экспериментальные исследования // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Новосибирск-Омск, 1996. - Ч. I. - С. 48-51.
- Агроклиматические ресурсы Новосибирской области. - Л., 1971.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII - XV веках. - Алма-Ата, 1987. - 256 с.
- Адрианов А. Путешествие на Алтай и за Саяны совершенное летом 1883 г. // Записки Зап. Сиб. отдела императорского русского географического общ-ва. - Омск, 1888. - Кн. VIII. Вып. II.
- Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII - XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 98-111.
- Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. С. 56-76.
- Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. - М., 1980. - С. 79-104.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). - Новосибирск, 1980. - 152 с.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. - Новосибирск, 1984. - 201 с.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII - X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. - М., 1987. - Вып. 2. - 200 с.
- Басандайка. - Томск, 1948. - 220 с.
- Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X - XIII вв. - Томск, 1996. - 272 с.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V - VIII вв. н. э. - Томск, 1983. - 245 с.
- Белковец Л. П. Сведения И. Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. - Томск, 1980. - С. 34-60.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI - XVII вв. - М., 1981. - Ч. II. - 148 с.
- Березовская Н. В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Томск, 1992. - С. 95-97.
- Боброва А. И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. - С. 36-46.
- Боброва А. И. О полевых исследованиях Среднеобского отряда // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Томск, 1992. - С. 124-127.
- Боброва А. И. Погребально-поминальный обряд коренного населения Нарымского Приобья и Причулымья в XIV - первой половине XX в. (по археологическим и палеоэтнографическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1992. - 15 с.

- Боброва А. И., Петрова Н. В. Тяголовский могильник//Археологические исследования в Среднем Приобье. - Томск, 1993. - С. 97-112.
- Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Надмогильные сооружения тевризских татар // Археология Прииртышья. - Томск, 1980. - С. 153-160.
- Бородовский А. П. Плети и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени//Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987. - С. 28-39.
- Бородовский А. П., Новиков А. В. Ранне-средневековые могильники Юго-Западной Барабы, Северо-Западной Кулунды// Бараба в тюркское время. - Новосибирск, 1988. - С. 68-75.
- Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах// Басандайка. - Томск, 1948. - С. 148-165.
- Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века// Труды ТГУ. Серия историко-филологическая. - Томск, 1950. - Т. 112. - С. 21-210.
- Бутанаев В. Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора)//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 188-197.
- Вайштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве //ТТКАЭЭ. - М.-Л., 1966. - С. 292-347.
- Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик// История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С. 249-252.
- Васильев Е. А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки// Северск. История и современность. - Томск, 1994. - С. 12-21.
- Васютин А. С., Елина В. Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа //Археология Южной Сибири. ИЛАИ. - Кемерово, 1983. - Вып. 12. - С. 118-122.
- Вербитский В. Заметки кочевго алтайца// Вестник императорского русского географического общества. - СПб., 1859. - Ч. 24. Кн. 9-12. - С. 77-109.
- Гаврилова А. А. Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее// СА. - 1964. - № 2. - С. 104-170.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.- Л., 1965. - 143 с.
- Галкин В. Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в Южнотаежном Тоболо-Иртышье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Москва, 1991. - 21 с.
- Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачевский могильник на р. Ишим - памятник потчевашской культуры VI - VIII вв. н. э.// Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1987. - С. 119-133.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. - Свердловск, 1989. - 216 с.
- Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. - Ижевск, 1983. - С. 40-71.
- Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X - XIII вв. - М., 1973. - 213 с.
- Горбунов В. В., Бородаев В. Б. Средневековое поселение Троицк - 3 на левобережье Барнаульского Приобья//Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1995. - Вып. V. Ч. II. - С. 214-220.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге//ТТКАЭЭ. - М.- Л., 1966. - С. 81-107.
- Грязнов М. П. Древние культуры Алтая// Материалы по изучению Сибири. - Новосибирск., 1930. - Вып. 2. - 11 с.
- Грязнов М. П. Из далекого прошлого Алтайского края. - Барнаул, 1950. - 20 с.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби// МИА. - М.- Л., 1956. -

№ 48. - 230 с.

Грязнов М. П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС// Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. - Иркутск, 1960. - С. 22-24.

Гультов С. В. Еще раз о знаках на астрагалах гунно-сарматского времени// Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. ТД ОНКпоААиЭ. - Омск, 1984. - С. 78-80.

Давидян О. И. Скарабей из Старой Ладogi//АСГЭ. - Л., 1988. - Вып. 29 - С. 112-116.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. - М., 1989. - С. 14-132.

Деревянко А. П., Молодин В. И. Денисова пещера. - Новосибирск, 1994. - Ч. 1. - 262 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. - Новосибирск, 1990. - 164 с.

Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык// Учен. зап. ТГПИ. - Томск, 1952. - Т. IX. - С. 76-211.

Дульзон А. П. Остяцкие могильники XVI - XVII веков у села Молчаново на Оби// Учен. зап. ТГПИ. - Томск, 1955. - Т. XIII. - С. 97-154.

Дульзон А. П. Диалекты татар-аборигенов Томи//Учен. зап. ТГПИ. - Томск, 1956. - Т. XV. - С. 297-379.

Дьяконова В. П. Поздние археологические памятники Тувы// ТТКАЭЭ. - М.-Л., 1966. - С. 348-362.

Дьяконова В. П. Алтайцы//Семейная обрядность народов Сибири. - М., 1980 а. - С. 100-107.

Дьяконова В. П. Тувинцы//Семейная обрядность народов Сибири. - М., 1980 б. - С. 113-119.

Елагин В. С. Лесостепное Приомье в начале I тыс. н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1989. - 17 с.

Елагин В. С., Соболев В. И., Сидоров Е. А. Могильник Чулым 2// Бараба в тюркское время. - Новосибирск, 1988. - С. 13-67.

Елькин И. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур// ИЛАИ. - Кемерово, 1970. - Вып. 2. - С. 81-92.

Елькин М. Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска//ИЛАИ. - Кемерово, 1974. - Вып. 5. - С. 119-129.

Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). - Томск, 1980. - 252 с.

Ермолаев А. Ишимская коллекция//Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. - Красноярск, 1914. - Вып. 1. - 19 с.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. - М., 1865. - Т. 2. - 277 с.

Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В. Старобурятские погребения из бухты Хагун//Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I - II тысячелетии н. э. - Кемерово, 1994. - С. 233-250.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара//Город Болгар: Очерк ремесленной деятельности. - М., 1988. - С. 220-243.

Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. - Новосибирск, 1986. - 103 с.

Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII - XIV вв.)//Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987. - С. 172-189.

Иванов В. А., Кригер В. А. Курган кыпчакского времени на Южном Урале (XII - XIV вв.) - М., 1988. - 93 с.

Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. - Кемерово, 1993. - 116 с.

Илюшин А. М. Проблема соотношения сротскинской культуры с этнонимами средневековья//Интеграция археологических и этнографических исследований. - Новосибирск-Омск, 1996. - Ч. II. - С. 15-20.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. К вопросу о тюркских древностях в кузнецкой котловине//Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Краткое содержание докладов. - Красноярск, 1991. - Т. 2. - С. 56-60.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Хронология и этнокультурная принадлежность средневекового могильника Шанда//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Томск, 1992. - С. 73-74.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Курганный могильник Беково (новые материалы о времени появления телеутов в Кузнецкой котловине)//Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов. - Абакан, 1993. - С. 46-48.

Казаков А. А. Раскопки курганов в Крутихинском районе (по материалам Государственного Эрмитажа)// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1995. - Вып. V. Ч. 1. - С. 161-165.

Казаков А. А., Горбунов В. В. Охранные раскопки курганного могильника Хлебоборобный Елбан 1//Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Ч. II. - С. 244 - 247.

Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. - Казань, 1971. - С. 94-155.

Карпини Джиованни дель ПIANO. История монголов//Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. - М., 1957. - 270 с.

Кимеев В. М., Притчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. - Томск, 1991. - с. 16-30.

Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. - Иркутск, 1979. - 97 с.

Кириллов И. И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье //По следам древних культур Забайкалья. - Новосибирск, 1983. - С. 123-138.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение//Древняя Русь. Город, замок, село. - М., 1985. - С. 298-363.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв.//САИ. - Л., 1973. - Е1-36 - 140 с.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. - Томск, 1979. - 183 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - 642 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. - СПб., 1994. - 165 с.

Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья//Новое в археологии Забайкалья. - Новосибирск, 1981. - С. 73-79.

Ковычев Е. В. История Забайкалья (I - сер. II тыс. н. э.) - Иркутск, 1984. - 83 с.

Козлова Е. Ю. Зеркала и серьги из могильников Томского Приобья эпохи развитого средневековья//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Томск, 1992. - С. 91-93.

Колчин Б. А. Техника обработки металла в Древней Руси. - М., 1953. - 160 с.

Колчин Б. А. Ремесло//Древняя Русь. Город, замок, село. - М., 1985. - С. 243-297.

Конигов Б. А. Материалы к характеристике вооружения средневекового населения в эпоху раннего средневековья//Археология Прииртышья. - Томск, 1980. - С. 68-78.

Конигов Б. А. Курганная группа X - XII вв. н. э. у с. Усть-Ишим Омской области (к вопросу об усть-ишимской культуре)//Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. - Новосибирск, 1983. - С. 96-111.

Конигов Б. А. Некоторые вопросы раннесредневековой археологии таежного Прииртышья (в связи с исследованиями поселения и курганной группы у д. Кипо-Кулары Омской области)//Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1984. - С. 77-98.

Конигов Б. А. Малобичинские курганы как источник по истории таежного Прииртышья начала II тысячелетия н. э.//Источники по истории Западной Сибири (история и археология). - Омск, 1987. - С. 69-96.

Конигов Б. А. Основы средневековой археологии Западной Сибири. Учебное пособие к спецкурсу. - Омск, 1992. - 103 с.

Конигов Б. А. Таежное Прииртышье в X - XIII вв. н. э. - Омск, 1993. - 223 с.

Конигов Б. А., Худяков Ю. С. Наконечники стрел из Искера//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 184-188.

Конигов Б. А., Шван Ф. Д. Исследования Кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья)//Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1983. - С. 46-59.

Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье)//Новое в археологии Забайкалья. - Новосибирск, 1981. - С. 64-73.

Конькова Л. В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II и I тыс. до н. э. - XIII век н. э.). - Л., 1989. - 124 с.

Костюков В. П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале//Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I - II тысячелетии н. э. - Кемерово, 1994. - С. 138-156.

Кочеев В. А. Погребение II тыс. н. э. у с. Ело//Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983. - С. 153-162.

Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X - XIII вв. - Л., 1973. - 151 с.

Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры//СА. - 1979. - № 2. - С. 77-91.

Крылов Г. В., Кожеватова Н. Ф. Леса//Растительные богатства Новосибирской области. - Новосибирск, 1961. - С. 21-24.

Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Леса Западной Сибири. - Новосибирск, 1950. - 176 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск, 1984. - 231 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротола//Древние культуры Монголии. - Новосибирск, 1985. - С. 136-148.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа//МИА. - М.-Л., 1962. - № 106. - 164 с.

Кулемзин А. М. Тагарские костяные наконечники стрел//ИЛАИ. - Кемерово, 1976. - Вып. 7. - С. 30-41.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюгано - ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. - Томск, 1977. - 226 с.

Культура Бияра. Булгарские орудия труда и оружие X - XIII вв. - М., 1985. - 215 с.

Кумеков В. Е. Государство кимаков IX - XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972. - 156 с.

- Куминова А. В., Вагина Т. А. Краткий очерк растительности Новосибирской области//Растительные богатства Новосибирской области. - Новосибирск, 1961. - С. 7-19.
- Кунгуров А. Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка// Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. - Новосибирск, 1991. - С. 161-168.
- Кунгуров А. Л. Два погребения с могильника МГК 1//Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Ч. II. - С. 220-225.
- Кунгуров А. Л., Горбунов В. В. Средневековое поселение Ушлеп 5// Культура древних народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С. 99-107.
- Курылев В. П. Оружие казахов//Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сб. МАЭ. - Л., 1978. - Т. XXXIV. - С. 4-22.
- Кызласов И. Л. Булавки древних хакасов//Археология Южной Сибири. ИЛАИ. - Кемерово, 1977. - Вып. 9. - С. 87-104.
- Кызласов И. Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия)//Средневековые древности евразийских степей. - М., 1980. - С. 135-164.
- Кызласов И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X - XIV вв.)// Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 200-207.
- Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X - XIV вв.//САИ. - М., 1983. - ЕЗ - 18. - 128 с.
- Кызласов И. Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири// Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск., 1986. - С.100-129.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско - Минусинской котловины. - М., 1960. - 197 с.
- Кызласов Л. Р. Курганы тувинцев//Вестник Московского университета. - М., 1964. - Серия IX. История, № 5. - С. 82-91.
- Левашова В. П. Два могильника кыргыз - хакасов//МИА. - М. - Л., 1952. - № 24. - С. 121-136.
- Левашова В. П. Костяные изделия из Кара-Корума//Древнемонгольские города. - М., 1965. - С. 308-315.
- Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). - Новосибирск, 1974. - 170 с.
- Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. - М., 1978. - 216 с.
- Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi//АСГЭ. - Л., 1968. - Вып. 10. - С. 64-94.
- Львова Э. П. Основные занятия и положительные знания в системе традиционной культуры чулымских тюрков//Тюрки таежного Причудымья. Популяция и этнос. - Томск, 1991. - 225 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. Б., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск, 1988. - 225 с.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII - XII вв. - М., 1981. - 164 с.
- Макарова Т. И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X - XI вв.// АСГЭ. - Л., 1962. - Вып. 4. - С. 125-134.
- Максимова А. Г. Погребение воина XIV в.//ВАН Каз. ССР. - Алма-Ата, 1965. - № 6. - С. 85 - 91.
- Малиновская Н. В. Колчаны XIII - XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей//Города Поволжья в средние века. - М., 1974. - С. 132-175.

- Малиновский В. Б. Технология изготовления берестяных чехлов по материалам позднесредневекового могильника Малый Чуланкуль 1//Проблемы технологии древних производств. - Новосибирск, 1990. - С. 206-216.
- Маргулан А. Х. Раскопки погребения война XIV в. в долине реки Нуры//ТИИАЭ. - Алма-Ата, 1959. - Т. 7. Археология. - С. 248-261.
- Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. - Кемерово, 1971. - 250 с.
- Материалы и исследования крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. - Барнаул, 1899. - Т. 1. Вып.1.
- Матющенко В. И., Коркина И. А. Исследования Берегаевского могильника на Среднем Чулыме в 1975 году//Этнокультурные явления в Западной Сибири. - Томск, 1978. - С. 30-50.
- Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на татарском увале у деревни Окунево. - Новосибирск, 1994. - 223 с.
- Матющенко В. И., Старцева Л. М. Еловский курганный могильник I эпохи железа//Вопросы истории Сибири. - Томск, 1970. - Вып. 5. - С. 152-174.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел VIII - XIV вв.)//САИ Е1 - 36. - М., 1966. 184 с.
- Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней конец X - XI век (по материалам грунтовых могильников). - Новосибирск, 1977. - 224 с.
- Медведев В. Е. Приамурье в конце I - начале II тысячелетия (чжурчжэнская эпоха). - Новосибирск, 1986. - 206 с.
- Мельников Б. В. Поздние погребальные памятники таежного Прииртышья//Древние погребения Обь - Иртышья. - Омск, 1991. - С. 142 - 6.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. - М.-Л., 1937. - Т. 1. - 607 с.
- Могильников В. А. Тюркское население северо-западных Предгорий Алтая конца I тыс. н. э. и его связи с Западно-Сибирской лесостепью//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1979. - С. 56-62.
- Могильников В. А. Сросткинская культура//Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 45-46.
- Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири (усть-ишимская культура)//Финно - угры и балты в эпоху средневековья. - М., 1987. - С. 193-202.
- Могильников В. А. Особенности культуры населения тюркского времени кулундинской степи//Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Тезисы докладов. - Новосибирск, 1988. - Вып. 1. - С. 64-66.
- Могильников В. А. Исследование Кармацких курганов//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 92-94.
- Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура//Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 - 1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983. - С. 127-152.
- Могильников В. А., Неверов С. В., Уманский А. П., Шемякина А. С. Курганы у деревни Грязново//Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980. - С. 106-130.
- Молодин В. И. Кыштовский могильник. - Новосибирск, 1979. - 182 с.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985. - 200 с.
- Молодин В. И. Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии)//Мировоззрение финно-угорских народов. - Новосибирск, 1990. - С. 128-140.
- Молодин В. И. Деревянные антропоморфные изваяния из культовых комплексов эпохи средневековья (Западная Сибирь)//Северная Евразия от древности до средневековья. Археологические изыскания. - СПб., 1992. - Вып. 2. - С. 227-229.

Молодин В. И., Елагин В. С. Погребальный обряд памятников сrostкинской культуры Барабы//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1984. - С. 122-127.

Молодин В. И., Мыльникова Л. М. Исследование памятника Кыштовка 1//Источники по археологии Северной Азии (1935 - 1976). - Новосибирск, 1980. - С. 172-198.

Молодин В. И., Новиков А. В., Росляков С. Г., Новикова О. И., Колонцов С. В. Археологические памятники города Новосибирска//Материалы "Свода памятников истории и культуры народов России". - Новосибирск, 1993. - Вып. 1. - 33 с.

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Соловьев А. И. Поселения древнетюркского времени в Центральной и Северной Барабе//Бараба в тюркское время. - Новосибирск, 1988. - С. 124-129.

Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка 3 (Центральная Бараба)//Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1981. - С. 123-137.

Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Полосьмак Н. В., Беланов П. И. Древнетюркские погребения Центральной Барабы//Бараба в Тюркское время. - Новосибирск, 1988. - С. 75-86.

Молодин В. И., Соболев В. И. О погребениях начала II тыс. н. э. в Новосибирском Приобье (по материалам памятника Усть-Алеус VII)//Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. - Новосибирск, 1979. - С. 158-162.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск, 1990. - 262 с.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Погребение позднетюркского воина в Барабе//Средневековые древности Западной Сибири. - Омск, 1995. - С. 65-101.

Мороз М. В. К вопросу об одном из вариантов погребальной обрядности сrostкинской культуры//Археология Западной Сибири. Тезисы докладов. - Омск, 1988. - С. 42-44.

Мыльников В. П., Тэцу Масумото. Погребение алтайца-теленгита на Средней Катуни//Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. - С. 93-96.

Неверов С. В. История изучения памятников сrostкинской культуры Алтая//Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980. - С. 93-106.

Неверов С. В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С. М. Сергеева)//Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982. - С. 100-121.

Неверов С. В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII - X вв.)//Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул, 1985. - С. 192-206.

Неверов С. В. История племен сrostкинской культуры в VIII - XII вв. н.э. //Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1988 г. - 19 с.

Неверов С. В. Этническая принадлежность сrostкинской культуры (историография вопроса)//Вопросы историографии Сибири и Алтая. - Барнаул, 1988 г. - С. 188-200.

Неверов С. В. Этнокультурные особенности сrostкинской культуры//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докладов. - Томск, 1990. - С. 170-173.

Неверов С. В. Хронология и периодизация сrostкинской культуры Верхнего Приобья//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докладов. - Барнаул, 1991. - С. 180-182.

Неверов С. В., Горбунов В. В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево 1//Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1996. - С. 163-191.

- Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 168-172.
- Новосибирская область. Экономико-географическое описание. - Новосибирск, 1939. - 248 с.
- Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI - X веках. - Свердловск, 1990. - 222 с.
- Ожередов Ю. И. К истории происхождения одной коллекции сабель// Северск. История и современность. - Томск, 1994. - С.35-41.
- Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. - Тюмень, 1878. - 164 с.
- Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. - СПб., 1891. - 74 с.
- Патканов С. По Демьянке (бытовой и экономической очерк). - Омск, 1893.
- Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1986. - 192 с.
- Пешерова Е. М. Игрушки и детские игры таджиков и узбеков//МАЭ. - М.-Л., 1957. - Т. 17. - С. 22-94.
- Плетнева Л. М. Погребения IX - X вв. в Томском Приобье//Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск, 1984. - С. 64-87.
- Плетнева Л. М. Взаимодействие культур в период тюркизации в Томском Приобье//Смены культур и миграции в Западной Сибири. - Томск, 1987. - С. 97-100.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). - Томск, 1990. - 134 с.
- Плетнева Л. М. О басандайской культуре//Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Тез. докладов. - Томск, 1993. - С. 42,43.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье//Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. - Томск, 1994.- Т. 2. - С. 245-259.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). - Томск, 1997. - 350 с.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА. - М.-Л., 1958. - № 62. - С. 151-226.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам// МИА. - М., 1967. - № 142 - 198 с.
- Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния//САИ. - М., 1974. - Е4 - 2. - 200 с.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы//Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 213-222.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). - М., 1989. - 288 с.
- Плетнева С. А. Половцы. - М., 1990. - 208 с.
- Плотников Ю. А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 110-115.
- Плотников Ю. А. Скульптурные изображения рыб в памятниках сrostкинской культуры//Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. - Новосибирск, 1987. - С. 110-120.
- Поляков А. С. Поминальные оградки алтае-орхонских тюрков на юге Хакасии // ИЛАИ. - Кемерово, 1983. - Вып.12. - С. 105-117.
- Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири//Сб. МАЭ. - М.-Л., 1955. - Т. 167 - С. 41-146.
- Попов А. А. Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири. - М.-Л., 1961. - С. 131-226.
- Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. - М.-Л., 1936. - 260 с.

Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчаяне//СА. - 1967. - № 2. - С. 252-258.

Радлов В. В. Сибирские древности. - СПб., 1894. - Т. 1, вып. 3 - с. 160 (Материалы по археологии России; № 15).

Романцова В. Д. Жилища поселения Ордынское 5//Вопросы археологии Сибири. НТ НГПИ. - Новосибирск, 1972. - Вып. 38. - С. 60-65.

Романцова В. Д. Городища XI - XIII веков в Новосибирском Приобье//Языки и топонимия. - Томск, 1976. - С. 130-132.

Романцова В. Д. Городище Седова Заимка//Этнокультурные явления в Западной Сибири. - Томск, 1978. - С. 81-90.

Романцова В. Д. Курганный могильник Седова Заимка 2//Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. - Новосибирск, 1983. - С. 82-95.

Росляков С. Г., Гончаров А. Раскопки на городище Ташара 4//Археологические исследования в Сибири. Тезисы материалов к конференции. - Барнаул, 1989. - С. 86-88.

Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии //Записки Государственного Русского Географического Общества. По отделению этнографии. - Л., 1925. - Т. XLIII. Вып. II. - 330 с.

Савельев Н. А., Свинин В. В. Погребение железного века на реке Кане//Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск, 1978. - Вып. 4. - С. 135-149.

Савинов Д. Г. К этнической принадлежности сроткинской культуры//Происхождение аборигенов Сибири и их языков. - Томск, 1973. - С. 189-192.

Савинов Д. Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X - XII вв.). Автореф. дис., ... канд. ист. наук. - Л., 1974. - 22 с.

Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX - X веках по данным археологических источников//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, 1976. - С. 94-104.

Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири//История, археология и этнография Сибири. - Томск, 1979. - С. 53-72.

Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 146-162.

Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры)//Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 102-122.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л., 1984 а. - 176 с.

Савинов Д. Г. Сибирские реалии половецких каменных изваяний// Археология юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1984 б. - С. 115-122.

Савинов Д. Г. Ажурный стиль в искусстве степной Евразии//Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов. - Кемерово, 1987. - Ч. II. - С. 86-89.

Савинов Д. Г. Новый тип памятников начала II тыс. н. э. в Барабинской лесостепи //Бараба в тюркское время. - Новосибирск, 1988. - С. 90-112.

Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов//Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 114-131.

Савинов Д. Г., Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. - Кемерово, 1994. - 216 с.

Самбу И. У. Тувинские народные игры: Историко-этнографический очерк. - Кызыл, 1978. - 137 с.

Седов В. В. Восточные славяне в VI - XIII вв. - М., 1982. - 328 с.

- Семенова В. И. Раскопки могильника Усть-Балык//АО 1983 года - М., 1985. - С. 241.
- Сидоров Е. А. К вопросу о производстве костяных наконечников стрел в эпоху раннего железа//Вопросы археологии Сибири. НТ НГПИ. - Новосибирск, 1973. - Вып. 85. - С. 118-122.
- Сидоров Е. А. Новые данные по истории земледелия эпохи средневековья в Западносибирской лесостепи (по материалам Приобья)//Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. - Тобольск, 1988. - С. 52-56.
- Смирнов А. П. Волжская Болгария//Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 203-212.
- Соболев В. И. Вознесенское городище - памятник середины II тыс. н.э.//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 179-190.
- Соболев В. И. Курганы XIII - XIV вв. у с. Туруновка//Этнокультурные явления в Западной Сибири. - Томск, 1978. - С. 91-96.
- Соболев В. И. Раскопки городища Каменушка 1//Сибирь в древности. - Новосибирск, 1979. - С. 76-80.
- Соболев В. И. Барабинские татары XIV - начало XVII вв. н. э. (по археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1983. - 22 с.
- Соловьев А. И. О назначении "кельтов"//Археология эпохи камня и металла Сибири. - Новосибирск, 1983. - С. 132-142.
- Соловьев А. И. Военное дело населения лесной полосы Западной Сибири эпохи средневековья (по археологическим источникам). Автореф. дис... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1984. - 18 с.
- Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпохи средневековья. - Новосибирск, 1987. - 193 с.
- Суворова Г. И., Ткачев А. А. Кимакские погребения могильника Ахмирово 1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995. - С. 253-266.
- Сунчугашев Я. И. Материалы по народным играм хакасов//УЗХНИИЯЛиИ. - Абакан, 1963. - Вып. 9. - С. 145-155.
- Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1979. - 192 с.
- Суразаков А. С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае// Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982. - С. 121-136.
- Табалдиев К., Солтобаев О. Предметы вооружения из погребений Центрального Тянь-Шаня (I половина II тысячелетия н. э.)//Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995. - С. 108-124.
- Тальская О. С. Положение и классовая борьба углепоставщиков металлургической промышленности России в феодальный период//Ученые записки БГПИ. - Барнаул, 1972. - Т. 18. - С. 27-53.
- Татауров С. Ф. Погребение № 36 могильника Бергамак II/Интеграция археологических и этнографических исследований. - Омск, 1995. - Ч. 1. - С. 80-83.
- Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI - X вв. н. э. - М., 1990. - 192 с.
- Томилов Н. А. Сибирские татары//Семейная обрядность народов Сибири. - М., 1980 а. - С. 119-123.
- Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. - Томск, 1980 б. - 200 с.
- Томилов Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. - Томск, 1983. - 216 с.
- Томилов Н. А. Хозяйство барабинских татар в XIX - начале XX веков//Генезис

- и эволюция этнических культур Сибири. - Новосибирск, 1986. - С. 65-76.
- Трефилов С. П. Курганы с каменными бабами Купянского у. Харьковской губ.//Тр. XII АС. - М., 1905. - Т. 1.
- Трефилов С. П. Археологическая экскурсия по течению р. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского у. Екатеринославской губ. летом 1904 г.//Тр. XIII АС. - М., 1907. - Т. 1.
- Трифонов Ю. И. Два погребения в могильнике Джартас//Археология эпохи камня и металла Сибири (сборник научных трудов). - Новосибирск, 1983. - С. 123-131.
- Трифонов Ю. И. Акчий 1//Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987 а. С. 144-150.
- Трифонов Ю. И. Джартас//Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987 б. С. 115-129.
- Трифонов Ю. И. О берестяных колчанах Саяно - Алтая VI - X вв. в связи с их новыми находками в Туве//Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987 в. - С. 189-199.
- Трифонов Ю. И., Ахинжанов С.М. Акчий III//Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987. - С. 168-176.
- Трифонов Ю. И., Ермолаева А. С. Измайловка//Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987. С. 135-141.
- Трифонов Ю. И., Самашев З. С. Карашат 1//Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987 а. - С. 176-215.
- Трифонов Ю. И., Самашев З. С. Сандыккала//Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987 б. - С. 230-233.
- Троицкая Т. Н. Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н. э. на р. Уени Новосибирской области//ИЛАИ. - Кемерово, 1977. - Вып. 9. - С. 121-130.
- Троицкая Т. Н. Красный Яр 1 - памятник позднего железного века//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 99-117.
- Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1981. - С. 101-120.
- Троицкая Т. Н. Погребения с сожжениями верхнеобской культуры в лесостепном Приобье//Проблемы хронологии и периодизации памятников Южной Сибири. Тез. докладов. - Барнаул, 1991. - С. 170-172.
- Троицкая Т. Н. Орнаментация керамики верхнеобской культуры//Орнамент народов Западной Сибири. - Томск, 1992. - С. 22-35.
- Троицкая Т. Н. Верхнеобская культура//Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. - Томск, 1994. - Т. 2. - С. 215-224.
- Троицкая Т. Н., Адамов А. А. Смена археологических культур в Новосибирском Приобье на рубеже I и II тысячелетий нашей эры//Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докладов. - Кемерово, 1987. - Ч. II. - С. 177-178.
- Троицкая Т. Н., Адамов А. А. Новые памятники верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье//Источники этнокультурной истории Западной Сибири. - Тюмень, 1991. - С. 140-148.
- Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. - Новосибирск, 1980. - 184 с.
- Троицкая Т. Н., Романцова В. Д., Соболев В. И. Раскопки в Новосибирской области//АО 1974 года. - М., 1975. - С. 238-239.
- Троицкая Т. Н., Сидоров Е. А., Бородовский А. П. Местные традиции в погребениях VII - начала VIII веков н.э. в Новосибирском Приобье//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1984. - С. 127-128.

Троицкая Т. Н., Соболев В. И. Памятники железного века и позднего средневековья//Памятники истории и культуры Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 31-42.

Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М. К вопросу о связях Новосибирского Приобья со Средней Азией в конце I тыс. н. э.//Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск, 1984. - С. 129-134.

Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX - начале XX века (принципы освоения угодий). - Иркутск, 1990. - 176 с.

Уманский А. П. Археологические памятники у с. Иня//ИАлт.ОГО. - Барнаул, 1970. - Вып. 11. - С. 45-74.

Уманский А. П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности Верхнеобских городищ - "кокуев"//Вопросы археологии Сибири. НТ НГПИ. - Новосибирск, 1972 а. - Вып. 38. - С. 49-59.

Уманский А. П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений)//Ученые записки БГПИ. - Барнаул, 1972 б. - Т.18. - С. 103-143.

Уманский А. П. Археологические памятники урочища Раздумье//Археологические исследования на Алтае. - Барнаул, 1987. - С. 81-99.

Уманский А. П., Неверов С. В. Находки из погребений IX - X вв. в долине р. Аля на Алтае//СА. - 1982. - № 2. - С. 176-184.

Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески//Очерки по истории русской деревни X - XII вв. Труды ГИМ. - М., 1967. - Вып. 43. - С. 88-132.

Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька И. П.//Полное собрание ученых путешествий по России. - СПб., 1824. - Т. 6. - 546 с.

Федорова Н. Е., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья//ВАУ. - Екатеринбург, 1991. - Вып. 20. - С. 126-145.

Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф., Великанова М. С. Бранштатский могильник X - XI вв. - Кишинев, 1984. - 111 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М., 1966. - 275 с.

Фирштейн Л. А. Способы молотбы у северных киргизов//Полевые исследования института этнографии 1974. - М., 1975.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники). - Улан-Удэ, 1970. - 142 с.

Хангалов М. Н. Несколько данных для характеристике быта северных бурят//Этнографическое обозрение. - М., 1891. - Кн. 10.

Хлебникова Т. А. Билярское зеркало с изображением грифона//МИА. - М., 1969. - № 169. - С. 281-284.

Худяков Ю. С. Находки монгольского времени с. Белый Яр//История, археология и этнография Сибири. - Томск, 1979 а. - С. 46-52.

Худяков Ю. С. Основные понятия оружеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI - XII вв. н. э.)//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979 б. - С. 184-193.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. - Новосибирск, 1980. - 173 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX - X вв.//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 115-132.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. - Новосибирск, 1982. - 240 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1986. - 269 с.

Худяков Ю. С. Обряд погребения умершего со шкурой коня в Южной и

Центральной Азии в эпоху средневековья//Обряды народов Западной Сибири. - Томск, 1990. - С. 26-37.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. - Новосибирск, 1991. - 190 с.

Худяков Ю. С., Плотников Ю. А. Рубяще-колющее оружие кимаков//Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995. - С. 92-107.

Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии//Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987. - С. 135-163.

Хузин Ф. Ш. Предметы вооружения//Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X - XIII вв. - М., 1985. - С. 130-192.

Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья//Из истории Сибири. - Томск, 1975. - Вып. 16. - С. 61-93.

Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. - Томск, 1977. - 193 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). - Томск, 1991. - 184 с.

Чиндина Л. А. Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). - Омск, 1992. - С. 128-132.

Чупин П. О. Милетинские древние копи и земляные постройки, в Алтайском округе - в Сибири//ИОАИЭ. - Казань, 1894. - Т. XI. Вып. 6. - С. 565-568.

Шамшин А. Б., Горбунов В. В. Аварийные археологические работы в с. Зайцево Тальменского района//Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Ч. II. - С. 205-210.

Шамшин А. Б., Лузин С. Ю., Неверов С. В., Изоткин С. Л. Раскопки курганного могильника Кучук 1//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 71-73.

Ширин Ю. В. Археологическая разведка в городе Новокузнецке//Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1986. - С. 102,103.

Ширин Ю. В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса//Орнамент народов Западной Сибири. - Томск, 1992. - С. 36-50.

Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода//МИА. - М.,1956. - № 55. - С. 164-179.

Эрдниев У. Э. Городище Маяк. - Кемерово, 1960. - 68 с.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. - СПб., 1891. - 309 с.

Messerschmidt D. G. Forschungereise durch Sibirien 1720-1727. - Berlin, 1962. - Т.1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ X - XII ВВ.

В Новосибирском Приобье известно на сегодняшний день двадцать два памятника X - XII вв. К ним относятся семь городищ, четыре поселения, шесть местонахождений и пять могильников. Основная их масса находится ниже г. Новосибирска по р. Оби, что объясняется большей изученностью этого района и тем, что большое количество памятников по р. Оби пострадало в связи с функционированием Новосибирского водохранилища.

а) ГОРОДИЩА

1. **Старобибеево** 4. Городище расположено в Болотнинском районе Новосибирской области в 1,1 км вниз по течению р. Оби от устья р. Ояш на правой восемнадцатиметровой надпойменной террасе (рис. 1). Городище занимает высокий увал. По его подножию проходит ров с внешним валом. Глубина рва от подножия увала 80 см, ширина до 4 метров. Высота вала от дна рва 1 м, ширина 3 м. Высота площадки городища от дна рва достигает 4 метров. Длина площадки 50 м, сохранившаяся ширина 10 м. По ее краю прослеживаются невысокий вал и ров. Высота вала 20 см, глубина рва от верхней точки вала 50 см. Во рву прослеживаются три западины глубиной до 20 см от дна рва. Вал прерывается в двух местах. Один из участков вала заканчивается насыпью с западиной в центре. Высота насыпи 40 см. На городище находится пять наполовину рухнувших земляночных западин. Их ширина доходит до 5 м, длина оставшихся частей до 2,5 м и глубина до 50 см (рис. 2,1).

Городище открыто автором в 1979 году, исследовалось в 1980 году. Раскоп площадью 13 кв. м захватывал остатки самой маленькой западины. В результате работ на городище выявлено два культурных слоя: эпохи средневековья и раннего железного века.

К эпохе средневековья относится ров, который образовался, очевидно, в результате выборки земли при сооружении внутреннего вала, который проходит по краю площадки городища. Глубина выявленного участка рва достигает 52 см.

Жилище 1. Сохранилась лишь часть котлована размером 4,55 x 1,73 м (рис. 3). В жилище выявлен вход шириной до 60 см. Котлован жилища заполнен темносерой супесью. Почти весь пол покрыт черной супесью, густо насыщенной сажей и углем, его мощность достигает 13 см. В двух сохранившихся углах жилища выявлены две столбовые ямки. Одна яма глубиной 30 см, другая 21 см. Непосредственно над ними обнаружены остатки обгорелых столбов. В слое угля выявлены две горелые жерди и одна плаха.

На памятнике обнаружены фрагменты керамики (рис. 2,4,8,10,12-14), глиняная льячка (рис. 2,9), каменные точила, железный нож (рис. 2,11), железный и два костяных наконечника стрел (рис. 2,5-7), стеклянная бусина (рис. 2,3), орнаментированный астрагал (рис. 2,2). Городище на основании керамики и бусины датируется X-XII вв.

2. **Умна** 4. Городище расположено в Кольванском районе Новосибирской области в 4 км к северо-востоку от с. Умна на левой надпойменной террасе р. Оби (рис. 1). С трех сторон оно укреплено рвом шириной 10 - 12 м и глубиной до 3,5 м. С четвертой стороны городище труднодоступно, так как примыкает к обрыву террасы. Юго-западный и северо-восточный углы городища укреплены выступающими бастионами. Еще один бастион расположен в середине северо-восточной стороны. Жилая площадка памятника имеет максимальные размеры 103 x 40 м, на ней хорошо прослеживаются земляночные западины (рис. 4).

Памятник открыт и исследован в 1962 - 63 гг. Т. Н. Троицкой. Раскопана одна западина и холм, примыкающий к обрыву и рву. Он оказался остатками массивного

бревенчатого сооружения, видимо, заполненного чистым песком. Обрыв надпойменной террасы был укреплен бутовым камнем.

Вокруг городища полукругом расположены землянки, некоторые из них окружены прямоугольными в плане ровиками. С городища получена керамическая коллекция (рис. 5), позволяющая датировать его X - XII вв.

3. Т а ш а р а 4. Городище расположено в Мошковском районе Новосибирской области на правом берегу р. Оби в 3 км к северу от с. Ташара. Основная часть памятника смыта рекой. Сохранилась небольшая часть площадки городища и участок оборонительных сооружений, включающий внутренний вал и внешний ров, остатки бастиона. В северной части городища сохранился въезд. Памятник открыт разведкой В. И. Молодина. Исследовался в 1987 - 88 гг. С. Г. Росляковым. Результаты исследования частично опубликованы (Росляков С. Г., Гончаров А., 1989). На городище обнаружены остатки постройки - котлован подквадратной формы размером 4 x 4 м. В его центральной части обнаружена столбовая ямка, по краям котлована выявлена завалинка. Выход и очаг не зафиксированы. Ров, окружавший городище, имел глубину до 1,3 м при ширине 2 м. Ширина вала 4 м, высота 1 м. Вал был укреплен деревянными сооружениями. На основании керамики памятник датируется X - XII вв.

4. К р у т о б о р к а 2. Городище расположено в Кольванском районе Новосибирской области в 2 км к югу от с. Крутоборка на левой надпойменной террасе р. Оби (рис. 1). С трех сторон ограничено рвами и валом, а южной стороной примыкает к краю террасы. Ширина первого рва 7 м, глубина 1 м, ширина второго 1,5 м, глубина до 0,75 м. Высота вала до 1,5 м. Памятник густо порос лесом, осыпается. На площадке городища прослеживаются земляночные западины. Памятник открыт в 1961 году В. А. Дремовым, тогда же исследован Т. Н. Троицкой. В небольшом раскопе и шурфах выявлена керамика X - XII вв. (рис. 51,9,10,12).

5. К а ш л а м с к и й б о р 7. Городище расположено в Кольванском районе Новосибирской области в пойме левого берега р. Оби в 6 км к юго-западу от с. Вьюны в Кашламском бору у оз. Песьяное (рис. 1). Оно находится на невысоком увале. Длина городища 100 м, ширина 130 м. Городище укреплено двумя рвами и валом между ними. Внешний ров наиболее крупный. По окружности, через каждые 20 м рвы и вал образуют выступы - бастионы. Прослеживаются три въезда. Внутри городища расположены наземные жилища - подквадратные насыпи с ямами вокруг них (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, рис. 36). Памятник открыт в 1972 году Е. А. Сидоровым. На основании керамики из шурфа (рис. 51,11) он датируется X - XII вв.

6. С е д о в а З а и м к а. Городище находится в Новосибирском сельском районе на правом берегу р. Оби в 2 км вниз по течению от деревни Седова Заимка (рис. 1). Памятник расположен на коренной террасе. С трех сторон укреплен оборонительной системой из двух рвов и валов. Ширина валов 4 - 5 м, высота до 4 м, ширина рвов от 3,5 до 7 м. С севера на городище прослеживается въезд, контролируемый бастионами, расположенными по обе стороны от него. На западе еще один въезд. Площадь памятника 4100 кв. м, при этом более половины приходится на оборонительную систему.

Памятник исследовался в 1962, 1966 гг. Т. Н. Троицкой и в 1973, 1974 гг. В. Д. Романцовой. На городище вскрыта площадь 400 кв. м. Материалы исследований частично опубликованы (Романцова В. Д., 1978). В раскопе выявлены остатки построек и две сводчатые печи. Керамический комплекс насчитывает около 100 сосудов (рис. 7-12) и разнообразный инвентарь (рис. 6). Судя по керамике, городище двухслойное. Нижний слой относится к верхнеобской культуре и датируется последней четвертью I тыс. н. э. Верхний слой - X - XII вв. Так как при исследовании городища двухслойность не учитывалась, сейчас невозможно датировать постройки и печи.

7. Черный борок 20. Городище расположено в Колыванском районе Новосибирской области в 8 км к югу от р. п. Колывань, в пойме р. Оби, в урочище Черный борок, на краю одиннадцатиметровой надпойменной террасы (рис. 1). Городище состоит из двух частей (рис. 13). Большая часть, размером 70 x 50 м, окружена с трех сторон рвом шириной до 10 м и глубиной до 4 м от площадки городища, ров прослеживается и по склону надпойменной террасы. Имеется также и прерывистый вал шириной 4 м и высотой до 0,5 м, а также семь выступающих бастионов и въезд. Меньшая часть, размером 50 x 50 м, примыкает к большей с северной стороны и укреплена рвом шириной до 7 м и глубиной до 2 м и внутренним валом шириной до 3 м и высотой 0,5 м. Здесь прослеживаются два бастиона и два въезда. Памятник густо порос сосновым лесом. Кроме того, на большей части бурей повалило большинство сосновых деревьев, которые уже основательно подгнили, а свободное пространство густо поросло молодым лиственным лесом. Городище открыто автором в 1982 году, исследовалось в 1984 году. На памятнике было заложено два раскопа.

Раскоп 1. Общей площадью 92 кв. м. Располагался в ЮЗ части городища. В нем выявлено два культурных слоя, отличающихся по цвету. Верхний слой относится к эпохе позднего средневековья, нижний к X - XII вв.

Слой X - XII вв. Культурный слой этого времени представлен, в основном, серой супесью с прослойками черной и достигает мощности 1,6 м. Он содержал керамику, в основном, неорнаментированную и отличающуюся по технике изготовления от керамики верхнего слоя. Каких-либо жилых сооружений не выявлено, но обнаружено довольно много канав и ям, не всегда ясного назначения.

Прежде всего, нужно отметить большое количество прокалов и остатков обожженных деревянных конструкций в ЮЗ части раскопа. Здесь раскоп подходит к рву, а также перерезает часть внутреннего вала. По всей видимости, оборонительные сооружения возникли в X - XII вв. Выявлено 15 прокалов, от совсем небольших до довольно значительных по протяженности и толщине. В проколах находок не обнаружено. В секторе №1 выявлены прокалы в трех уровнях, позволяющие говорить, что пожары были по крайней мере три раза. Остатки обожженных конструкций представлены бревнами, жердями, досками или плахами.

Раскоп 2. Общей площадью 116 кв. м. Расположен в юго-восточной части городища у самого края надпойменной террасы. Так же как и в раскопе 1 выявлено два культурных слоя: позднего средневековья и X - XII вв.

Культурный слой X - XII вв. представлен слоем серой супеси. Он хорошо отделяется от более позднего, так как несколько светлее. На основной части раскопа он мало потревожен, только позднесредневековое жилище 3 перерезало культурный слой X - XII вв. до материка. Мощность культурного слоя достигает 1,35 м, однако средняя мощность его 40 - 60 см. Каких-либо жилых сооружений не выявлено. Но, как и в первом раскопе, обнаружено много канав и ям, а также прокалов этого времени.

Прокалы идут вдоль оборонительной системы. Выявлены и остатки двух обгорелых бревен. Прокалы свидетельствуют о том, что в конце периода X - XII вв. оборонительные сооружения сгорели, а поверх них был насыпан вал из светло-желтой супеси. Возможно, что вал был насыпан в более позднее время в конце XVI - XVII вв. Нужно отметить яму № 9, где среди других находок встречены обломки металлургического горна.

Из находок X - XII вв. найденных в раскопах кроме фрагментов керамики (рис. 15-20) нужно отметить два железных трехлопастных наконечника стрел (рис. 14,1,2), костяные наконечники стрел (рис. 14,3-7), костяные кочедыки (рис. 14,17-20), три железных ножа (рис. 14,9-11), обломок железной панцирной пластины (рис. 14,8),

астрагалы для игры (рис. 14,22-27), обломок гранитного жернова (рис. 14,21), другие изделия.

б) ПОСЕЛЕНИЯ.

8. Ч е р н ы й б о р о к 21. Поселение расположено в Кольванском районе Новосибирской области в 8 км к югу от р. п. Кольвань, в пойме левого берега р. Оби в урочище Черный борок в небольшой ложбинке, в глубине от одиннадцатиметровой террасы (рис. 1). Состоит из двух земляночных западин диаметром 3 м и глубиной 10 см (рис. 13). Выявлено разведкой автора в 1982 г.

В 1983 г. раскопана одна земляночная западина. Выявлен котлован, имеющий правильную подквадратную форму, размером 3,84 x 3,65 м, его глубина 0,26 м. На дне котлована в центре жилища обнаружен очаг открытой формы, его диаметр 40 см, мощность 6 см (рис. 21). В жилище и в слое обнаружены фрагменты керамики X - XII вв. (рис. 21,1-4).

9. Б о р о в о е 1. Поселение расположено в Тогучинском районе Новосибирской области, в пойме левого берега р. Ини в 2,5 км к югозападу от с. Боровое, на четырехугольном плоском холме высотой до восьми метров, возвышающимся над поймой (рис. 1). Поселение насчитывало двадцать пять земляночных западин. Из них четыре пары были соединены хорошо различимыми переходами, в одном случае были соединены между собой три западины (рис. 22,2).

Памятник был открыт в 1970 г. В. И. Молодиным, определившим его как городище (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 114), однако отсутствие оборонительных сооружений позволяет считать памятник поселением. Исследовалось автором в 1985 году. Материал опубликован (Адамов А. А., 1991 а).

Раскоп площадью 165 кв. м. был заложен у юго-западного края останца и захватывал три хорошо видимые земляночные западины. Две из них были соединены нешироким проходом, третья имела выход. Культурный слой в раскопе представлен черным и темно-коричневым суглинком мощностью до 70 см. Материк - ярко желтый суглинок. Находок немного: это фрагменты керамики и обломки костей. В раскопе выявлено три котлована от жилищ (рис. 22,3).

Жилище 1. Котлован ромбовидной формы размером 5,16 x 5,3 м углублен в материк от 10 до 33 см (рис. 23,2). Заполнен мешанным суглинком черного, темно-коричневого и желтого цветов. В центре котлована прослежен прокол размером 51 x 57 см и мощностью 15 см. С северо-восточной стороны котлована прослежен выход шириной 84 и длиной 114 см. В жилище, рядом с очагом выявлена ямка размером 22 x 38 см и глубиной 25 см. Из находок нужно отметить два скопления фрагментов керамики от одного сосуда и каменное точило.

Жилище 2. Котлован подквадратной формы размером 4,84 x 5,1 м и глубиной от уровня материка от 11 до 35 см заполнен, как и жилище 1, мешанным суглинком (рис. 23,1). В центре жилища прослежен прокол диаметром 40 см и толщиной 8 см, над ним выявлен слой пепла толщиной до 6 см. Жилище имело выход с северо-восточной стороны. Его ширина 64 см. На дне котлована в западной части прослежен слой пепла толщиной 5 - 10 см, в нем обнаружены фрагменты сосуда. В южном углу жилища имелась яма диаметром 27 см и глубиной 24 см.

Жилище 3. Котлован квадратной формы, размером 3,92 x 4 м, углублен в материк от 20 до 36 см (рис. 22,1). В центре прокол размером 42 x 57 см и мощностью 8 см. В юго-западной стенке котлована прослежен выход до 1 м и длиной 1,15 м. Ям в жилище не выявлено. В центре, почти над очагом, находился сосуд в обломках. В заполнении котлована обнаружены остатки сгоревших жердей, по всей видимости, от перекрытия жилища. Прослеживаются продольные и поперечные жерди. Среди жердей лежали фрагмент берестяного полотнища и кусок коры. В раскопе обнаружены фрагменты керамики не менее чем от девяти сосудов (рис. 24). На основании их

поселение датируется X - XII вв.

10. Ордынское 5. Поселение находится в Ордынском районе Новосибирской области. Памятник расположен в 1,5 км к юго-востоку от р. п. Ордынское, в глубине соснового бора, примерно в 1 км от надпойменной террасы р. Оби, а теперь берега Новосибирского водохранилища (рис. 1). Поселение состояло из четырнадцати наземных насыпей, вытянутых цепочкой по линии СЗ - ЮВ на 290 м. Насыпи подпрямоугольной формы, размером от 5 x 6 до 8 x 11 м и высотой 20 - 30 см. Насыпи, как правило, уплощены, по их краям заметны неглубокие ямы. Памятник густо порос сосновым лесом (рис. 25).

Поселение Ордынское 5 было открыто в 1966 году В. Я. Есиным. Экспедицией под руководством Т. Н. Троицкой в 1967 году было раскопано жилище 1. Материалы раскопок опубликованы (Романцова В. Д., 1972). В 1988 году автором раскопаны жилища 2,3.

Жилище 1. Насыпь диаметром 6 м. В центре насыпи понижение. Повышение по краям имеет ширину около 1 м, центральный участок лежал ниже на 10 см. По краям насыпи находилось пять ям. Насыпь состояла из светлого песка, под ней ровная площадка, в центре прокал. Рядом с ним находились обломки сосудов. Под насыпью по кругу лежали горелые плахи. Ямы вокруг жилища были заполнены сажей, а в одной из них найдены, кроме этого, кости и обломки сосудов. Ямы углублялись в материк на 30 - 50 см.

Жилище 2. Подквадратная насыпь размером 7 x 7 м, высотой до 20 см, с трех сторон окружена ямами. В центре насыпи хорошо было заметно понижение (рис. 26,1). Остатки жилища состоят из слоя супеси толщиной до 30 см. По краям насыпи хорошо прослеживалась прослойка из желтой супеси. Судя по всему, это материковая завалинка. Под насыпью выявлена ровная площадка. Следов котлована нет. Площадка окружена тремя ямами, которые были видны еще с поверхности. Ямы заполнены частично черной супесью с мелким углем. Одна из них испорчена поздней грабительской ямой. В другой найдено несколько костей животных. В центре площадки находился прокал. Его основание лежало несколько выше материка. Диаметр прокала 66 см, толщина 9 см (рис. 26,2). В насыпи жилища обнаружено два небольших скопления керамики. Найдено каменное точило. На площадке жилища выявлено 9 ям, находок в них не обнаружено. Судя по всему, часть из них являлась столбовыми.

За пределами жилища выявлено одно скопление керамики и несколько небольших ям, не содержащих находок. К северо-востоку от жилища находилась яма с прокалом. Размеры прокала 60 x 52 см, толщина 20 см.

Жилище 3. Находилось в юго-восточной части поселения. Остатки жилища представляли собой подквадратную насыпь размером 5,4 x 6 м, высотой до 20 см, в центре которой было заметно понижение. С трех сторон у подножия насыпи на поверхности прослеживались три ямы (рис. 27,1). Насыпь жилища состоит из слоя черной супеси, ее толщина 15 см и слоя светло-серой супеси толщиной 35 см. В разрезе по краям выявлены прослойки желтой супеси - материковые завалинки. Под насыпью жилища выявлена ровная площадка. Она окружена тремя ямами, которые заполнены черной супесью с сажей, мелким углем, в одной яме найдено несколько зубов животного. В центре площадки находился прокал. Он располагался несколько выше материка в слое светло-серой супеси. Размеры прокала 46 x 37 см, толщина 18 см. Поверх прокала лежал спекшийся пепел (рис. 27,2).

В насыпи жилища выявлено несколько скоплений фрагментов керамики и колотой кости. На площадке жилища выявлены ямы. Находок в них не найдено. Судя по всему, часть из них являлись столбовыми. Юго-западная часть площадки плавно понижается в материке достигая глубины 16 см. В выявленных за пределами жилища ямах находок не найдено. Два скопления костей найдены в слое к востоку от

насыпи. По керамике (рис. 28; 29), обнаруженной при исследовании поселения, его можно датировать X - XII вв.

11. **К а м е н у ш к а 3 а.** Поселение расположено в Ордынском районе на правом берегу р. Каменушка в 1 км вверх по течению от ее устья (рис. 1). На узком мысу расположено городище с тринадцатью земляночными западинами. Городище относится ко второй половине I тыс. н. э. За пределами городища расположено двенадцать подквадратных земляночных западин (рис. 30). Памятник открыт в 1970 году Т. Н. Троицкой. Исследовался автором. Раскопана ближайшая к городищу западина.

Жилище 1. Представляет собой котлован подпрямоугольной формы размером 4,8 x 4,2 м, глубиной до 32 см от уровня материка. В центре находился очаг, от которого сохранилась прокаленная супесь размером 20 x 38 см и толщиной 3 см. В жилище выявлена одна хозяйственная яма. В юго-восточной стенке жилища прослежен выход. Каких-либо столбовых ям в жилище не обнаружено (рис. 31). Материал, обнаруженный в жилище, содержал керамику (рис. 32,6-10), железный и костяной наконечники стрел (рис. 32,2,3), наконечник дротика (рис. 32,1), пряслице (рис. 32,5), обломки тигля (рис. 32,4), что позволяет датировать его X - XII вв.

в) М Е С Т О Н А Х О Ж Д Е Н И Я

12. **К р а с н ы й Я р 1.** Местонахождение находится в 800 м к западу от с. Красный Яр в Кольванском районе Новосибирской области, на мысу надпойменной террасы левого берега р. Оби у места впадения р. Чучки в р. Уень (рис. 1). Комплекс разновременных памятников; могильников и поселений. Исследовался Т. Н. Троицкой в 1959, 1962, 1974 гг., А. В. Матвеевым в 1978 г., А. А. Адамовым в 1989 г. Среди разновременной посуды выделяется комплекс керамики X - XII вв. (рис. 51,6).

13. **К р о х а л е в к а 11 а.** Местонахождение расположено в Коченевском районе Новосибирской области, на правом берегу р. Чик, на обрывистом мысу надпойменной террасы, на территории пятого кордона Кудряшовского лесничества, в 2 км к востоку от с. Крохалевка (рис. 1). Наземных признаков не имело. Было открыто в 1985 году Е. А. Сидоровым. Им же исследовалось в 1986 г. Был заложен раскоп площадью 100 кв. м. Поселение многослойное. Среди разновременной керамики встречены фрагменты сосудов X - XII вв. (рис. 51,3).

14. **Б у р м и с т р о в о.** Местонахождение расположено в Искитимском районе Новосибирской области у с. Бурмистрово (рис. 1). В устье р. Мильтяш на правом берегу Обского водохранилища школьниками собрана разновременная керамика. Среди нее есть венчик X - XII вв. (рис. 51,8).

15. **З а в ь л о в о 6.** Местонахождение. Памятник расположен в Искитимском районе Новосибирской области на правом берегу Обского водохранилища на краю левой семиметровой надпойменной террасы р. Каракан, в 0,3 км к юго-западу от домов лесничества и в 0,2 км к югу от городища Завьялово 5 (рис. 1). Поросло смешанным лесом. Памятник открыт в 1968 г. В. И. Молодиным. Исследовался в 1983 г. Т. Н. Троицкой. Раскопом выявлено, что городище относится к середине I тыс. н. э. Среди материала I тыс. имеются и обломки двух сосудов X - XII вв., не связанных с какой-либо конструкцией (рис. 51,4,5).

16. **О р д ы н с к о е 11.** Местонахождение расположено в Ордынском районе Новосибирской области в устье р. Орды на ее левом берегу, на краю надпойменной террасы, в 0,3 км к северу от памятника Ордынское 1 (рис. 1). Во время спада воды Обского водохранилища был найден плоскодонный сосуд X - XII вв. (рис. 51,7).

17. **Ю р т - А к б а л ы к 8.** Памятник расположен к юго-востоку от с. Юрт-Акбалык, на возвышенной части надпойменной террасы, недалеко от татарского кладбища. При исследовании курганного могильника Т. Н. Троицкой в 1962 - 64, 1975 - 78 гг. было раскопано 35 насыпей большей частью оказавшихся курганами

V - VIII вв. н.э. Назначение двух слабо заметных насыпей № 34,35, расположенных чуть в стороне от других и содержащих керамику X - XII вв. (рис. 33), осталось не выясненным так как в них не выявлены ни погребения, ни очаги, характерные для курганов или наземных жилищ.

г) М О Г И Л Ь Н И К И

18. Б а т у р и н с к и й М ы с. Курганный могильник находится на мысу Обского берега, у места впадения р. Уень в р. Обь, на границе Томской и Новосибирской областей. Могильник расположен на поселении, описание которого дал А. П. Дульзон (Дульзон А. П., 1956, с. 105). В 1962 - 63 гг. обследовался А. П. Зиновьевым и Т. Н. Троицкой. В осыпи высокого Обского берега у будки бакенщика, рядом с пристанью, собрана разновременная керамика, а также бронзовая ажурная бляшка (рис. 51,2), кольчатая серьга (рис. 51,1) и бусина, позволяющие датировать могильник X - XII вв.

19. Б е р е з о в ы й о с т р о в 1. Курганный могильник расположен в Мошковском районе Новосибирской области в широкой пойме левого берега р. Оби на одноименном урочище. Урочище, поросшее березовым лесом, возвышается над окружающей местностью и находится на правом берегу р. Уени, в 0,2 км от нее и в 4 км к северо-западу от с. Стародубовино, в 3,5 км к юго-западу от с. Черный Мыс (рис. 1). Могильник насчитывает около сотни курганов и почти все они несут следы ограбления. Могильник был открыт В. А. Дремовым и исследовался Т. Н. Троицкой в 1962, 1968, 1974 гг. и автором в 1985, 1986 гг. На могильнике было раскопано девять курганов.

Курган 1. Диаметр насыпи 7 м, высота до 0,9 м.

Погребение 1 (1,5 x 0,65 x 0,07 м) (рис. 34,1). Костяк лежал вытянуто, на спине, головой ориентирован на В. У левого плеча найдены железные и костяные наконечники стрел, на костях таза - нож (рис. 34,5) и железный предмет, у левой бедренной кости - кресало с кремнем, и кости от сопроводительной пищи, у левого колена - наконечник стрелы.

Курган 2. Диаметр насыпи 5,5 м. Оказался полностью ограбленным, могила перерыта.

Курган 3. Слился из двух курганов. Насыпь овальной формы размером 10,5 x 5,5 м и высотой до 0,75 м. В насыпи у могилы № 2 найдены две пастовые бусины (рис. 34,2).

Погребение 1 (1,55 x 0,65 x 0,18 м). Ограблено. Могильная яма ориентирована по линии СВ - ЮЗ. У юго-восточной стенки сохранились остатки бревна, лежащего вдоль могилы. Кости детского скелета лежали кучкой. Найдена часть бронзовой застежки (рис. 34,3).

Погребение 2 (1,6 x 0,9 x 0,65 м). В могиле сохранилась жердь продольного перекрытия. Детский скелет был завернут в бересту, лежал головой на СВ, с ним найден нож.

Погребение 3 (2,4 x 0,69 x 0,25 м). Скелет мужчины лежал вытянуто, на спине, головой ориентирован на СВ. Под черепом витая проволочная серьга (рис. 34,10), а с левой стороны лежало тесло (рис. 34,6), сохранился и след деревянной рукояти длиной 65 см. На правой руке лежал железный палаш (рис. 34,13). У левой руки возле пояса находились костяные наконечники стрел (рис. 34,8), обломки железных предметов и кресало (рис. 34,9). На поясе - бронзовая пряжка (рис. 34,7). У левой бедренной кости - нож (рис. 34,11).

Курган 4. Размеры насыпи 10,7 x 9,9 м, высота кургана до 1 м.

Погребение 1 (2 x 0,8 x 0,2 м). Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ (рис. 35,1). В изголовье прослежены остатки деревянного перекрытия из досок или горбылей. Обнаружены остатки бересты как над погребенным

так и под ним. На грудной клетке лежали бронзовый бубенчик (рис. 35,7) и железная пряжка (рис. 35,2). У левого локтя - костяной наконечник стрелы (рис. 35,10) и железный предмет. Под тазом - два железных кольца (рис. 35,3) и костяная колчанная петля (рис. 35,9). У кисти левой руки - тесло (рис. 35,6). Железная сабля лежала между ног (рис. 35,13), а у правой бедренной кости - нож с костяной рукояткой (рис. 35,8). В ногах находились два железных крючка (рис. 35,4,5) и железная пряжка. Под костяком находились остатки двух панцирных пластин (рис. 35,11,12).

Курган 5. Диаметр насыпи кургана 8 м, максимальная высота 0,88 м. В ее северной части выявлен прокол размером 78 x 50 см, мощностью 24 см (рис. 36). В южной части насыпи обнаружен фрагмент сосуда X - XII вв. (рис. 37,12).

Погребение 1 (2,26 x 0,83 x 0,54 м). Над ее восточным углом найден нож (рис. 37,2). В могильной яме обнаружены остатки перекрытия - слой перегнившего дерева толщиной 3 см, перекрытого берестой. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ (рис. 37,1). У правого плеча - железные наконечники стрел (рис. 37,4-8). В районе таза - железная пряжка (рис. 37,9), а с левой стороны нож с деревянной ручкой (рис. 37,11). На бедренных костях лежали остатки двух железных крючков (рис. 37,10). У правой берцовой кости - тесло (рис. 37,3).

Курган 6 - 7. Слился из двух курганов. Насыпь овальной формы размером 11,9 x 8,4 м и наибольшей высотой 0,72 м (рис. 38). Исследовано шесть погребений.

Погребение 1. Погребенный впущен в слой эпохи поздней бронзы, глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы составляла 0,26 м (рис. 39,1). Погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, голова повернута направо. Ноги чуть согнуты в коленях. Ориентация головой на СВ. Над костяком был найден железный рыболовный крючок (рис. 39,2), а у позвоночника обнаружен позвонок от крупной рыбы.

Погребение 2. Групповое. Четверо погребенных впущены в слой эпохи поздней бронзы, глубина могильной ямы составляла 0,4 - 0,45 м от уровня погребенной почвы (рис. 39,3). Ориентация костяков головами на СВ. Центральный костяк "А" лежал на спине, вытянуто. Под лицевыми костями черепа передняя часть бронзовой пряжки (рис. 39,10), у правой плечевой кости - бронзовая подвеска (рис. 39,11). С правой стороны погребенного находился костяк подростка "Б", который был положен на спину, вытянуто. Часть костей не сохранилась. Выше головы - костяной наконечник стрелы (рис. 39,8), на груди бронзовая ажурная подвеска (рис. 39,12) и подвеска в форме полубубенчика (рис. 39,4). С левой стороны костяка "А" лежал еще один костяк подростка "В", который был положен на спину, руки согнуты в локтях, а ноги в коленях. На груди находилась бронзовая подвеска (рис. 39,9). Между костяками "А" и "В" обнаружено два костяных (рис. 39,6,7) и один железный наконечники стрел (рис. 39,5). В ногах костяка "В" лежал младенец грудного возраста "Г". Инвентаря с ним не обнаружено.

Погребение 3. Впущено в слой эпохи поздней бронзы, глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы составляла 0,1 - 0,15 м (рис. 40,1). Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на СВ. Над погребенным лежало поломанное тесло (рис. 40,5). На правой плечевой кости - три костяных и один железный наконечники стрел, на ребрах - костяной наконечник стрелы, у левой локтевой кости - железный наконечник стрелы, у правой бедренной кости находились четыре костяных наконечника стрелы (рис. 40,6-17). У пояса - костяная пряжка (рис. 40,3). На левой бедренной кости - обломок ножа (рис. 40,4) и кресало (рис. 40,2). К северу от костяка лежали один костяной и один железный наконечники стрел.

Погребение 4 (1,4 x 0,48 x 0,08 м). Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на СВ (рис. 41,1).

Погребение 5. (2 x 0,71 x 0,5 - 0,6 м) (рис. 41,2). Погребенный лежал на спине

вытянуто, головой на СВ. У правой локтевой кости - два железных и шесть костяных наконечников стрел (рис. 41,7-14) и железная пряжка (рис. 41,6). С правой стороны у пояса - кресало (рис. 41,16). У бедренных костей остатки двух железных крючков (рис. 41,4,5) и нож (рис. 41,15). У левой бедренной кости - тесло (рис. 41,3).

Погребение 6. Впущено в слой эпохи поздней бронзы, глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы составляла 0,1 м. Найдены часть черепа и три трубчатые кости ребенка (рис. 41,18). Судя по ним, погребенный лежал головой на СВ. Обнаружены две стеклянные бусины (рис. 41,20,21) и бронзовая подвеска (рис. 41,19).

Курган 8. Насыпь овальной формы размером 13 x 10 м и высотой чуть больше одного метра. В насыпи кургана обнаружено четыре прокала.

Погребение 1. (1,72 x 0,61 x 0,46 м). Частично ограблено (рис. 41,17). В непотревоженном виде сохранились только левая нога и правая, ниже колена. Судя по ним, погребенный лежал на спине, головой на СВ. Инвентаря не обнаружено.

Погребение 2. В двух параллельных могильных ямах найдены костяки мужчины и коня (рис. 42,1). Погребенный (2,41 x 1 x 0,62 м) лежал на спине, вытянуто, головой ориентирован на СВ. С правой стороны костяка лежала прямолезвийная сабля (рис. 42,9). С правой стороны у таза - два железных наконечника стрел, остриями направленные к черепу, а у правой берцовой кости - еще пять железных наконечников стрел остриями к ступням (рис. 42,2-6). У таза две застежки. Чуть ниже головок бедренных костей лежали два железных крючка (рис. 42,7,8). Между ног - нож. У левой ноги ниже крючка - железный стержень и железная пряжка. С левой стороны костяка у берцовой кости - несколько позвонков крупного животного.

С правой стороны от погребенного в 0,4 м в могильной яме размером 1,77 x 0,74 м и глубиной от уровня погребенной почвы 0,53 м находился костяк лошади. Она была уложена головой на ЮЗ с подогнутыми ногами. Голова лошади лежала за пределами могилы на материке, по всей видимости на приступке. В зубах у лошади обнаружены кольчатые удила (рис. 43,2), с костяком лежали два стремени (рис. 43,3,6), железная пряжка (рис. 43,4), тесло (рис. 43,5), пять железных панцирных пластин (рис. 43,1), деревянная дощечка.

Погребение 3. (1,45 x 0,92 x 1,1 м) (рис. 44,1). Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на СВ. С ним найдены: две пластовые бусины (рис. 44,7,8), птицевидная бляха (рис. 44,2), раковины каури, бронзовый бубенчик (рис. 44,4), бронзовые подвески (рис. 44,3,5,6). За черепом найдена дощечка толщиной 2 см.

Курган 9. Диаметр кургана 10 м, высота до 1 м. В насыпи кургана к западу от погребения обнаружен прокол и нижние челюсти лошади.

Погребение 1. (2,15 x 0,82 x 0,4 м). Ограблено. Ориентировано по линии СВ - ЮЗ. Костяк человека сильно потревожен. В СВ части могильной ямы найдены: молоток (рис. 44,11), кузнечные клещи (рис. 44,17), железная ножовка (рис. 44,16), глиняный сосуд (рис. 44,10), три обточенных камня, куски медных пластин (рис. 44,12,13), и остатки берестяного изделия. Рядом лежали удила (рис. 44,9). В другом конце могилы обнаружены целая и обломок железных пряжек (рис. 44,14,15).

20. В ы с о к и й б о р о к. Курганный могильник расположен в Кольванском районе Новосибирской области в пойме левого берега р. Оби, на небольшом, частично поросшем сосновым лесом, борке (рис. 1). Борок, рядом с которым протекает р. Уень, находится в 3,5 км к югу от с. Вьюны. Могильник насчитывает семьдесят шесть разновременных курганных насыпей (рис. 72,1). Памятник открыт Е. А. Сидоровым в 1972 г. Исследовался автором в 1987, 1988 гг. Раскопано шестнадцать курганов. К X - XII вв. относятся три погребения в двух курганах.

Курган 13. К кургану диаметром 7,4 м и высотой до 0,5 м была присыпана насыпь вытянутой формы длиной около 8 м и шириной 6 м. В круглом кургане обнаружены два большереченских и одно верхнеобское (?) погребения. В присыпке -

два погребения X - XII вв.

В насыпи присыпки выявлены остатки деревянной конструкции (рис. 45). Конструкция, судя по всему, была квадратной формы размером 3 x 3 м. Она была сооружена из бревен, жердей и досок, бересты. Сооружение сожжено. В нем найдены остатки железных наконечников стрел (рис. 46,3-7), тесло (рис. 46,1) и нож (рис. 46,2).

Погребение 3 (1,74 x 1,06 x 0,6 м). На дне могильной ямы имеется овальное углубление размером 1,23 x 0,49 м и глубиной 0,1 м (рис. 46,8). По стенкам углубления прослеживался тонкий слой деревянной трухи. Возможно, это остатки ящика. Сверху ящик был перекрыт деревянной крышкой и слоем бересты. Костяк ребенка лежал на спине, головой на СВ, с ним находился нож.

Погребение 4 (1,61 x 0,88 x 0,53 м). В могиле выявлено продольное перекрытие из плах, сверху закрытых слоем бересты. Погребенный ребенок лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 46,9). Погребение не ограблено, но часть костей сдвинуто. Инвентарь: множество стеклянных бус - желтого, белого и красного цветов, бисера желтого и черного (рис. 46,12-20), оловянные (?) - кольцо, две лунницы (рис. 46,10), монетовидная подвеска (рис. 46,11), ножик.

Курган 15. Насыпь вытянутой формы размером 9 x 6 м и высотой 0,7 м. Обнаружено девять разновременных погребений. Часть могил ограблено и не датируется. К X - XII вв. относится одно погребение.

Погребение 1. Впускное, на глубине 0,46 м от высшей точки кургана. От погребения ребенка сохранились только кости черепа, судя по ним, он лежал головой на СЗ. Обнаружен инвентарь: бронзовая серьга (рис. 46,21) и подвеска (рис. 46,22), одиннадцать стеклянных бусин (рис. 46,25-28), две подвески из раковин (рис. 46,23,24).

21. К р о х а л е в к а 13. Курганный могильник находится в Коченевском районе Новосибирской области на западной окраине Кудряшовского бора на надпойменной террасе правого берега р. Чик, примерно в 4 км к СВ по дороге от с. Крохалевка (рис. 1). Могильник насчитывал сорок три курганные насыпи. Исследовался в 1985 - 86 гг. Т. Н. Троицкой и в 1989 г. автором. Всего раскопано десять разновременных курганов.

Курган 9. При его исследовании было выявлено 18 разновременных погребений. Курган был сооружен еще в эпоху ранней бронзы. В X - XII вв. вокруг него был выкопан ровик, который выявлен только частично, и насыпан курган. Судя по ровику, средневековый курган имел диаметр около 7 м. В насыпи выявлены кости животных - остатки средневековой тризны. К X - XII вв. относятся четыре погребения (рис. 47).

Погребение 3. В насыпи кургана. Костяк ребенка был завернут в берестяной чехол (рис. 48,1). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на В, левая рука согнута в локте. Из костей ног осталась только правая бедренная. В погребении найдено: шесть ажурных бронзовых блях (рис. 48,2,3,9-12), бронзовая подвеска (рис. 48,7), серебряная пластинка (рис. 48,8), 1 нефритовая (?), 2 стеклянных и 23 бронзовых бусин (рис. 48,4-6).

Погребение 4 (1,95 x 0,61 x 0,11 м). Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на В (рис. 49,1). Поверх костяка прослеживались остатки продольного деревянного перекрытия. В ногах сохранились остатки берестяного чехла. С костяком лежали: выше пояса - железная пряжка (рис. 49,7), чуть ниже пояса - два железных крючка (рис. 49,5,6), под левой кистью - кресало и кремь (рис. 49,3,4), под левой бедренной костью - нож (рис. 49,2).

Погребение 7. Центральное, ограбленное. Могильная яма основательно испорчена грабителями, можно только сказать, что она была углублена в темно-желтый суглинок до 0,15 м (рис. 49,8). От погребенного на месте остались только кости ног ниже колен. Судя по ним, костяк лежал на спине, головой на ЮВВ. Инвентаря

не обнаружено.

Погребение 13 (1,77 x 0,5 x 0,17 м). Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на СВ (рис. 49,9). Левая рука чуть согнута в локте, кисть на лобке. Локтевая и лучевая кости правой руки отсутствовали, так как здесь находилась яма от столба забора. У черепа найдены две бронзовые серьги (рис. 49,11,12), у таза - железная пряжка (рис. 49,10), у правой бедренной кости - кресало с кремнем (рис. 49,13) и нож.

22. **Быстровка** 1. Курганный могильник расположен в Искитимском районе Новосибирской области на правом берегу Обского водохранилища, в 1 км к северу от с. Быстровка (рис. 1). Состоял из 21 кургана. Исследовался Т. Н. Троицкой в 1973, 1978 - 1980 гг. Было раскопано пятнадцать курганов. К X - XII вв. относится только курган № 14.

Курган 14. Овальной формы насыпь размером 19 x 16 м и наибольшей высотой 0,6 м. Под нею выявлен подквадратный ровик с разрывом на север. Насыпь содержала следы ограбления центральной могилы: мелкие обломки бревен, отдельные кости человека, девять астрагалов (рис. 50,1-3), в разных местах находились нижняя и верхняя часть черепа коня и кости его ног, два бронзовых наконечника ремней (рис. 50,5), железный наконечник стрелы (рис. 50,4) и обломки сосуда (рис. 50,7).

Погребение 1. На уровне материка, под прокалом размером 1,5 x 0,75 м и толщиной 2 - 3 см, находился детский скелет, завернутый в бересту. От костяка сохранились только обломки раздавленного черепа и часть костей рук. Судя по ним, ребенок был положен головой на ССВ.

Погребение 2 (1,96 x 0,98 x 0,2 м). Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ССВ. С ним найдены железный игольник (рис. 50,6), серебряные серьги (рис. 50,8), между ног лежал крестец барана.

Погребение 3 (2,75 x 1,78 x 0,42 м). Центральное. Полностью разграблено. В ней на разных высотах найдены обломки бревен, мужской череп, разрозненные кости скелета, кости ног коня и обломок от того же сосуда, что и найденный в насыпи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII - XIV ВВ.

В Новосибирском Приобье на сегодняшний день известно 17 памятников XIII - XIV вв. Это 1 городище, 4 поселения, 2 местонахождения и 10 могильников.

а) ГОРОДИЩЕ

23. **Каменушка** 1. Городище находится в Ордынском районе Новосибирской области, на правом берегу Обского водохранилища у с. Нижняя Каменка. Городище расположено на левом берегу р. Каменушки в 1 км вверх от ее устья, на длинном выступающем мысу (рис. 52). Мыс возвышается на одиннадцать метров от уровня воды. Укрепления состоят из вала и внешнего рва. Вал возвышается над площадкой городища на 1,3 м. Глубина рва от верха вала 1,4 м, столько же от дна рва до площадки за укреплениями, так как она выше, чем площадка городища. В средней части укрепления прослеживается перерыв - въезд (рис. 53).

Городище выявлено в 1970 г. экспедицией под руководством Т. Н. Троицкой, исследовалось в 1975 г. В. И. Соболевым, который вскрыл на краю мыса 120 кв. м. Материал опубликован (Соболев В. И., 1979). В 1987 г. городище исследовалось автором. Был заложен раскоп общей площадью 145 кв. м. Он захватывал, кроме площадки городища, и часть рва и вала.

Исследование внешнего рва показало, что его ширина составляла 1,5 м, он заполнен серой и светло-серой супесью. Во рве был прослежен проход шириной 1,35 м. По всей видимости, здесь был еще один въезд на городище. Возможно, он

функционировал на начальном этапе жизни на городище, так как на поверхности въезд не прослеживался. Каких-либо находок во рву не найдено. Вал состоял из слоя темно-желтой супеси, насыпанной на слой черной, серой или светло-серой супеси, по всей видимости погребенной почвы. В основании вала выявлены участки прокаленной супеси. Они встречаются на всем вскрытом участке. В основании вала выявлены остатки какой-то деревянной конструкции. Это обугленные бревна и жерди, лежащие вдоль вала на одной глубине. С внутренней стороны городища, вдоль вала в раскопе прослеживался узкий ровик, шириной до 1,1 м и глубиной до 0,72 м от уровня материка. Заполнение ровика - светло-серая, местами черная супесь. В ней обнаружены находки: керамика, одновременная всему керамическому комплексу городища, и кости животных. Возможно, из ровика бралась земля для подсыпки вала, затем он постепенно был засыпан и поверх него построены жилища.

На площадке городища в раскопах выявлено два целых котлована от жилищ. Еще четыре постройки сохранились частично.

Жилище 1. Сохранилось частично. Его размеры: длина 4,2 м, ширина не менее 4,3 м, глубина до 0,4 м от уровня материка. В жилище выявлены две хозяйственные ямы. В западной стенке жилища прослеживался выход длиной 1,1 м, который вел в другой котлован жилища 1 а (Соболев В. И., 1979, рис. 1).

Жилище 1 а. Сохранилось частично. Котлован длиной 3,55 м и шириной не менее 4,1 м, глубиной до 0,3 м от уровня материка. В котловане выявлен очаг и часть хозяйственной ямы. Как и в жилище 1, каких-либо столбовых ямок не обнаружено (Соболев В. И., 1979, рис. 1).

Жилище 2. Подквадратной формы котлован, размером 4,46 x 4,68 м и глубиной до 0,28 м от уровня материка. С восточной стороны жилища прослеживался частично сохранившийся выход шириной 0,84 м (рис. 54). В центре котлована находился очаг, провал имеет размеры 0,48 x 0,36 м и толщину 0,08 м, сверху находился спекшийся пепел толщиной 0,03 м. В жилище выявлено пять ям диаметром от 0,22 м до 0,64 м, они, по всей видимости, не являлись столбовыми. В заполнении жилища выявлены фрагменты керамики обломки костей.

Жилище 3. Квадратный котлован размером 5,34 x 5,3 м и глубиной до 0,3 м от уровня материка (рис. 54). Южная стенка котлована из-за понижения материка прослеживалась частично. С восточной стороны жилища выявлен выход шириной 0,86 м и длиной 1 м. Выход плавно понижался от уровня материка за пределами котлована до уровня пола. В центре выявлен очаг, из-за растущих сосновых деревьев он раскопан частично. Толщина провала - 0,09 м, его перекрывал спекшийся пепел толщиной 0,04 м. В заполнении котлована обнаружены небольшие обугленные жерди и доски (9 экз.), по всей видимости, от перекрытия жилища. Каких-либо ям, относящихся к жилищу, не выявлено. Находки состояли из скоплений двух разбитых сосудов и костей животных.

Жилище 4. Находится у южного склона городища, основная часть обрушилась. Сохранился только один прямой угол котлована глубиной до 0,65 м от уровня материка (рис. 54). В засыпи найден развал сосуда. В котловане выявлена узкая яма размером 1,49 x 0,37 м и глубиной 0,16 м от уровня материка, заполненная серой супесью, находок в ней не было. Возможно, это остаток внутреннего ровика, перерезанного жилищем.

Жилище 5. Сохранилось частично. Котлован подпрямоугольной формы, шириной 5,42 м и глубиной до 0,31 м от уровня материка. В сооружении обнаружено несколько ям и небольшой провал толщиной до 0,05 м. В заполнении жилища обнаружены фрагменты керамики, скопление костей, шлак.

Кроме большой керамической коллекции (рис. 55,7-12; 56; 57; 58) и костей животных, на городище найден железный (рис. 55,4) и костяной (рис. 55,5) наконечники

стрел, железная накладка (рис. 55,6), астрагалы для игры (рис. 55,1-3), точильные камни. На основании керамического комплекса памятник датируется XIII - XIV вв.

б) П О С Е Л Е Н И Я

24. К р о х а л е в к а - С о к о л о в о 3. Поселение расположено в Кольванском районе Новосибирской области, в Кудряшовском бору, к северо-востоку от с. Крохалева, в 2,5 км к северу от пионерского лагеря "Дружба" и в 0,3 км к юго-востоку от надпойменной террасы р. Чаус, в глубине соснового бора (рис. 52). Поселение состояло из трех подчетыреугольной формы насыпей, окруженных ямами (рис. 59). Памятник открыт автором в 1986 г., исследовался в 1987 г. Раскоп площадью 123 кв. м захватывал две насыпи.

Жилище 1. Подквадратная насыпь размером 5 x 5 м и высотой до 0,25 м окружена с четырех сторон ямами. Насыпь уплощенная, в центре прослеживалось неглубокое понижение (рис. 60). Под насыпью выявлена ровная площадка, следов котлована нет. В центре площадки между ямами выявлен очаг, лежащий в 0,1 м над материком (рис. 61). Очаг состоял из прокаленной супеси толщиной до 0,14 м, в верхней части которой встречались кусочки обожженной глины. Такие же кусочки встречались и в насыпи жилища около очага. Насыпь жилища состоит из слоя темно-серой и частично черной супеси, которая насыпана на слой светло-серой супеси. Ближе к краям насыпи хорошо прослеживалась завалинка из светлого песка, за счет чего края жилища оказались несколько выше центра насыпи. На площадке самого жилища выявлено пять ям небольшого диаметра, по всей видимости, это столбовые ямки от каркаса жилища. Четыре ямы, расположенные по краям насыпи, заполнены мелким углем, сажой, обломками сосудов и костей. По всей видимости, из этих ям и брался грунт для подсыпки жилища, а позже они заполнялись мусором.

Жилище 2. Подпрямоугольная насыпь размером 6,5 x 5,5 м и наибольшей 0,22 м. Насыпь уплощенная, в центре прослеживается понижение. Насыпь окружали пять ям (рис. 60). Под насыпью выявлена ровная площадка, окруженная с трех сторон ямами. В центре находился очаг мощностью 0,16 м, состоящий из прокаленного песка. Очаг находился несколько выше материка (рис. 61). Насыпь жилища состояла из слоя темно-серой и серой супеси. Хорошо прослеживалась завалинка из светло-серой супеси или белого песка. На площадке жилища выявлено довольно много столбовых ям от каркаса жилища. Ямы, расположенные по краям насыпи, заполнены мелким углем, сажой, находками.

В результате работ выяснено, что культурного слоя на поселении практически нет, находки, а это в основном фрагменты керамики (рис. 62), сосредоточены в насыпях жилищ и ямах, окружающих их. На основании керамики поселение может быть датировано XIII - XIV вв.

25. К р о х а л е в к а - С о к о л о в о 4. Поселение находится в Кольванском районе Новосибирской области, на западном краю Кудряшовского бора, на правом берегу р. Чаус, в 1,3 км к юго-востоку от с. Соколово (рис. 52). Поселение расположено на пологом склоне надпойменной террасы. Здесь без видимого порядка расположены сорок четыре земляночные западины и шесть насыпей от наземных жилищ (рис. 63). Поселение открыто автором в 1988 г. Исследовалось в 1989 г. Раскоп площадью 84 кв. м захватывал две хорошо видимые западины, оказавшиеся жилищами.

Жилище 1. Котлован подквадратной формы размером 4,74 x 4,24 м и наибольшей глубиной 0,37 м (рис. 64). Заполнение жилища: черная и серая супесь. С северо-западной стороны жилища прослежен выход шириной 0,7 - 0,8 м и длиной 1,5 м. Выход плавно поднимается от уровня пола котлована до уровня материка. В углах и в центре жилища прослежены столбовые ямки. Еще одна столбовая ямка находилась по центру северо-восточной стенки жилища. У юго-западной и северо-восточной стенок котлована располагались два подпрямоугольных выступа в материке (лежанки?).

Юго-западный выступ размером 1,7 x 1,3 м, высота до 0,16 м. Северо-восточный выступ размером 2,1 x 1,4 м и высотой до 0,17 м. По центру жилища располагался провал (82 x 76 x 8 см). Над ним выявлен слой спекшийся золы толщиной 8 см. В золе найдены мелкие фрагменты жженой кости. В заполнении жилища найдены костяной наконечник стрелы (рис. 65,1), железная пластина (рис. 65,3), костяная пряжка (рис. 65,2), керамика.

Жилище 2. Котлован подквадратной формы размером 4,8 x 4,2 м и наибольшей глубиной 0,36 м (рис. 64). Заполнение жилища - черная и серая супесь. С северной стороны жилища выявлен выход шириной 0,74 м, прослеженная длина 1,2 м. В углах и в центре жилища выявлены столбовые ямки, еще две находились по краям входа. В центре жилища выявлен очаг из прокаленной супеси размером 61 x 54 x 12 см. В восточной стенке жилища выявлен проход. Его ширина 0,86 м. Он вел в котлован, который в раскоп попал частично. Возможно, это еще одно жилище или хозяйственное помещение, соединенное с жилищем 2. В заполнении жилища, кроме керамики и костей, найдены каменная застежка (рис. 65,4) и обломок ножа.

На основании керамики (рис. 65,5-11; 66) поселение может быть датировано XIII - XIV вв.

26. Ч е р н ы й б о р о к 6. Поселение расположено в Колыванском районе Новосибирской области в 7 км к югу от р. п. Колывань в пойме левого берега р. Оби в урочище Черный борок, на краю двухметровой надпойменной террасы на берегу оз. Черное (рис. 52). Состоит из девятнадцати земляночных западин. Диаметр западин от 3 до 10 м, глубина до 0,3 м. Поселение открыто автором в 1982 г. На поселении был заложен шурф 4 x 4 м, кроме ирменской керамики найдены обломки сосуда (рис. 101,1) позволяющие отнести часть западин к XIII - XIV вв.

27. К а м е н у ш к а 2. Поселение находится в Ордынском районе Новосибирской области, на правом берегу Обского водохранилища, у с. Нижняя Каменка, в 1,1 км вверх по р. Каменушка от ее устья, на правом берегу (рис. 52). Состоит из восьми земляночных западин, почти все они разрушаются. Поселение выявлено экспедицией под руководством Т. Н. Троицкой в 1970 г. В обрыве были подобраны обломки сосуда XIII - XIV вв. (рис. 101,2).

в) М Е С Т О Н А Х О Ж Д Е Н И Я

28. К р о х а л е в к а 13. Местонахождение расположено в Коченевском районе Новосибирской области на западной окраине Кудряшовского бора на надпойменной террасе правого берега р. Чик, примерно в 4 км к северо-востоку по дороге от с. Крохалевка на территории пионерского лагеря (рис. 52). При исследовании разновременного курганного могильника Т. Н. Троицкой в 1985, 1988 гг. и А. А. Адамовым в 1989 г. между курганами обнаружены развалы сосудов XIII - XIV вв. (рис. 101,4,5,7).

29. Т у р и с т 1. Местонахождение расположено в Октябрьском районе г. Новосибирска на правом берегу р. Оби, напротив остановки общественного транспорта "Инструментальный завод" (рис. 52). Памятник размещался на краю 4-метровой надпойменной террасы, на 0,5 км восточнее проходной РСУ УВКХ. Естественная террасовидная площадка длиной 180 м с южной стороны была ограничена краем террасы, с западной - микроводоразделом, с северной - пологим склоном, а с восточной - поймой р. Плющихи. Открыто в 1984 г. А. В. Матвеевым. В 1988 г. исследовалось С. Г. Росляковым, который вскрыл здесь 59 кв. м. В культурном слое обнаружены разновременные фрагменты керамики и остатки погребения с трупосожжением.

Летом 1988 г. памятник был полностью уничтожен в ходе строительных работ. Культурный слой сдвинут бульдозерами под обрыв террасы. При обследовании обнажения выявлено несколько ям. В яме № 4 размером 1,6 x 0,96 м и глубиной 0,42

м в верхнем слое был обнаружен сосуд (рис. 101,3) который можно датировать XIII - XIV вв. (Молодин В. И., Новиков А. В. и др., 1993).

г) М О Г И Л Ь Н И К И

30. Ю р т - А к б а л ы к 4. Курганный могильник расположен в Колыванском районе Новосибирской области в 1,5 км к югу от с. Юрт-Акбалык на левой надпойменной террасе р. Оби (рис. 52). Насчитывал восемь курганных насыпей. Исследовался Т. Н.Троицкой в 1963, 1964, 1975 гг. Раскопано четыре кургана. Один из них датируется XIII - XIV вв. Материал опубликован (Троицкая Т. Н., Чернускутов Е. М., 1984).

31. К р у т о б о р к а 2. Одиночный курган расположен в Колыванском районе Новосибирской области на левой надпойменной террасе р. Оби в 2 км к югу от с. Крутоборка (рис. 52). При исследовании городища Крутоборка 2 на его площадке выявлены остатки курганной насыпи с погребением (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 36). От погребения сохранилось только чучело коня, ориентированное головой на СВ (рис. 100,1), с ним найдено стремя (рис. 100,2), удила (рис. 100,3) и остатки железных наконечников стрел.

32. К р а с н ы й Я р 1. Курганный могильник расположен в Колыванском районе Новосибирской области, на высоком берегу р. Уень, протекающей в обской пойме, в 0,4 - 0,5 м к ЮЗ от с. Красный Яр, на мысу урочища "Рыбалка" (рис. 52; 67,1). В 1959 - 1962, 1974 гг. Т. Н. Троицкой раскопано двадцать девять курганов. В 1978 г. восемь курганов раскопано А. В. Матвеевым, а в 1989 г. шесть курганов исследовано автором. К XIII - XIV вв. относятся опубликованные Т. Н. Троицкой курганы №12, 22, 23, и сосуды из насыпи кургана № 17-18 (Троицкая Т. Н., 1978), курганы № 31 - 34 из раскопанных А. В. Матвеевым и все исследованные нами.

Курган 31. Насыпь овальной формы размером 7 x 6 м и наибольшей высотой 0,36 м. Выявлено два погребения.

Погребение 1 (2,4 x 0,8 x 0,44 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 68,1).

Погребение 2 (2,5 x 0,85 x 0,69 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 68,2). За черепом найдена концевая накладка лука из кости (рис. 68,5). Два наконечника стрел располагались чуть выше левого плеча, другие - у кисти левой руки (рис. 68,6,7). У правой бедренной кости - точило (рис. 68,4). Обнаружены так же и остатки кресала (рис. 68,3).

Курган 32. Насыпь овальной формы размером 6,25 x 5,5 м и наибольшей высотой 0,45 м.

Погребение 1 (2,22 x 0,87 x 0,57 м). В центре кургана. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 68,8). Вокруг скелета древесный тлен. Четыре бусины найдены около черепа, одна - у таза (рис. 68,9-13).

Курган 33. Диаметр кургана 6 м, наибольшая высота 0,45 м. В насыпи найден развал сосуда (рис. 67,4).

Погребение 1 (2,25 x 0,58 x 0,13 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 68,14). Вокруг костяка древесный тлен. У затылочных костей черепа найдена серьга (рис. 68,15), у правой локтевой кости и между берцовых костей ног - железные наконечники стрел (рис. 68,18-24). У левой бедренной кости - железная пряжка (рис. 68,16) и нож (рис. 68,25), у правой голени - тесло (рис. 68,17).

Курган 34. Насыпь округлой формы размером 4,5 x 4,15 м и наибольшей высотой 0,4 м.

Погребение 1 (2,17 x 0,65 x 0,14 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ. Инвентарь не обнаружен (рис. 69,1).

Курган 38. Насыпь овальной формы размером 7 x 7,7 м и наибольшей высотой до 0,37 м.

Погребение 1 (2,1 - 2,2 x 0,9 x 0,57 м). В нем сохранились остатки продольного перекрытия плахами. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на СВВ. Кисти рук находились на бедренных костях (рис. 69,2). Справа у плечевой кости лежала костяная накладка на лук (рис. 69,5), а у кисти руки 2 костяных (рис. 69,6,7) и 3 железных наконечника стрел остриями к черепу. Чуть ниже, у бедренной кости - нож. Еще два железных наконечника стрел, направленных остриями к ступням, лежали на правой берцовой кости. У кисти левой руки - кресало и два кремня (рис. 69,3,4).

Курган 39. Диаметр 4 м и высотой до 0,46 м (рис. 70,1). Каких-либо находок в насыпи не обнаружено.

Погребение 1 (2,34 x 0,74 x 0,57 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 70,2). У черепа обнаружены стеклянные бусины (рис. 70,3-7), а у правой плечевой кости - нож (рис. 70,8).

Курган 40. Округлой формы, размером 5 x 5,75 м и высотой до 0,47 м (рис. 71,1). В юго-восточной части кургана в насыпи обнаружено захоронение хищника (собаки?) (рис. 71,2).

Погребение 1 (2,32 x 0,88 x 0,55 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВВ (рис. 71,3). В ногах сохранились обрывки бересты. С правой стороны, у плечевой кости, лежали два костяных наконечника стрел (рис. 71,4,5). У левой плечевой кости - костяная накладка на лук (рис. 71,6). У правой бедренной кости - кресало и кремь.

Курган 41. Диаметр 5,1 м и высотой до 0,47 м. Каких-либо находок в насыпи не обнаружено.

Погребение 1 (2,32 x 1,26 x 0,41 м). Погребенный лежал на спине с чуть согнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на ЮВ. Инвентарь не обнаружен (рис. 71,13).

Курган 42. Диаметр 3,8 м и высотой до 0,39 м.

Погребение 1 (2,05 x 1,03 x 0,26 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 71,12). Так как часть костей оказалась смещенной, возможно это вторичное погребение. Инвентарь не обнаружен.

Курган 43. Диаметр 2,9 м и высотой до 0,15 м.

Погребение 1 (1,84 x 0,63 x 0,33 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Кости правой руки лежали на лобке (рис. 71,7). С правой стороны у таза находились нож (рис. 71,8), кресало и кремь (рис. 71,9-11).

33. В ы с о к и й б о р о к. Курганный могильник (рис. 52; 72,1). Описание и месторасположение см. № 20. Из раскопанных автором шестнадцати курганов двенадцать относятся к XIII - XIV вв.

Курган 1. Диаметр 5 м и высотой до 0,63 м.

Погребение 1 (2,44 x 0,97 x 0,56 м). Погребенный мужчина лежал на спине, вытянуто, головой на СВ. Руки чуть согнуты в локтях, кисти находились в районе лобка (рис. 72,2).

Курган 2. Насыпь овальной формы, размером 4,2 x 4,7 м и высотой до 0,4 м.

Погребение 1 (2,1 x 0,91 x 0,33 м). Погребенная женщина лежала на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 72,3). С левой стороны от черепа находилось пряслице (рис. 72,5), а с правой - нож (рис. 72,4).

Курган 4. Насыпь овальной формы размером 7,02 x 5,27 м и высотой до 0,56 м. Из пяти погребений только два относятся к XIII - XIV вв.

Погребение 1 (2,63 x 1,41 x 0,48 м). Перекрытие могильной ямы состояло из одной продольной жерди и поперечных плах или досок, сверху закрытых несколькими слоями бересты. Погребенная женщина лежала на спине, вытянуто, головой на З (рис. 73,1). Она была завернута в бересту. У черепа найдены серебряная и бронзовая серьги (рис. 73,19,20). У шейных позвонков лежали 12 стеклянных бусин (рис. 73,3-12). У пояса и у правой бедренной кости - остатки наборного пояса из железных

бляшек (рис. 73,13-18). У локтевых костей правой руки - нож с костяной рукояткой (рис. 73,23) и железная вилка (рис. 73,2). На пальце правой руки - бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 73,21). На локтевой кости левой руки - обломок железного браслета (рис. 73,22).

Погребение 2. У западной полы кургана в насыпи обнаружено детское погребение (рис. 73,24). Ребенок лежал на спине, головой на С. Инвентарь не обнаружен.

Курган 5. Насыпь овальной формы размером 3 x 3,62 м и высотой до 0,33 м.

Погребение 1 (2,31 x 1,04 x 0,38 м). Погребенная женщина лежала на спине, вытянуто, головой на ЮЗЗ (рис. 74,1). Между берцовыми костями находился нож (рис. 74,2).

Курган 7. Половина кургана обрушилась. Размеры оставшейся части 4 x 2,7 м и высотой до 0,26 м.

Погребение 1 (1,15 x 0,98 x 0,25 м). Могильная яма ориентирована по линии СЗ - ЮВ. В ней сохранились: два обломка трубчатой кости человека, железный наконечник стрелы (рис. 74,4) и кресало с кремнем (рис. 74,3,5).

Курган 8. Насыпь овальной формы размером 3,46 x 5,3 м и высотой до 0,5 м (рис. 74,6). В ней обнаружены обожженные жерди.

Погребение 1 (2,39 x 1,27 x 0,61 м). В могиле сохранились остатки продольного перекрытия из жердей диаметром 67 см. Погребенный мужчина лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 74,7). Он был завернут в бересту, которая сохранилась только в ногах. С ним найдены остатки ножа и кресала с кремнем.

Курган 9. Диаметр 5 м и высотой до 0,35 м.

Погребение 1 (2,92 x 1,21 x 0,47 м). Погребенная женщина лежала на спине, вытянуто, головой на СВВ (рис. 76,1). У черепа находились две стеклянные бусины (рис. 76,6,7), у правой бедренной кости - нож. Под бедренными костями сохранился глен от дерева.

Курган 10. Насыпь овальной формы размером 4,5 x 5,6 м и высотой до 0,4 м (рис. 75). В ней выявлено два прокала, около одного из них обломки сосуда (рис. 84,12). Под насыпью выявлен прерывистый ровик, находок в нем нет.

Погребение 1 (2,31 x 1,14 x 0,66 м). Погребенная женщина (16 - 17 лет) лежала в колоде, остатки которой прослеживались за головой и ногами. Для колоды была выкопана яма глубиной 16 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 76,2). У черепа найдены две стеклянные бусины (рис. 76,8). На локтевой кости левой руки лежали два костяных наконечника стрелы, еще один железный и костяной наконечники находились с левой стороны у стоп (рис. 76,10-12,14). На поясе и вдоль левой ноги - железные бляшки от наборного пояса (рис. 76,9,15-19). С правой стороны у ступней - тесло (рис. 76,3). Под правой бедренной костью - кресало с кремнем (рис. 76,4,5), а около левой - нож (рис. 76,13).

Курган 11. Присыпан к кургану 10. Его размеры 4,22 x 5,6 м (рис. 75). Под насыпью кургана выявлен прерывистый ровик. В нем найдено скопление челюстей от двух лошадей и коровы (?).

Погребение 1 (2,84 x 1,85 x 1,08 м). В могильной яме выявлены остатки перекрытия, состоящего из жердей и досок (?). На нем найдено тесло (рис. 77,10). Погребенный мужчина (20 - 25 лет) лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 77,1). На правом плече сохранились остатки матерчатой тесьмы, расшитой металлической нитью. Еще один фрагмент тесьмы найден на правой берцовой кости. Один железный и два костяных наконечника стрел находились у правой кисти, а еще три железных наконечника - с правой стороны от ступней (рис. 77,2,3,5-8). В районе тазовых костей находилось скопление остатков кожи и железных изделий, возможно, это остатки пояса. С правой стороны вдоль бедренной кости - нож с деревянной

ручкой и ножами, под правой кистью - кресало и кремь (рис. 77,4). Около левой бедренной кости - железная накладка. У правой берцовой кости - тесло (рис. 77,11). На ступнях ног и между берцовыми костями - остатки кожи и железных изделий, среди которых найдены железные пряжки (рис. 77,9,13). Под костяком прослеживались неглубокие канавки, заполненные древесной трухой. Слева от костяка был помещен череп лошади с взнузданными удилами (рис. 77,12) и кости ног лошади. Чучело лошади ориентировано так же, как и человек, головой на СВ.

Курган 12. Диаметр 6,4 м и высотой до 0,4 м (рис. 78). Под насыпью кургана выявлены остатки ровика, в нем - фрагменты сосуда (рис. 85,1). В СВВ части кургана был сделан разрыв ровика, здесь находилось поминальное сооружение.

Сооружение 1. В материковый котлован трапециевидной формы была впущена деревянная рама из досок толщиной 3 см. Северо-восточная стенка - доска шириной 0,13 м, длиной 1,7 м, северо-западная - 0,25 x 2,36 м, юго-восточная - 0,15 x 2,33 м, юго-западная - 0,2 x 2,1 м. Изнутри доски сооружения были обуглены. В сооружении полукругом стояли девять деревянных столбов диаметром от 7 до 20 см, сверху на 10 - 15 см до уровня материка все они были обуглены, а в ямах прослеживалась только труха. В одной яме по краям стенок прослеживалась береста. Заполнение сооружения - черная супесь с углем, в ней найден железный наконечник стрелы (рис. 80,5).

Погребение 1. Центральное. Могильная яма неправильной, изогнутой, формы углублена в материк до 0,73 м (рис. 79,1). Погребенный лежал в деревянной колоде, которая находилась на высоте 20 - 25 см от дна могильной ямы. Поверх костяка прослеживался древесный тлен от крышки колоды, сверху закрытой берестой. С внешней стороны колоды на одном с ней уровне был положен берестяной колчан с четырьмя железными и двумя костяными наконечниками стрел (рис. 81,1-6), которые были положены остриями в разные стороны. Изнутри колода была выстлана берестой. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВВ. Под черепом - стеклянные бусины (рис. 79,2,3). На костяке с правой стороны лежал еще один колчан. Два наконечника из него лежали в ногах, три других - у правого локтя (рис. 81,7-11). На тазу, в остатках материи, почти полностью сохранился кожаный пояс с медными накладками (рис. 79,4-6) и бронзовой пряжкой с железным язычком (рис. 79,7). Пояс был надет на погребенного. На левой бедренной кости - две бронзовые подвески (рис. 79,8,9). Рядом нож в деревянных ножнах (рис. 79,11). С правой стороны у бедренной кости - кожаная сумочка с железным кресалом и кремнем (рис. 79,10). Ниже уровня колоды в ногах были положены кости коня. Череп ориентирован на СВВ. Рядом четыре ноги из двух суставов. В зубах у коня удила (рис. 80,2), рядом два стремена (рис. 80,4,6), костяная (рис. 81,13) и железная пряжка (рис. 80,3), тесло (рис. 80,1).

Погребение 2 (1,84 x 1,08 x 0,65 м). В могиле обнаружены остатки детского черепа, три стеклянные бусины (рис. 81,15-17). Ребенок был положен головой на СВВ (рис. 81,14).

Курган 14. Присыпан к более раннему кургану с СЗ стороны. Овальной формы, размером 4 x 3 м и высотой до 0,35 м. Под насыпью в западной части выявлены остатки ровика.

Погребение 1. Впущено в более раннюю яму (рис. 82,1). Погребенный лежал на глубине 0,1 м от уровня материка, на спине, вытянуто, головой на СВ. У таза лежала железная пряжка (рис. 82,2), на бедренных костях - железные крючки (рис. 82,5,6), у левой бедренной кости - нож (рис. 82,4), а у берцовой - костяной наконечник стрелы (рис. 82,3).

Курган 16. Диаметр 6,6 м и высотой до 0,6 м (рис. 83). Выявлено три погребения, только одно относится к XIII - XIV вв. Под насыпью кургана с СЗ и ЮВ выявлен ровик. У СВ полы кургана найдены кости лошади: нижние челюсти, трубчатые

кости. В насыпи кургана найден железный наконечник стрелы (рис. 84,11), а к СВ от погребения 1 выявлено погребение мелкого хищника (собаки?).

Погребение 1 (2,31 x 0,78 x 0,19 м). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СВ (рис. 84,1). Под черепом найдены остатки железного серпа (рис. 84,2) и железный наконечник стрелы (рис. 84,8). На тазовых костях - железная пряжка (рис. 84,4), чуть ниже - железные крючки с накладками от ремней и железной пряжкой (рис. 84,10). У кисти правой руки - нож (рис. 84,3). Под правой бедренной костью - тесло (рис. 84,5). У левой бедренной кости - точило (рис. 84,6), кресало и кремь (рис. 84,9). С правой стороны у ступни - железные наконечники стрел (рис. 84,7). В ногах погребенного выявлена береста.

34. С е д о в а З а и м к а 2. Курганный могильник расположен в Новосибирском районе Новосибирской области, на правом берегу р. Оби в 2 км к северу от с. Седова Заимка на надпойменной террасе р. Оби (рис. 52). Насчитывал тридцать пять курганных насыпей. Исследовался В. Д. Романцовой в 1974, 1976, 1978 гг. Раскопано 9 курганов. Материалы опубликованы (Романцова В. Д., 1983).

35. У с т ь - И н я. Могильник расположен в Первомайском районе г. Новосибирска, близ автомобильного моста через р. Иня по трассе Новосибирск - Академгородок (рис. 52). Здесь в 1987 г. при строительных работах были обнаружены кости человека, а также железный (рис. 100,4) и два костяных (рис. 100,5,6) наконечника стрел, костяные обкладки лука (рис. 100,7,8) и кочедык (рис. 100,9). Инвентарь поступил в Новосибирский областной краеведческий музей.

36. Е л ь ц о в с к и й 1. Курганный могильник расположен в Ельцовском урочище на правом берегу Обского водохранилища в 3 км к юго-западу от г. Бердска, на левом берегу залива р. Раздельная, напротив лодочной станции, на краю одного из затапливаемых Обским морем оврагов (рис. 52). Памятник насчитывал тридцать курганных насыпей (рис. 86), исследовался автором в 1986, 1988, 1992 гг. и 1987 г. Т. Н. Троицкой. Всего было раскопано шестнадцать курганов.

Курган 1. Наполовину обрушился. Размеры сохранившейся части 7,85 x 4,7 м и высота до 0,48.

Погребение 1. Наполовину осыпалось. Могильная яма, углубленная в материк до 0,6 м, ориентирована по линии ЮЗЗ - СВВ. Во всю длину могильной ямы выявлена приступка высотой 0,23 м от дна ямы. Погребение ограблено. На приступке найден нож (рис. 87,1), Среди потревоженных костей - железная заклепка и обломки железных колец (рис. 87,2,3).

Курган 2. Часть кургана обрушилась. Размеры сохранившейся части 7,5 x 5,6 м высота до 0,46 м.

Погребение 1 (2,46 x 1,1 x 0,48 м). Могильная яма ориентирована по линии ЮЗЗ - СВВ (рис. 87,4). Кости погребенного были собраны в одну кучу, череп отсутствовал. В могильной яме найдены остатки потревоженного перекрытия.

Курган 3. Насыпь диаметром 5,9 м и высотой до 0,25 м. В кургане обнаружено одно центральное погребение (рис. 87,5). В насыпи кургана к ЗСЗ от могильной ямы было обнаружено берестяное полотнище размером 0,64 x 0,3 м. Другое полотнище находилось к ЮВ от могильной ямы, его размеры 1,08 x 0,43 м, под ними шел слой черного суглинка с углем мощностью до 8 см. Еще одно берестяное полотнище было над нетронутой грабителями частью могильной ямы. Над ним был прокол диаметром 22 см и толщиной 5 см, рядом лежала жердь диаметром 10 см.

Погребение 1. Могильная яма углублена в материк на 7 см, перерыта грабителями (рис. 87,6). В восточной части, нетронутой грабителями, ее ширина составляла 0,98 м. Костяк погребенного потревожен. Незатронутыми оказались лишь берцовые кости. Судя по ним, костяк был положен на спину, головой на СЗЗ. Инвентарь не обнаружен.

Курган 4. Насыпь овальной формы размером 9,3 x 7 м и высотой до 0,65 м. В ней к СВ от могилы найдено два ребра крупного животного (рис. 88,1).

Погребение 1. Центральное. По краям могильной ямы сохранились остатки перекрытия. Непосредственно над могилкой они были уничтожены при ограблении. Могильную яму на уровне погребенной почвы сначала закрыли берестой, затем могилку перекрыли деревянными продольными и поперечными жердями или плахами, а сверху опять закрыли берестой. Береста имела следы закопчения (рис. 88,1). Могильная яма углублена в материк до 0,67 м, ориентирована по линии СВ - ЮЗ. Костяк основательно перемешан. Возможно, погребенный лежал головой на ЮЗ (рис. 88, 2). В могиле, судя по сохранности, найден сломанный черенок грабительской лопаты. Инвентарь не обнаружен.

Курган 5. Насыпь размером 8,37 x 8,36 м и высотой до 0,91 м. В ней к западу от могильной ямы на уровне погребенной почвы обнаружены небольшие фрагменты берестяного полотнища. К СЗ от могильной ямы у края кургана обнаружено скопление нижних челюстей и черепов не менее чем от трех лошадей и одного барана (?).

Погребение 1 (2,2 x 0,78 x 0,53 м). Могильная яма ориентирована по линии СВ - ЮЗ (рис. 88,3). Кости погребенного сдвинуты и перемешаны. Возможно погребенный лежал головой на ЮЗ. В могиле обнаружена бронзовая пластина сердцевидной формы (рис. 88,4).

Курган 6. Насыпь диаметром 7 м и высотой до 0,34 м. Нижняя челюсть лошади из насыпи кургана была выброшена грабителями из конского захоронения. Обнаружено два погребения.

Погребение 1. Центральное. Представляет собой погребение человека и коня в разных могильных ямах (рис. 89,1). Погребение частично ограблено. Могильная яма размером 2,3 x 1 м, углубленная в материк до 0,62 м, ориентирована по линии СВВ - ЮЗЗ. ЮЗЗ часть могильной ямы не подверглась ограблению. Здесь сохранились поперечные плахи или доски перекрытия, которые сверху были закрыты берестой. Вплотную к ЮВ стенке могильной ямы была поставлена колода, которая сохранилась частично. Нижний конец колоды имел ширину 8 см, толщину 13 см. С внутренней стороны колоды имелись следы обожжения. Колода была сверху перекрыта берестой. От погребенного остались нетронутыми лишь ноги ниже колен и левая бедренная кость. Погребенный был положен на спину, головой на СВВ. Он был завернут в бересту. Так как в нетронутой грабителями части находились ключица, локтевая кость, позвонок, погребение скорее всего было вторичным. С левой стороны костяка у бедренной кости находилось бронзовое зеркало (рис. 89,4). Ниже лежали железные вилка (рис. 89,6) и стержень (рис. 89,3). На берцовых костях - костяная щетка (рис. 89,2). Ниже найдена медная бляшка (рис. 89,7). Справа от колоды находилось стремя (рис. 90,3) и железная подпружная пряжка (рис. 90,2). Здесь же были найдены 31 костяная "заклепка" и 8 костяных гвоздиков (рис. 90,4,5). Над колодой еще одно стремя (рис. 90,1). В СВ части могилы среди сдвинутых костей и остатков перекрытия костяное окончание плетки (рис. 89,5).

Справа от погребения человека располагалось погребение коня. Конь находился в могильной яме размером 2,03 x 0,75 м и углубленной в материк до 0,17 м. В яму был положен целый конь. Костяк потревожен грабителями. На месте остались только передние зубы от нижней челюсти и правая передняя нога, по их расположению конь был положен головой на ЮЗЗ.

Погребение 2 (1,08 x 0,45 x 0,26 м). В ней прослеживались доски поперечного перекрытия, поставленные под наклоном. Ребенок, от которого осталось только часть костей, лежал на спине, головой на ЮВВ, он был завернут в берестяной чехол. Под чехлом находились продольные и поперечные доски (рис. 91,1).

Курган 7. Диаметр 6,5 м и высотой до 0,4 м. В насыпи кургана к ЮЗЗ от

могильной ямы найдены целый череп коня и две конские нижние челюсти (рис. 91,2).

Погребение 1 (1,92 x 1,21 x 0,77 м). Могильная яма ориентирована по линии СВ - ЮЗ (рис. 91,3). С СЗ стороны могильная яма имела материковую приступку шириной 0,36 м и высотой 9 см. В могиле потревоженное погребение. Кости перемешаны, возможно в анатомическом порядке сохранилась правая рука, но и она была перевернута вверх локтем. Кости находились в деревянном ящике, труха от которого хорошо прослеживалась с трех сторон. Труха обнаружена и под костями. В погребении у левой руки найдена серебряная серьга (рис. 91,4). Судя по всему, погребение вторичное.

Курган 8. Насыпь размером 8 x 8,4 м и высотой до 0,72 м. К западу от могильной ямы у ее края найдена нижняя челюсть лошади.

Погребение 1 (2,03 x 1,24 x 0,56 м). Могильная яма ориентирована по линии СВ - ЮЗ. Ограблено. В нем найдено лишь несколько костей человека. Инвентарь не обнаружен.

Курган 9. Насыпь овальной формы размером 5,95 x 6,68 м и высотой до 0,45 м. В ней к югу от могилы обнаружен прокол размером 0,89 x 0,84 м и толщиной 0,14 м. К юго-западу от могильной ямы у края курганной насыпи обнаружено скопление остатков черепов и челюстей коня и крупного рогатого скота.

Погребение 1 (3,01 x 1,42 x 0,67 м). Могильная яма ориентирована по линии СЗЗ - ЮВВ (рис. 92,1). Погребение ограблено. Кости человека и коня перемешаны. В могилу, судя по сохранившимся костям, было положено чучело коня. Среди костей найдены бронзовая серьга (рис. 92,3), стеклянная бусина (рис. 92,2), обломок железных предметов. В могиле найдены остатки деревянной доски, возможно от перекрытия могилы.

Курган 10. Диаметр 6 м и высотой до 0,26 м. В насыпи кургана над погребением найден костяной наконечник стрелы (рис. 92,5).

Погребение 1 (2,75 x 1,07 x 0,52 м). Могильная яма ориентирована по линии СВВ - ЮЗЗ (рис. 92,8). Кости человека перемешаны и собраны в кучу в восточной половине могилы. У северной стенки частично прослеживаются остатки материкового уступа высотой 22 см. На нем остатки двух досок поперечного перекрытия. В могильной яме среди костей найдены два костяных и один железный наконечники стрел (рис. 92,4,6,7) и обломок ножа (рис. 92,9).

Курган 11. Насыпь размером 7,4 x 6,8 м и высотой до 0,23 м. В ней к югу от погребения обнаружен прокол размером 39 x 50 см и толщиной 6 см.

Погребение 1. В насыпи кургана. Кости ребенка смещены и лежат беспорядочно по линии СЗ - ЮВ. Возможно, погребенный лежал головой на СЗ. Инвентарь не обнаружен.

Курган 12. Насыпь размером 8,2 x 6,5 м и высотой до 0,55 м.

Погребение 1 (2,15 x 1,35 x 0,59 м). Ограблено. Могильная яма ориентирована по линии СВВ - ЮЗЗ (рис. 92,10). В могиле сохранились только часть костей человека и остатки перекрытия. Найдены стеклянная бусина, костяные обкладки (рис. 92,12-16) и железное седельное кольцо (рис. 92,11).

Курган 13. Насыпь диаметром 7 м и высотой до 0,32 м.

Погребение 1 (2,6 x 1,16 x 0,58 м). Ограблено. Кости погребенного сдвинуты и перемешаны, нетронутыми остались только берцовые кости ног. Судя по ним, костяк лежал на спине, головой на В (рис. 93,1). С правой стороны от костяка было положено чучело лошади (череп и кости ног), также потревоженное грабителями. На месте остались только череп и часть костей двух ног. Лошадь была ориентирована головой на З. На дне могильной ямы частично сохранилось поперечное перекрытие из досок толщиной 3 - 4 см. Среди сдвинутых костей найдены костяная подпружная пряжка (рис. 93,2), железные удила (рис. 93,3), железный султанчик (рис. 93,4), обломки

железных предметов.

Курган 14. Размер насыпи 10 x 9,5 м и высота до 0,79 м. В кургане выявлено одно центральное погребение, две ямы и сооружение. В насыпи кургана к СЗ от погребения обнаружены кости животных (рис. 94).

Погребение 1 (2,57 x 1,11 x 0,6 м). Ограблено. Могильная яма ориентирована по линии СВ - ЮЗ (рис. 96,1). Кости человека сильно перемешаны, череп разбит. Здесь же обнаружена и нижняя челюсть лошади, скорее всего от чучела. В могиле обнаружены остатки потревоженного грабителями деревянного перекрытия, костяной кочедык (рис. 96,2) и пластинка (рис. 96,3), обломок ножа (рис. 96,5), обломки железных наконечников стрел и других изделий (рис. 96,4).

Сооружение 1. Находится к СВ от могилы. Котлован подпрямоугольной формы размером 2,7 x 2,4 м и глубиной до 0,3 м от уровня материка, заполнен черным суглинком с сажей и углем (рис. 95,1). В нем выявлены остатки подквадратного сооружения из досок размером 2,1 x 1,9 м. В двух углах сооружения находились глиняные сосуды, перевернутые вверх дном (рис. 95,4,5). Здесь же найдены: нож (рис. 95,6), медная накладка (рис. 95,2), скорее всего, от деревянного сосуда, костяная втулка (рис. 95,3).

Из двух ям, выявленных под насыпью кургана, только в одной обнаружен прокол и остатки деревянной жерди.

Курган 15. Диаметр 10 м и высотой до 0,74 м. В насыпи кургана к ЮЗ от могильной ямы обнаружено скопление зубов и челюстей лошади. К северу от погребения найдены обломки железных изделий, среди них - обломок железного стремени (рис. 96,9). Возможно, это остатки выкинутого грабителями из могильной ямы инвентаря.

Погребение 1 (2,44 x 1,28 x 0,79 м). Ограблено. Могильная яма ориентирована по линии СВВ - ЮЗЗ (рис. 96,6). В могиле обнаружена часть перемешанных костей от одного погребенного. Здесь же найден стеклянный бисер (рис. 96,7,8), обломки железных изделий.

Курган 16. Насыпь овальной формы размером 12 x 13 м и высотой до 1,34 м. В ней к СЗ от погребения обнаружены остатки черепов лошадей. Выявлены также и отдельные железные вещи, среди которых стремя (рис. 96,11), скорее всего, выброшенные грабителями из могильной ямы.

Погребение 1 (2,68 x 1,97 x 0,9 м). Ограблено. Могильная яма ориентирована по линии СВ - ЮЗ. Яма имеет приступку с северо-западной стороны, возможно, это следы грабительского шурфа, расширившего могилу. В юго-восточной части могилы обнаружены перемешанные грабителями остатки костяка человека. Здесь же найдены обломки железных изделий, а так же седельные кольца (рис. 96,13-15), пряжка (рис. 96,10).

37. У с т ь - А л е у с 7. Могильник расположен в Ордынском районе, на левом берегу Обского водохранилища, в 0,5 км к востоку от устья р. Алеус (рис. 52). При исследовании в 1972 г. В. И. Молодиным стоянки эпохи раннего металла обнаружено одиннадцать погребений (№ 1 - 7, 11 - 14), датирующихся XIII - XIV вв. Материал могильника опубликован (Молодин В. И., Соболев В. И., 1979).

38. Р а з д у м ь е 1. Могильник расположен на правом берегу Обского водохранилища, в пяти километрах ниже с. Дресвянка, на высоком мысу урочища Раздумье. Исследовался в 1960 - 66 гг. А. П. Уманским. Материал опубликован (Уманский А.П., 1987). К XIII - XIV вв. относятся погребения № 3 - 5, 8 - 10.

39. К р о т о в о 15. Курганный могильник расположен в Сузунском районе Новосибирской области, на краю увала, в 4 км от с. Кротово по дороге на с. Ширпотреб (рис. 52). Насчитывал двадцать девять курганных насыпей (рис. 97). Обнаружен В. И. Молодиным в 1970 г., им же раскопано два кургана. Еще два кургана раскопал

в 1984 г. Е. А. Сидоров. Материалы исследований В. И. Молодина опубликованы (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, с. 107).

Курган 1. Насыпь овальной формы размером 4,4 x 4,72 м и высотой до 0,2 м. К ЮВ от могильной ямы под насыпью на материке выявлен прокол диаметром 0,5 м и толщиной 3 см (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, рис. 77; 78).

Погребение 1 (2,04 x 1 x 0,45 м). Центральное. Сохранилось поперечное перекрытие могильной ямы из девяти плах. На них лежал слой бересты. Северный край перекрытия поднят несколько выше южного, для чего служили два вертикально стоящих в северной части могилы столбика. Погребенный лежал слегка повернутый на бок, головой на восток, ноги чуть поджаты в коленях. Правая рука отсутствовала. Инвентарь не обнаружен (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, рис. 79).

Курган 2. Насыпь круглой формы размером 5,1 x 5,2 м и высотой до 0,3 м. В ней к северу от центральной могилы выявлены остатки трех жердей и кости животных. Прямо над могилой обнаружены череп и два зуба лошади. Под насыпью кургана к ЮЗ от центральной могилы обнаружен прокол диаметром 0,25 м и толщиной 13 см (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, рис. 80; 81).

Погребение 1 (2,4 x 1,02 x 0,33 м). Центральное. Сохранилось продольное перекрытие могильной ямы из тонких жердей диаметром 46 см. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на В. У правой кисти лежало кресало и кремь. Под головой и грудной клеткой его был положен берестяной круг диаметром 0,5 м. Под кругом находилась плаха, лежащая поперек могилы. Сверху покойника перекрывал слой бересты клиновидной формы, имеющий по бокам следы прошивки. В восточной части береста завернута за голову погребенного, в западной под ее край подложена продольная плаха длиной 0,5 м. На берестяном клине лежал еще один слой бересты прямоугольной формы, плохой сохранности (Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И., 1980, рис. 82; 83).

Погребение 2. Впускное, на материке. Остатки детского скелета, лежащего головой на В, завернуты в два слоя бересты. Снизу под берестой обнаружены две поперечные жерди, сверху погребение перекрывали шесть поперечных плах. К востоку от погребения обнаружен прокол диаметром 0,52 м и толщиной 8 см.

Курган 3. Насыпь овальной формы размером 5 x 4 м и высотой до 0,15 м. В ней на уровне погребенной почвы обнаружена нижняя челюсть лошади и позвонки барана.

Погребение 1 (3 x 1,4 x 0,64 м). Погребение частично ограблено (рис. 98,1). Сохранилось перекрытие могилы из одиннадцати сосновых досок шириной 10 - 30 см, сверху доски были перекрыты берестой. Под перекрытием выявлено двойное погребение. Южный погребенный не потревожен грабителями. Костяк человека лежал на спине, вытянуто, головой на СВВ, в носовой части лодки - долбенки длиной 2,3 м и шириной 0,5 м. Лодка носом ориентирована на ЮЗЗ, она была закрыта слоем бересты. На правой ноге погребенного лежал берестяной колчан (рис. 99,1), в нем десять древков стрел. Три железных наконечника стрел (рис. 99,11-13) и нож лежали выше колчана, у таза. В области таза обнаружены остатки кожаного пояса с бронзовыми бляшками и пряжкой (рис. 99,2-8). Слева от пояса - нож. Между бедренными костями - остатки железного предмета длиной 20 см. У колен погребенного находились две небольшие круглые железные пряжки. В носу лодки, ниже стоп - кости небольшой рыбы. С левой стороны от лодки находилось железное тесло (рис. 99,10).

Севернее от этого погребенного находился еще один. Но он, большей частью, оказался разрушенным грабителями. Сохранился только конец колоды, перекрытой берестой, в ней найдены остатки черепа человека, лежащего головой на СВВ. Инвентарь не обнаружен.

Погребение 2 (1 x 0,55 x 0,23 м). В нем сохранилось поперечное перекрытие из досок, на нем остатки бересты. Ребенок, завернутый в бересту, лежал на спине, головой на В. Инвентарь не обнаружен.

Курган 4. Насыпь размером 4 x 3 м и высотой до 0,2 м.

Погребение 1 (3,15 x 1,2 x 0,4 м). Центральное (рис. 98,2). Могила перекрыта поперечным настилом из досок. Под настилом располагались остатки носовой части деревянной лодки - долбленки. Сверху долбленка перекрыта берестяным чехлом, скроенным по форме лодки. Погребенный лежал на спине, головой на СВВ. Ноги слегка согнуты в коленях и повернуты налево. Левая рука сильно отведена в сторону и согнута в локте, кисть на груди. С правой стороны чуть ниже таза лежал нож, слева от таза - нож с костяной ручкой, чуть ниже - кресало с кремнем. Между бедренных костей - железная пряжка.

Погребение 2. Могильная яма (1,1 x 0,65 x 0,1 м) примыкает к погребению 1. В могиле обнаружены остатки поперечного перекрытия. Ребенок лежал на спине, вытянуто, головой на В. Инвентарь не обнаружен.

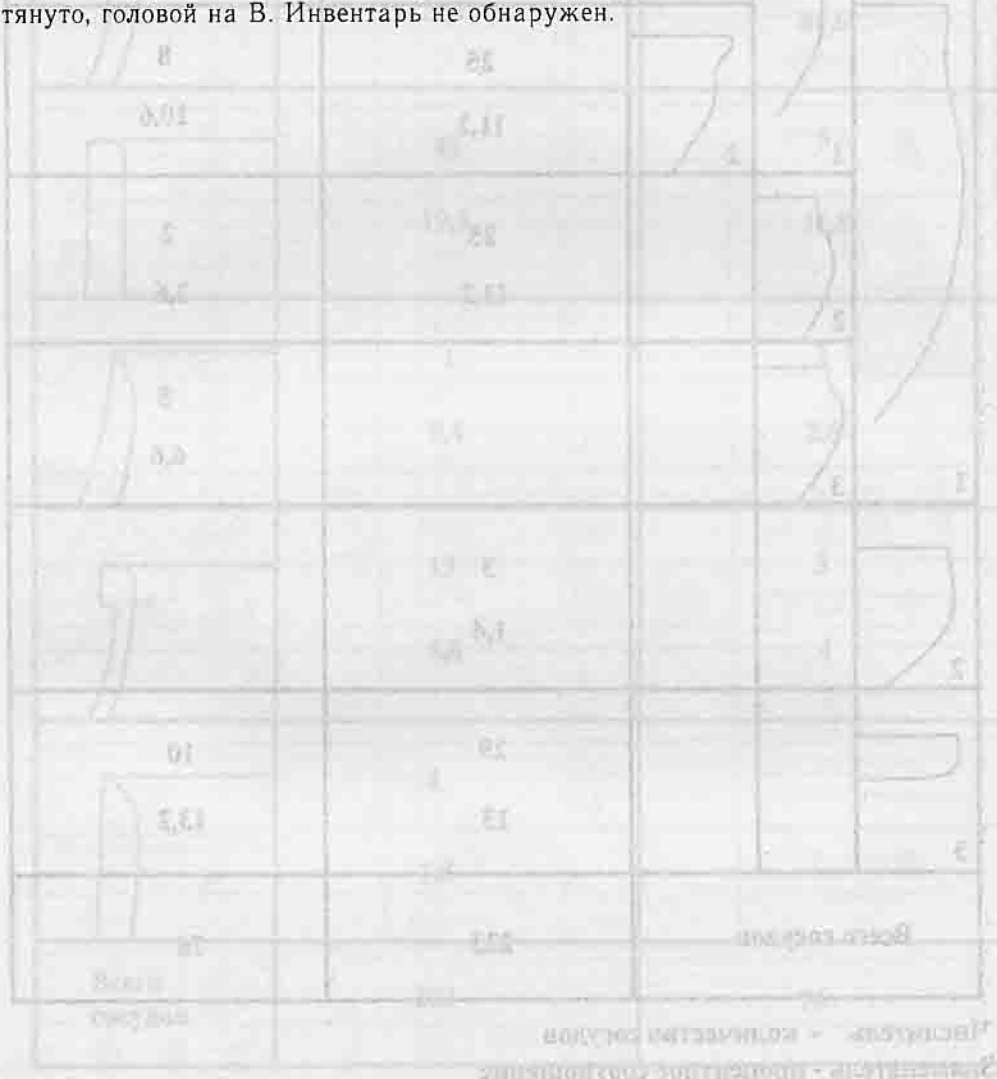

Таблица 2
Форма сосудов с памятников X - XIV вв.

группа	тип	вариант	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
1	1	1	143 63,2	51 67
		2	25 11,2	8 10,6
	2		25 11,2	2 2,6
		3		5 6,6
	2		3 1,4	
3			29 13	10 13,2
	Всего сосудов		223	76

Числитель - количество сосудов

Знаменатель - процентное соотношение

Таблица 3
 Форма венчика сосудов с памятников X - XIV вв.

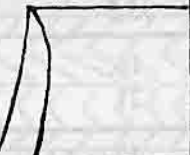

Форма венчиков	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
	162 72,7	62 81,6
	43 19,3	9 11,8
	1 0,4	2 2,6
	13 5,8	3 4
	4 1,8	
Всего сосудов	223	76

Таблица 4
 Элементы орнамента на керамики памятников X - XIV вв.

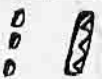

	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
	166 74,4	47 61,8
	17 7,6	
	30 13,5	29 38,2
	49 22	21 27,6
	13 5,8	27 35,5
	8 3,6	16 21
	66 29,6	12 15,8
	9 4	3 3,9
	8 3,6	
	6 2,7	
Всего сосудов	223	76

Таблица 5
Мотивы орнаментации керамики с памятников X - XIV вв.

Мотивы орнаментации	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
	77,6%	89,5%
	4,9%	1,3%
	1,3%	3,9%
	0,9%	2,6%
	0,5%	
	4%	2,6%
	0,5%	5,3%
	0,9%	6,6%
	17,5%	53,9%
	0,5%	
	2,2%	9,2%
	3,6%	3,9%
	0,9%	
	0,5%	5,3%
	2,7%	1,3%
	0,9%	1,3%
	0,5%	1,3%
	10,3%	1,3%
	0,5%	
	0,5%	
	3,1%	
Всего сосудов	223	76

Таблица 6
 Форма сосудов с памятников X - XII вв.

группа	тип	вариант	ЧБ-20	Км-3	Ор-5	Ум-4	ЮА-8	Б-1	СЗ	Дрг.	
1	1	1	57	2	10	9	5	8	35	15	
			60	40	71,4	56,3	62,5	88,9	66	65,2	
	1	2	12	1		1	1	1	4	5	
			12,6	20		6,3	12,5	11,1	7,6	21,7	
	2			14		1	6	2		2	
				14,8		7,2	37,5	25		3,8	
3	3										
2				2						1	
				40						4,4	
3			12		3				12	2	
			12,6		21,4				22,6	8,7	
Всего сосудов			95	5	14	16	8	9	53	23	

Таблица 7
 Форма венчиков сосудов с памятников X - XII вв.

Форма венчиков	ЧБ-20	Км-3	Ор-5	Ум-4	ЮА-8	Б-1	СЗ	Дрг.	Всего
	71		9	9	4	8	41	20	162
	74,7		64,3	56,3	50	88,9	77,4	87	72,7
	19	2	5	3	4	1	6	3	43
	20	40	35,7	18,7	50	11,1	11,3	13	19,3
							1		1
							1,9		0,4
	4	1		4			4		13
	4,2	20		25			7,5		5,8
	1	2					1		4
	1,1	40					1,9		1,8
Всего сосудов	95	5	14	16	8	9	53	23	223

Таблица 8
Элементы орнамента на керамики памятников X - XII вв.

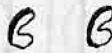

Элементы орнамента	ЧБ-20	Км-3	Ор-5	Ум-4	ЮА-8	Б-1	СЗ	Дрг.	Всего
	69 72,6	5 100	10 71,4	11 68,8	8 100	6 66,7	39 73,6	18 78,3	166 74,4
	9 9,5	1 20	1 7,1	1 6,3		1 11,1	2 3,8	2 8,7	11 7,6
	16 16,8		2 14,3	1 6,3			8 15,1	3 13	30 13,5
	11 11,6	1 20		9 56,3	5 62,5	4 44,4	15 28,3	4 17,4	49 22
	7 7,4		1 7,1		2 25		3 5,7		13 5,8
	1 1		5 35,7			1 11,1		1 4,3	8 3,6
	35 36,8	2 40	1 7,1	5 31,3	2 25	3 33,3	10 18,9	8 34,8	66 29,6
	3 3,2		3 21,4			1 11,1	2 3,8		9 4
	2 2,1						6 11,3		8 3,6
				1 6,3	4 50		1 1,9		6 2,7
Всего сосудов	95	5	14	16	8	9	53	23	223

Таблица 9
Мотивы орнаментации керамики с памятников X - XII вв.

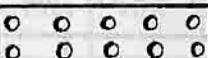
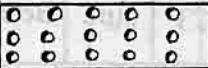

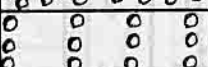
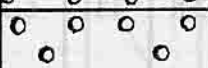
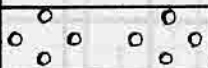

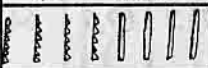
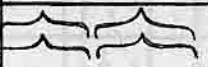

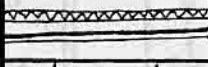

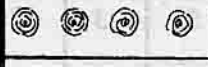
Мотивы орнаментации	ЧБ-20	Км-3	Ор-5	Ум-4	ЮА-8	Б-1	СЗ	Другие	Всего
	91,6%	100%	64,3%	75%	87,5%	66,7%	56,6%	73,9%	77,6%
			21,4%			11,1%	13,2%		4,9%
	2,1%						1,9%		1,3%
							3,8%		0,9%
							1,9%		0,5%
	1%		7,1%		12,5%		7,5%	8,7%	4%
	1%								0,5%
	1%					11,1%			0,9%
	15,8%			37,5%	50%	33,3%	15,1%	13%	17,5%
			7,1%						0,5%
	2,1%			6,3%	12,5%		1,9%		2,2%
	1%			12,5%	37,5%	11,1%	1,9%		3,6%
	1%		7,1%						0,9%
							1,9%		0,5%
	2,1%				12,5%		5,7%		2,7%
			7,1%			11,1%			0,9%
	1%								0,5%
	8,4%			12,5%	37,5%		15,1%	8,7%	10,3%
	1%								0,5%
	1%								0,5%
	1%						11,3%		3,1%
Всего сосудов	95	5	14	16	8	9	53	23	223

Таблица 10
Степень орнаментированности сосудов с памятников X - XII вв.

	ЧБ-20	Км-3	Ор-5	Ум-4	ЮА-8	Б-1	СЗ	Дрг.	Всего
Без орнамента	5		1	2		1	2	3	14
по тулову	5,3		7,1	18,8		11,1	3,8	13	6,3
Один мотив	65	5	8	6	1	4	38	16	143
	68,4	100	57,1	37,5	12,5	44,4	71,7	69,6	64,1
Ряд ямок по шейке и один мотив	11		4	4	1	3	1	2	26
	11,6		28,6	25	12,5	33,3	1,9	8,7	11,7
Орнаментирован до 1/2	10			4	6	1	9	2	32
	10,5			25	75	11,1	17	8,7	14,3
Орнаментирован более 1/2	4		1				3		8
	4,2		7,1				5,7		3,6
Всего сосудов	95	5	14	16	8	9	53	23	223

Таблица 11
 Форма сосудов с памятников XIII - XIV вв.

группа	тип	вариант	Км - 1	КС - 3	КС - 4	Другие
1	1	1	28 73,7	2 25	6 40	15 100
		2	5 13,2	1 12,5	2 13,3	
	2		1 2,6		1 6,7	
		3			5 62,5	
2						
3			4 10,5		6 40	
Всего сосудов			38	8	15	15

Таблица 12
Форма венчиков сосудов с памятников XIII - XIV вв.

Форма венчиков	Км - 1	КС - 3	КС - 4	Другие
	34 89,5	3 37,5	11 73,3	14 93,3
	3 7,9	4 50	1 6,7	1 6,7
		1 12,5	1 6,7	
	1 2,6		2 13,3	
				
Всего сосудов	38	8	15	15

Таблица 13

Элементы орнамента на керамики памятников XIII - XIV вв.

Элементы орнамента	Км - 1	КС - 3	КС - 4	Другие	Всего
	17 44,7	5 62,5	14 93,3	11 73,3	47 61,8
					
	22 57,9	2 25		5 33,3	29 38,2
	6 15,8	6 75	3 20	6 40	21 27,6
	16 42,1	2 25	5 33,3	4 26,7	27 35,5
	13 34,2			3 20	16 21
	4 10,5	1 12,5	4 26,7	3 20	12 15,8
			1 6,7	2 13,3	3 3,9
					
					
Всего сосудов	38	8	15	15	76

Таблица 14
Мотивы орнаментации керамики с памятников XIII - XIV вв.

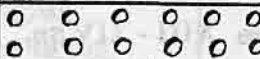

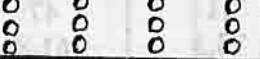

Мотивы орнаментации	Км - 1	КС - 3	КС - 4	Другие	Всего
	89,5%	75%	93,3%	93,3%	89,5%
	2,6%				1,3%
	2,6%	12,5%		6,7%	3,9%
		12,5%		6,7%	2,6%
					
	2,6%	12,5%			2,6%
		12,5%	6,7%	13,3%	5,3%
		12,5%		26,7%	6,6%
	52,6%	62,5%	53,3%	53,3%	53,9%
					
	13,2%			13,3%	9,2%
	2,6%	12,5%		6,7%	3,9%
					
	2,6%		6,7%	13,3%	5,3%
				6,7%	1,3%
			6,7%		1,3%
				6,7%	1,3%
				6,7%	1,3%
					
					
					
					
Всего сосудов	38	8	15	15	76

Таблица 15
 Степень орнаментированности сосудов с памятников XIII - XIV вв.

Σ сосудов	Км - 1	КС - 3	КС - 4	Другие	Всего
Без орнамента	1	1			2
по тулову	2,6	12,5			2,6
Один мотив	11	1	8	2	22
	28,9	12,5	53,3	13,4	29
Ряд ямок по шейке и один мотив	14	1	3	2	20
	36,9	12,5	20	13,4	26,3
Орнаментирован до 1/2	12	3	4	9	28
	31,6	37,5	26,7	59,8	36,8
Орнаментирован более 1/2		2		2	4
		25		13,4	5,3
Всего сосудов	38	8	15	15	76

Таблица 16
 Форма сосудов городища Седова Заимка

группа	тип	вариант	группа 1	группа 2
1	1	1	2,3%	66%
		2	7,5%	
	2		44,2%	3,8%
		3	27,9%	
2		25,6%	22,7%	
Всего сосудов			43	53

Таблица 17
 Форма венчиков сосудов с городища Седова Заимка

Форма венчиков	группа 1	группа 2
	2,3%	77,4%
	53,5%	11,3%
	4,7%	1,9%
		7,5%
	39,5%	1,9%
	53,4%	
Всего сосудов	43	53

Таблица 18
Элементы орнамента на керамики городища
Седова Заимка

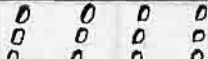

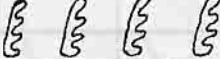
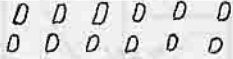

Элементы орнамента	группа 1	группа 2
	34,9%	73,6%
		3,8%
		15%
	11,6%	3,8%
	23,3%	11,3%
	4,9%	18,8%
		3,8%
	20,9%	
	20,9%	18,8%
	65,1%	11,3%
	11,6%	3,8%
	2,3%	1,9%
		1,9%
Всего сосудов	43	53

Таблица 19
Мотивы орнаментации керамики городища
Седова Заимка

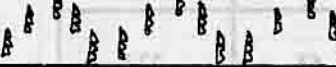

Мотивы орнаментации	группа 1	группа 2
	33,3%	56,6%
		13,2%
	6,7%	1,9%
		7,5%
		1,9%
		3,8%
	65,1%	11,3%
	8,9%	9,4%
	37,8%	15,1%
	37,8%	
		1,9%
		1,9%
	6,7%	5,7%
		1,9%
	11,1%	5,7%
Всего сосудов	43	53

Таблица 20

Степень орнаментированности сосудов с городища
Седова Заимка и сосудов IX - X и X - XII вв.
Новосибирского Приобья

	IX - X вв.	группа 1	группа 2	X - XII вв.
Без орнамента по тулову			3,8%	6,3%
Один мотив	7,5%	16,3%	71,7%	64,1%
Ряд ямок по шейке и один мотив	12,5%	7%	1,9%	11,7%
Орнаментирован до 1/2	80%	74,4%	17%	14,3%
Орнаментирован более 1/2		2,3%	5,7%	3,6%
Всего сосудов	40	43	53	223

Таблица 21
Характеристика видового состава животных с памятников X - XIV вв.

	X - XII вв.					XIII - XIV вв.				
	ЧБ-20	Сб-4	Ор-5	Б-1	Км-3	Всего	Км-1	КС-3	КС-4	Всего
Лошадь	19	1	2	1	2	25		1	1	2
КРС	5		1?		1	7			1	1
МРС	6	1	2		1	10	1			1
Собака	1					1		2	1	3
Лось	2					2	4			4
Косуля	7					7	3			3
Барсук	4			1		5			1	1
Бобр	1					1				
Медведь	1					1				
Северный олень?	1					1				
Заяц	1					1				
Лисица	4				1	5		1		1
Соболь	5	1				6				
Выдра				2		2				

Таблица 22
Классификация железных наконечников стрел X - XIV вв.

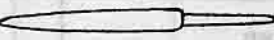

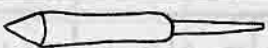
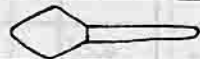

группа	тип	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
I 	1 	2	
	2 	1	
II 	1 	1	
	2 	1	
III 	1 		1
IV 	1 	1	
	2 	1	
	3 	1	
	4 	1	1
	5 	5	3
V 	1 	2	4
VI 	1 	3	
	2 	2	
	3 	1	1
	4 		2
	5 		5
	6 	3	23
	7 		2
	8 	1	2
Всего		26	44

Таблица 23

Классификация костяных наконечников стрел X - XIV вв.

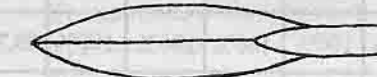

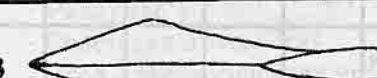
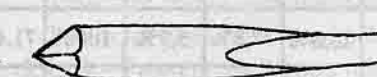

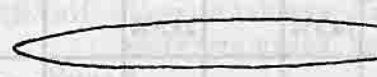
группа	тип	X - XII вв.	XIII - XIV вв.
I ▲	1 	3	3
	2 		11
	3 		1
II ◆	1 	20	1
	2 	1	1
	3 		2
III ●	1 	7	6
	2 	1	
IV ■	1 	1	
Всего		33	25

Таблица 24
Признаки погребального обряда могильников X - XIV вв.

	ЮА-4	Ктр-2	КЯ-1	ВБ	СЗ	Е-1	Р-1	Кр-15	XIII - XIV	X - XII
Курганы	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+
Тризна	Всего		7,7%	41,7%	77,8%	62,5%	+	75%	44,6%	50%
	Прокал			25%	66,7%	18,8%		50%	25%	41,7%
	Кости			16,7%	77,8%	50%		50%	33,9%	16,7%
	Сосуды			7,7%	16,7%	11,1%			8,9%	8,3%
Собака? в насыпи			7,7%	8,3%					3,6%	
Поминальное сооружение				8,3%		6,3%			3,6%	8,3%
Ровик	+			41,7%	88,9%				23,2%	16,7%
Одно погребение в кургане	+	+	92,3%	83,3%	55,6%	93,8%		25%	80,4%	50%
Погребение в могиле	+		100%	92,9%	100%	94,1%	100%	100%	94,3%	92,6%
Одиное погребение	+	+	100%	100%	100%	100%	100%	85,7%	98,6%	96,3%
Ориентация СВ, С, В	+		78,6%	78,6%	55,6%	17,6%	57,1%	100%	60%	81,5%
Ориентация могильных ям СВ-ЮЗ, З-В					44,4%	52,9%	14,3%		20%	7,4%
Ориентация ЮЗ, З			7,1%	14,3%		11,8%	28,6%		10%	
Ориентация ЮВ			14,3%						2,9%	
Деревянное перекрытие могилы			28,6%	21,4%	77,8%	23,5%	71,4%	100%	42,9%	22,2%
Берестяные чехлы				28,6%	77,8%	5,9%	100%	71,4%	34,3%	18,5%
Колоды				14,3%		5,9%		14,3%	5,7%	
гроб						5,9%			1,4%	
Лодка								14,3%	1,4%	
Человек с конем		+		14,3%		23,5%			10%	7,4%
Погребальная пища							14,3%	14,3%	2,9%	11,1%
Сосуд в могиле										7,4%
Вторичное погребение			7,1%			11,8%			4,3%	3,7%

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия
 АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 Б - 1 - Боровое 1
 БГПИ - Барнаульский государственный педагогический институт
 ВАН - Вестник Академии наук
 ВАУ - Вопросы археологии Урала
 ВБ - Высокий борок
 ГИМ - Государственный Исторический музей
 Е - 1 - Ельцовский 1
 ИАлт.ОГО - Известия Алтайского отделения Географического общества СССР
 ИЛАИ - Известия лаборатории археологических исследований
 АИЭ - Известия общества археологии, истории и этнографии
 Км - 1 - Каменушка 1
 Км - - Каменушка 3
 Кр - 15 - Кротово 15
 Крт - 2 - Крутоборка 2
 КС - 3 - Крохалевка - Соколово 3
 КС - 4 - Крохалевка - Соколово 4
 КЯ - 1 - Красный Яр 1
 МАЭ - Музей антропологии и этнографии
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
 НТ НГПИ - Научные труды Новосибирского государственного педагогического института
 Ор - 5 - Ордынское 5
 Р - 1 - Раздумье 1
 СА - Советская археология
 САИ - Свод археологических источников
 СЗ - Седова Заимка
 ТГПИ - Томский государственный педагогический институт
 ТГУ - Томский государственный университет
 ТД ОНКпоААиЭ - Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии
 ТИИАЭ - Труды Института истории, археологии и этнографии
 ТТКАЭЭ - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
 Тр.АС - Труды Археологического съезда
 УЗ ХНИИЯЛиИ - Ученые записки Хакасского научно - исследовательского института языка, литературы и истории
 Ум - 4 - Умна 4
 ЧБ - 20 - Черный борок 20
 ЮА - 8 - Юрт - Акбалык 8
 ЮА - 4 - Юрт - Акбалык 4

ИЛЛЮСТРАЦИИ

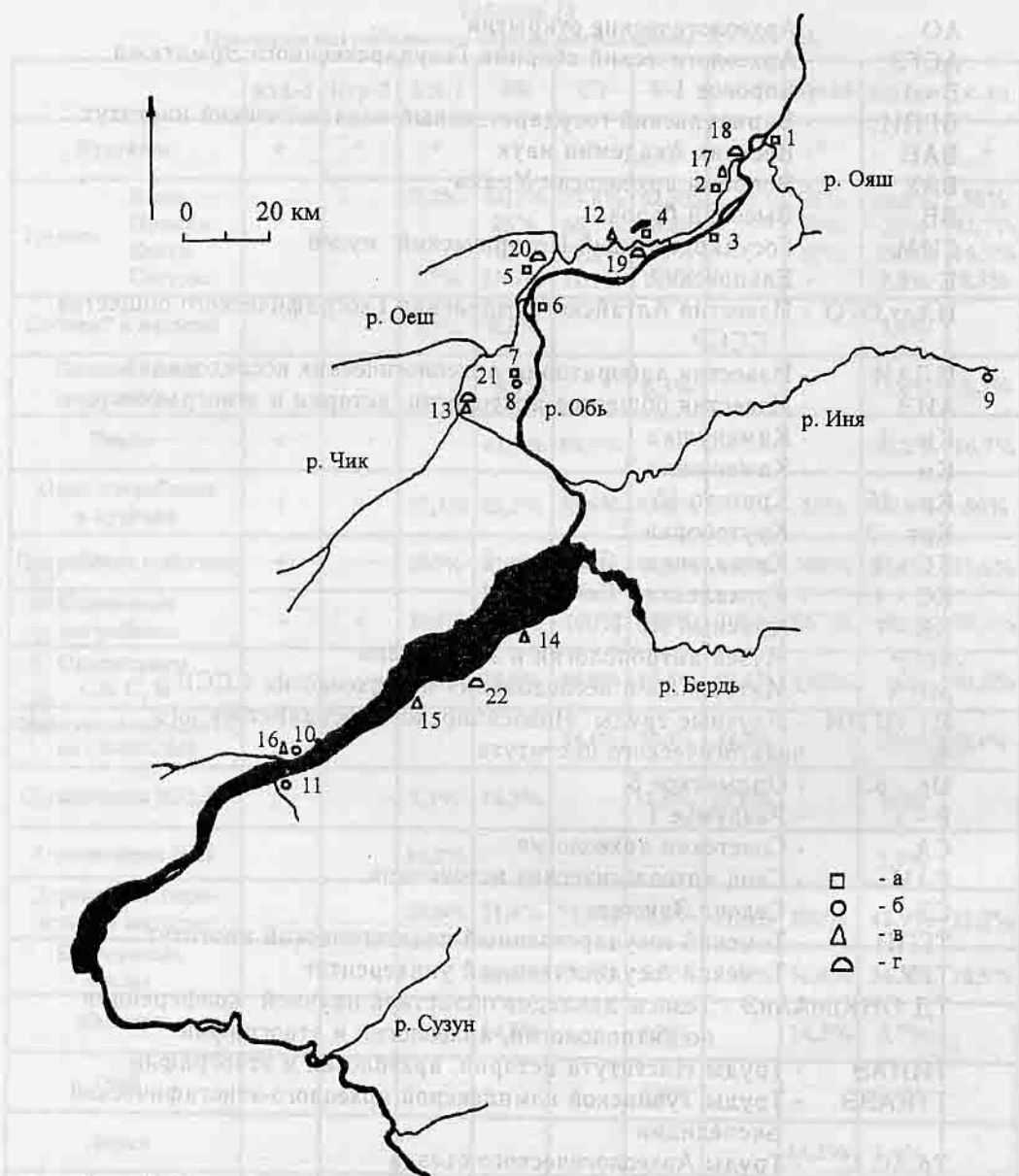

Рис. 1. Схема расположения памятников X - XII вв. в Новосибирском Приобье. 1 - Старобибеево 4, 2 - Умна 4, 3 - Ташара 4, 4 - Крутоборка 2, 5 - Кашламский бор 7, 6 - Седова Заимка, 7 - Черный борок 20, 8 - Черный борок 21, 9 - Боровое 1, 10 - Ордынское 5, 11 - Каменушка 3а, 12 - Красный Яр 1, 13 - Крохалевка 11а, 14 - Бурмистрово, 15 - Завьялово 6, 16 - Ордынское 11, 17 - Юрт - Акбалык 8, 18 - Батурицкий Мыс, 19 - Березовый остров 1, 20 - Высокий борок, 21 - Крохалевка 13, 22 - Быстровка 1.

а - городище, б - поселение, в - местонахождение, г - могильник.

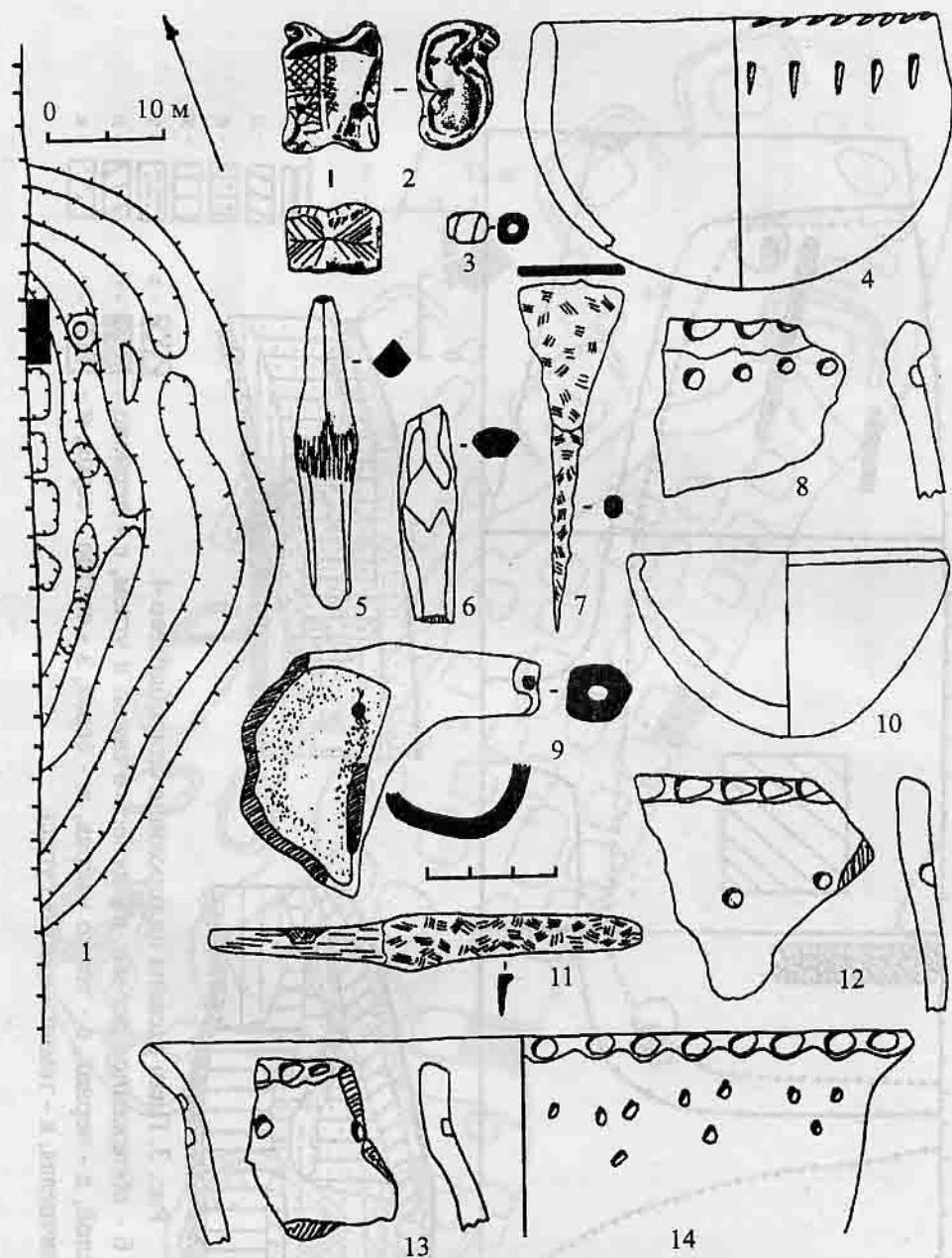

Рис. 2. План городища Старобибеево 4 и инвентарь.
 2, 5, 6, - кость, 3 - стекло, 4, 8 - 10, 12 - 14 - глина, 7,
 11 - железо.

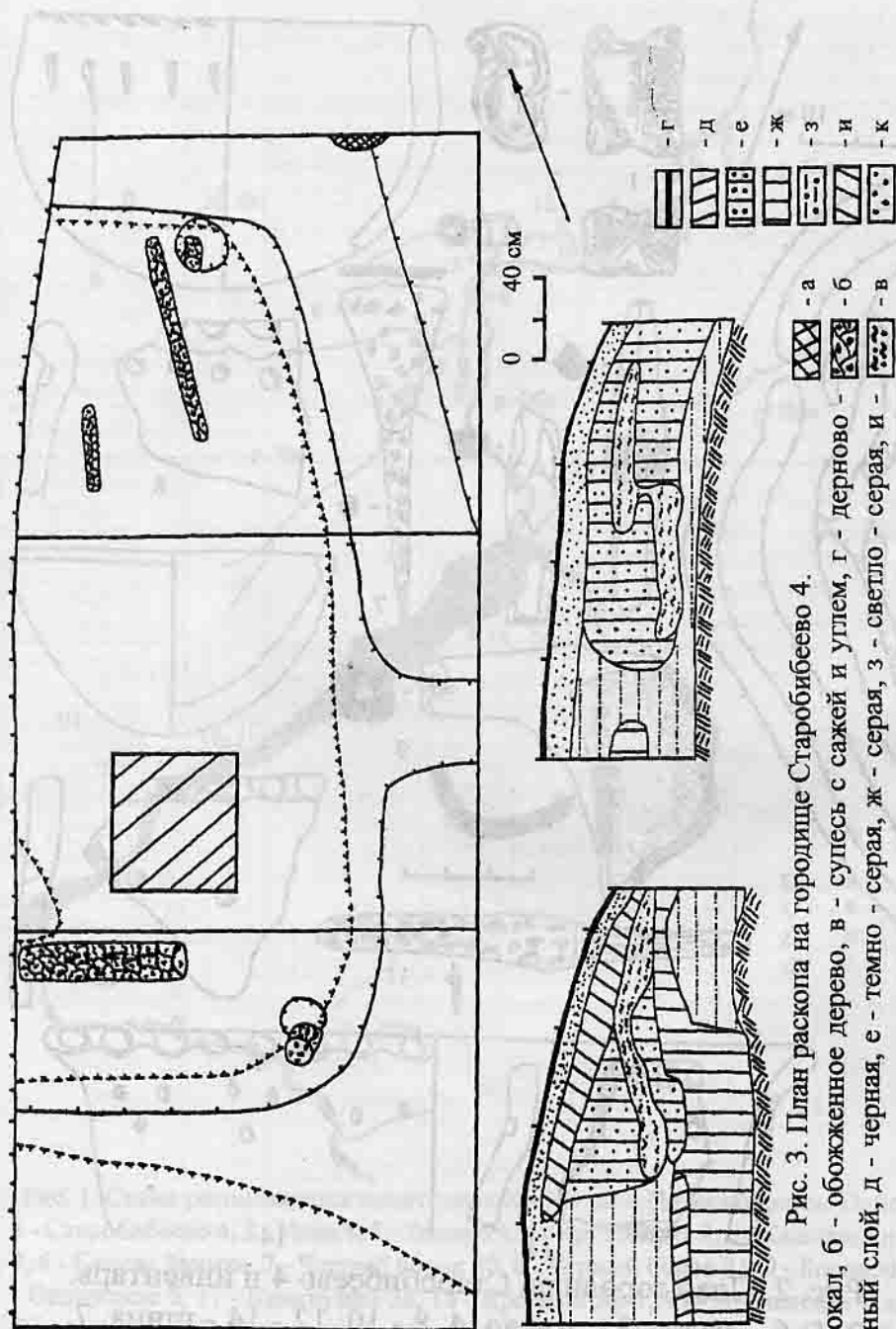

Рис. 3. План раскопа на городище Старобиеево 4.

прокал, б - обожженное дерево, в - супесь с сажой и углем, г - дерново - мусный слой, д - черная, е - темно - серая, ж - серая, з - светло - серая, и - тло - коричневая, к - темно - желтая супесь.

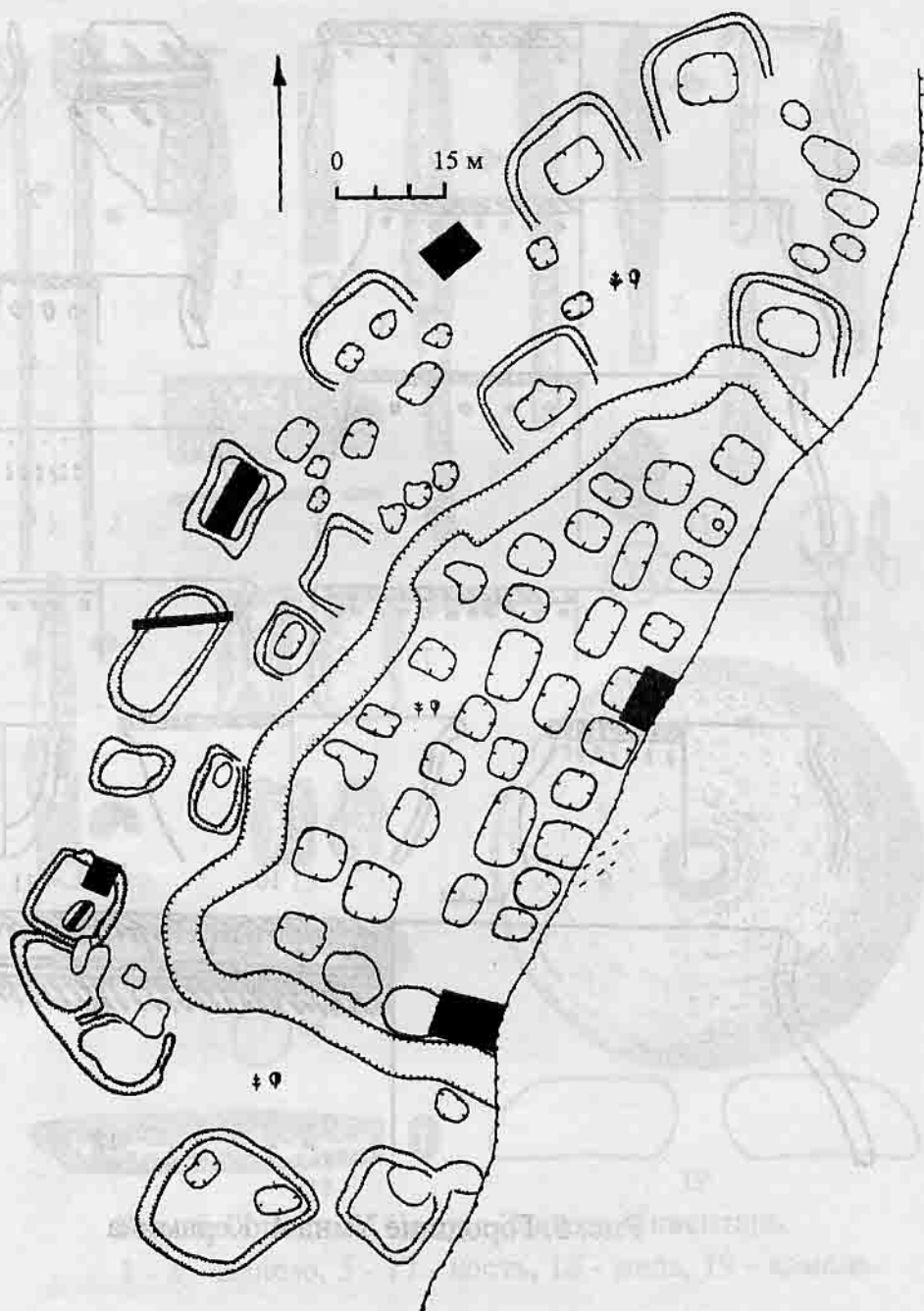

Рис. 4. План городища Умна 4.

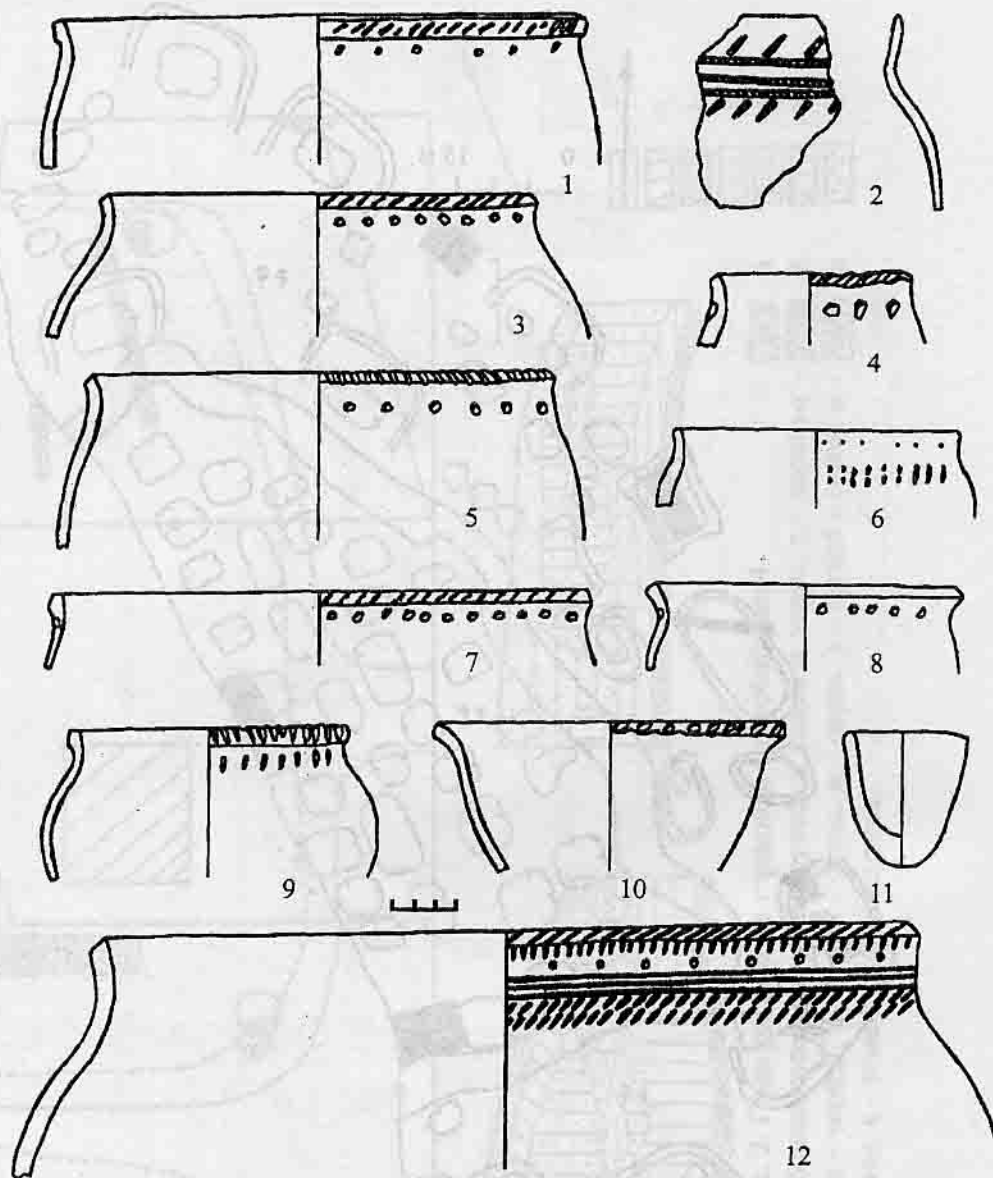

Рис. 5. Городище Умна 4. Керамика

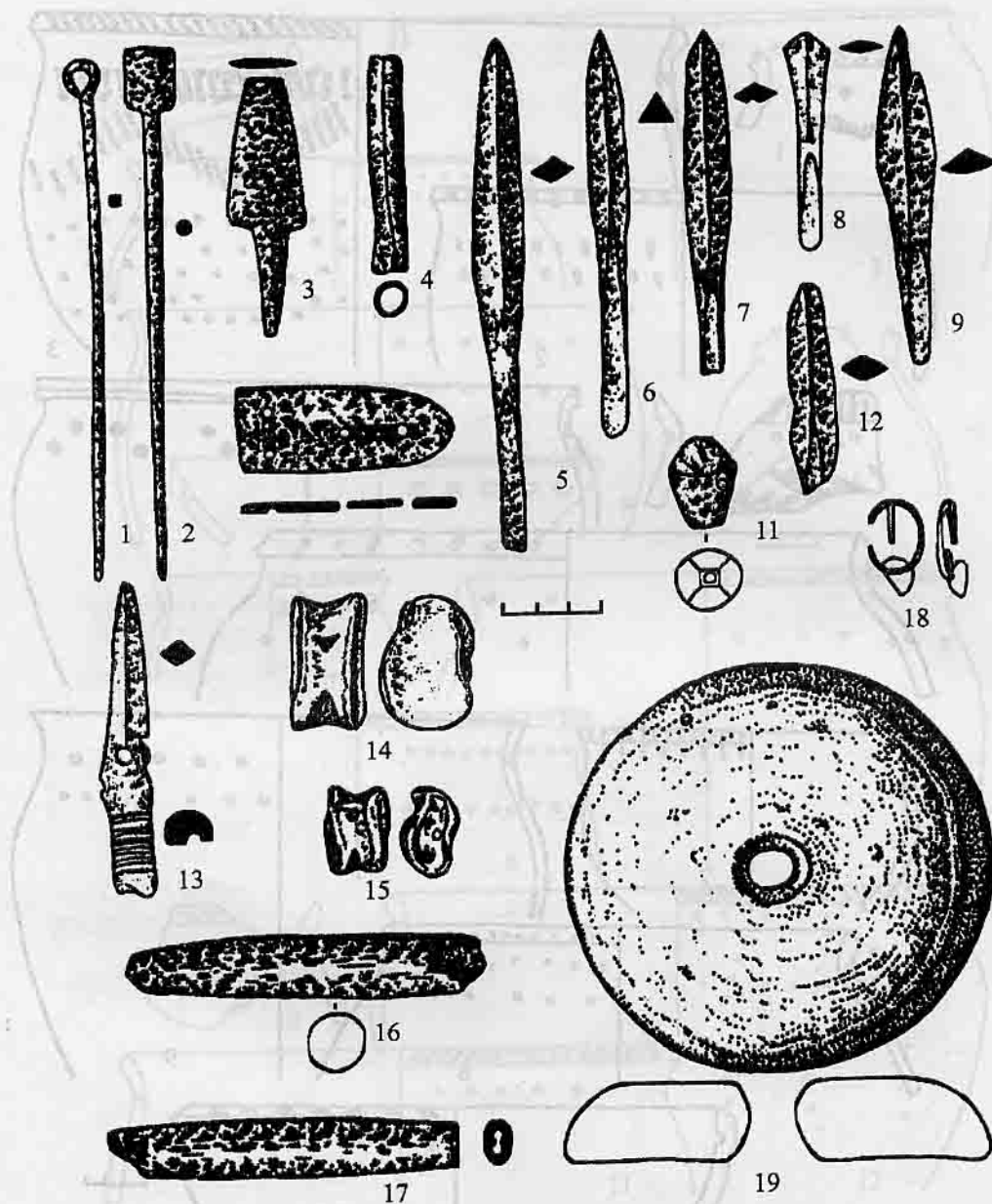

Рис. 6. Городище Седова Заимка. Инвентарь.
 1 - 4 - железо, 5 - 17 - кость, 18 - медь, 19 - камень.

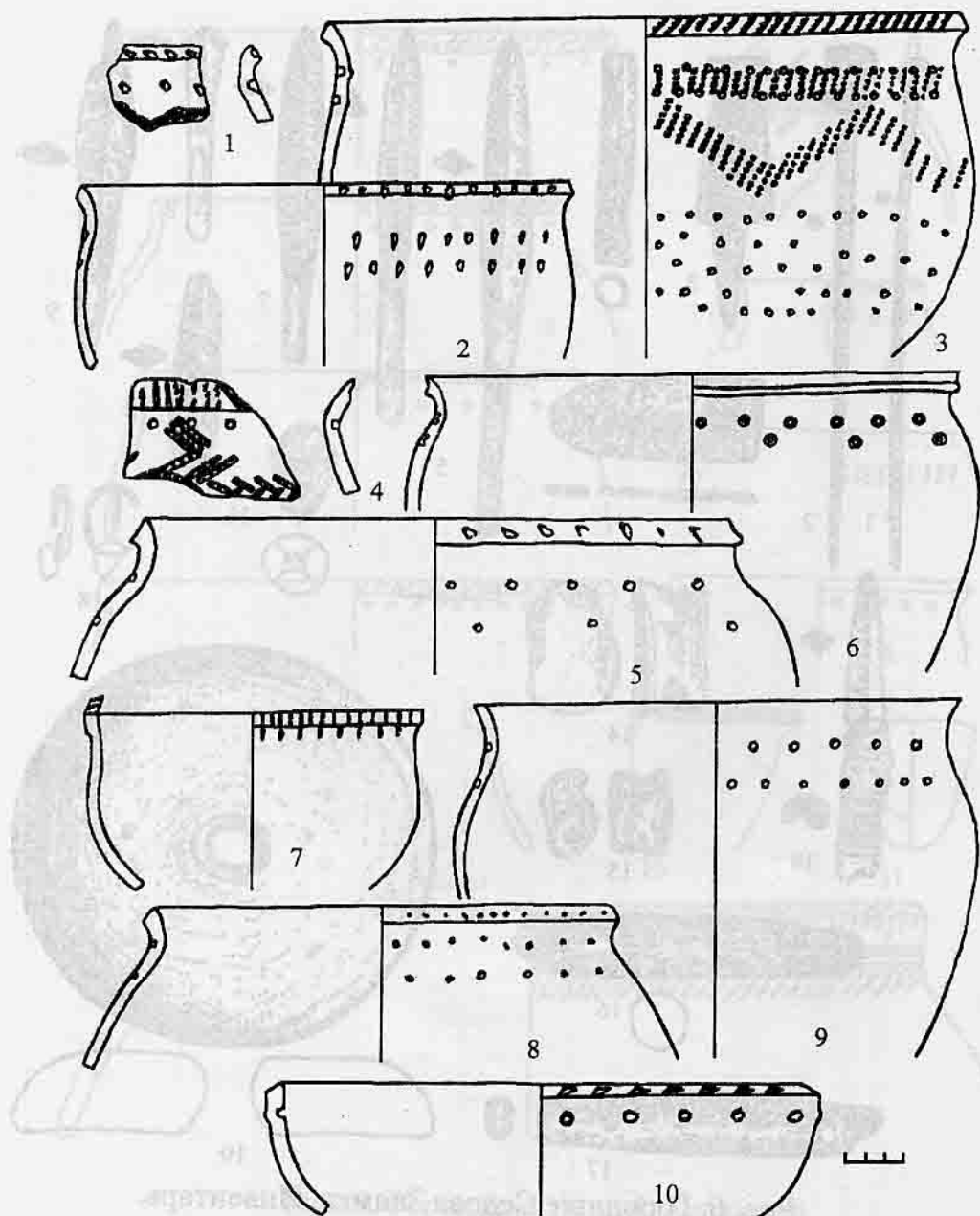

Рис. 7. Городище Седова Заимка. Керамика.

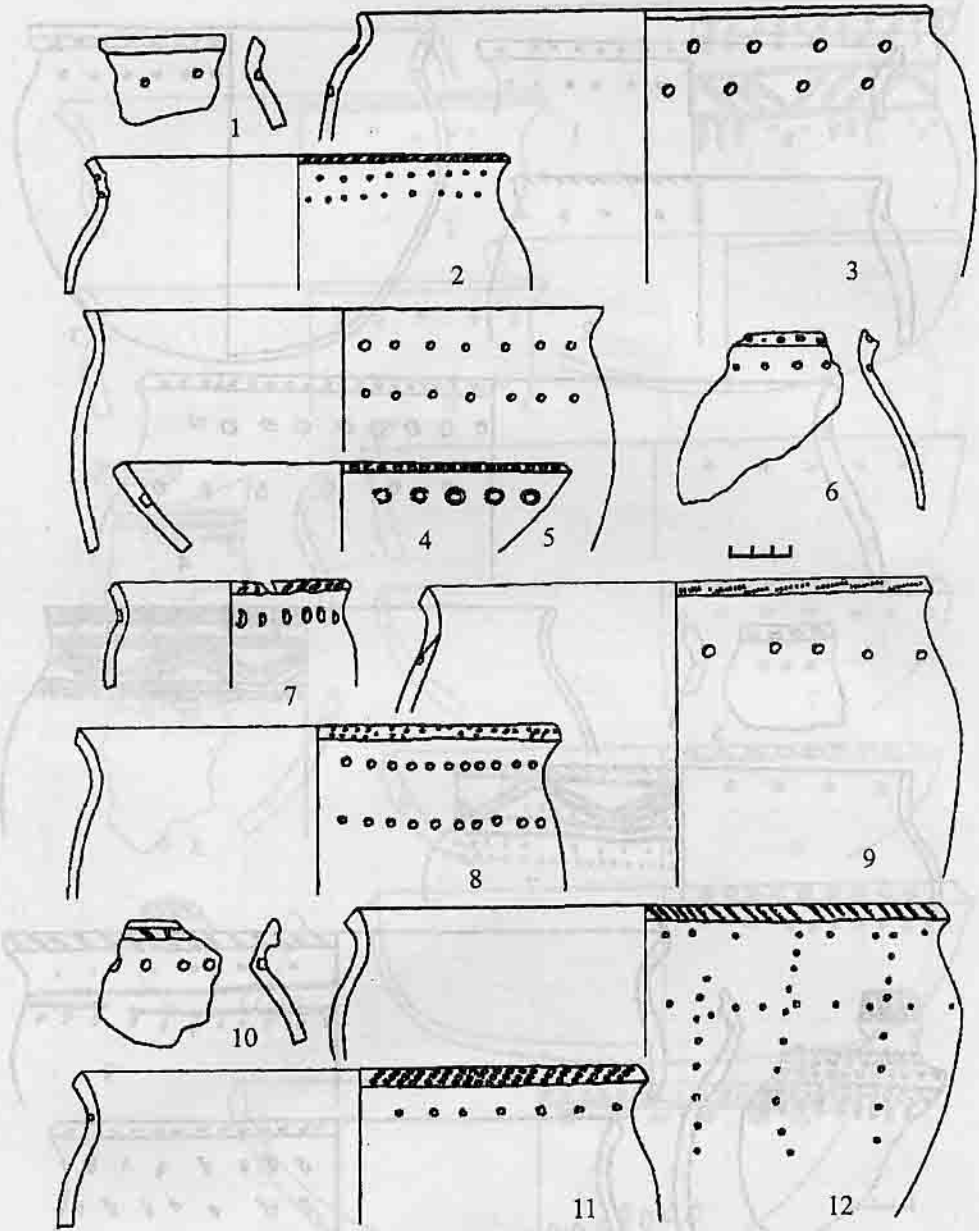

Рис. 8. Городище Седова Заимка. Керамика.

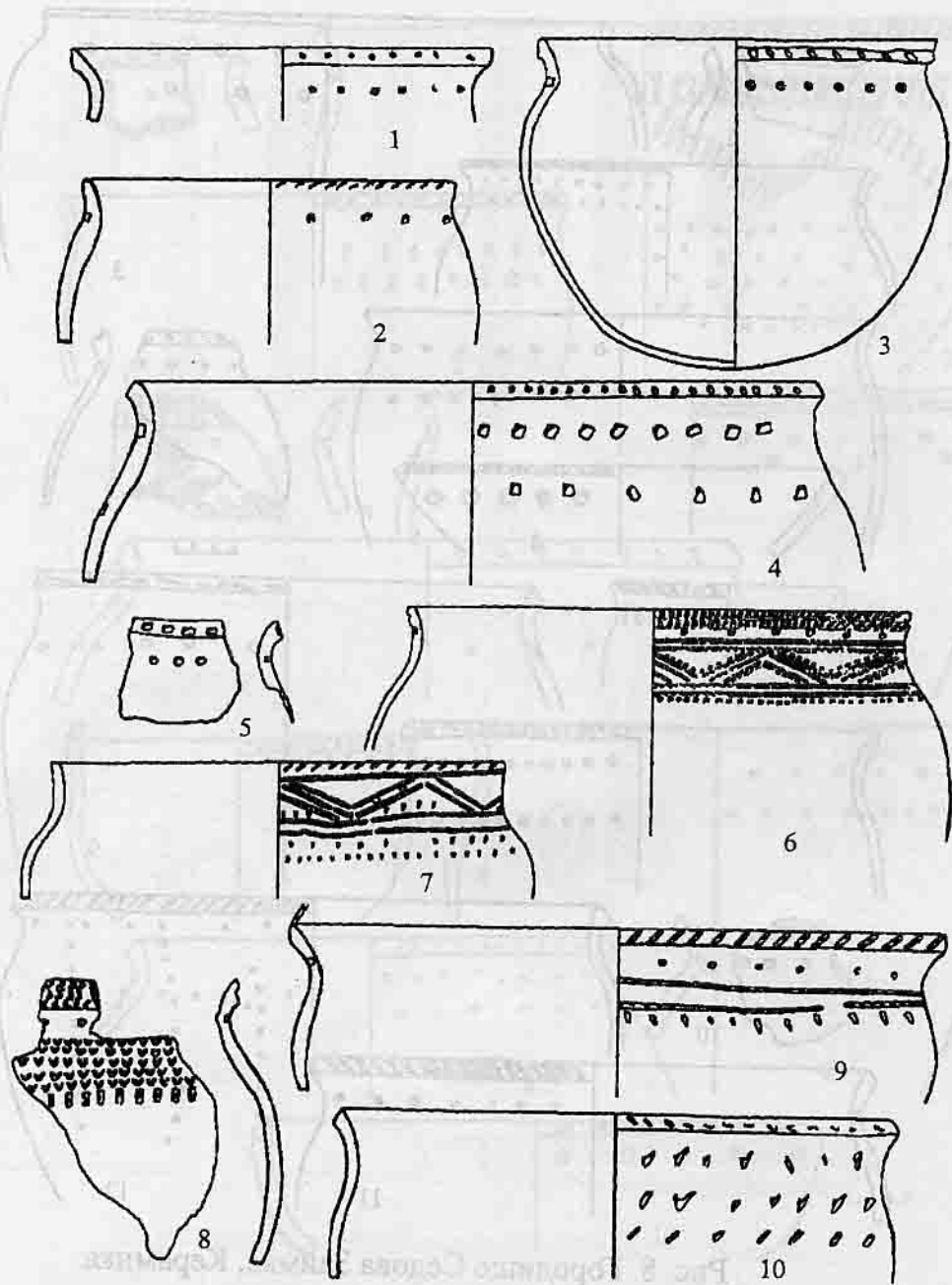

Рис. 9. Городище Седова Заимка. Керамика.

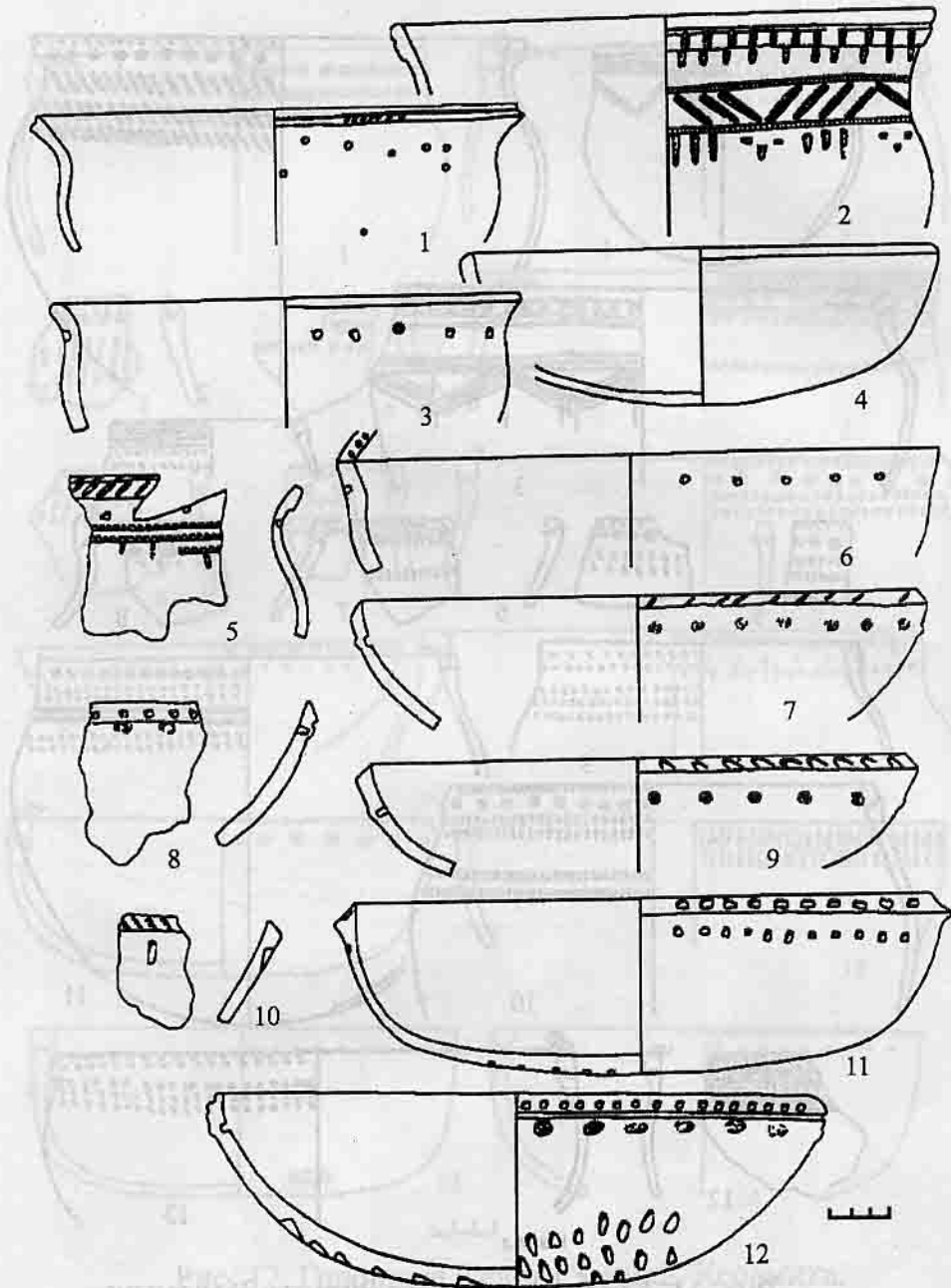

Рис. 10. Городище Седова Заимка. Керамика.

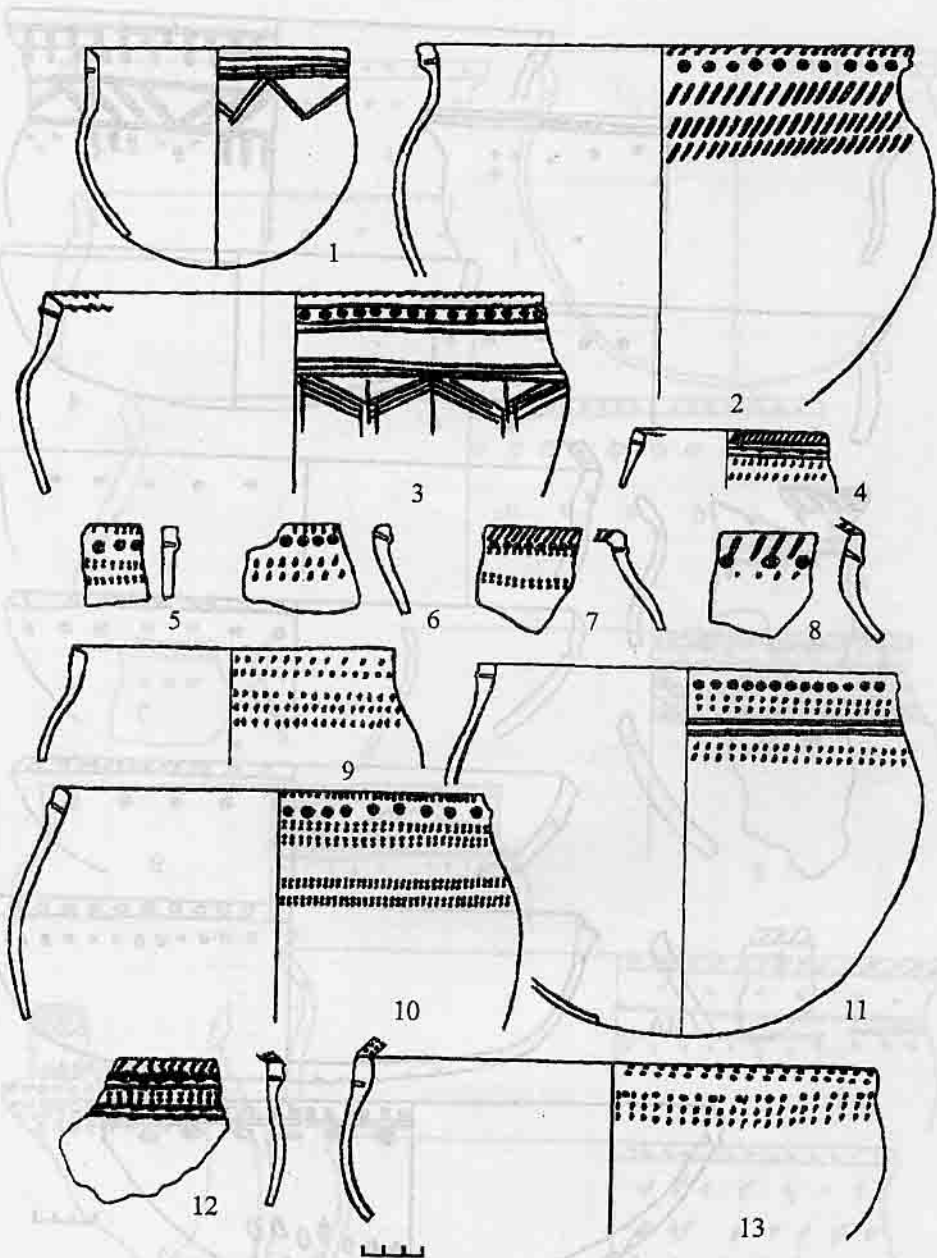

Рис. 11. Городище Седова Заимка. Керамика.

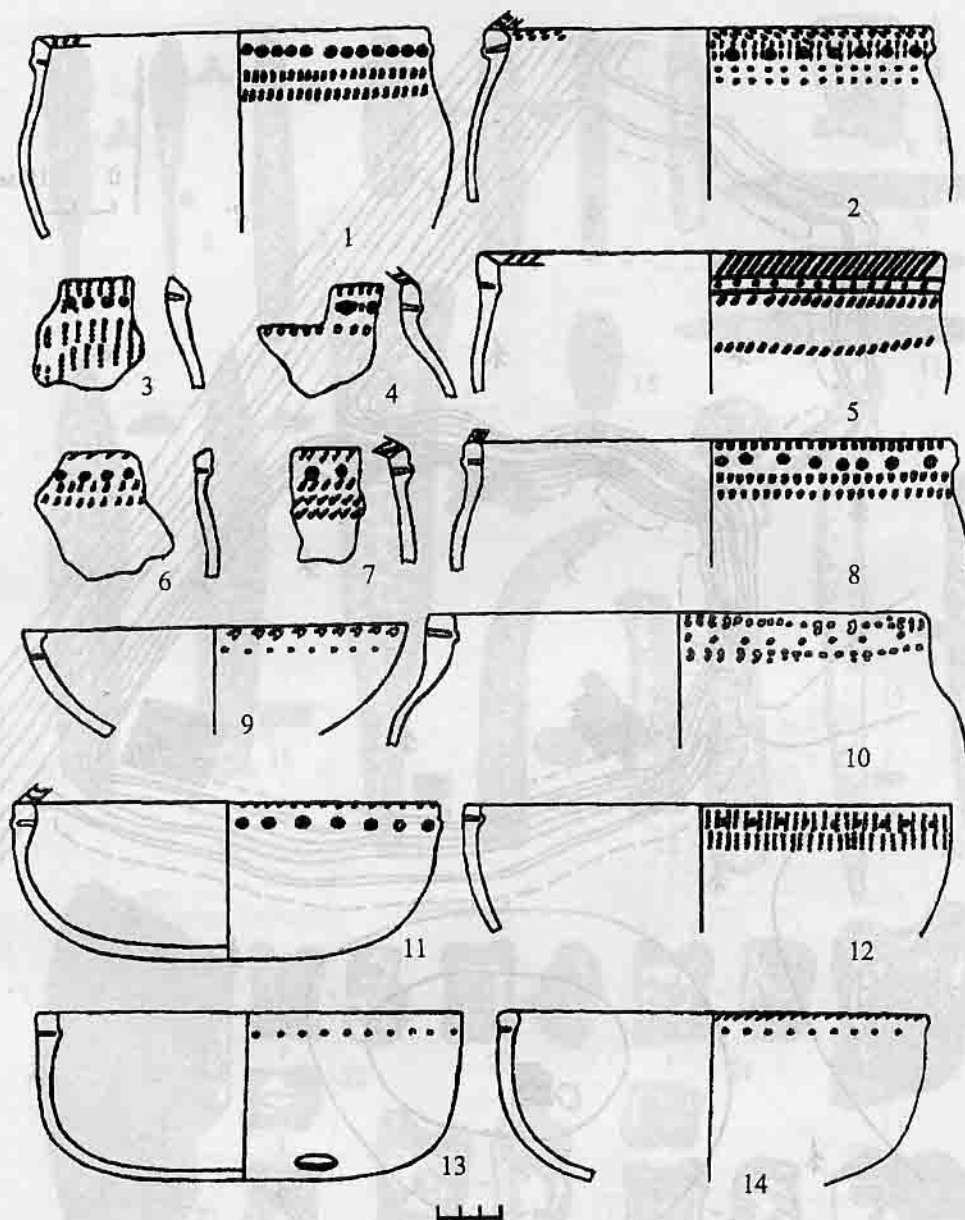

Рис. 12. Городище Седова Займка. Керамика.

1, 2, 8 - 11 - жбанко, 3 - 7, 12 - 20, 22 - 27 - чаша, 21 - чашка.

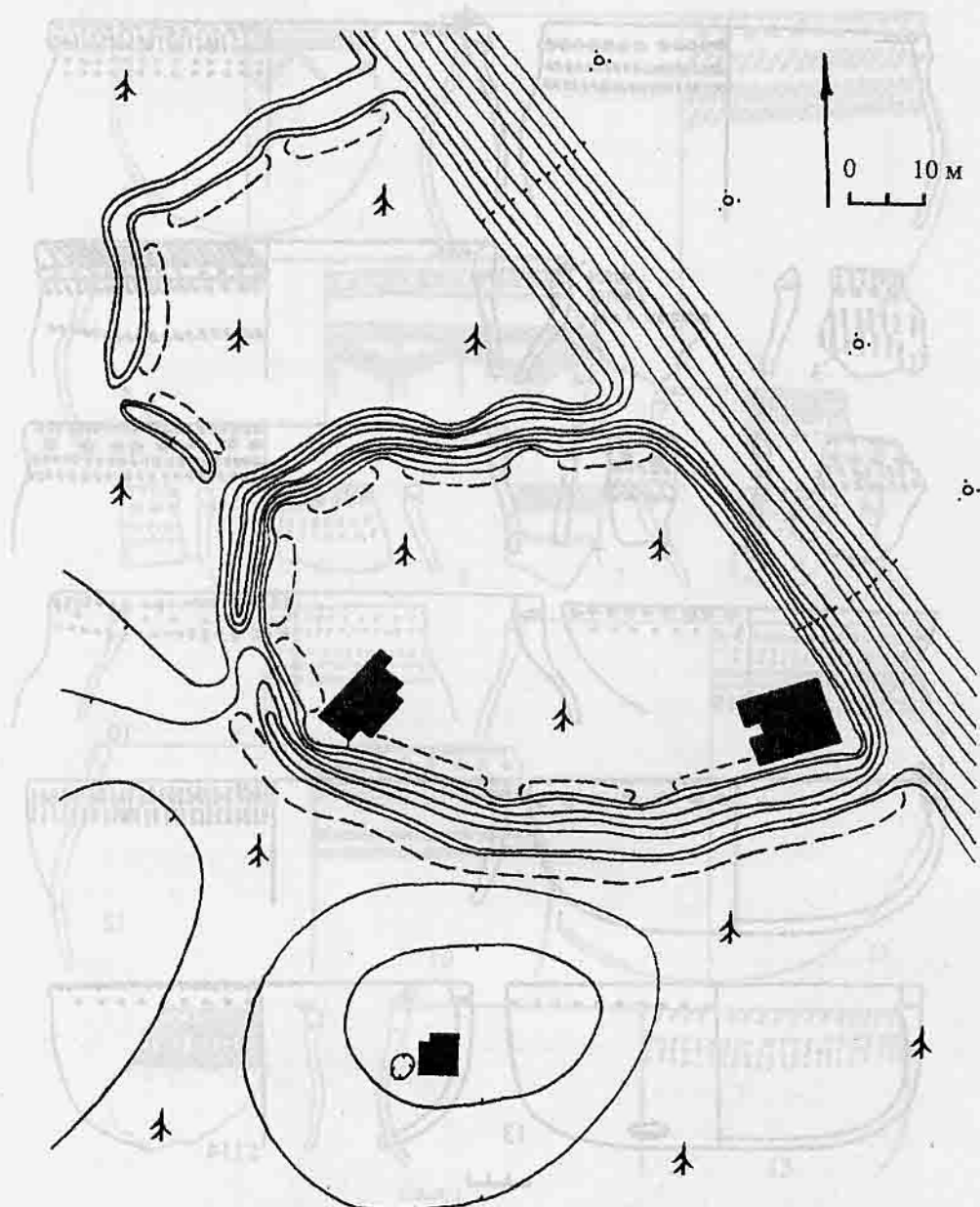

Рис. 13. План городища Черный борок 20 и поселения Черный борок 21.

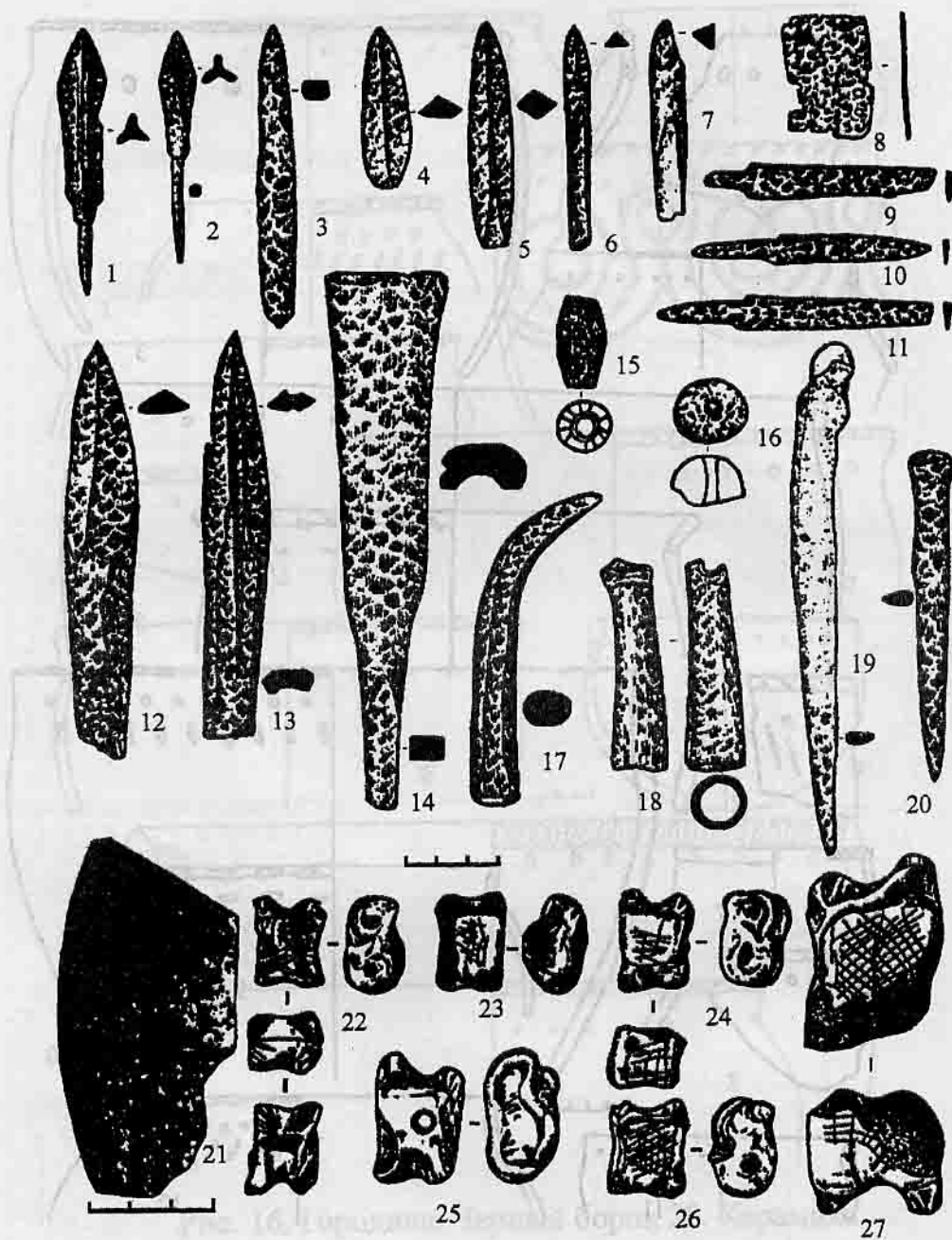

Рис. 14. Городище Черный борок 20. Инвентарь.
 1, 2, 8 - 11 - железо, 3 - 7, 12 - 20, 22 - 27 - кость, 21 - камень.

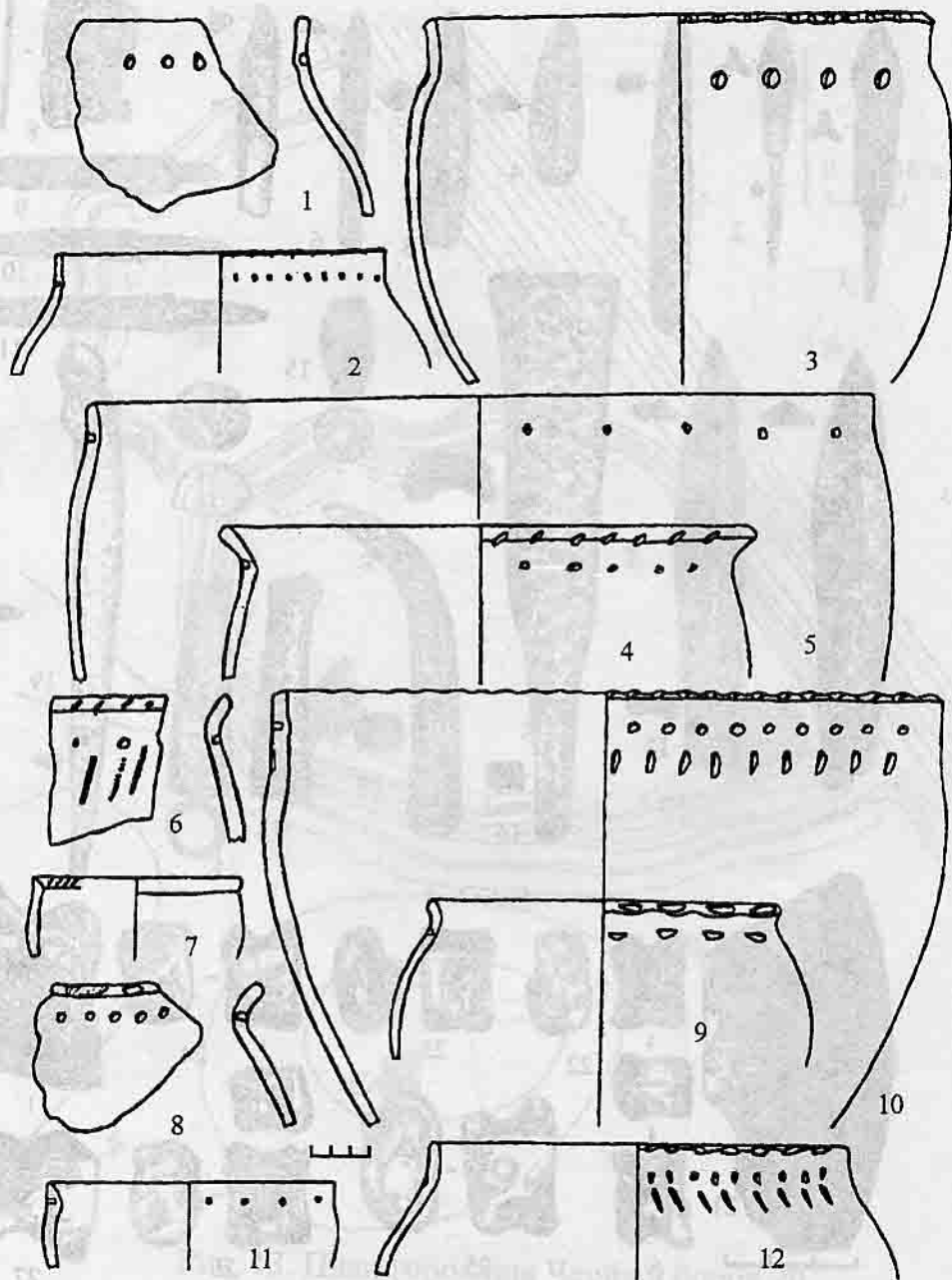

Рис. 15. Городище Черный борок 20. Керамика.

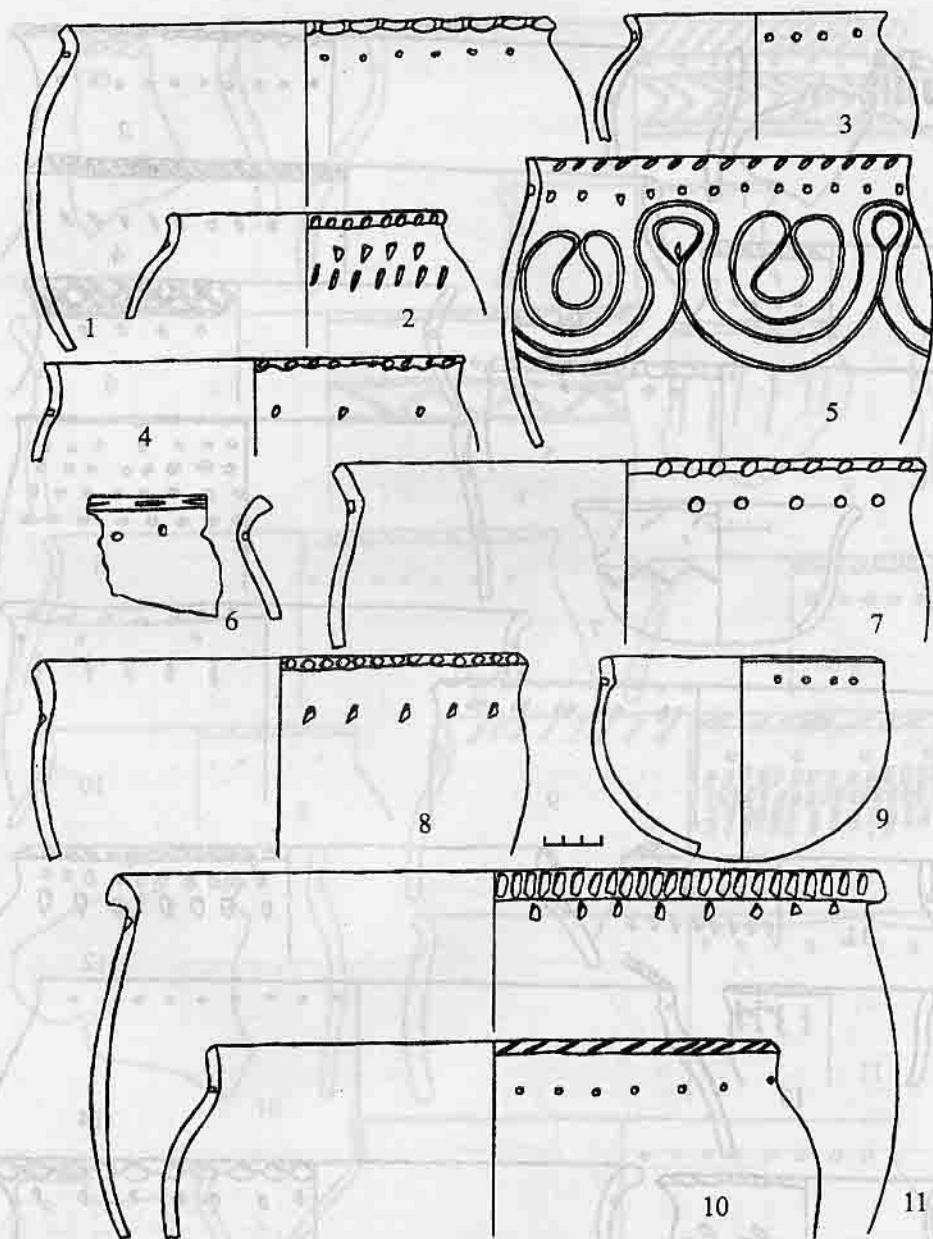

Рис. 16. Городище Черный борок 20. Керамика.

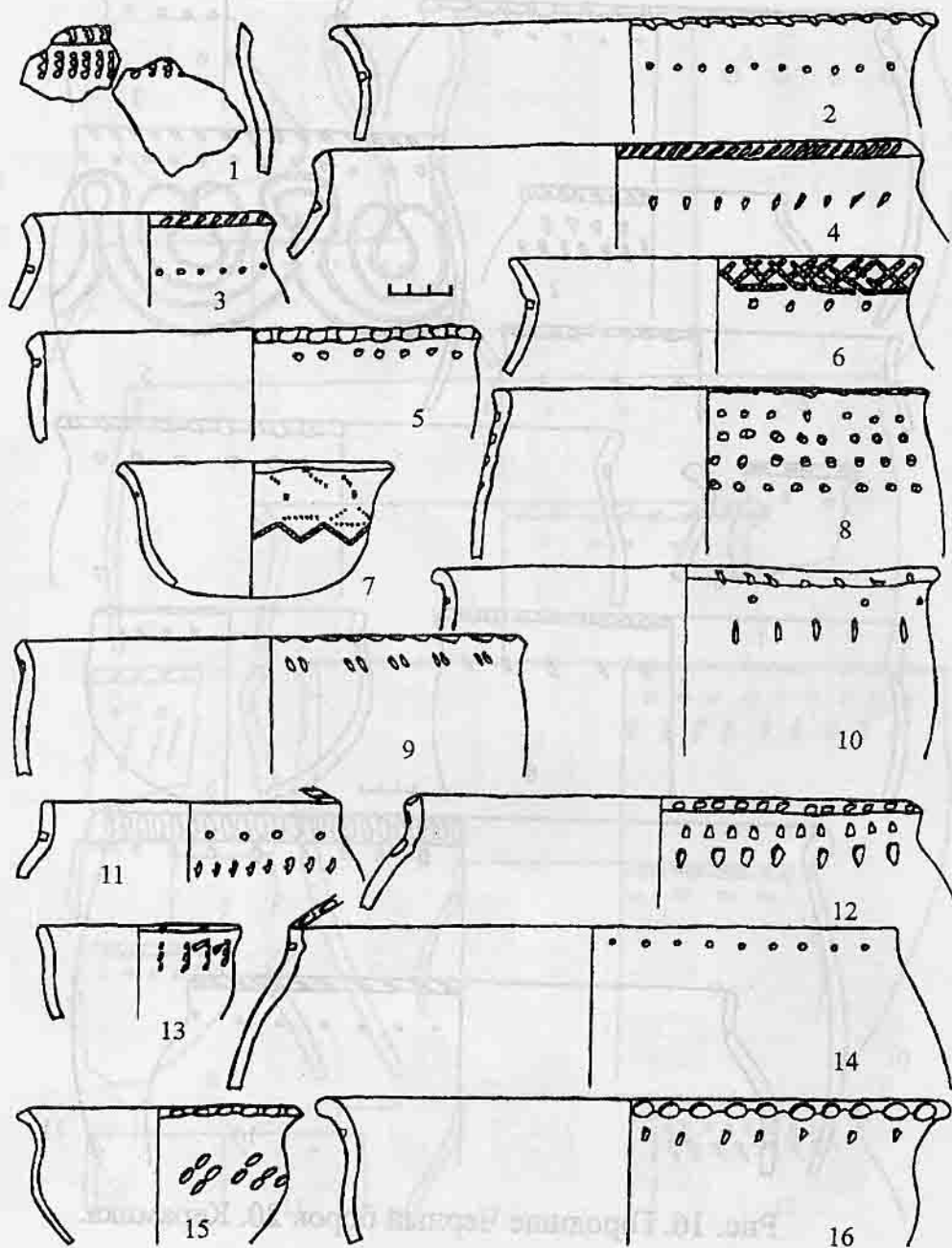

Рис. 17. Городище Черный борок 20. Керамика.

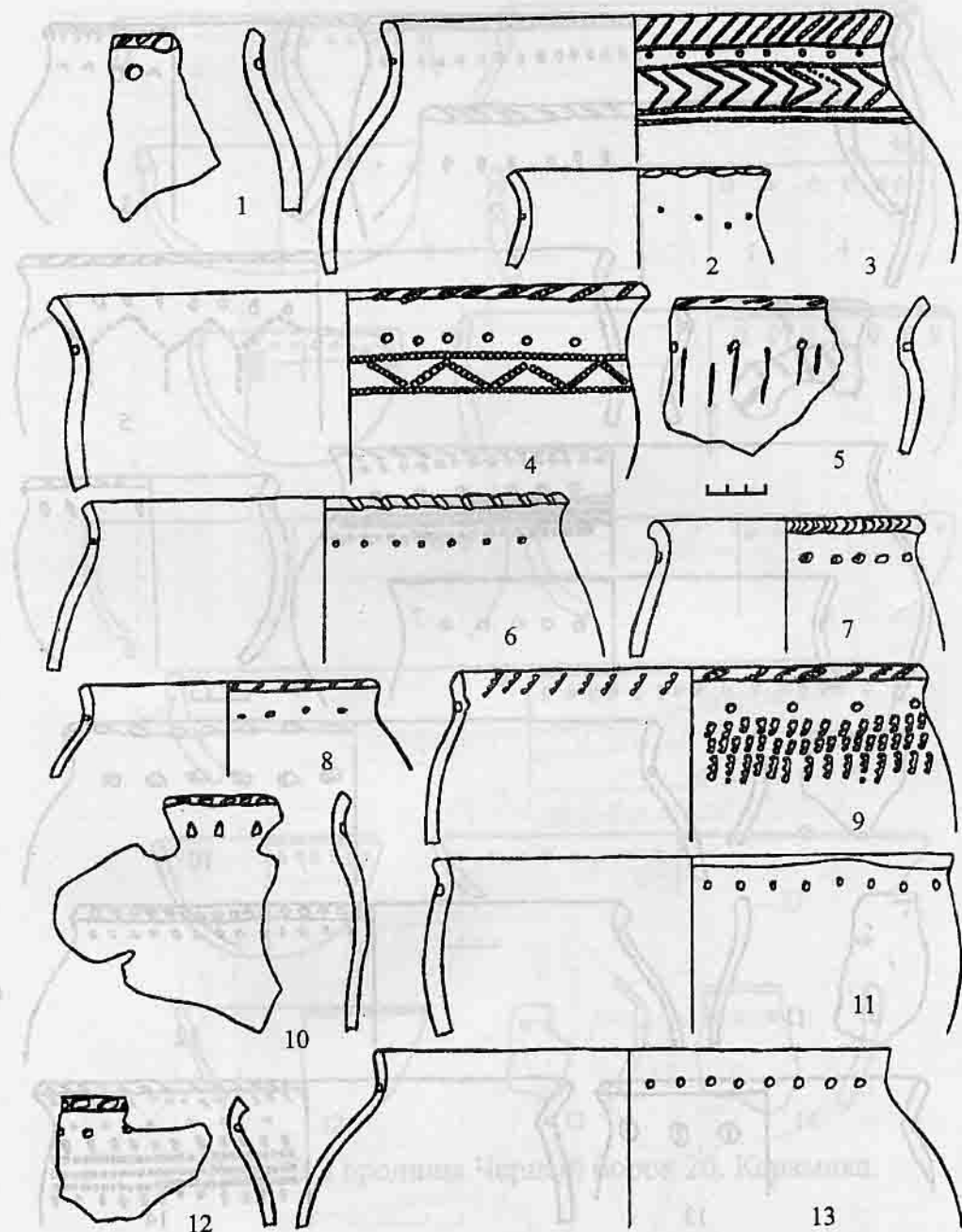

Рис. 18. Городище Черный борок 20. Керамика.

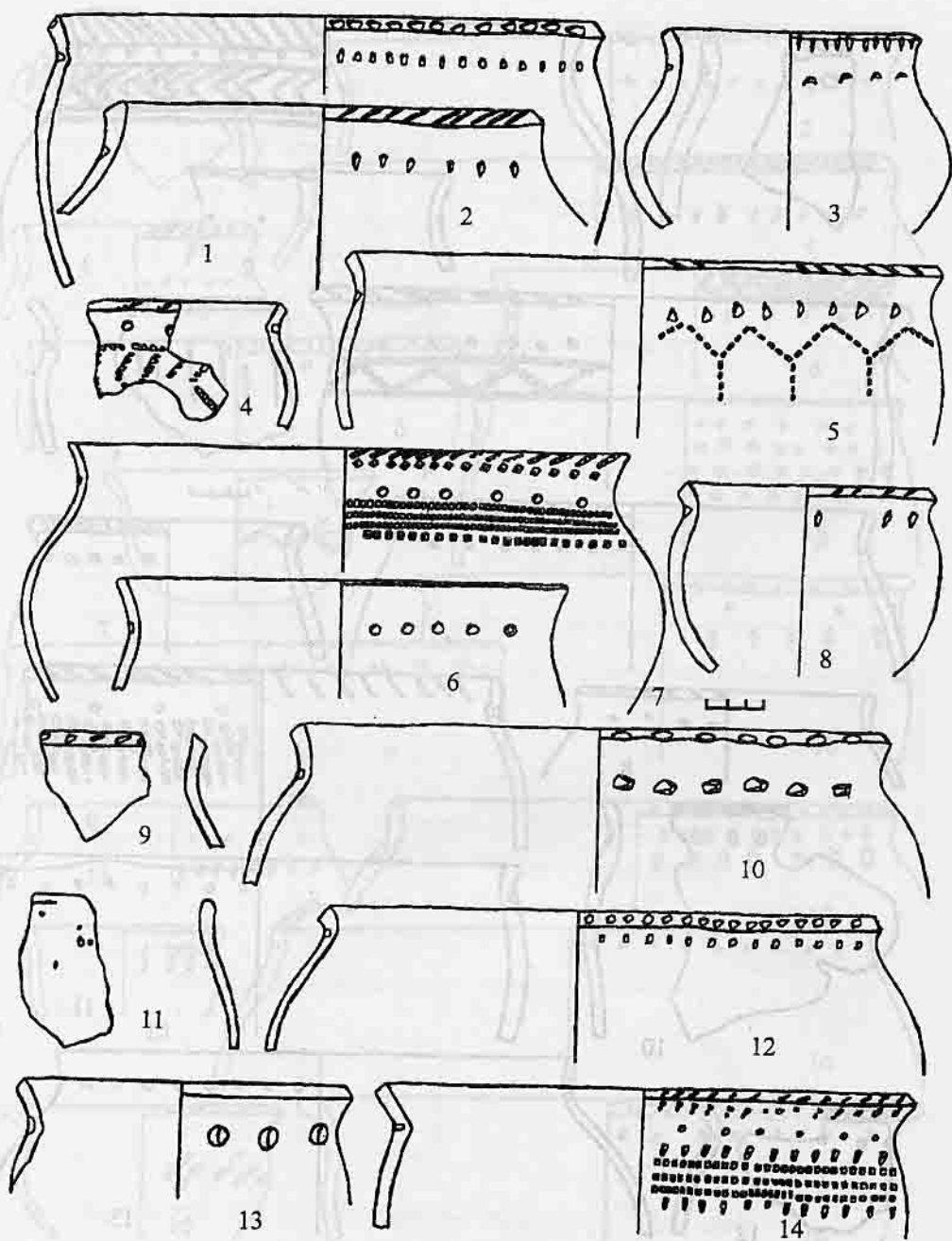

Рис. 19. Городище Черный борок 20. Керамика.

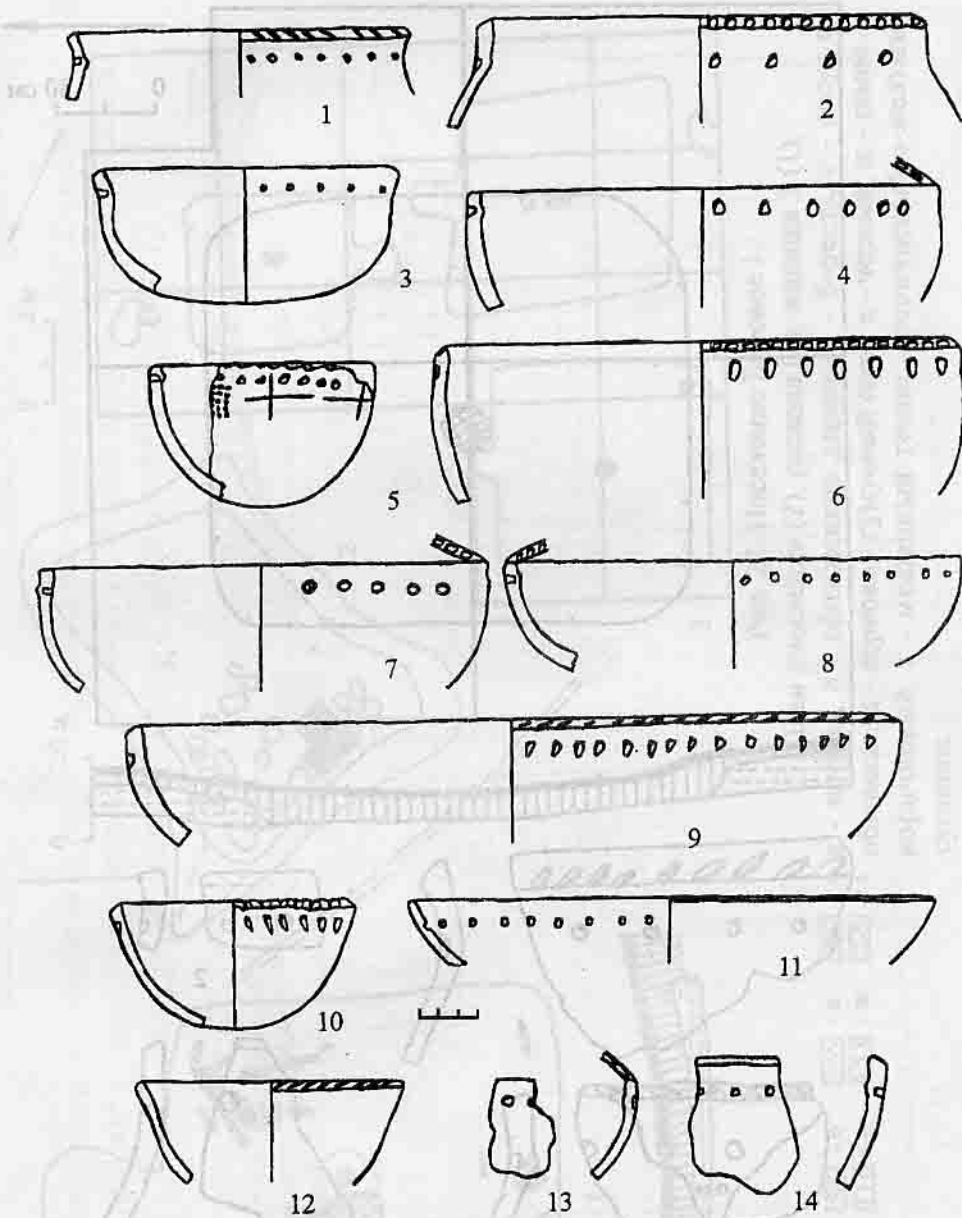
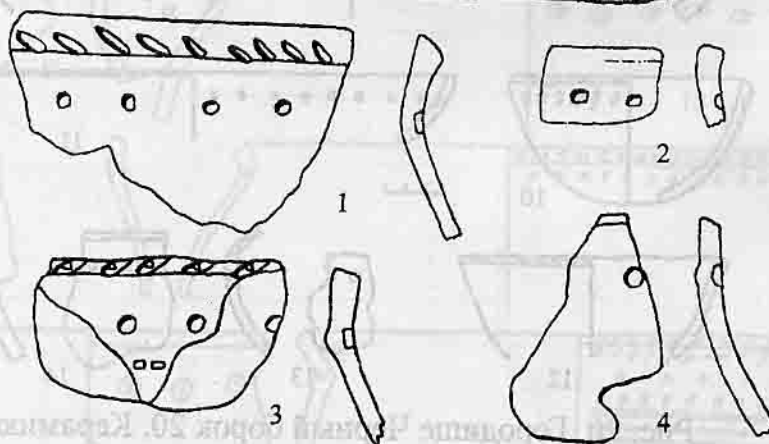
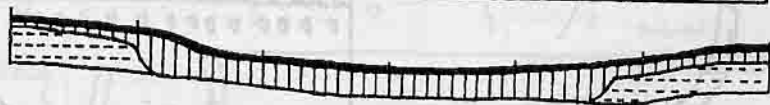
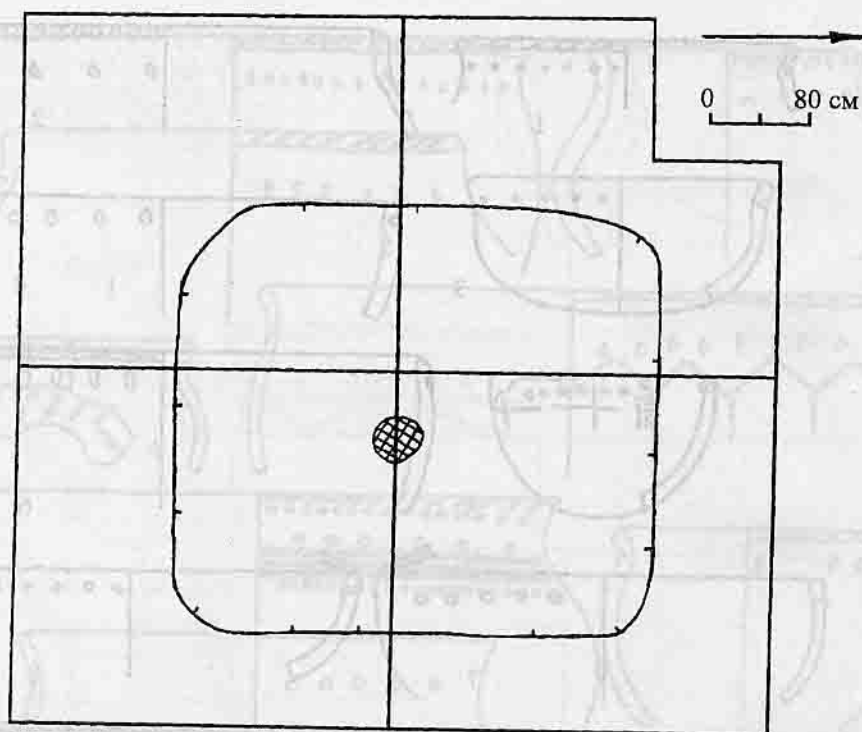

Рис. 20. Городище Черный борок 20. Керамика.

- а
 - б
 - в

Рис. 21. Поселение Черный борок 21. План раскопа и керамика.
 а - дерново-гумусный слой, б - светло - серая, в - светло - коричневая супесь.

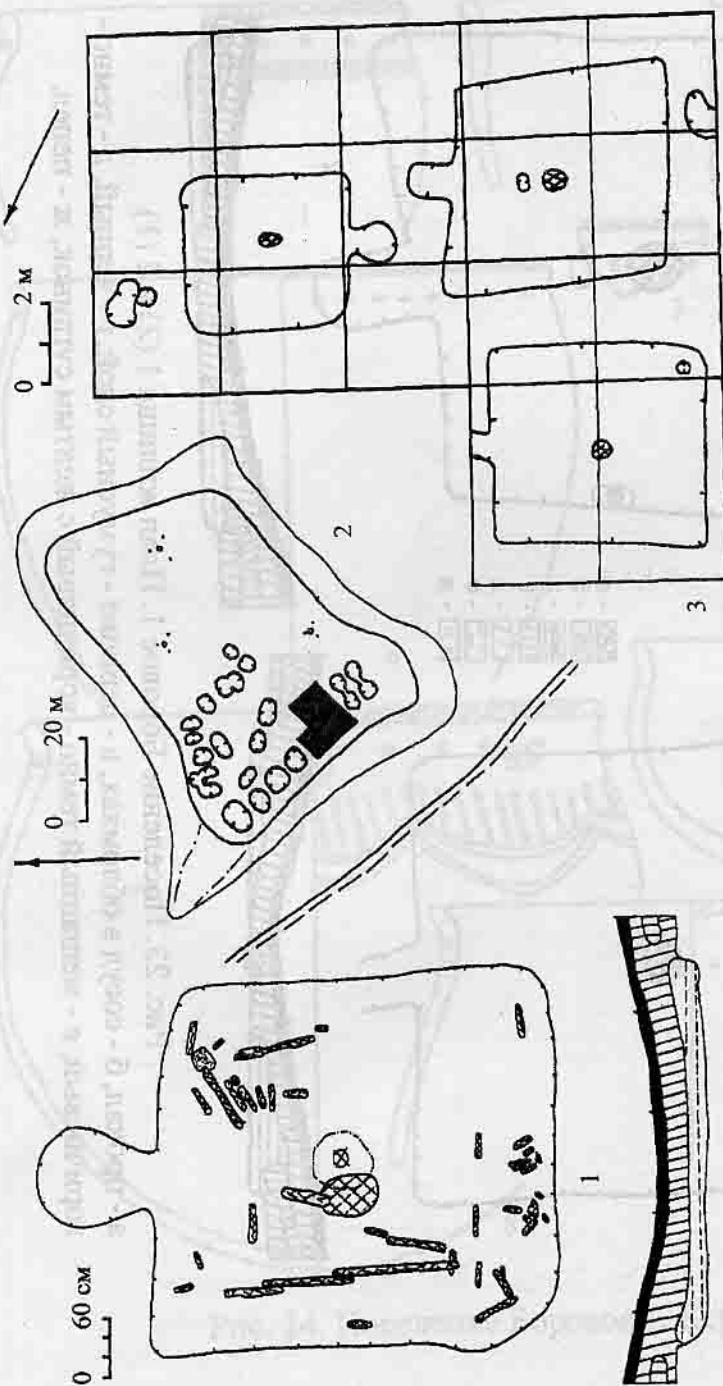

Рис. 22. Поселение Боровое 1.

План поселения (2), раскопа (3), жилища 3 (1).

- а - прокол, б - обожженное дерево, в - береста, г - сосуд в
 - д - дерново - гумусный слой, е - черный, ж - темно -
 коричневый, з - мешанный темно - коричневый с желтым
 суглинок.

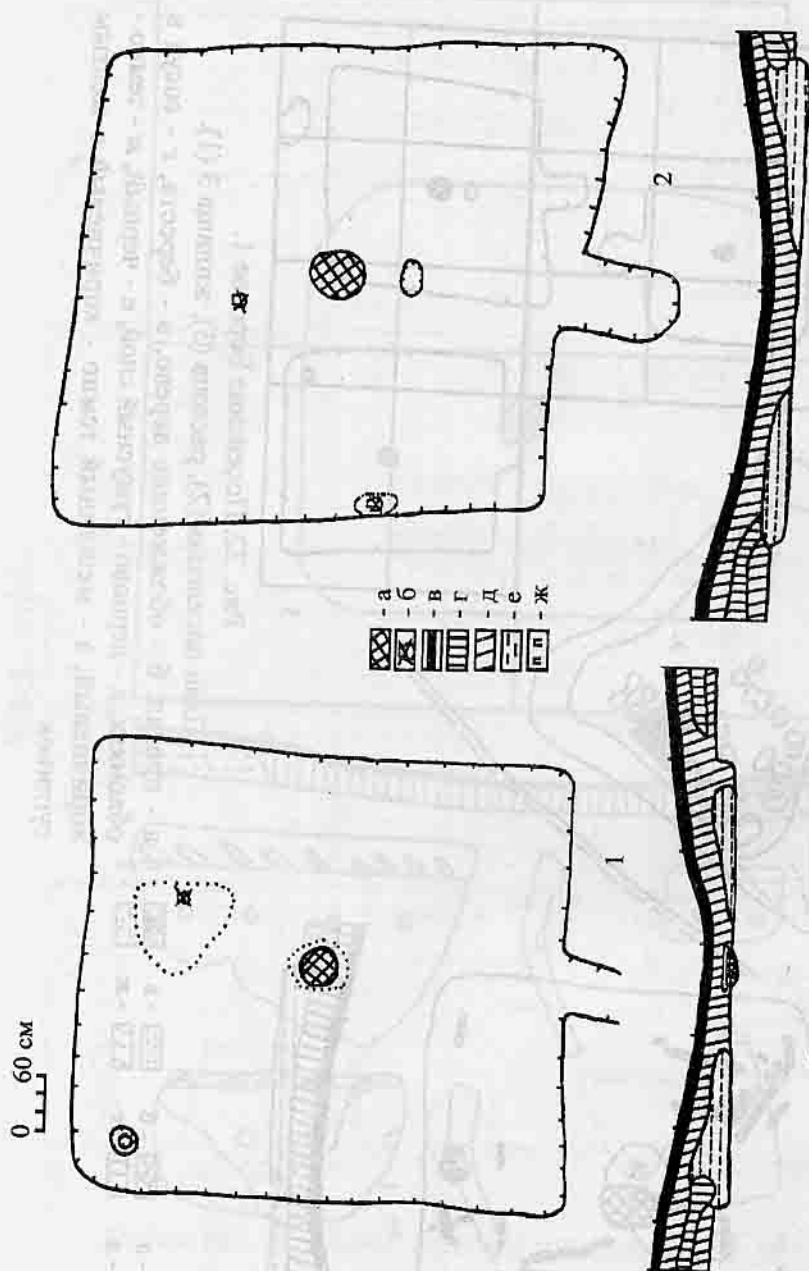

Рис. 23. Поселение Боровое 1. План жилища 1 (2) и 2 (1).
 а - прокол, б - сосуд в обломках, в - дерново - гумусный слой, г - черный, д - темно -
 коричневый, е - мешанный темно - коричневый с желтым суглинок, ж - пелел.

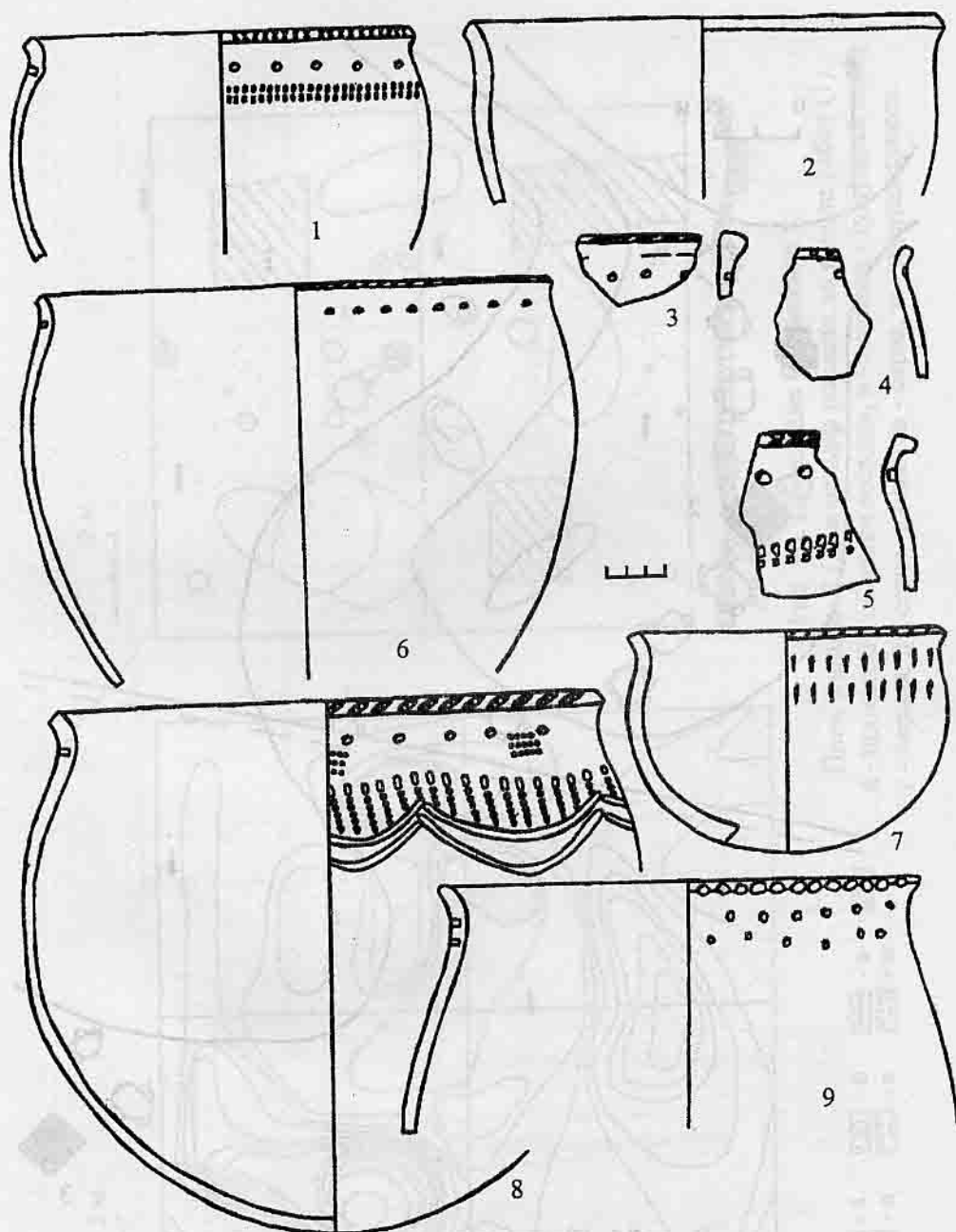

Рис. 24. Поселение Боровое 1. Керамика.

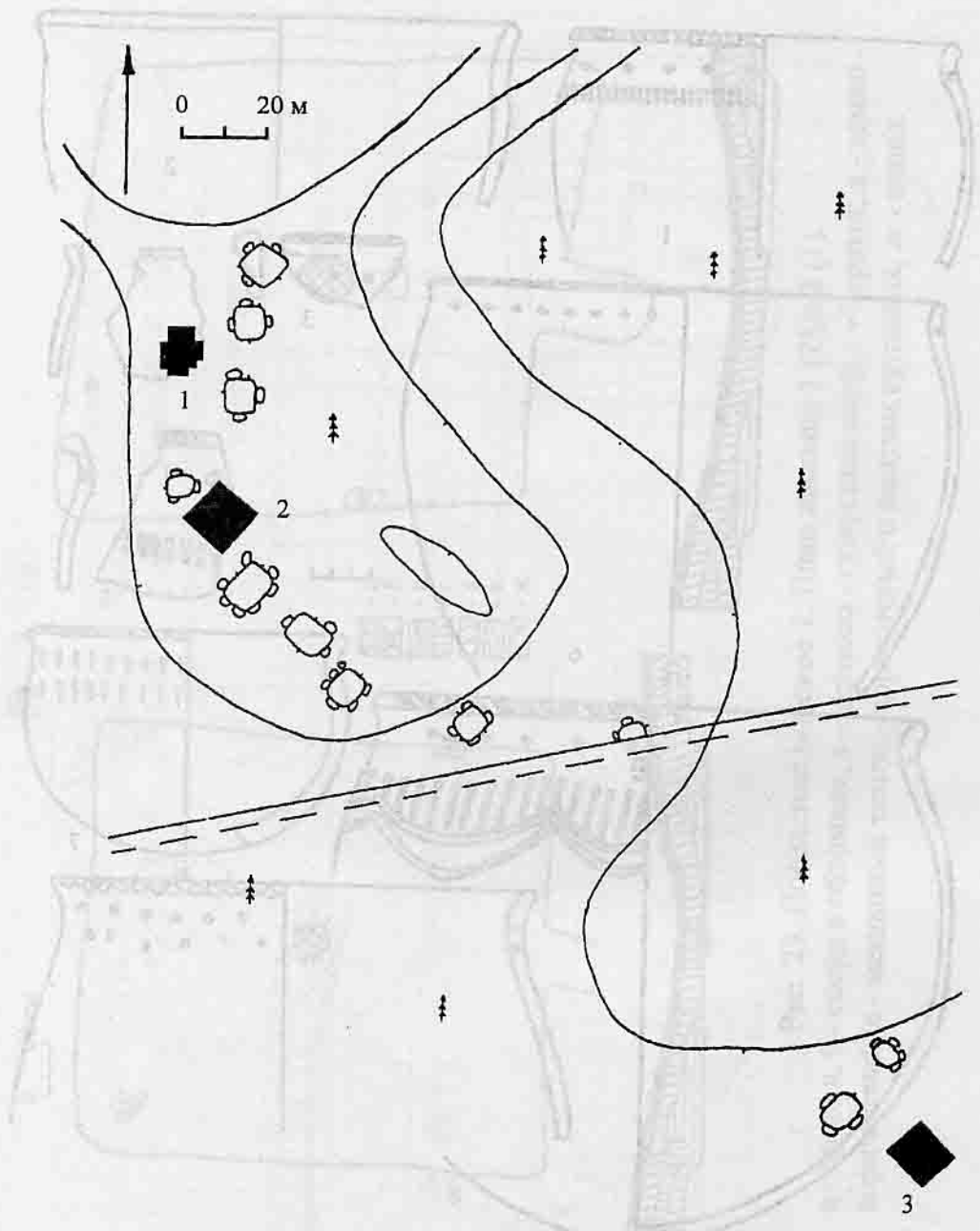
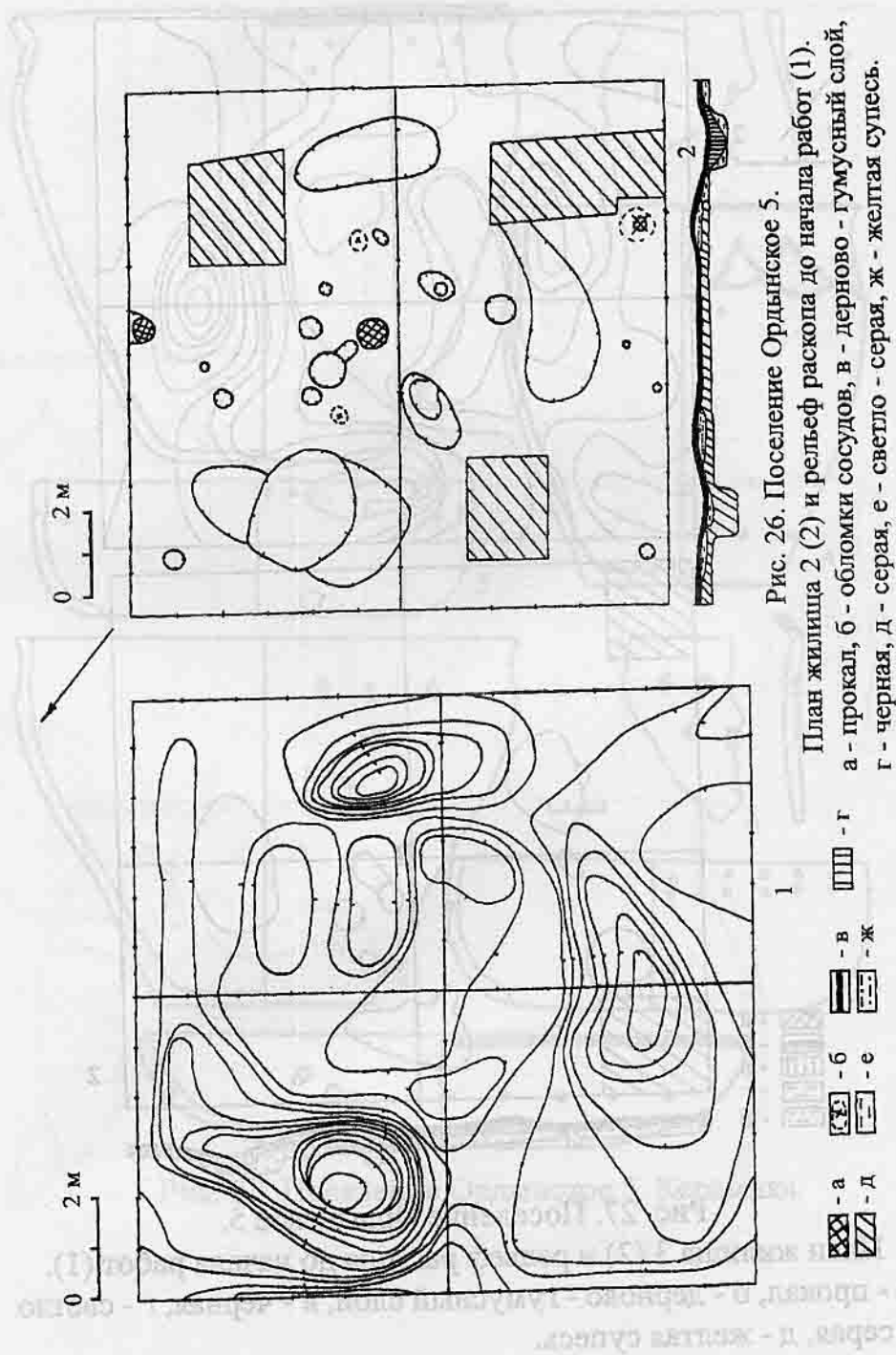

Рис. 25. План поселения Ордынское 5.

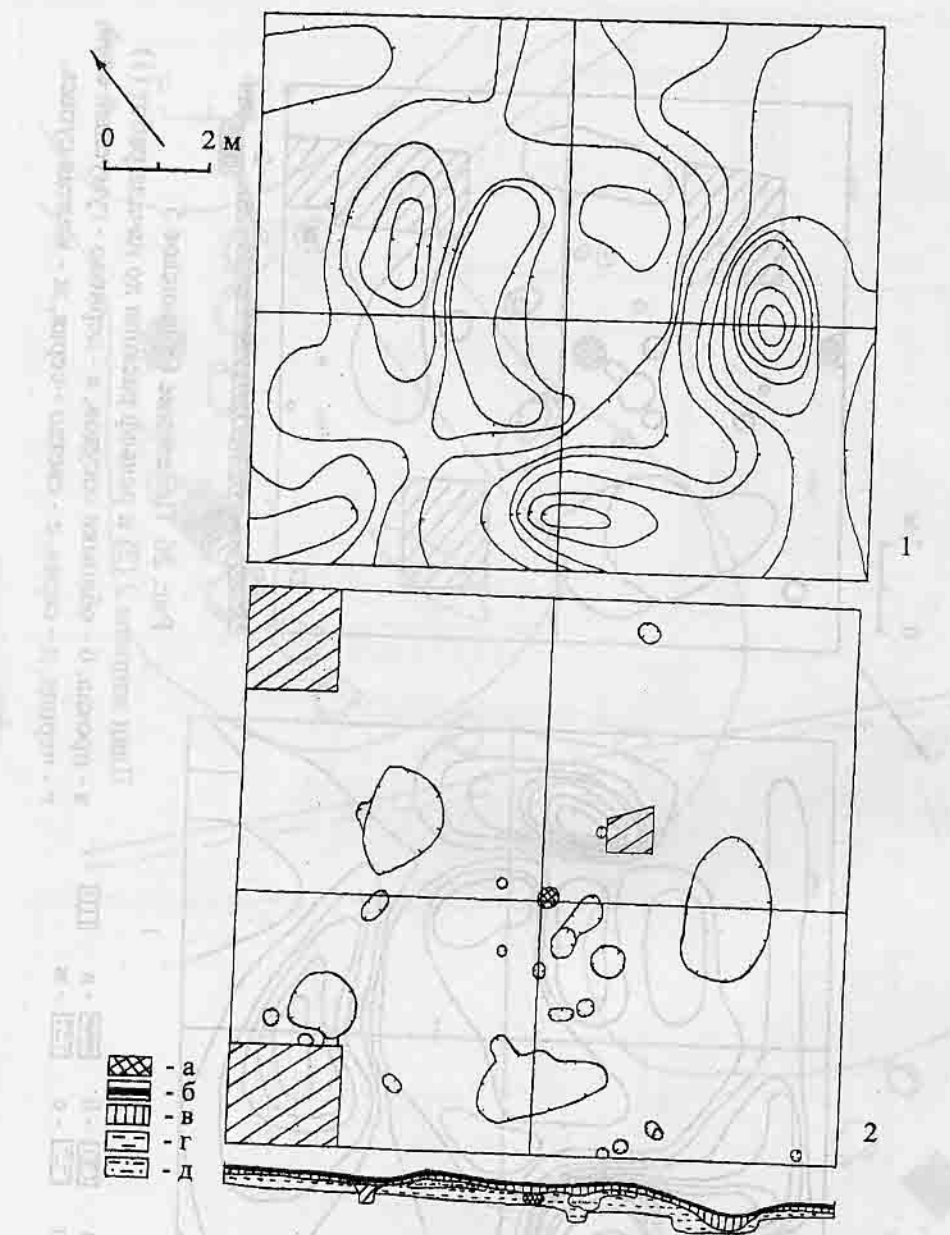

Рис. 27. Поселение Ордынское 5.

План жилища 3 (2) и рельеф раскопа до начала работ (1).
 а - прокол, б - дерново - гумусный слой, в - черная, г - светло
 - серая, д - желтая супесь.

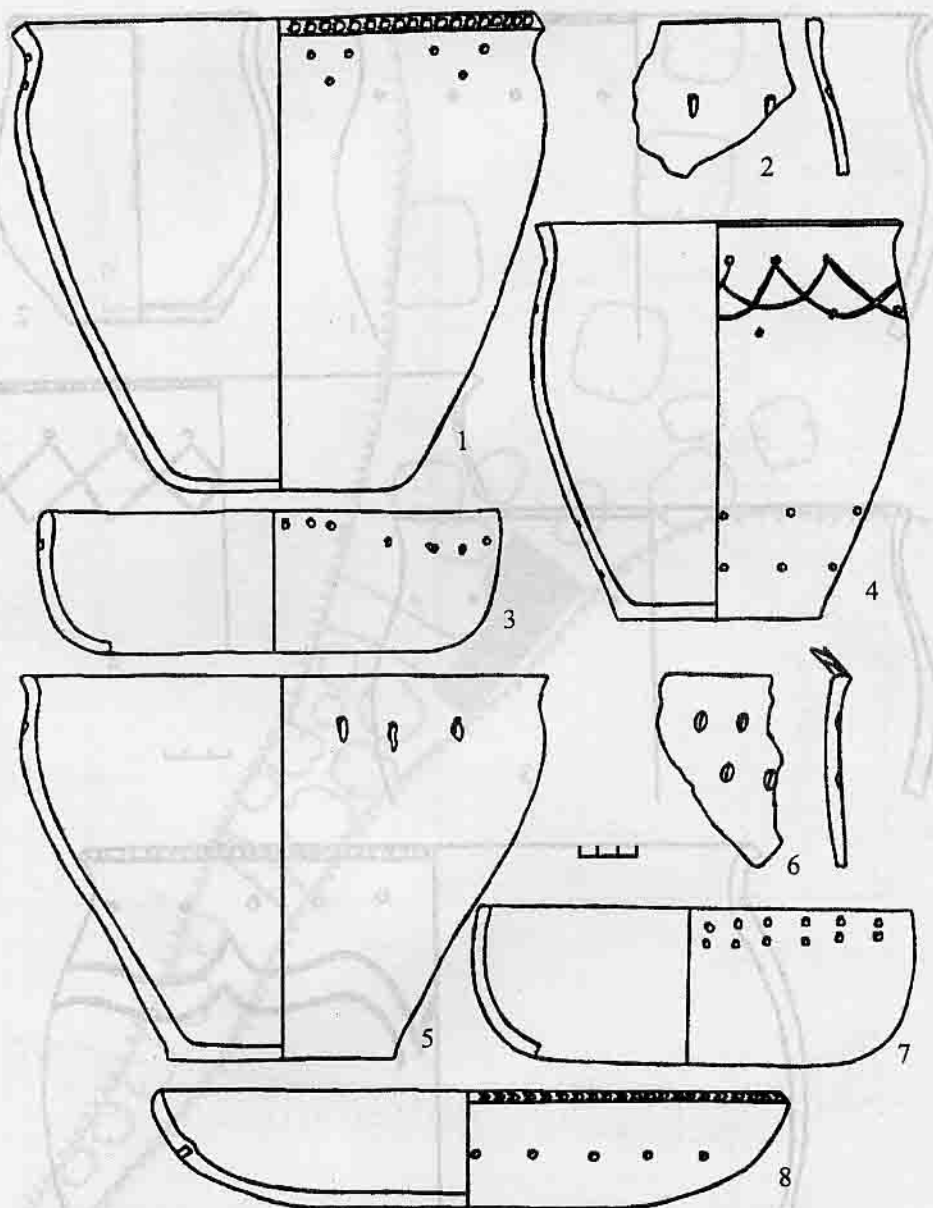

Рис. 28. Поселение Ордынское 5. Керамика.

Рис. 28. Поселение Ордынское 5. Керамика.

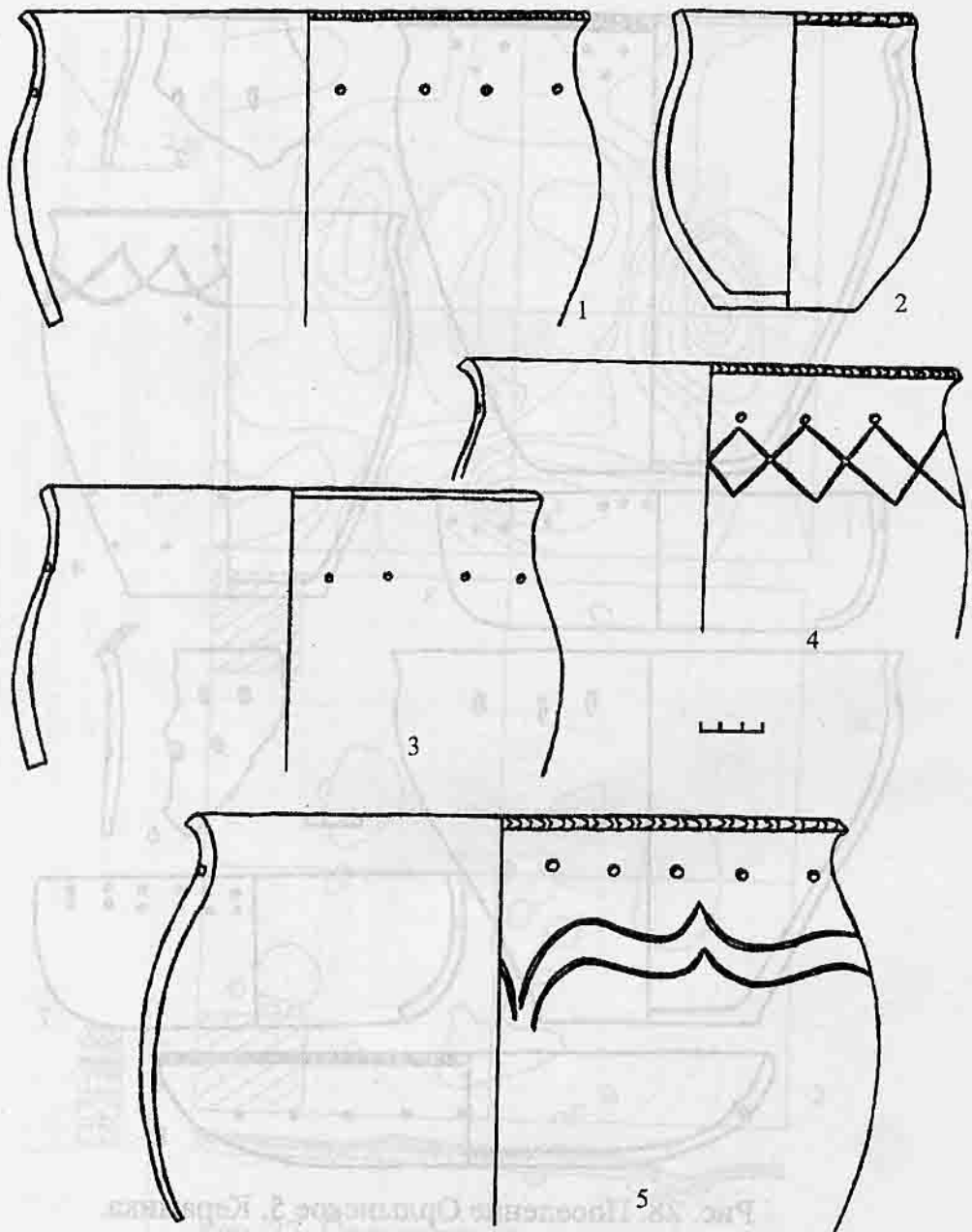

Рис. 29. Поселение Ордынское 5. Керамика.

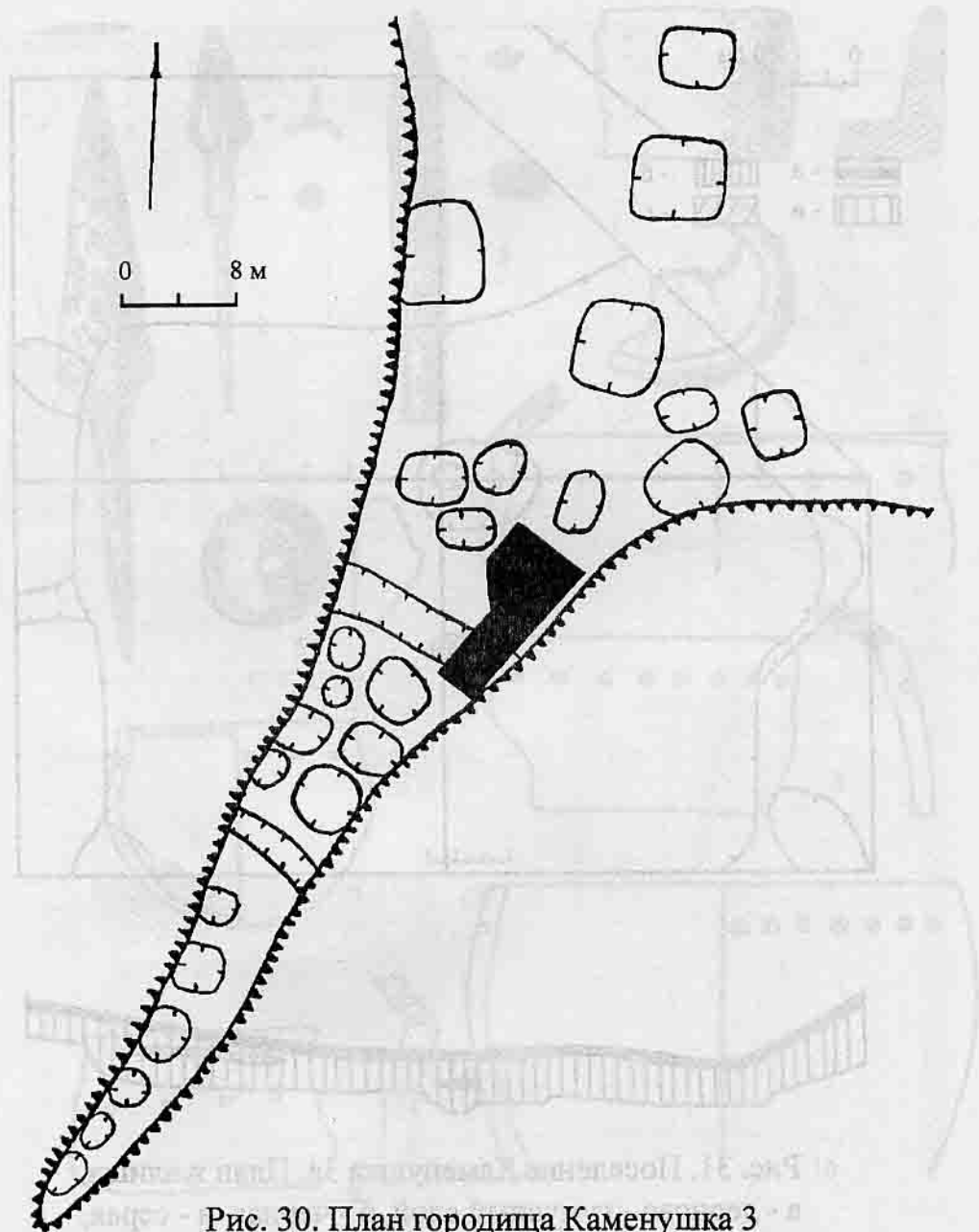

Рис. 30. План городища Каменушка 3
и поселения Каменушка 3а.

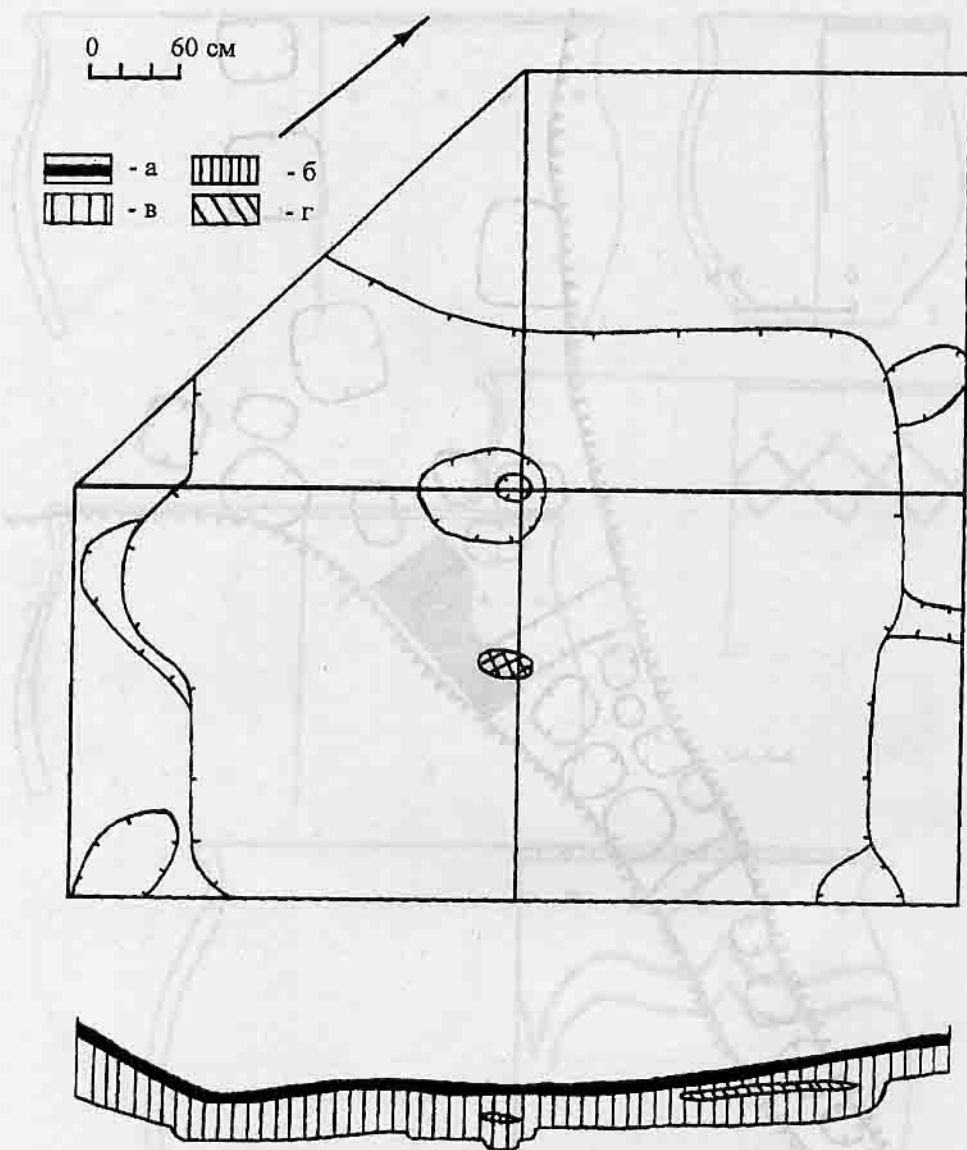

Рис. 31. Поселение Каменушка 3а. План жилища.
а - дерново - гумусный слой, б - черная, в - серая,
г - светло - серая супесь.

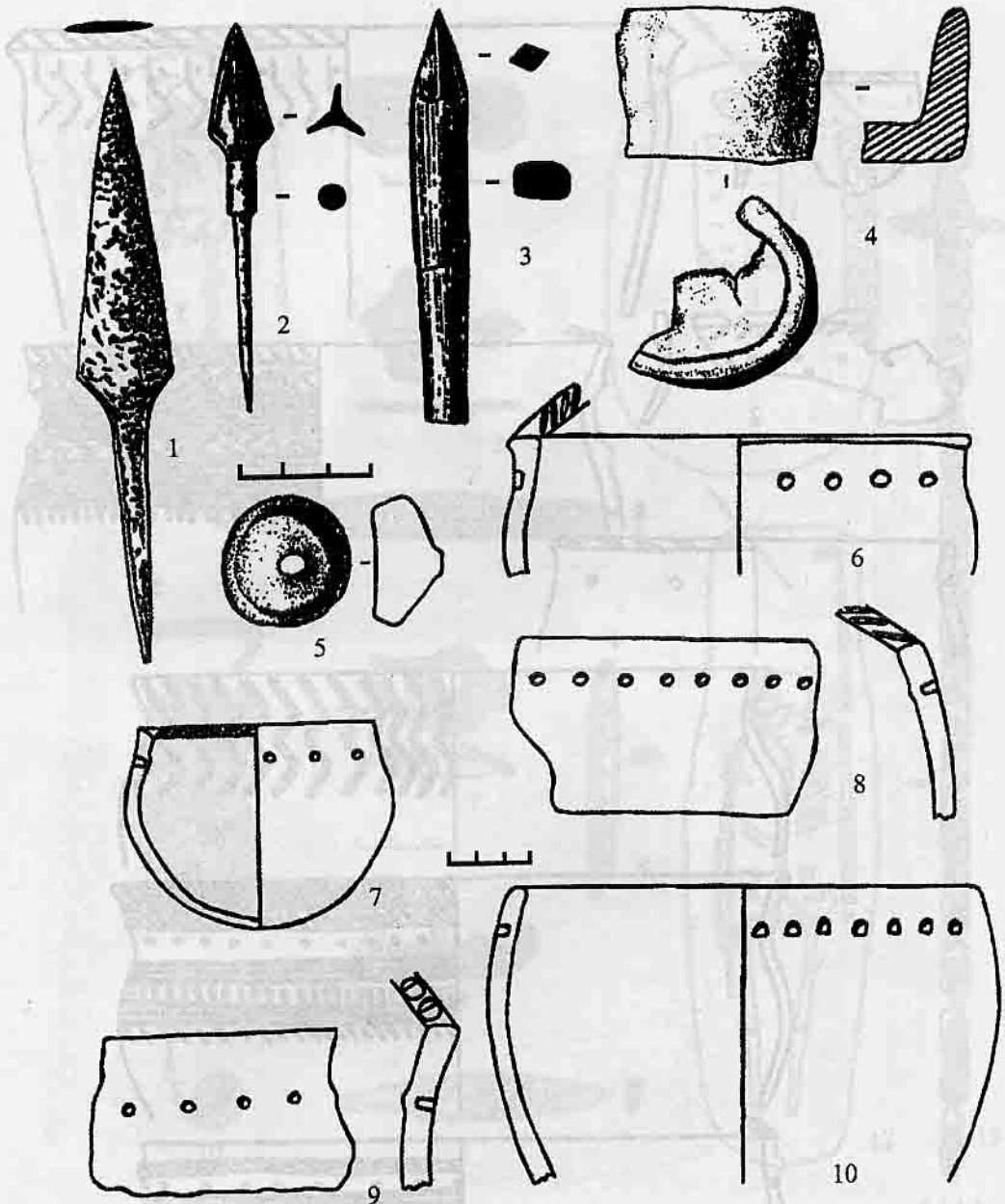

Рис. 32. Поселение Каменушка 3а. Инвентарь и керамика.
1,2 - железо, 3 - кость, 4 - 10 - глина.

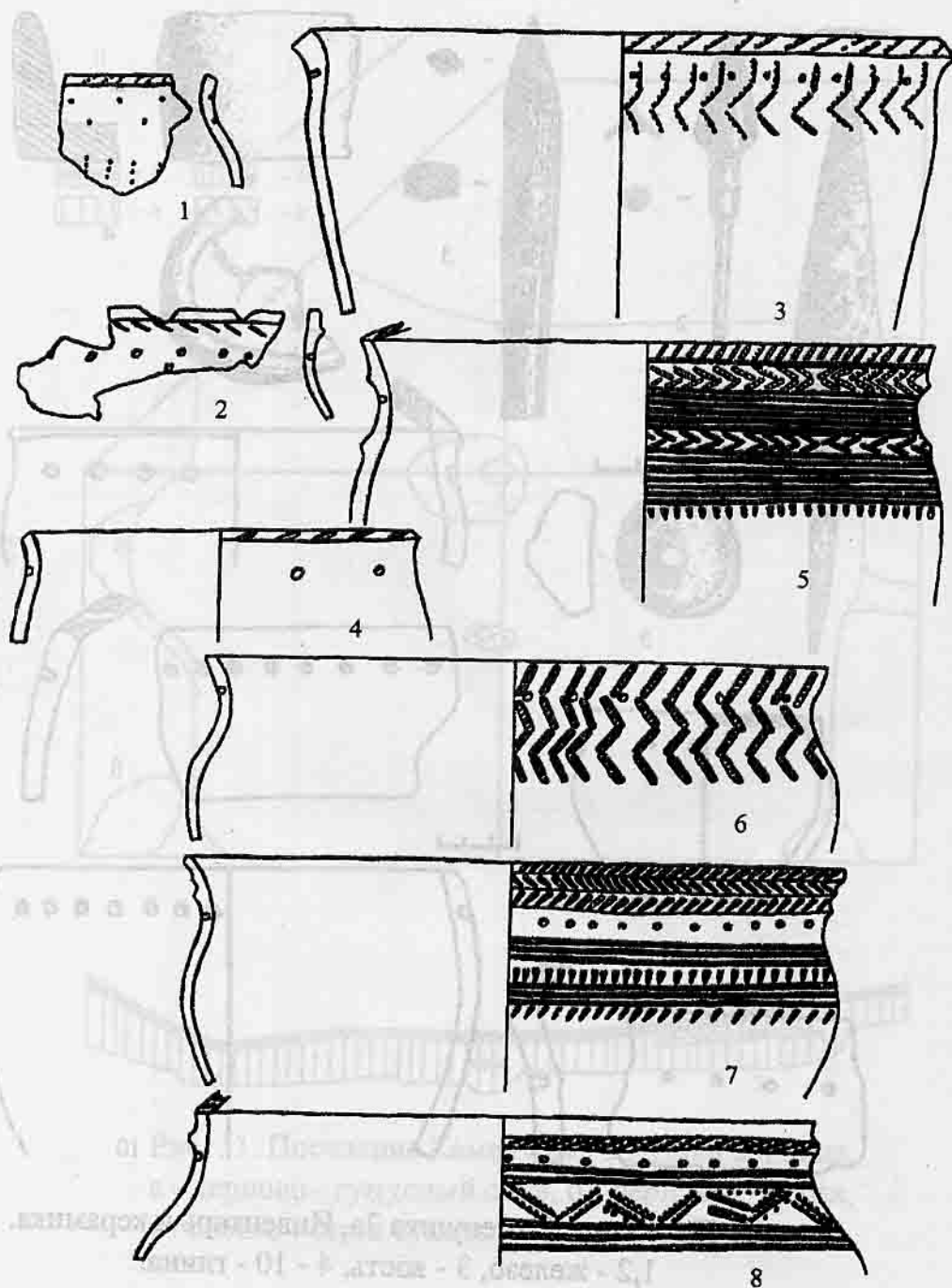

Рис. 33. Керамика с памятника Юрт - Акбальк 8.

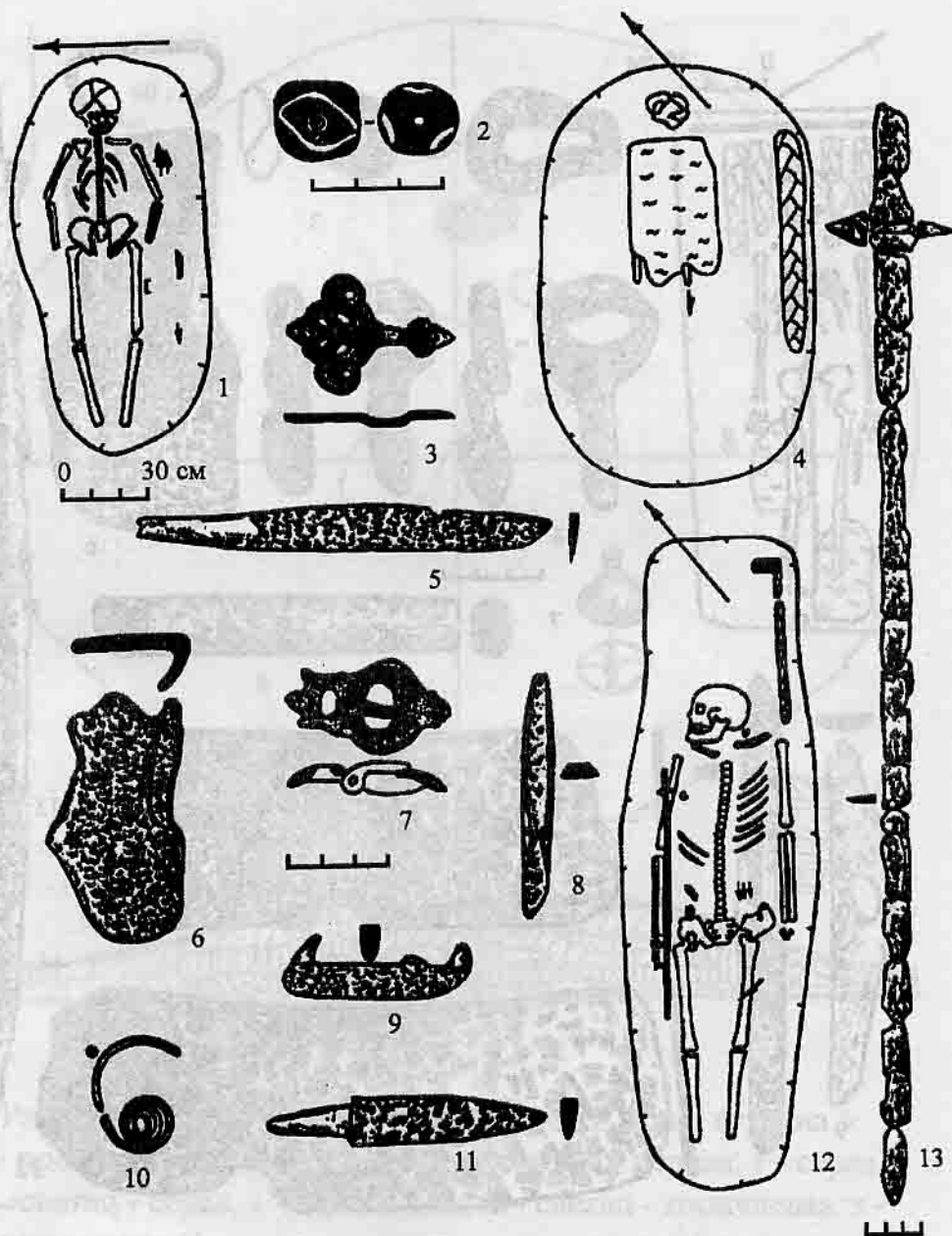

Рис. 34. Могильник Березовый остров 1.

Курган 1, погребение 1 (1, 5). Курган 3, насыпь (2), погребение 1 (3), 2 (4), 3 (6 - 13).

2 - стекло, 3, 7, 10 - бронза, 5, 6, 9, 11, 13 - железо, 8 - кость.

Рис. 35. Могильник Березовый остров 1.

Курган 4, погребение 1.

2 - 6, 11 - 13 - железо, 7 - бронза, 8 - 10 - кость.

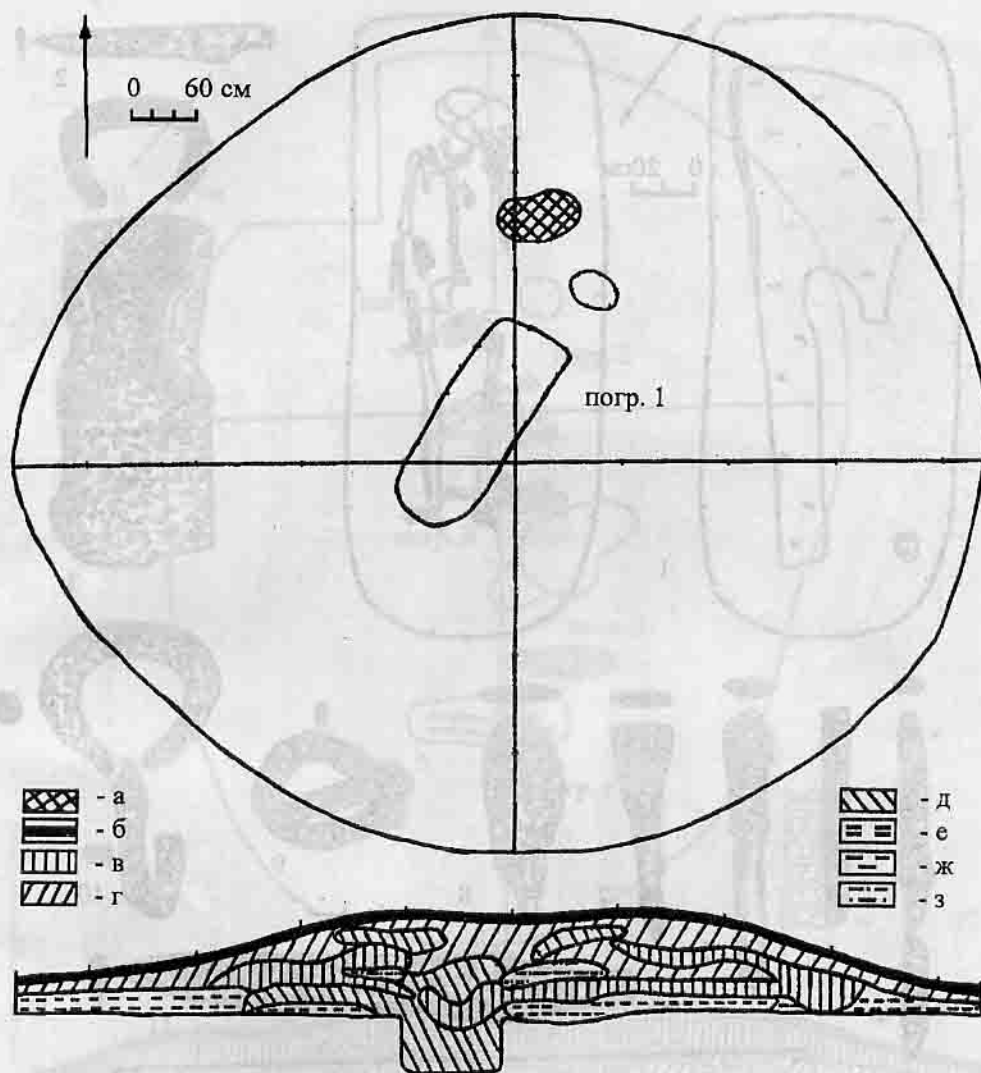

Рис. 36. Могильник Березовый остров 1. План кургана 5.
 а - прокол, б - дерново - гумусный слой, в - черная, г - серая,
 д - светло - серая, е - коричневая, ж - светло - коричневая, з -
 желтая супесь.

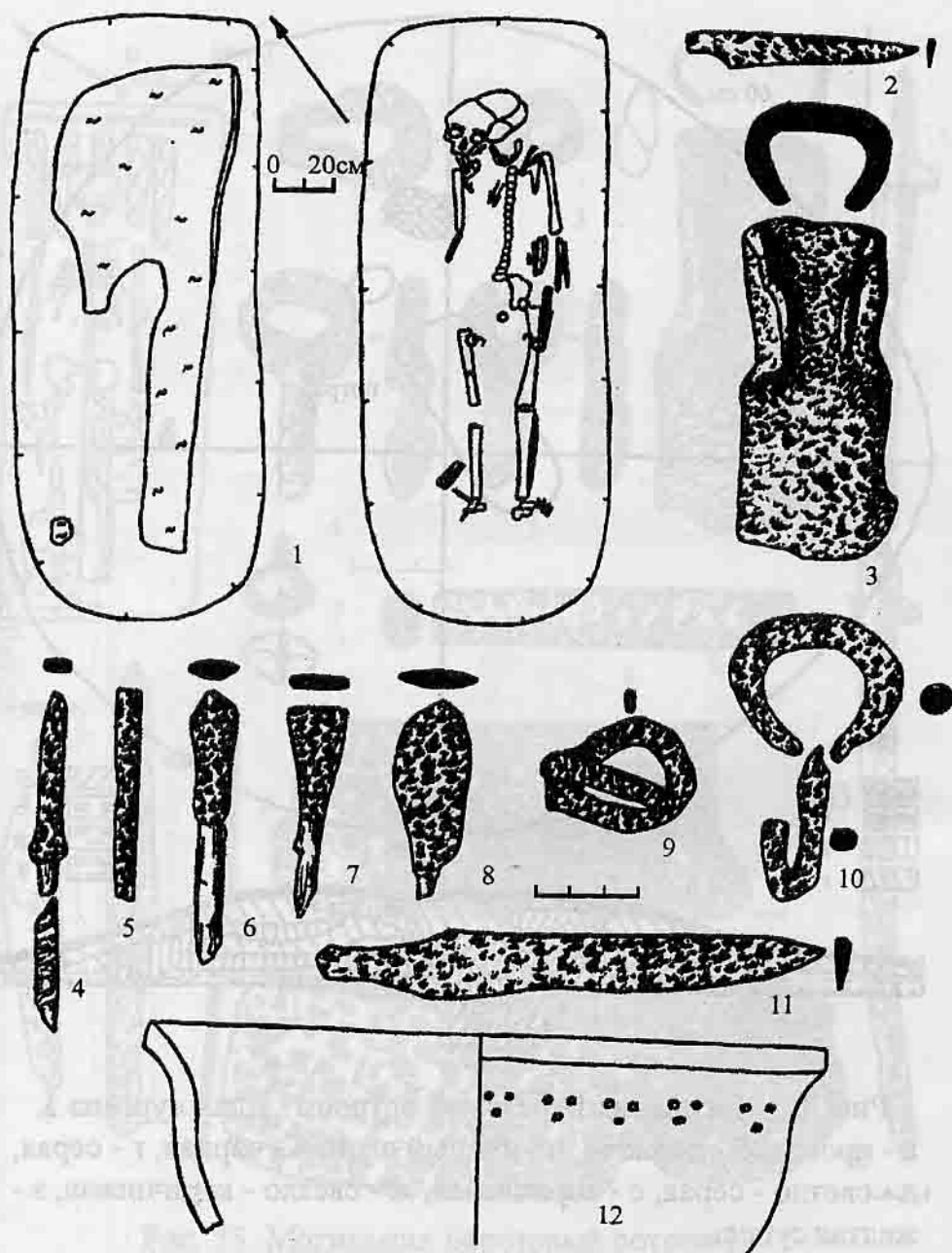

Рис. 37. Могильник Березовый остров 1.
 Курган 5, насыпь (2, 12), погребение 1 (3 - 11).
 2 - 11 - железо, 12 - глина.

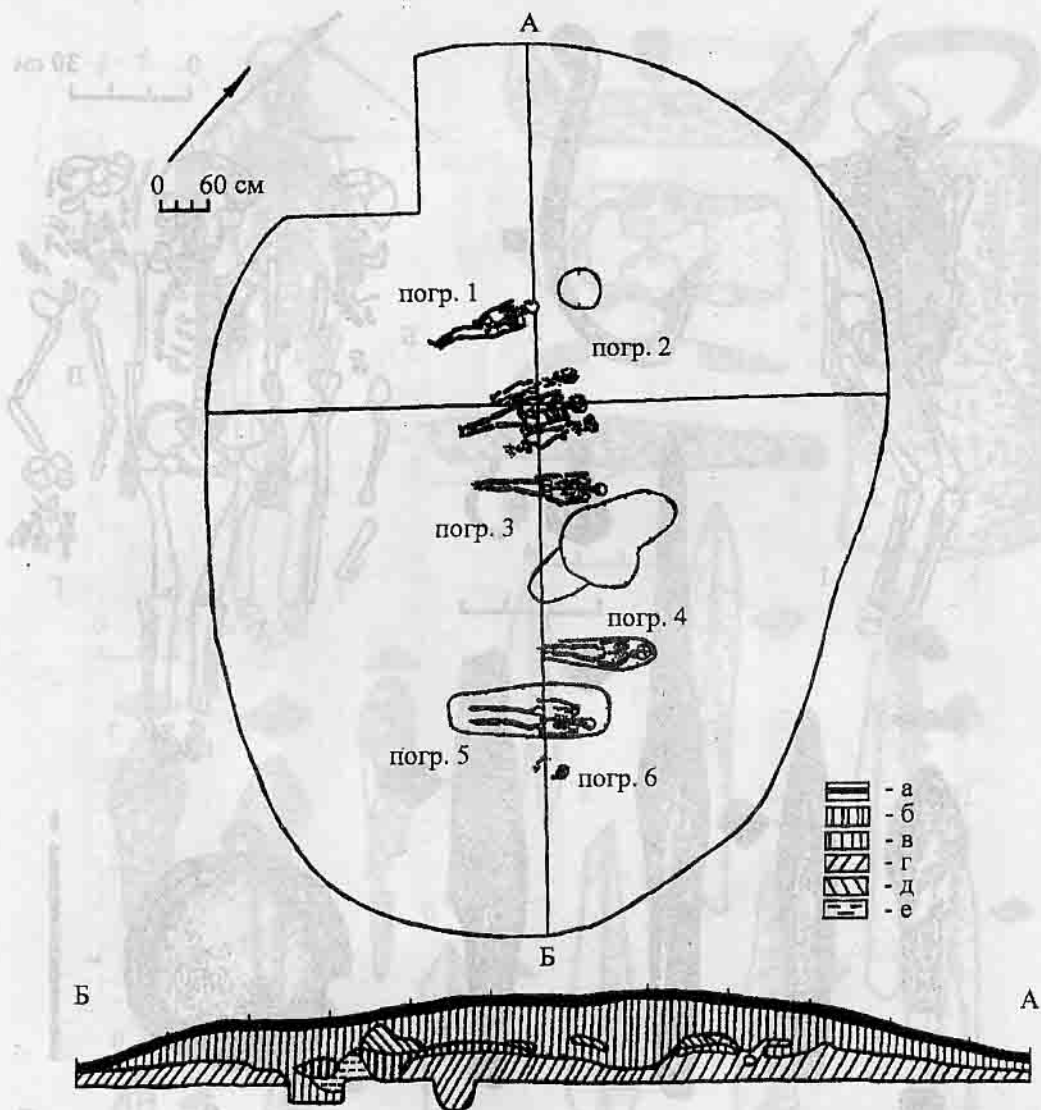

Рис. 38. Могильник Березовый остров 1. План кургана 6 - 7.
 а - дерново - гумусный слой, б - черная, в - темно - серая, г -
 темно - коричневая, д - светло - серая, е - мешанная коричневая с
 желтой супесь.

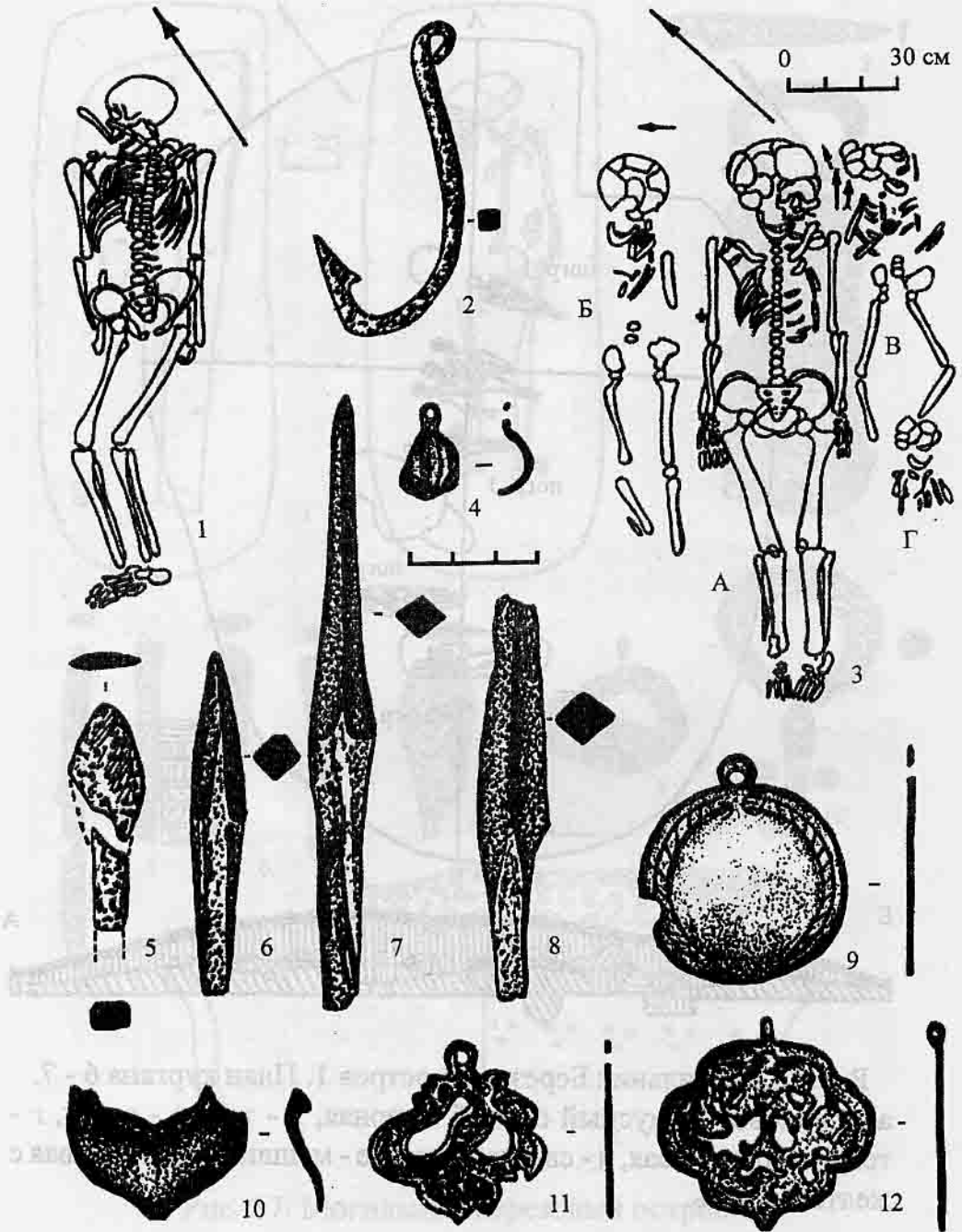

Рис. 39. Могильник Березовый остров 1.
 Курган 6 - 7, погребение 1 (1, 2), 2 (3 - 12).
 2, 5 - железо, 4, 9 - 12 - бронза, 6 - 8 - кость.

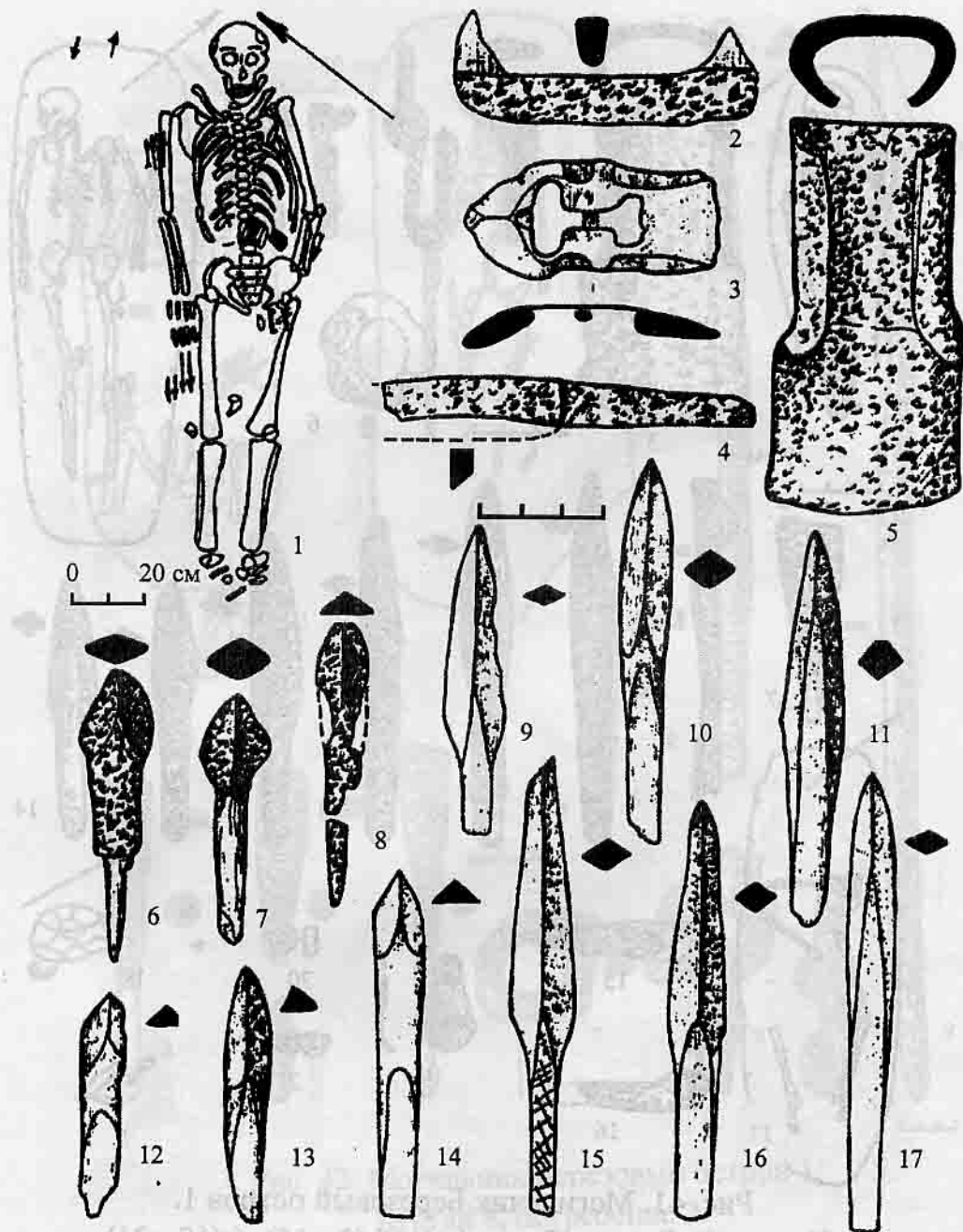

Рис. 40. Могильник Березовый остров 1.

Курган 6 - 7, погребение 3.

2, 4 - 8 - железо, 3, 9 - 17 - кость.

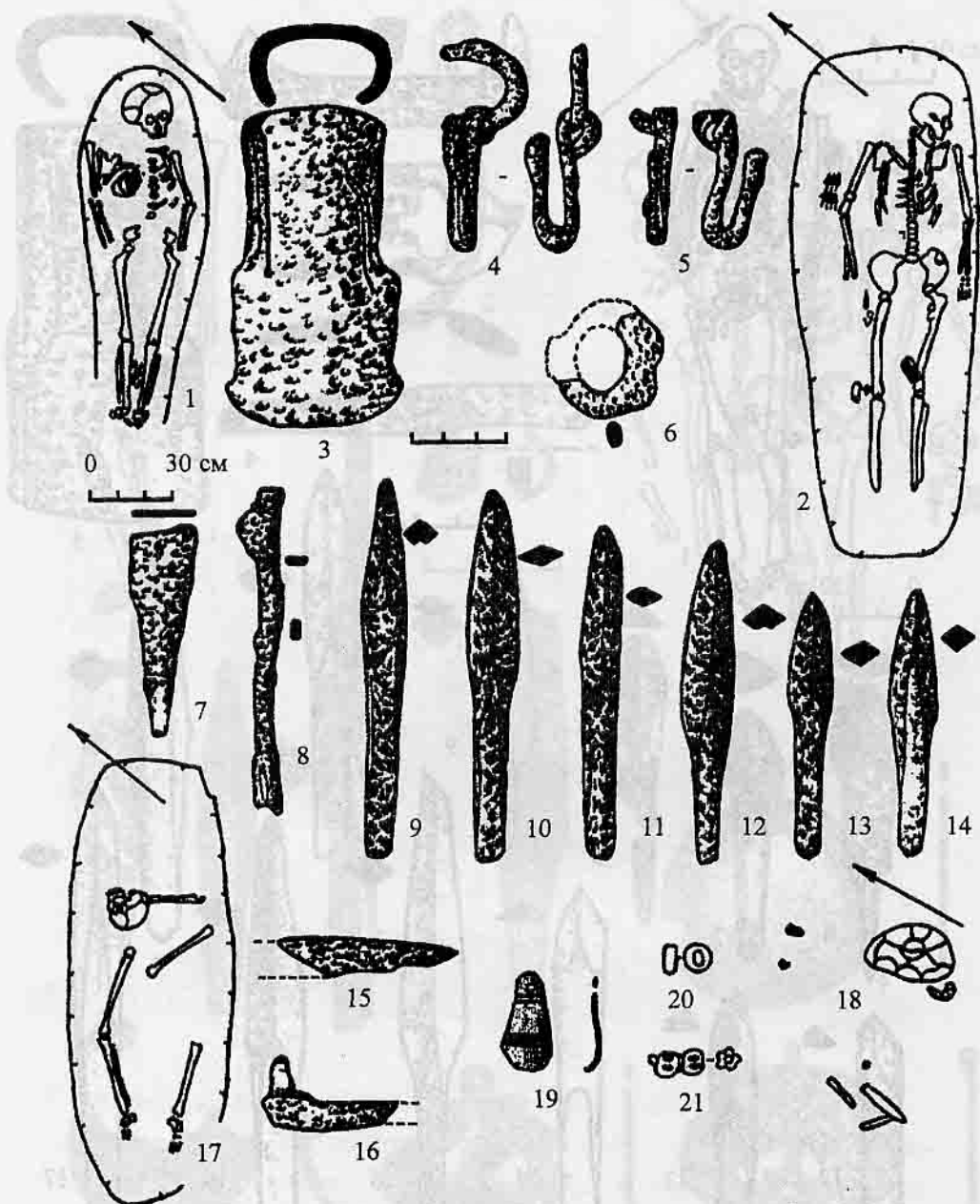

Рис. 41. Могильник Березовый остров 1.

Курган 6 - 7, погребение 4 (1), 5 (2 - 16), 6 (18 - 21).

Курган 8, погребение 1 (17).

3 - 8, 15, 16 - железо, 9 - 14 - кость, 19 - бронза, 20, 21 - стекло.

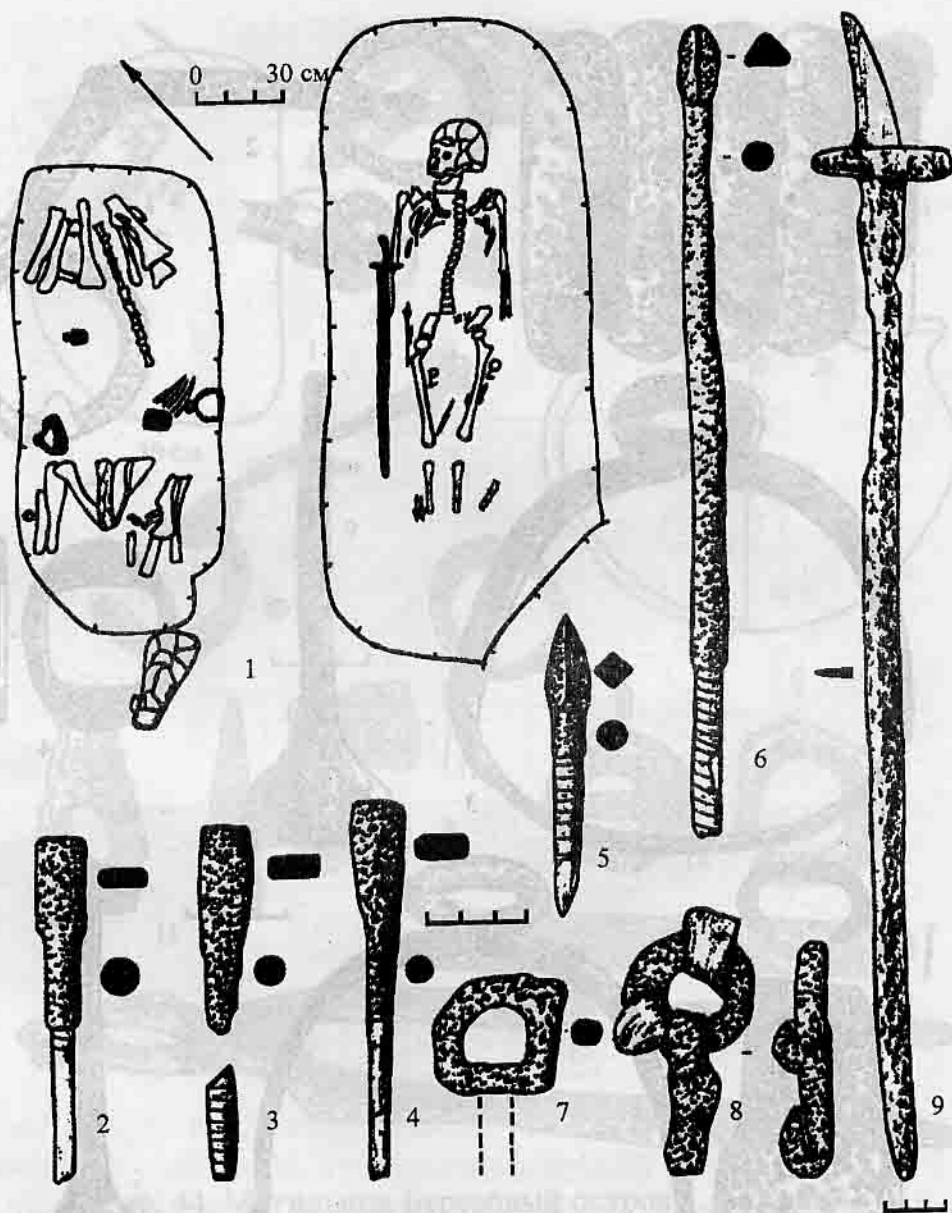

Рис. 42. Могильник Березовый остров 1.

Курган 8, погребение 2.

2 - 9 - железо.

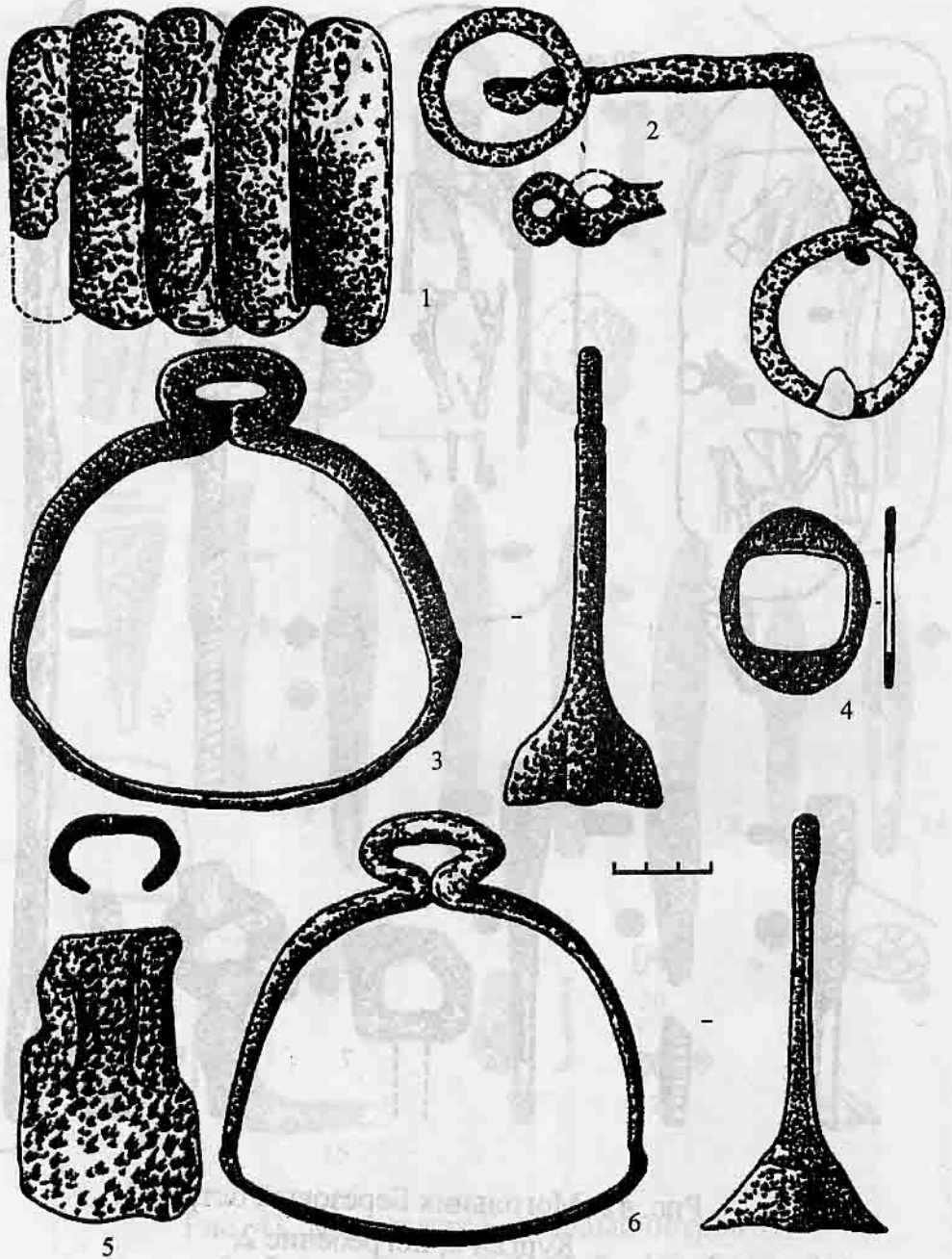

Рис. 43. Могильник Березовый остров 1.
Курган 8, погребение 2. Инвентарь.

1 - 6 - железо.

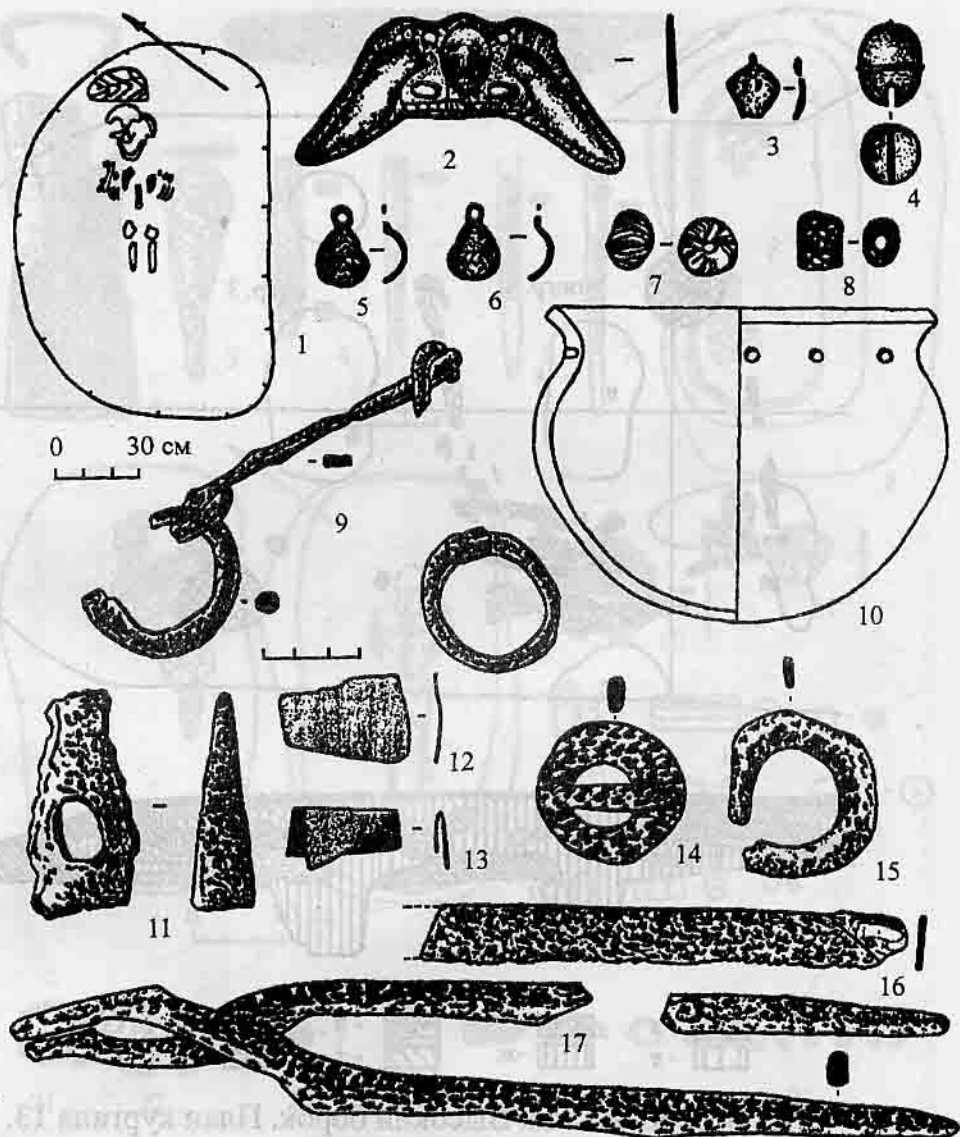

Рис. 44. Могильник Березовый остров 1. Курган 8, погребение 4 (1 - 8). Курган 9, погребение 1 (9 - 17).
 1 - 2 - 6, 12, 13 - бронза, 7, 8 - стекло, 9, 11, 14 - 17 - железо,
 10 - глина.

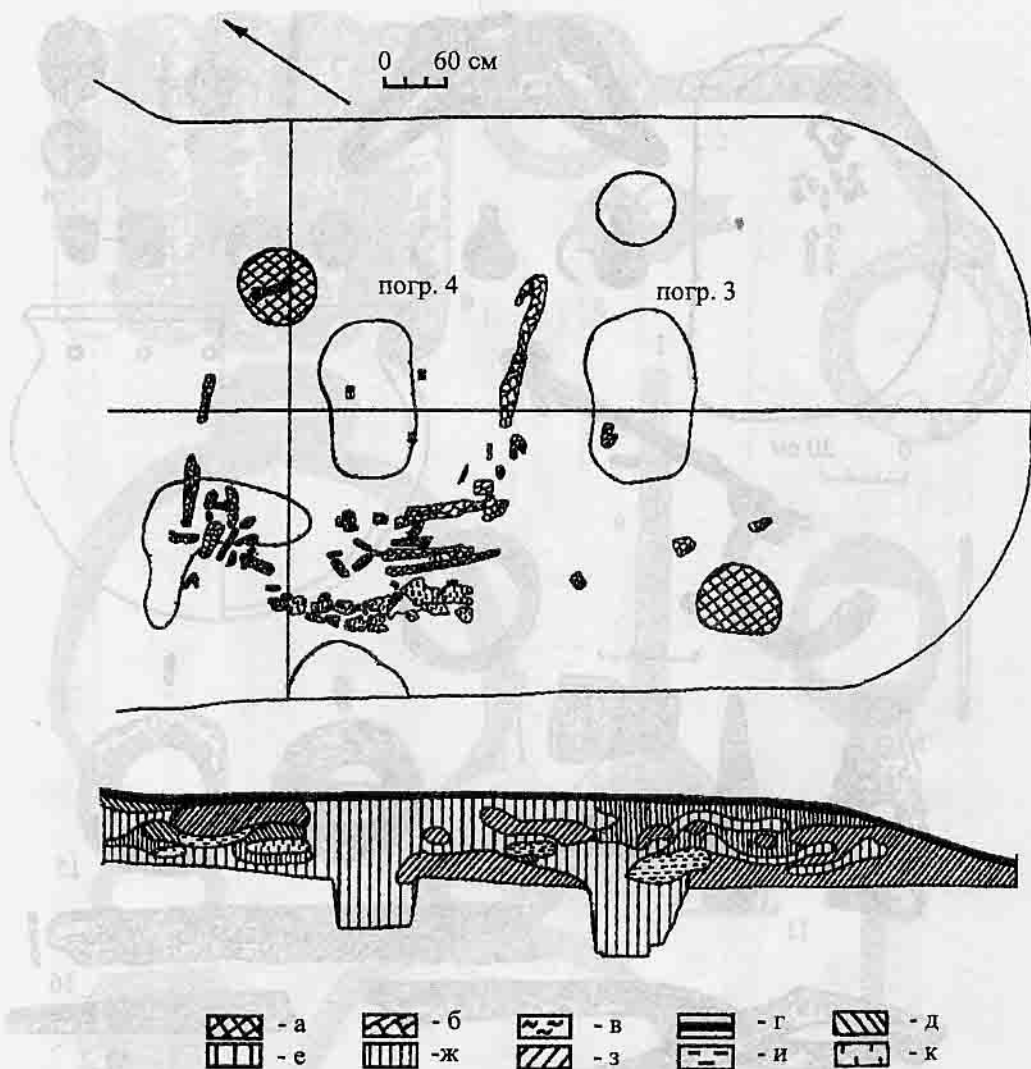

Рис. 45. Могильник Высокий борок. План кургана 13.
 а - прокал, б - обожженное дерево, в - береста, г - дерново -
 гумусный слой, д - черный, е - темно - серый, ж - серый, з -
 светло - серый, и - бурый, к - желтый суглинок.

Рис. 43. Могильник Березовый борок. Курган 5, погребение 2. План кургана.
 1 - 8 - желто.

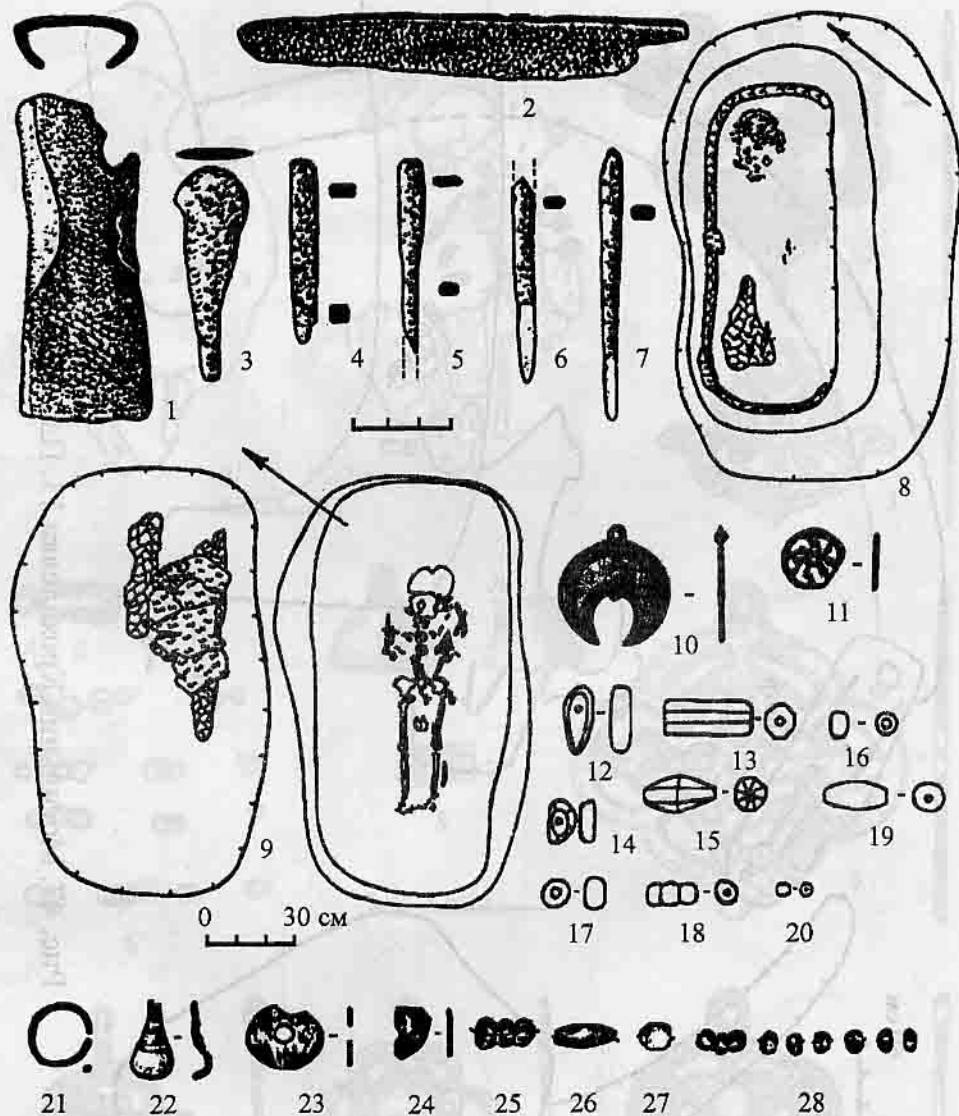

Рис. 46. Могильник Высокий борок.

Курган 13, насыпь (1 - 7), погребение 3 (8), 4 (9 - 20). Курган 15, Погребение 1 (21 - 28).

1 - 7 - железо, 10, 11 - олово (?), 12 - 15 - сердолик, 16 - 18, 20, 25 - 28 - стекло, 19 - кость, 21, 22 - бронза, 23, 24 - перламутр.

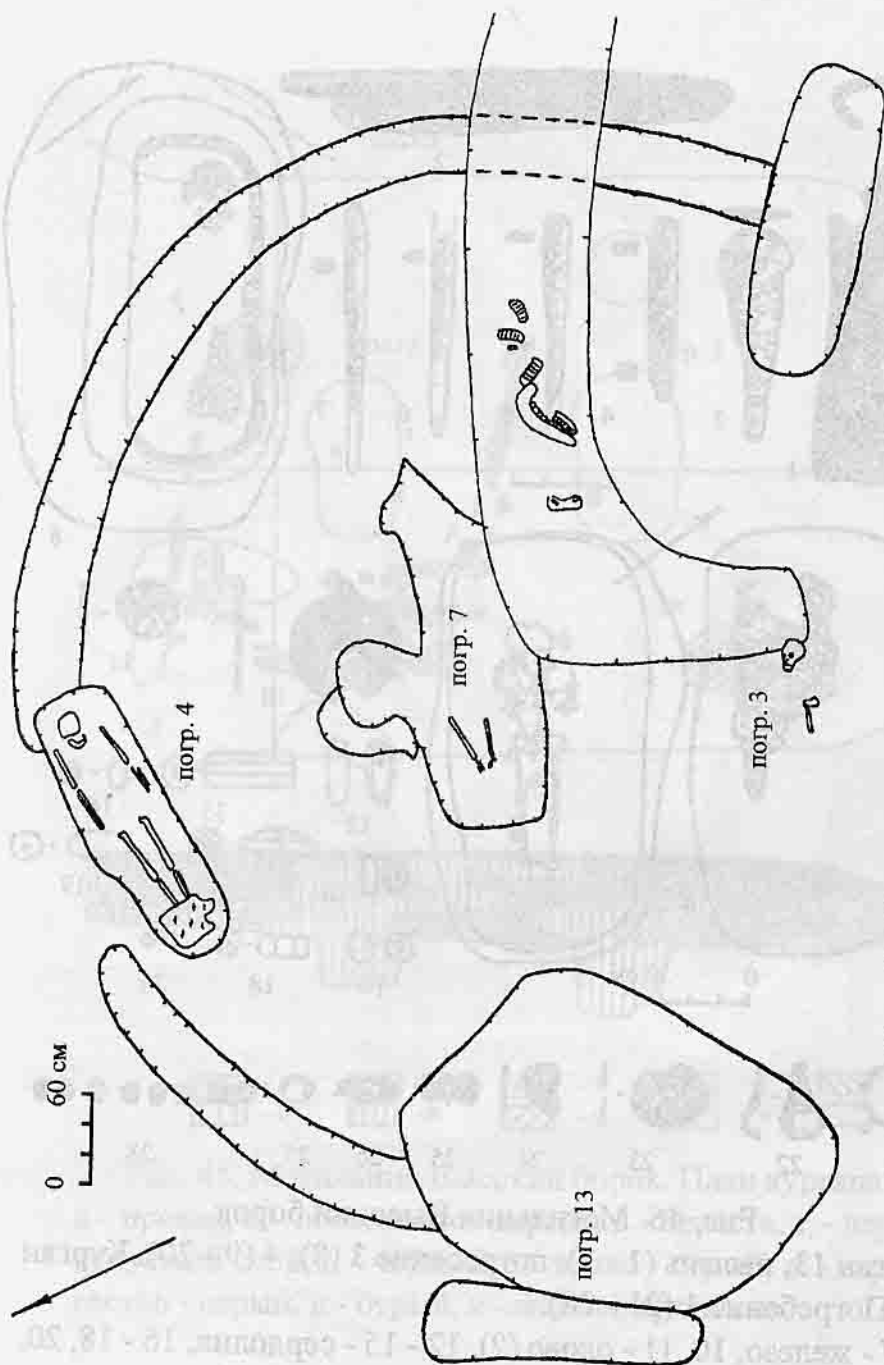

Рис. 47. Могильник Крохалевка 13. План кургана 9.

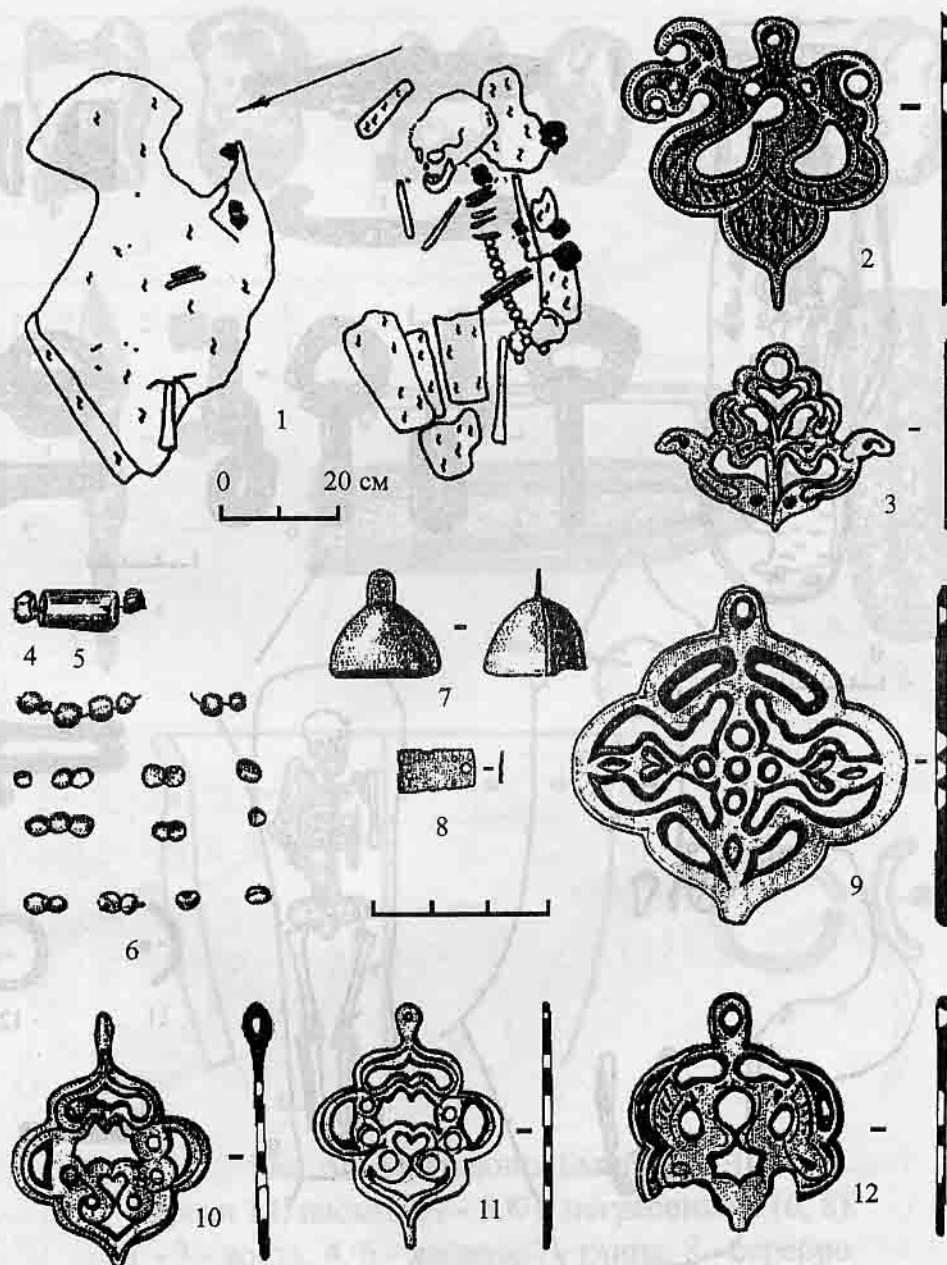

Рис. 48. Могильник Крохалевка 13. Курган 9, погребение 3.
2, 3, 6, 7, 9 - 12 - бронза, 4, 5 - стекло, 8 - серебро.

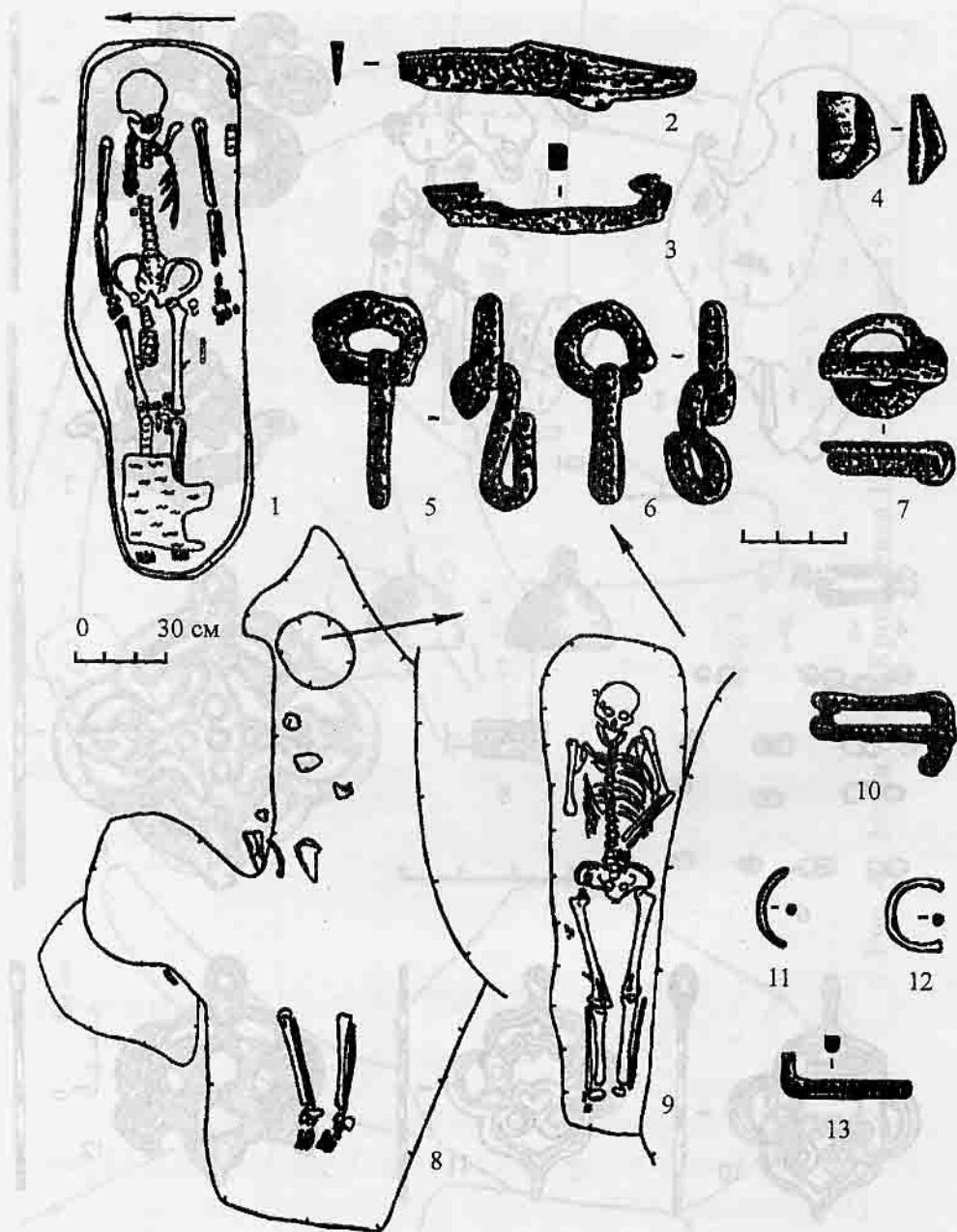

Рис. 49. Могильник Крохалевка 13.

Курган 9, погребение 4 (1 - 7), 7 (8), 13 (9 - 13).
 2, 3, 5 - 7, 10, 13 - железо, 4 - кремь, 11, 12 - бронза.

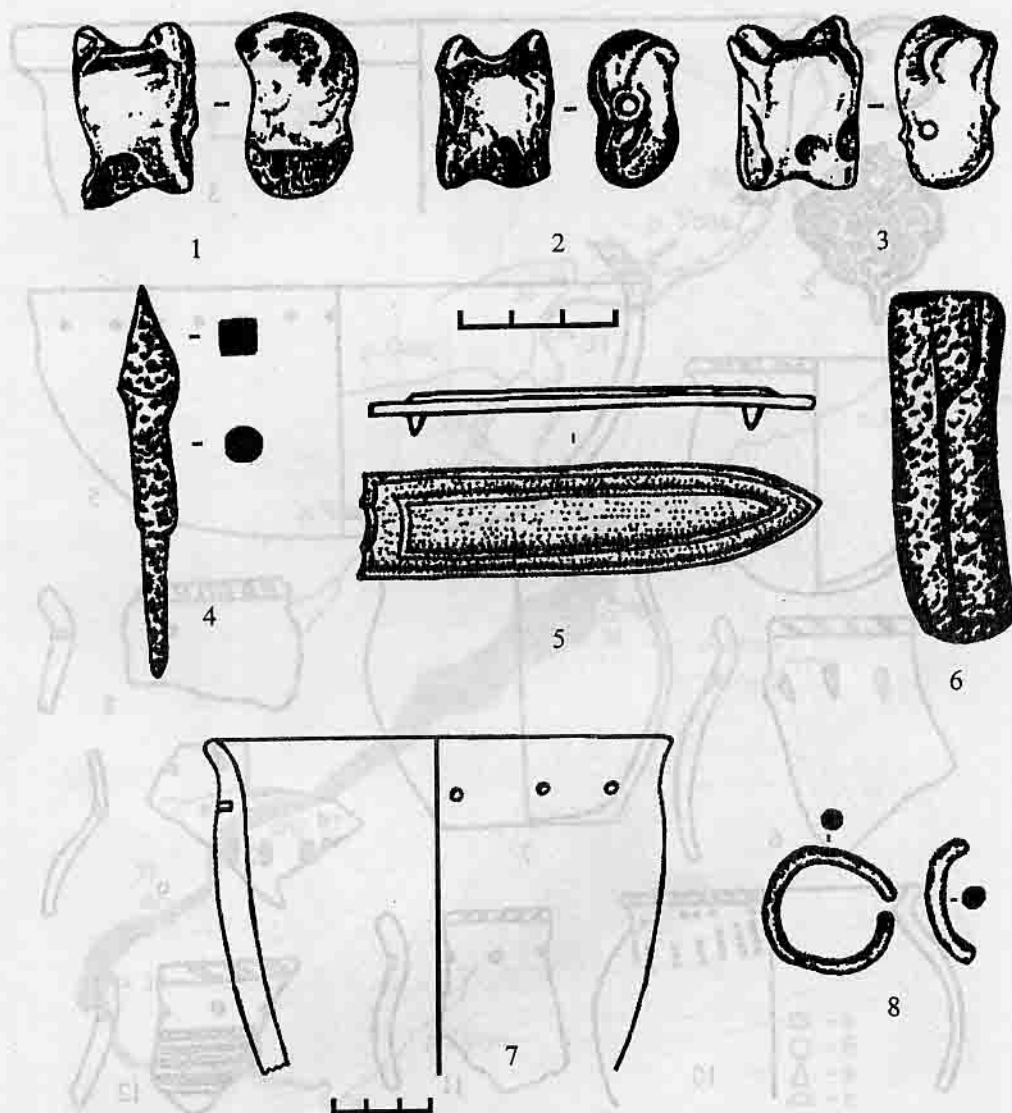

Рис. 50. Могильник Быстровка 1.
 Курган 14, насыпь (1 - 5, 7), погребение 2 (6, 8).
 1 - 3 - кость, 4, 6 - железо, 7 - глина, 8 - серебро.

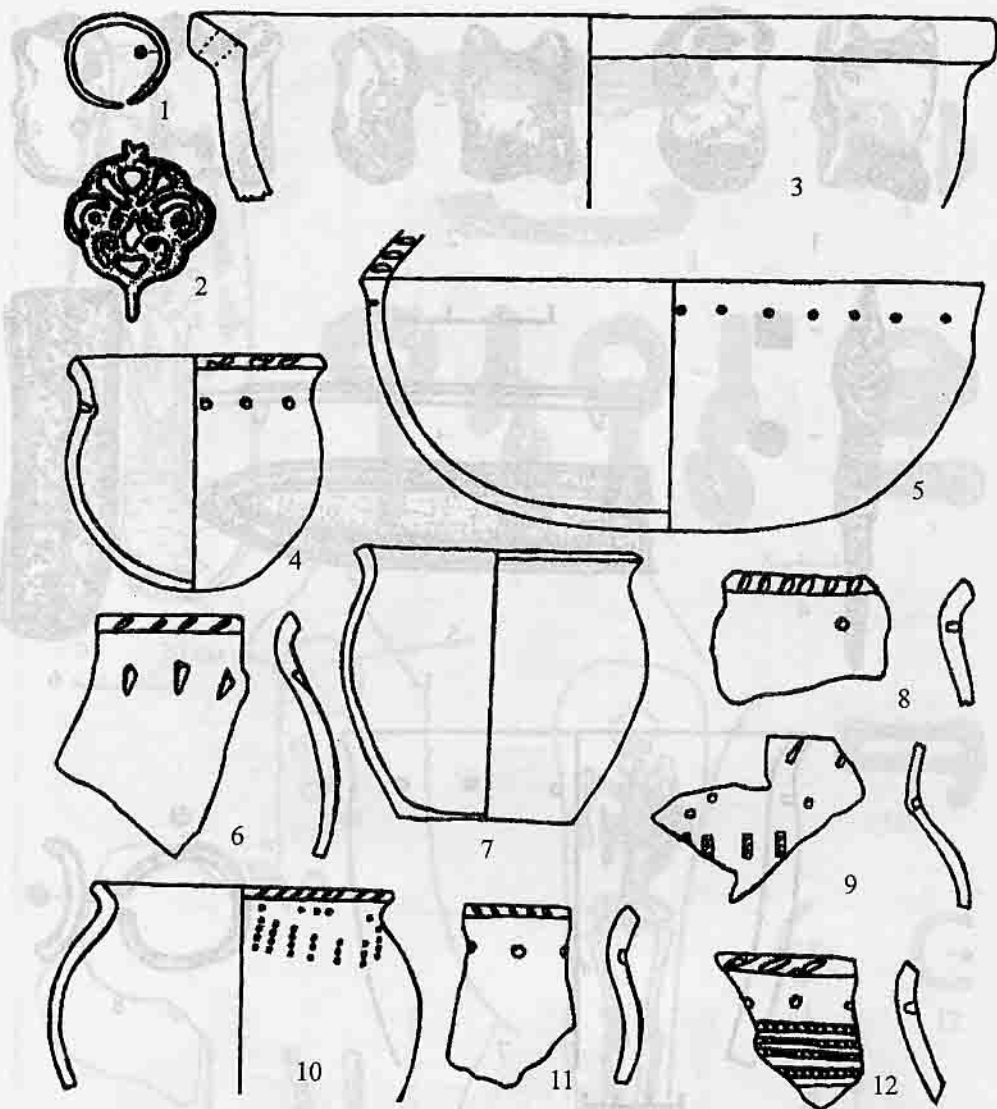

Рис. 51. Находки X - XII вв. с памятников Батурицкий Мыс (1, 2), Крутоборка 2 (9, 10, 12), Кашламский бор 7 (11), Красный Яр 1 (6), Крохалевка 11 а (3), Бурмистрово (8), Завьялово 6 (4, 5), Ордынское 11 (7).

Рис. 52. Могильник Крохалевка 13.
 - Курган 9, захоронение 4 (1-3), 7 (8), 13 (9-11).
 2, 3, 5-7, 10, 13 - железо, 4 - дерево, 11, 12 - бронза.

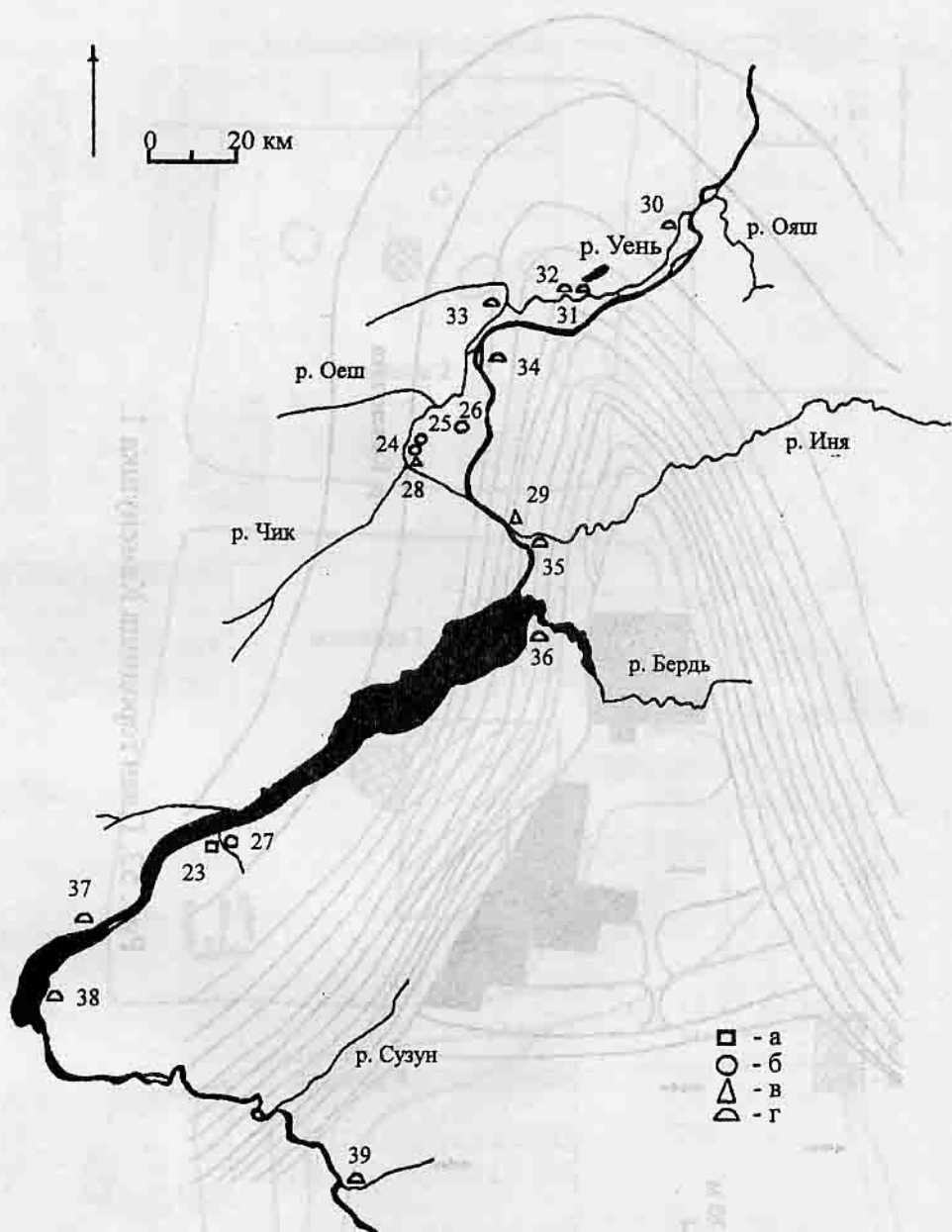

Рис. 52. Схема расположения памятников XIII - XIV вв. в Новосибирском Приобье. 23 - Каменушка 1, 24 - Крохалевка - Соколово 3, 25 - Крохалевка - Соколово 4, 26 - Черный борок 6, 27 - Каменушка 2, 28 - Крохалевка 13, 29 - Турист 1, 30 - Юрт - Акбалык 4, 31 - Крутоборка 2, 32 - Красный Яр 1, 33 - Высокий борок, 34 - Седова Заимка 2, 35 - Усть - Иня, 36 - Ельцовский 1, 37 - Усть - Алеус 7, 38 - Раздумье 1, 39 - Кротово 15.
а - городище, б - поселение, в - местонахождение, г - могильник.

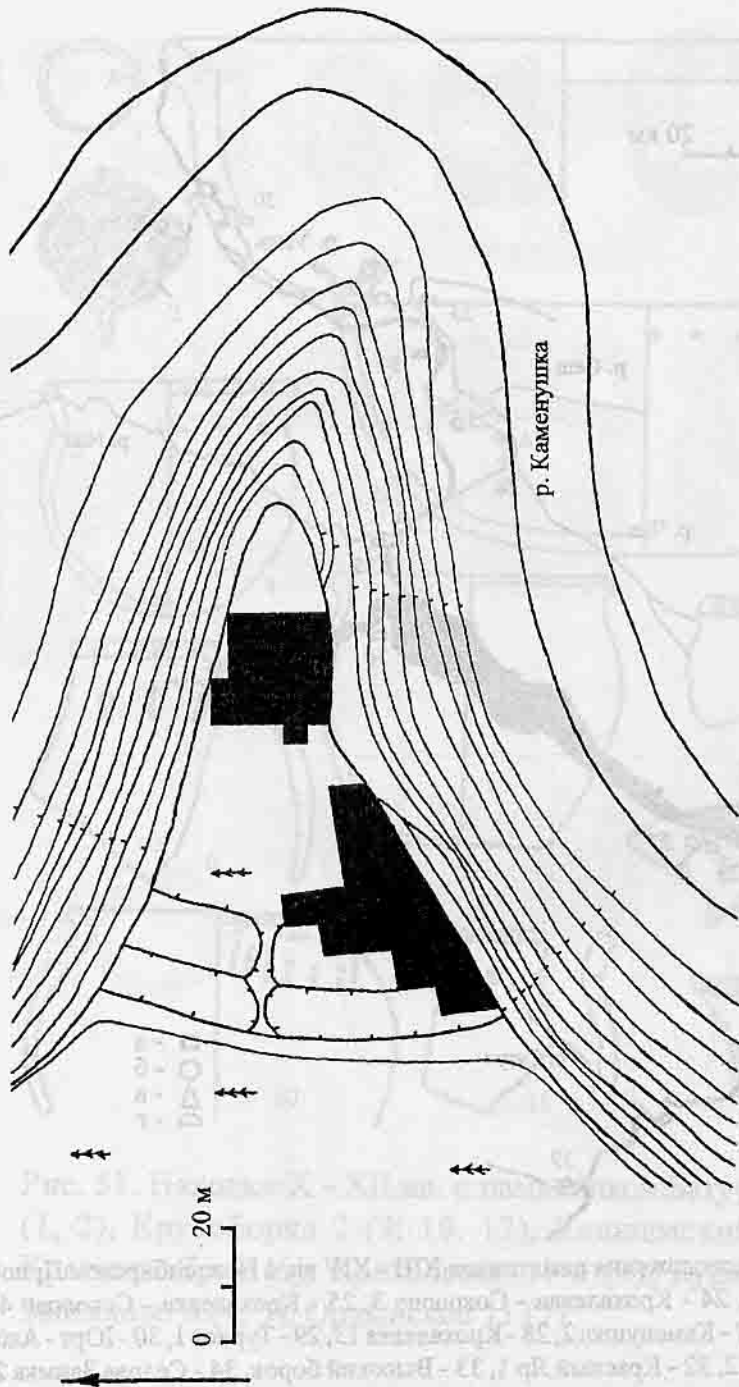

Рис. 53. План городища Каменушка 1.

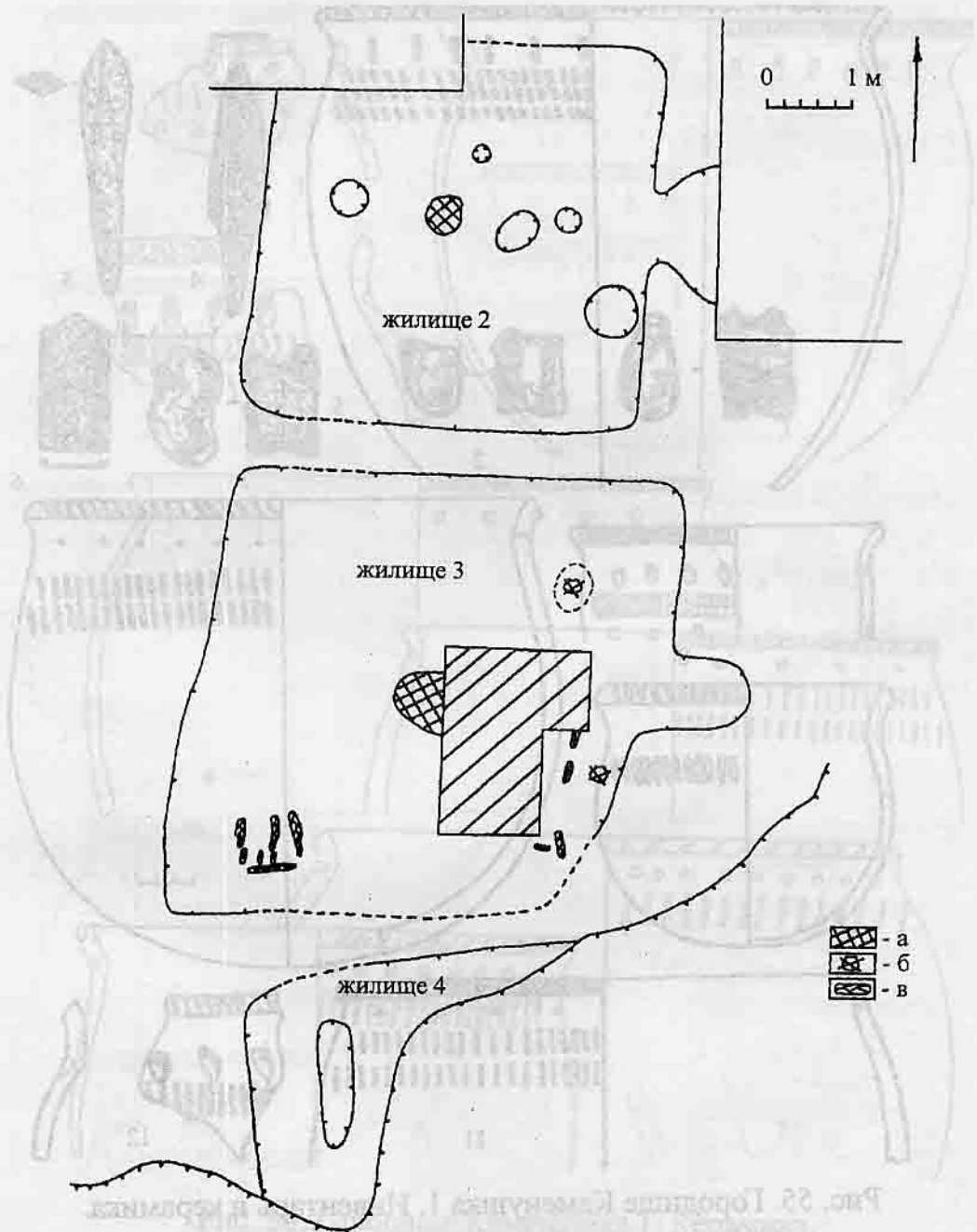

Рис. 54. Городище Каменушка 1. План жилищ 2 - 4.
 а - прокол, б - сосуд в обломках, в - обугленное дерево.

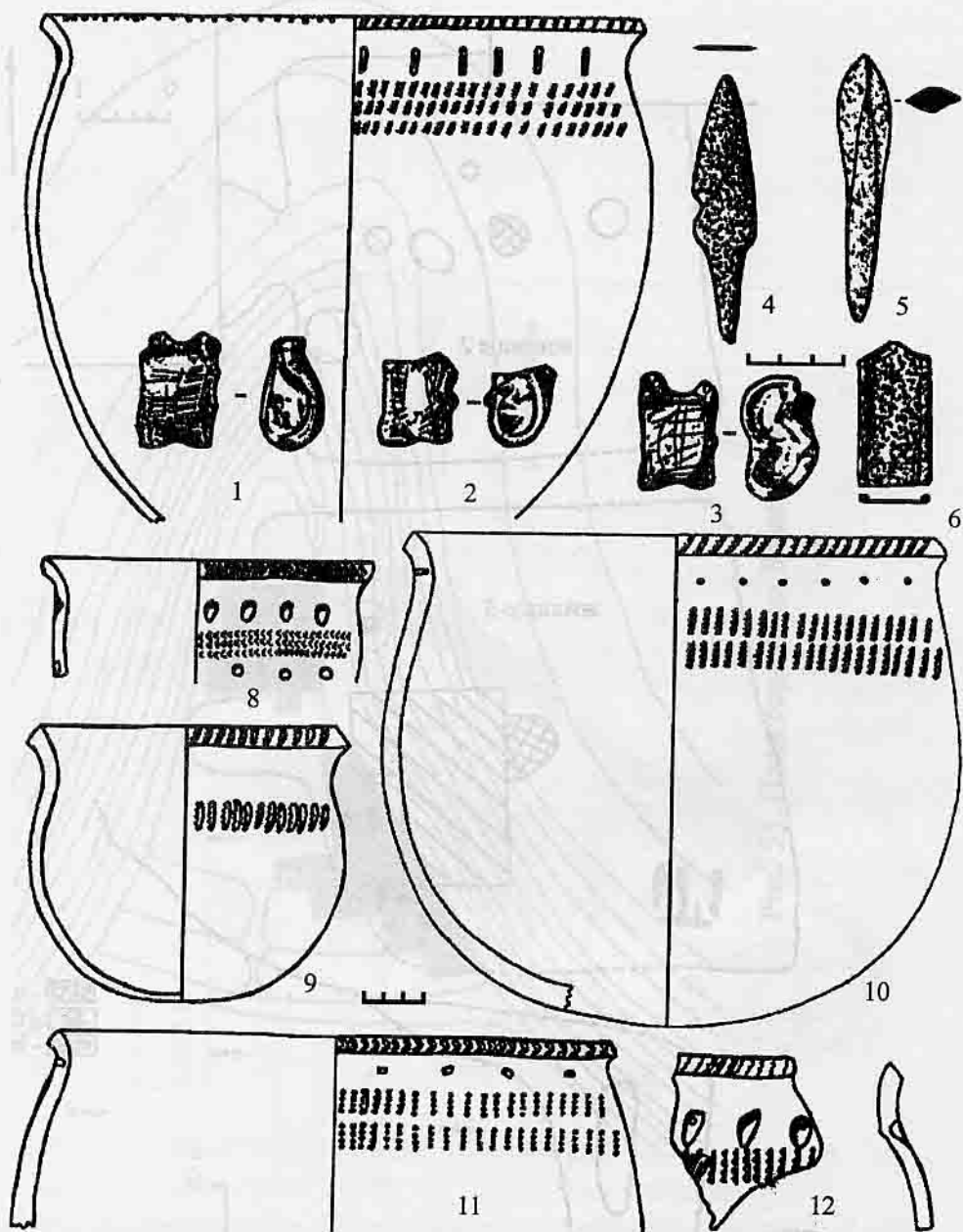

Рис. 55. Городище Каменушка 1. Инвентарь и керамика.

1 - 3, 5 - кость, 4, 6 - железо, 7 - 12 - глина.

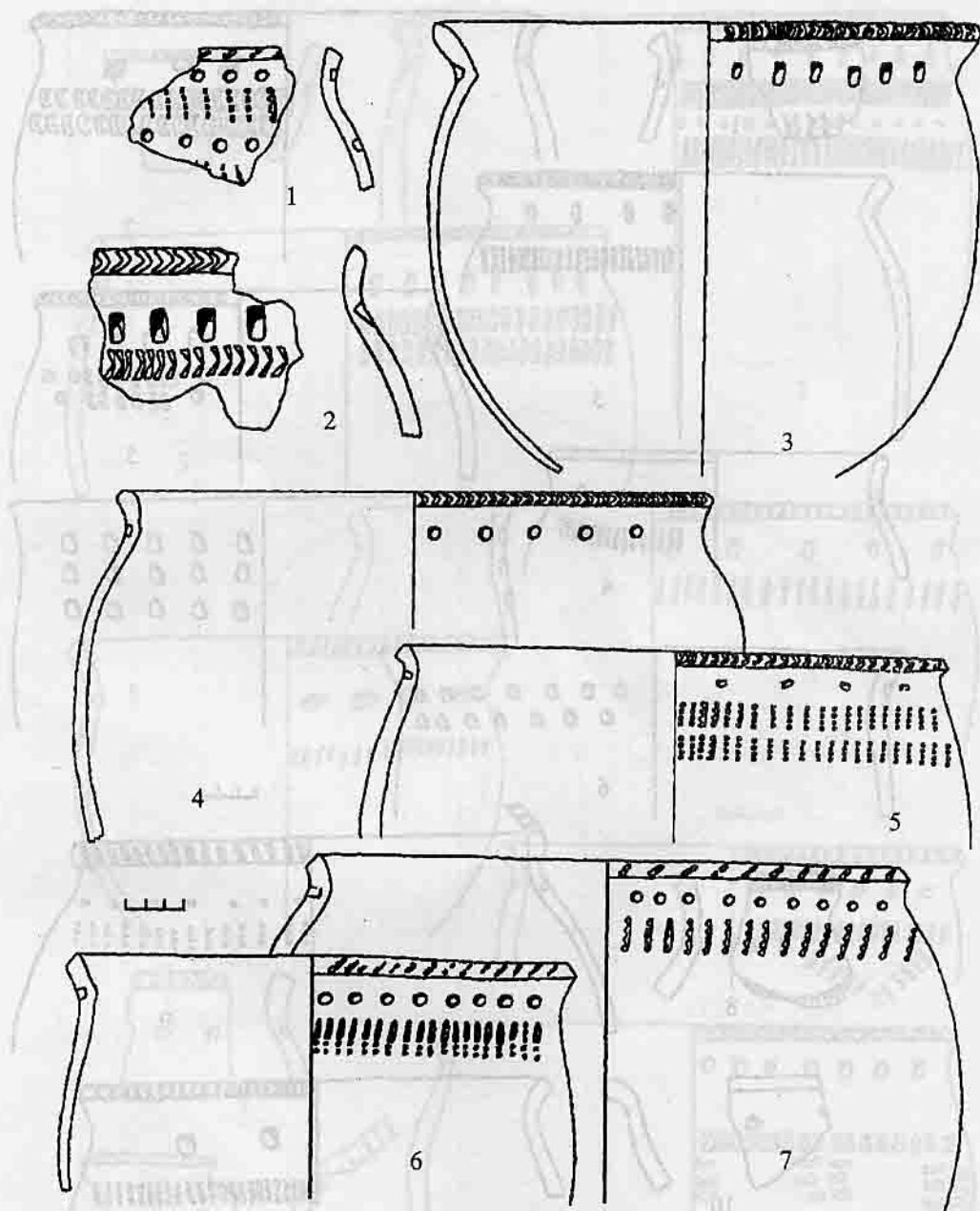

Рис. 56. Городище Каменушка 1. Керамика.

Рис. 58. Городище Каменушка 1. Керамика.

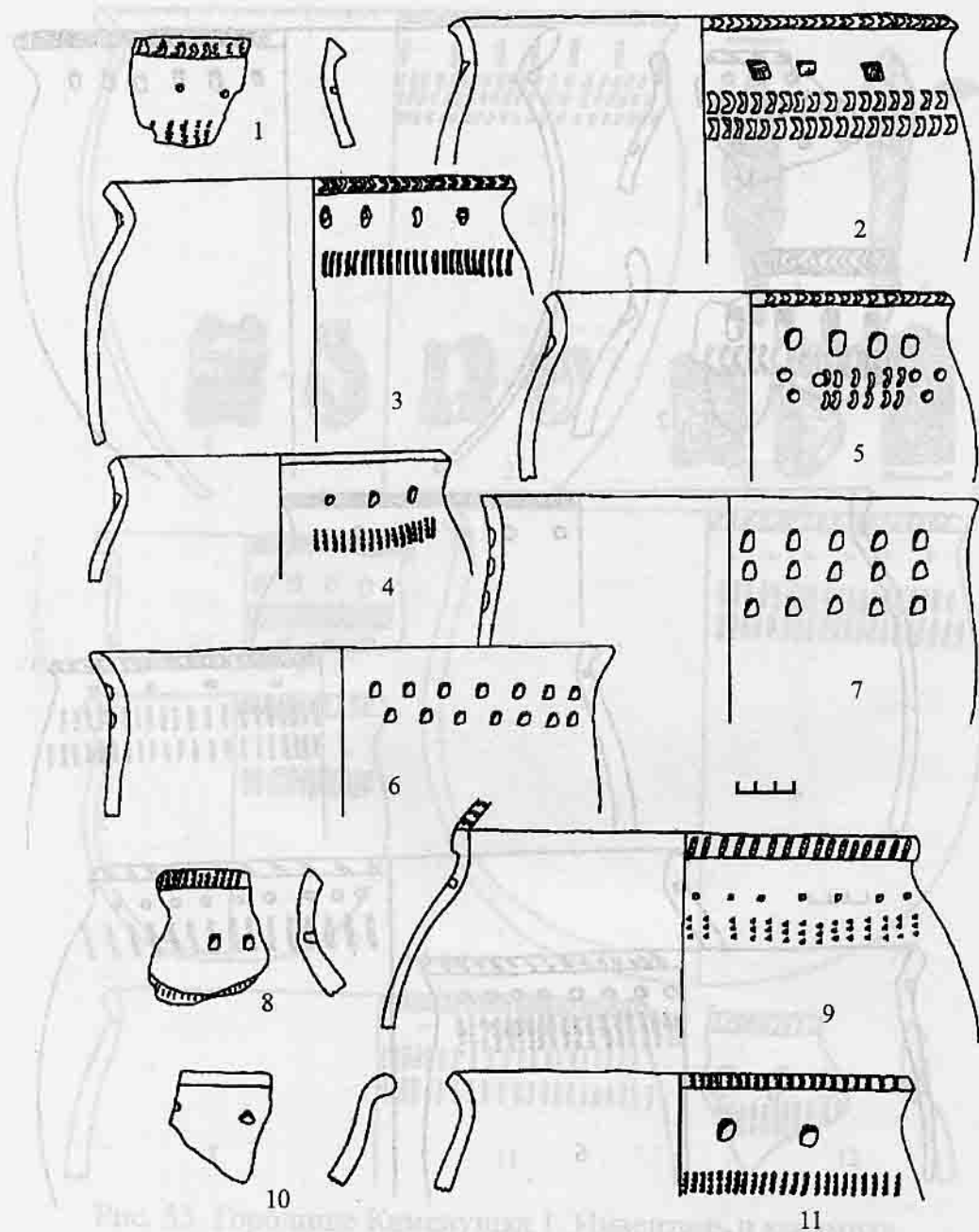

Рис. 57. Городище Каменушка 1. Керамика.

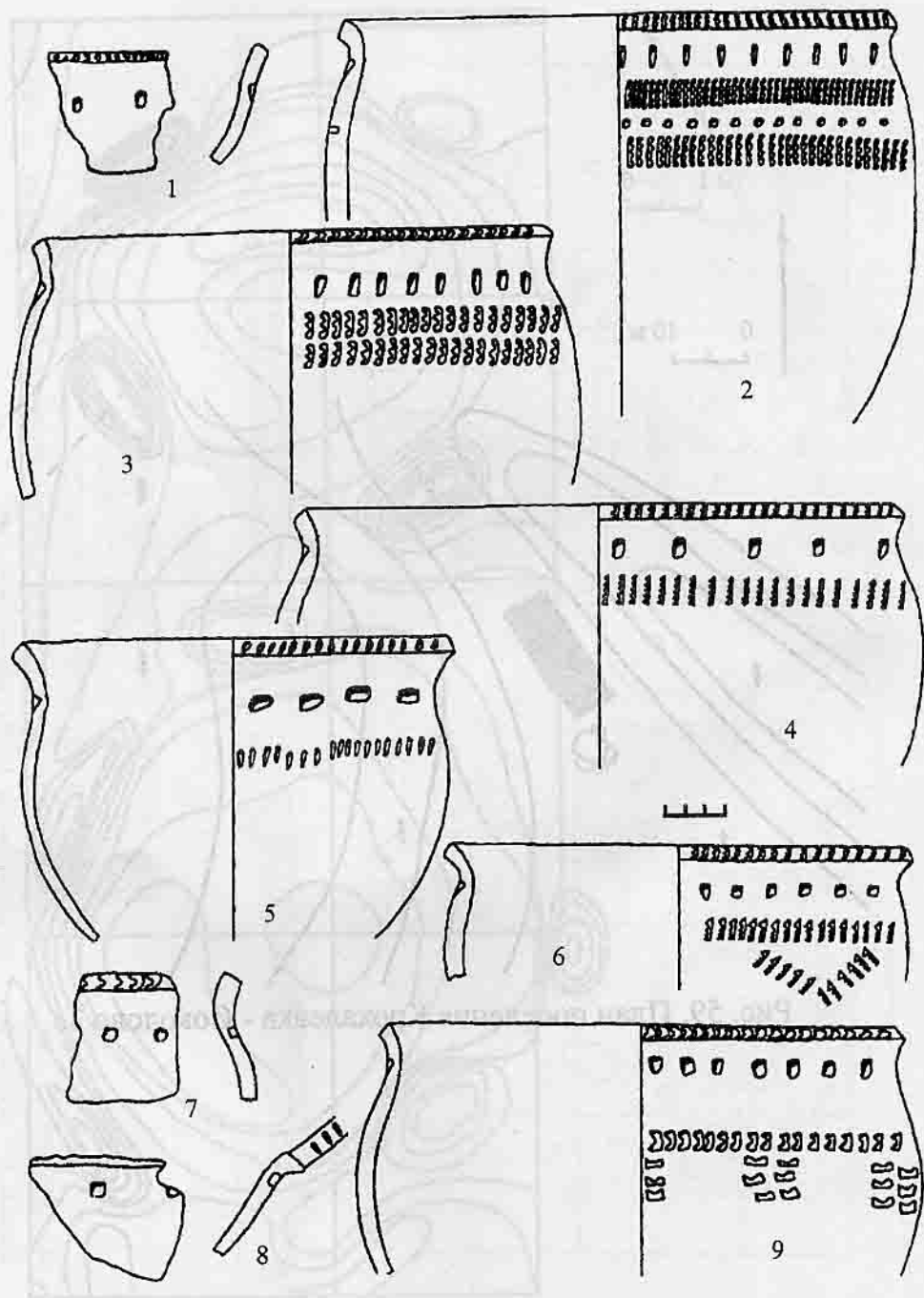

Рис. 58. Городище Каменушка 1. Керамика.

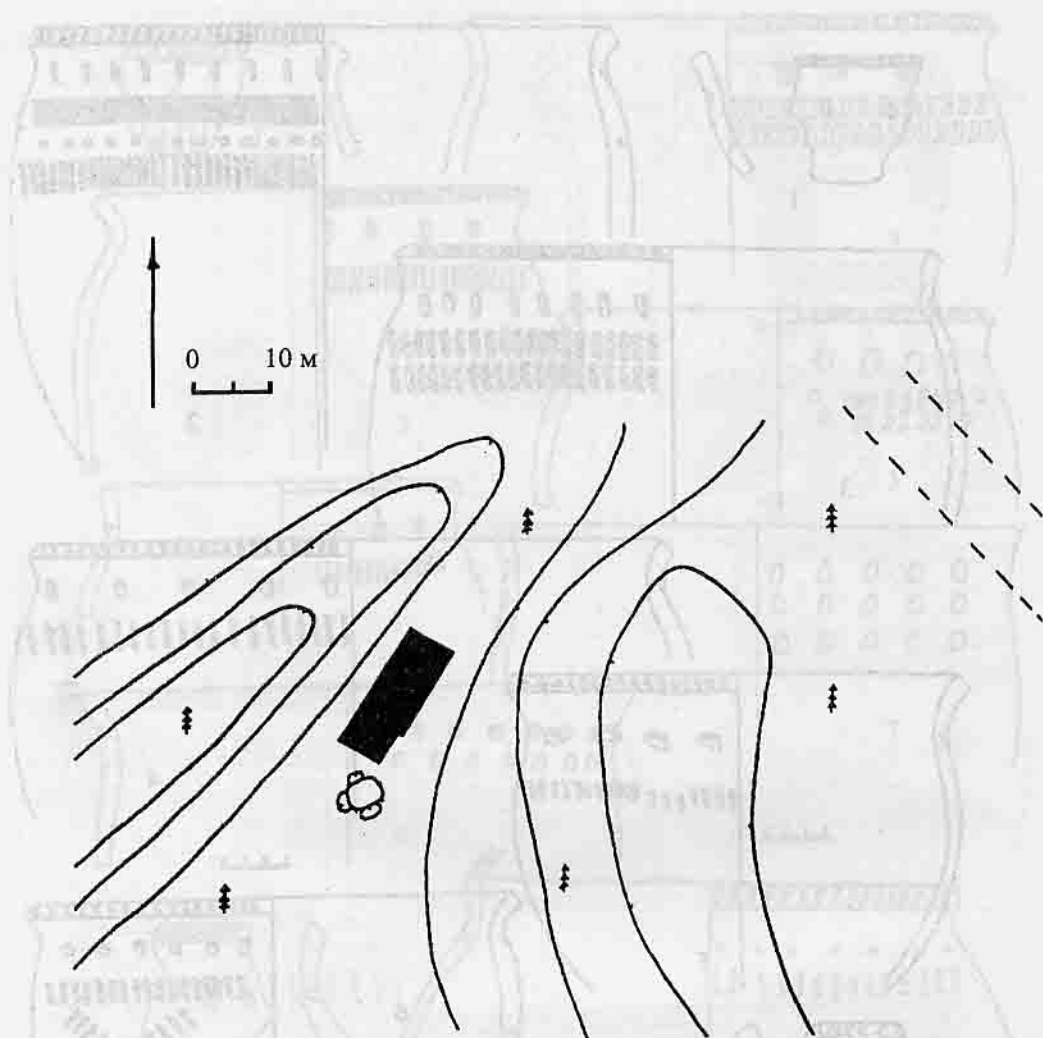

Рис. 59. План поселения Крохалевка - Соколово 3.

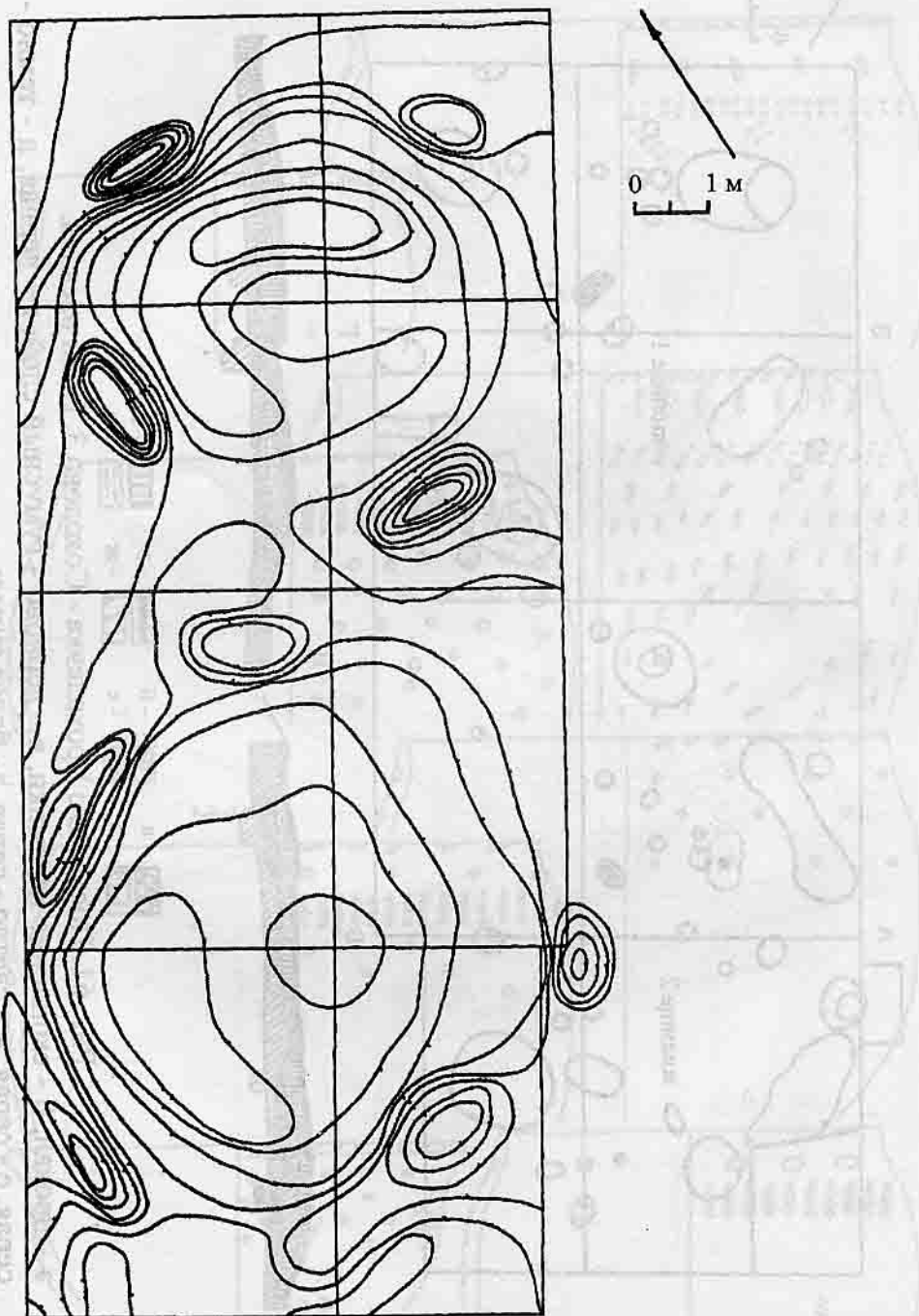

Рис. 60. Поселение Крохалевка - Соколово 3.
Рельеф раскопа.

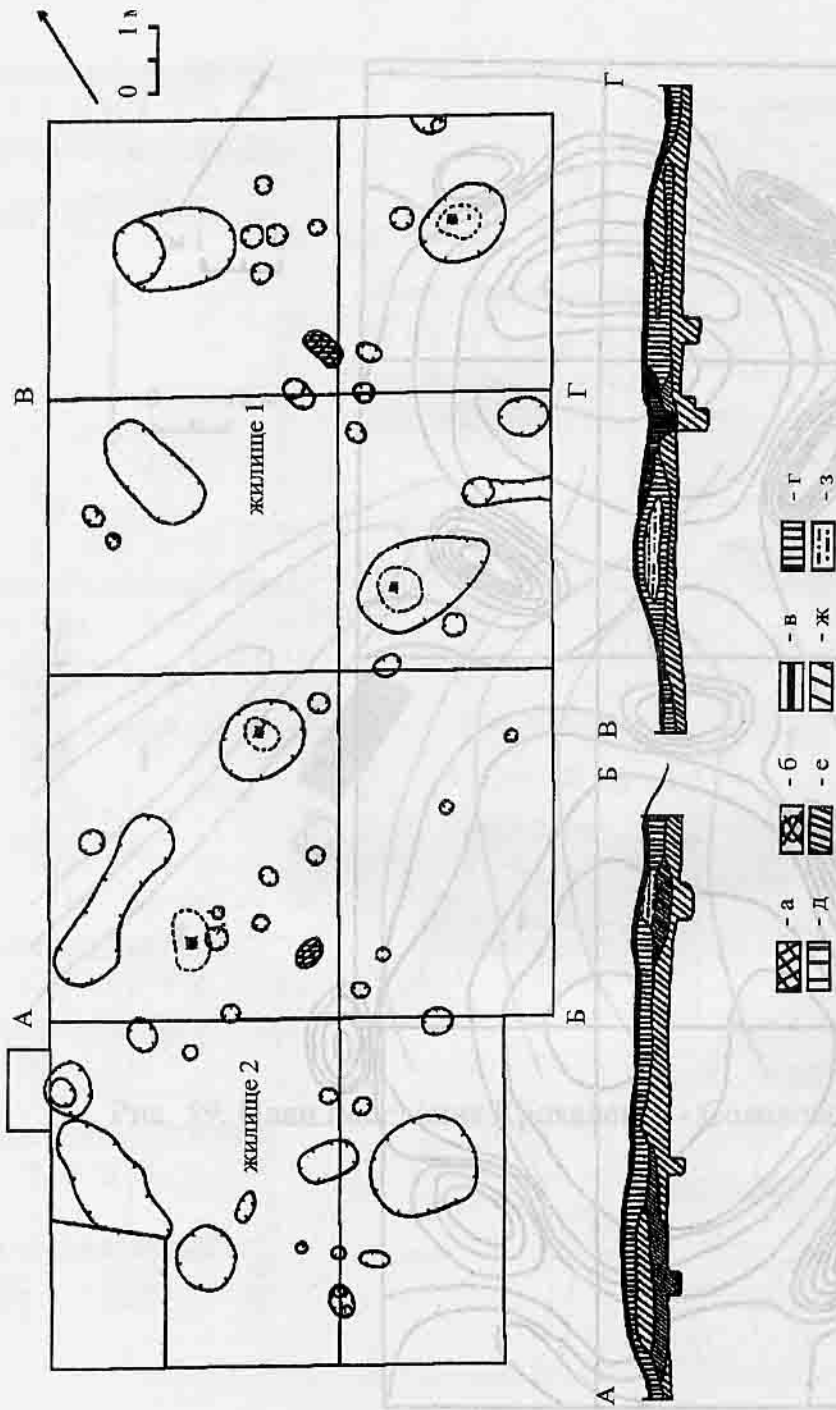

Рис. 61. Поселение Крохалевка - Соколово 3. План раскопа.
 а - провал, б - скопление керамики, в - дерново - гумусный слой, г - черная, д - темно - серая, е - серая, ж - светло - серая, з - белая супесь.

Рис. 60. Поселение Крохалевка - Соколово 3.
 План раскопа.

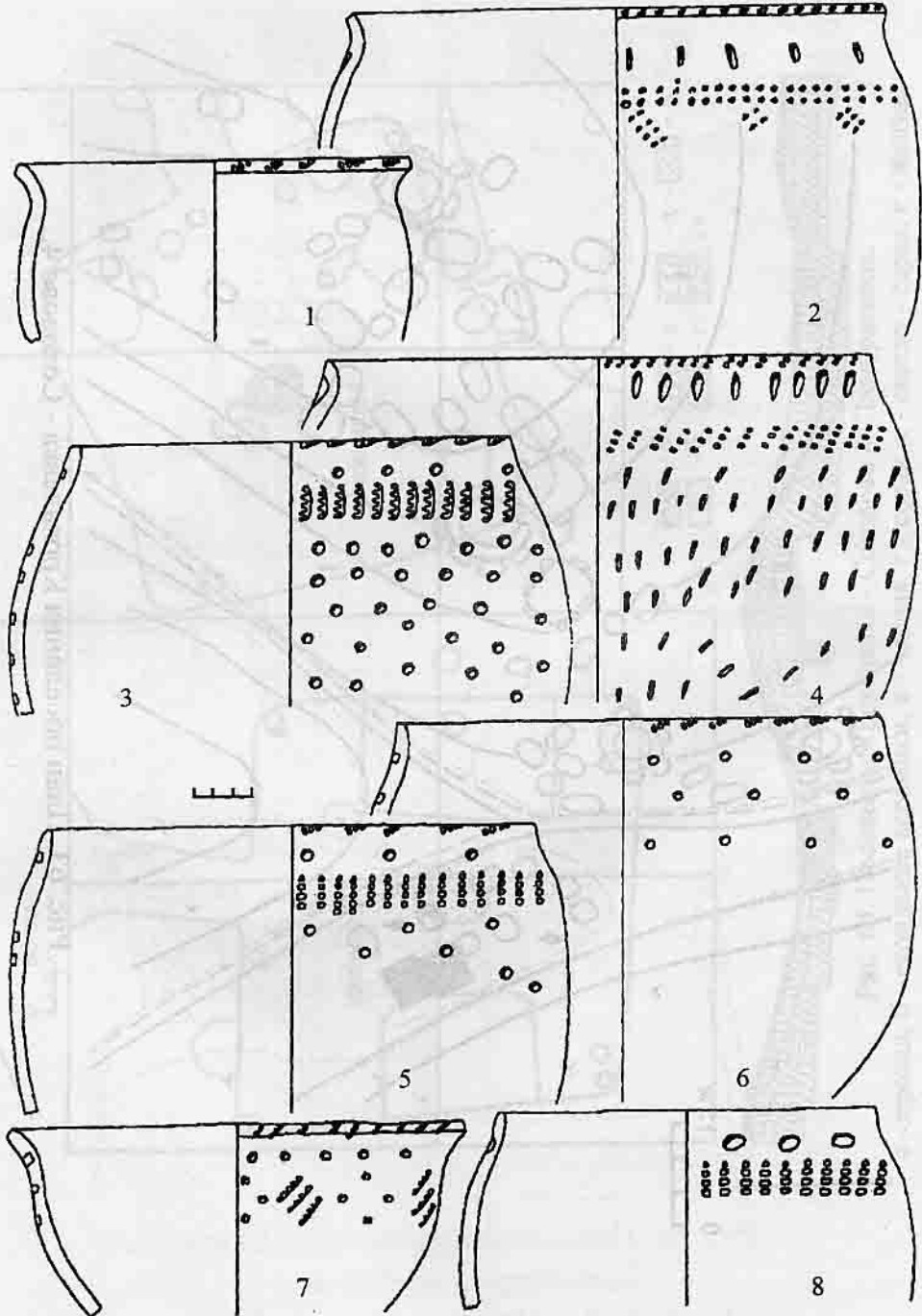

Рис. 62. Поселение Крохалевка - Соколово 3. Керамика.

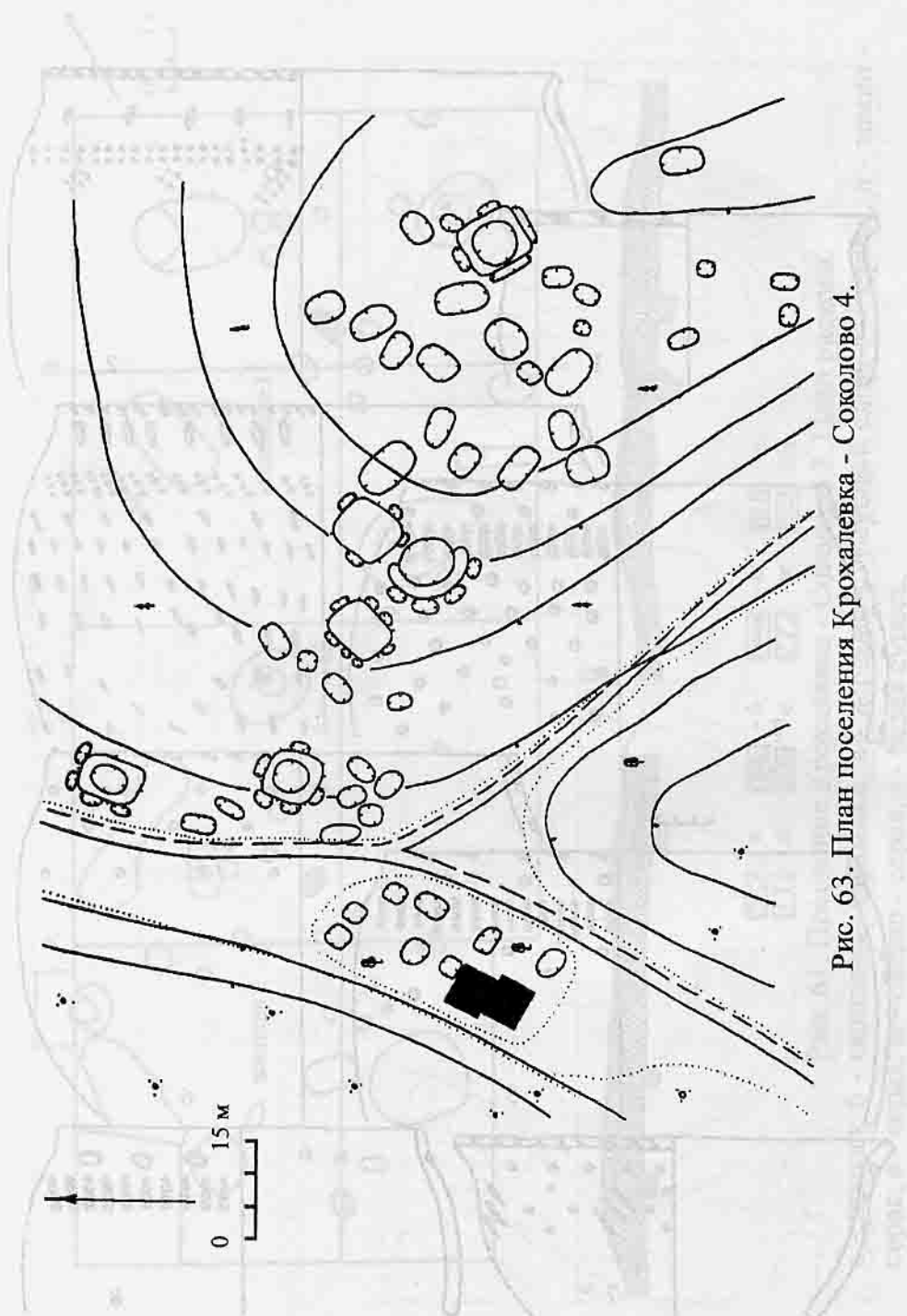

Рис. 63. План поселения Крохалевка - Соколово 4.

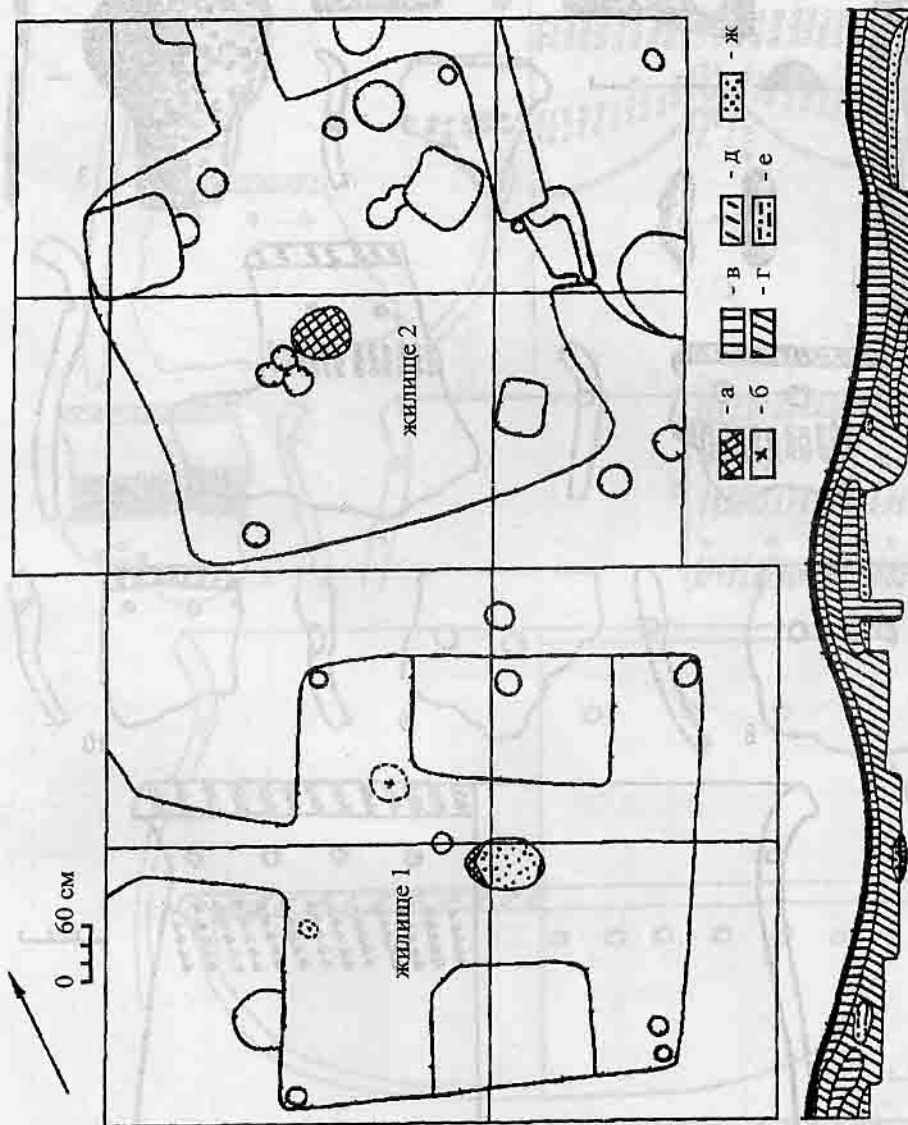

Рис. 64. Поселение Крохалевка - Соколово 4. План раскопа.

а - провал, б - скопление керамики, в - черная, г - серая, д - светло - серая, е - желтая супесь, ж - пепел.

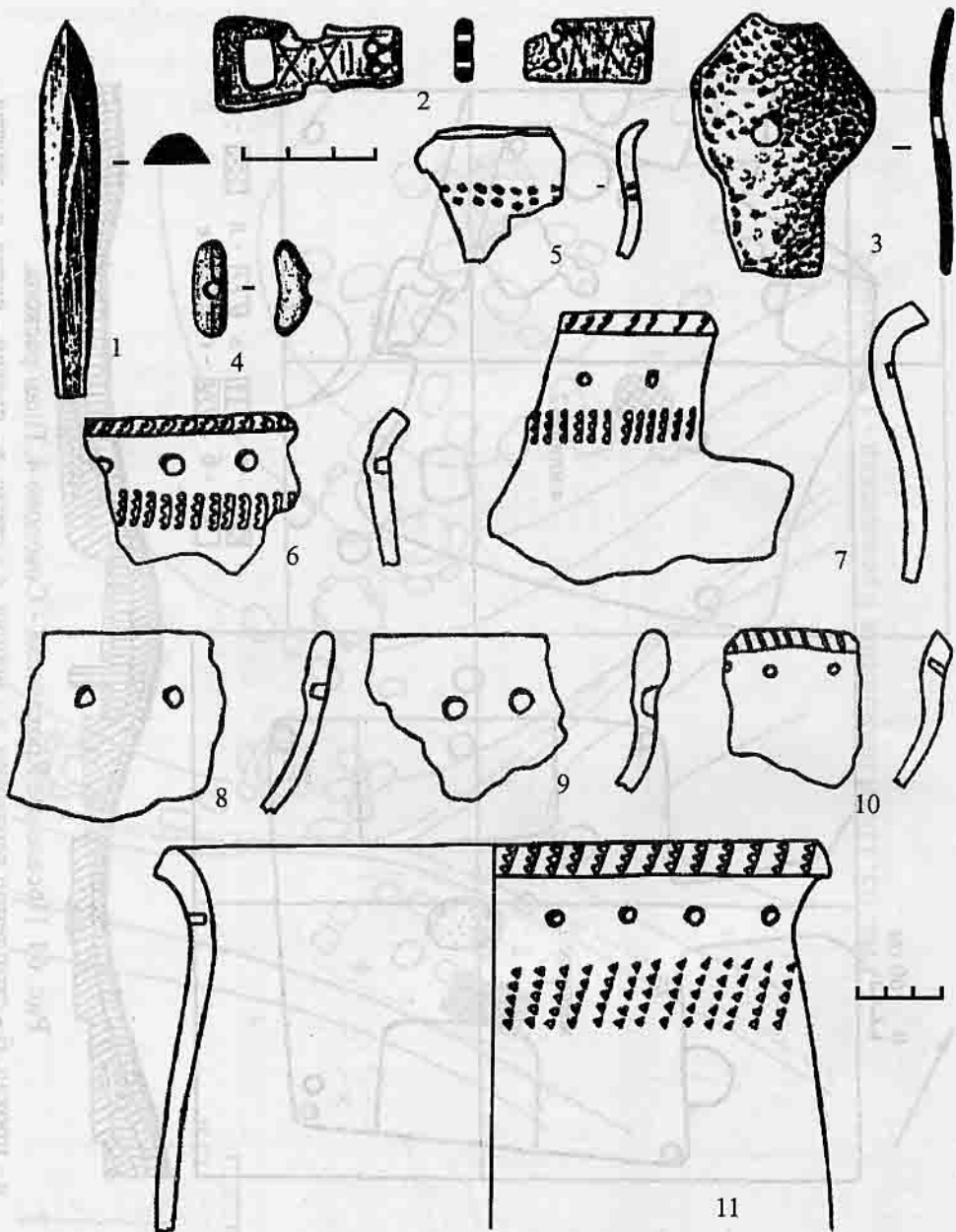

Рис. 65. Поселение Крохалевка - Соколово 4.
Инвентарь и керамика.
1, 2 - кость, 3 - железо, 4 - камень, 5 - 11 - глина.

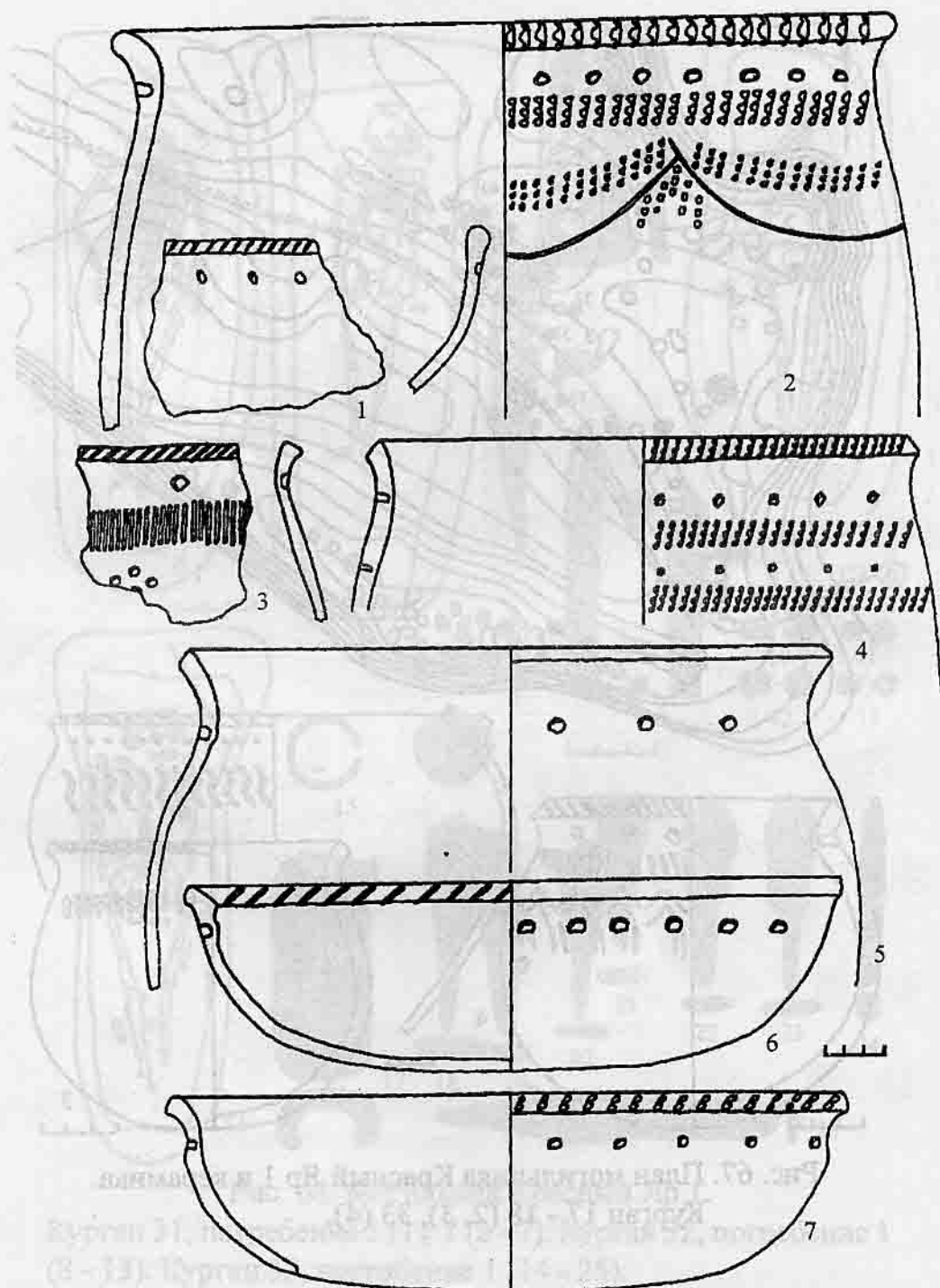

Рис. 66. Поселение Крохалевка - Соколово 4. Керамика.

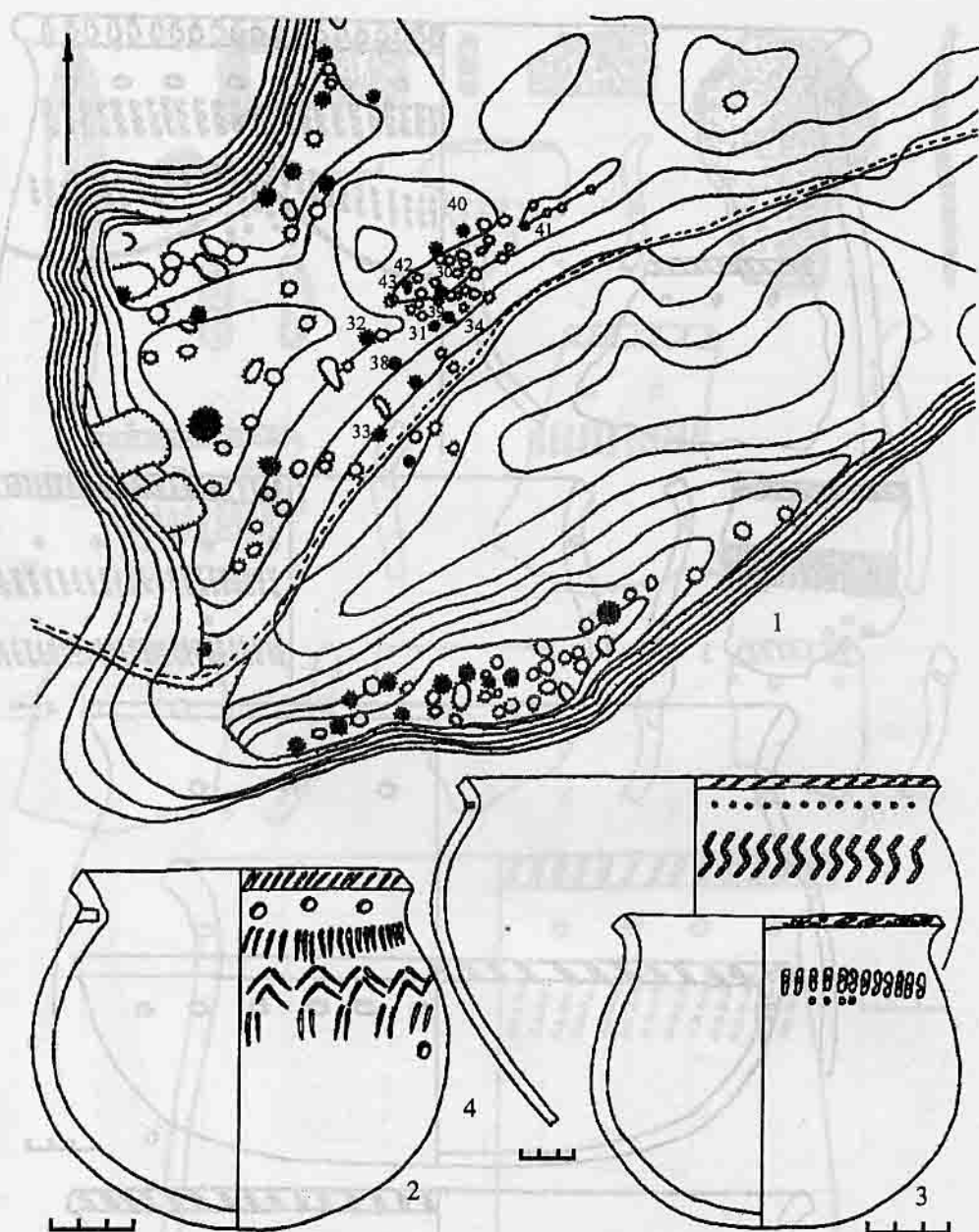

Рис. 67. План могильника Красный Яр 1 и керамика.
Курган 17 - 18 (2, 3), 33 (4).

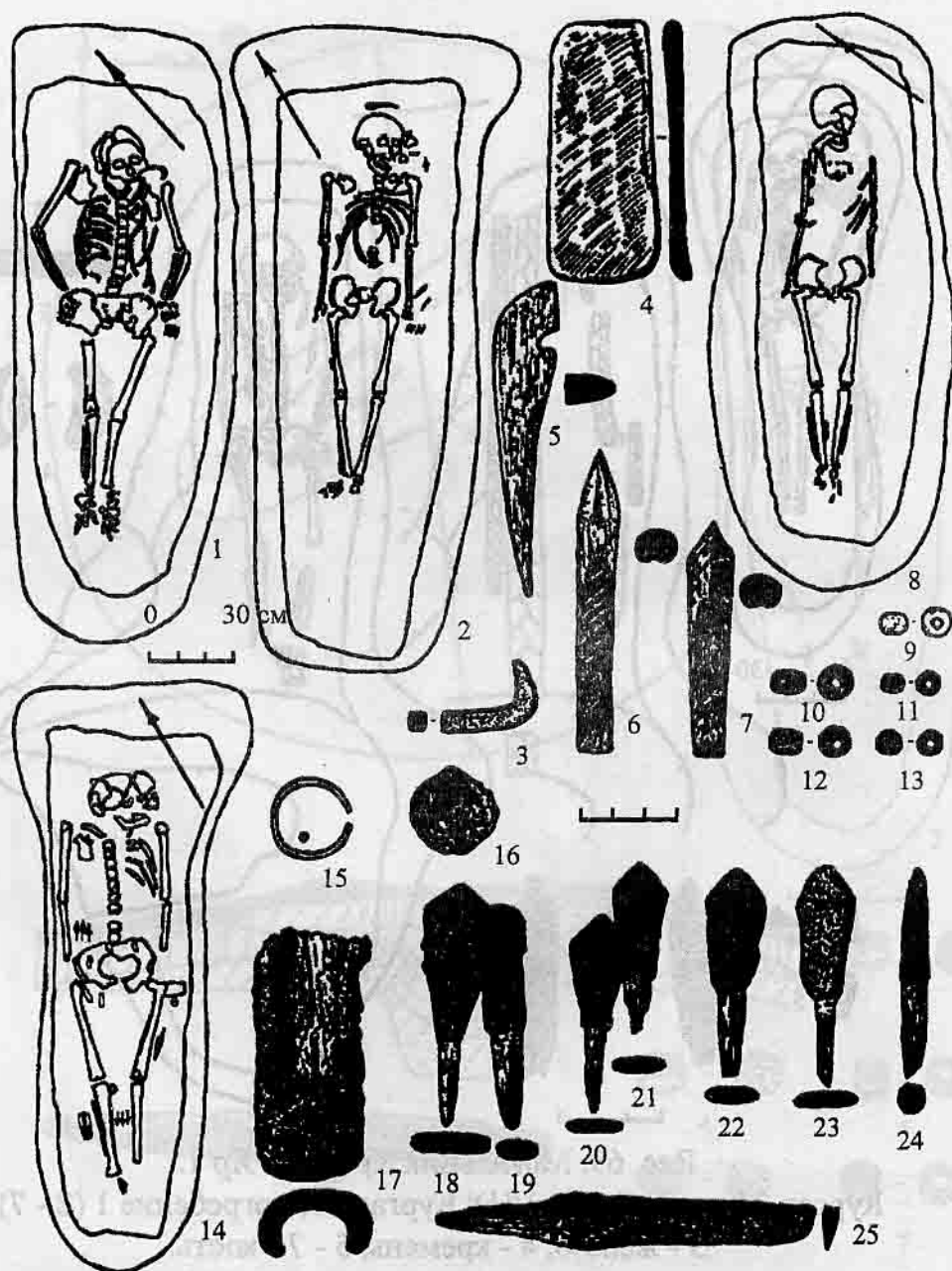

Рис. 68. Могильник Красный Яр 1.

Курган 31, погребение 1 (1), 2 (2 - 7). Курган 32, погребение 1 (8 - 13). Курган 33, погребение 1 (14 - 25).

3, 16 - 25 - железо, 4 - камень, 5 - 7 - кость, 9 - 13 - стекло, 15 - бронза.

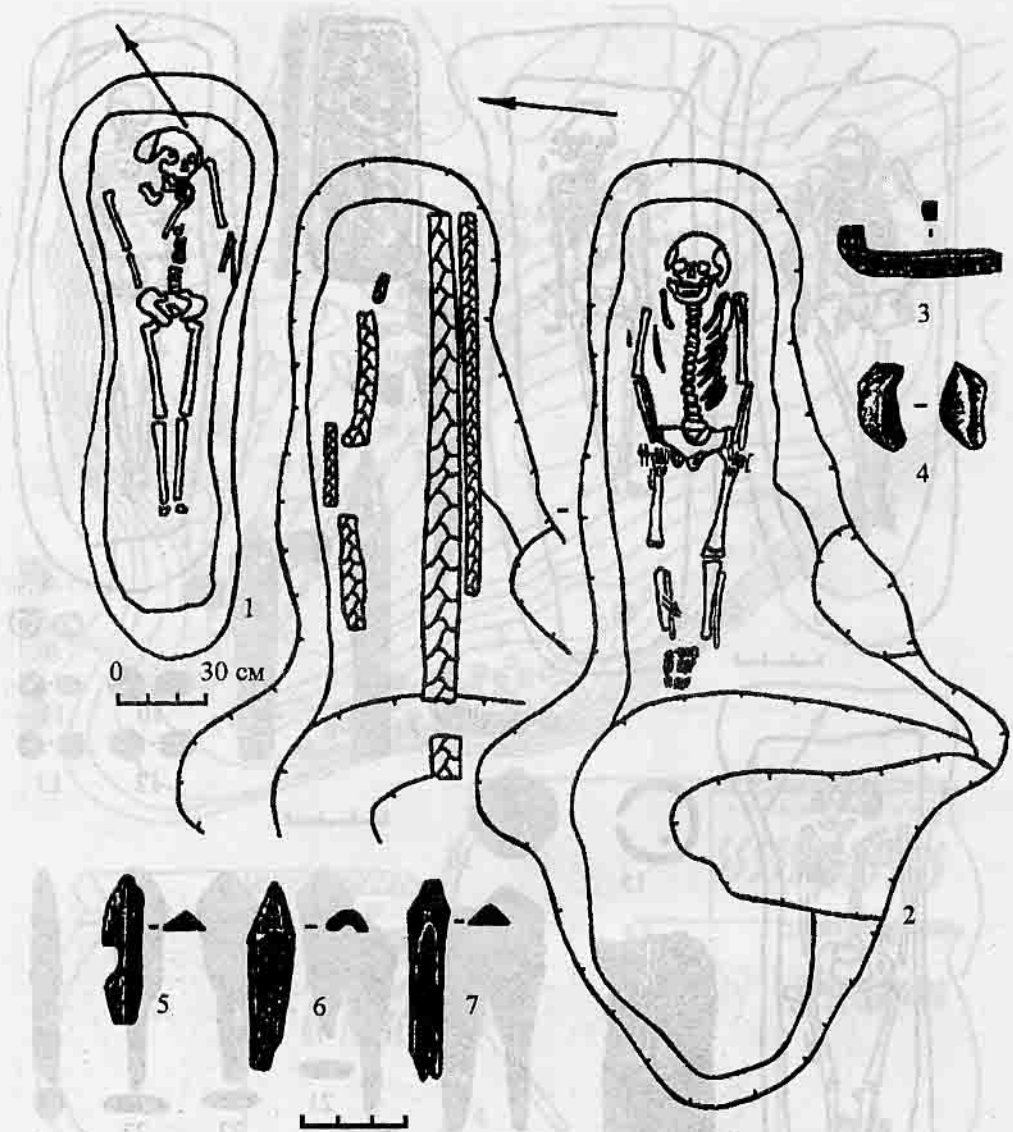

Рис. 69. Могильник Красный Яр 1.

Курган 34, погребение 1 (1). Курган 38, погребение 1 (2 - 7).

3 - железо, 4 - кремнь, 5 - 7 - кость.

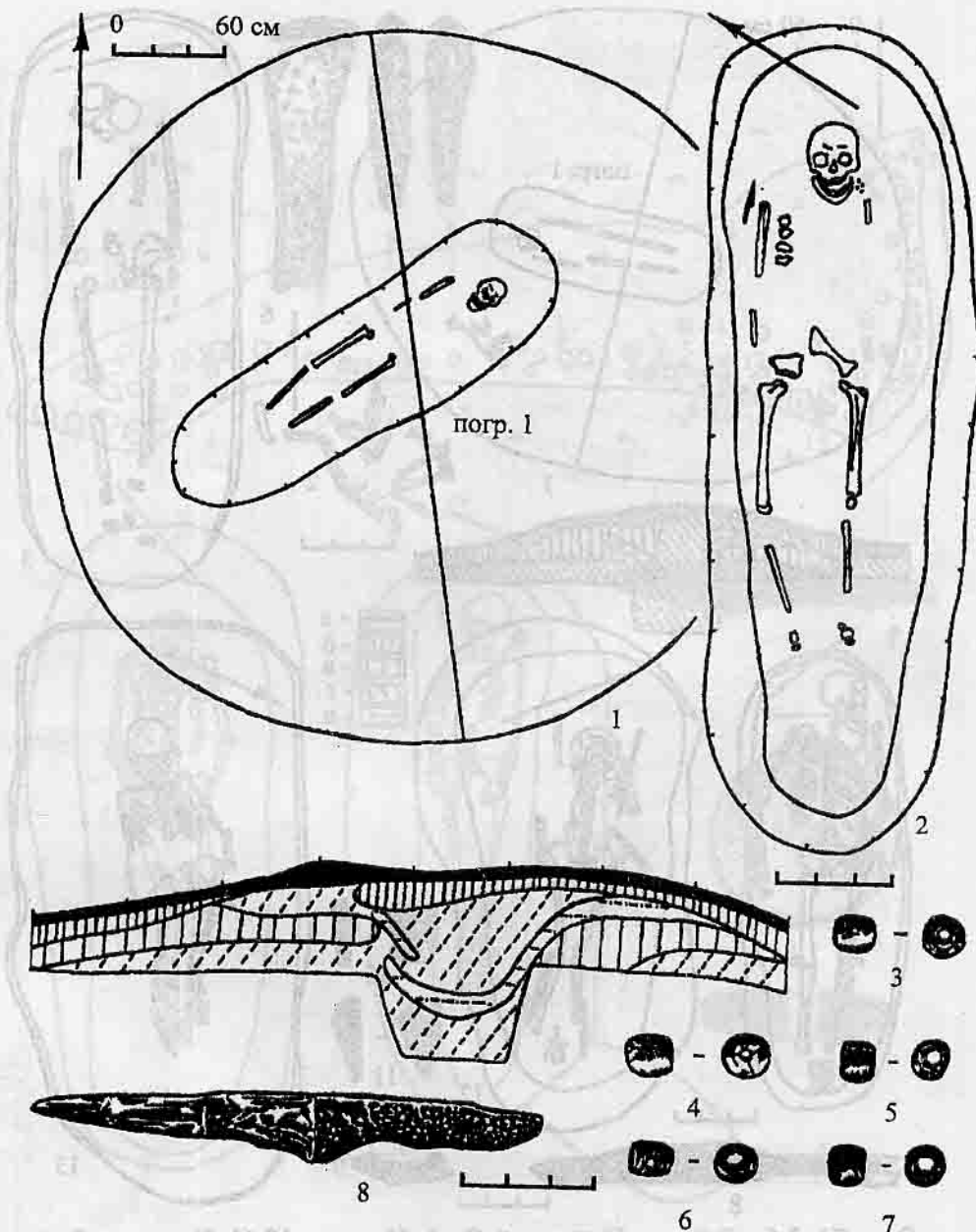

Рис. 70. Могильник Красный Яр 1. Курган 39, погребение 1.
 а - дерново - гумусный слой, б - черный, в - серый, г - светло-серый, д - желтый суглинок. 3 - 7 - стекло, 8 - железо.

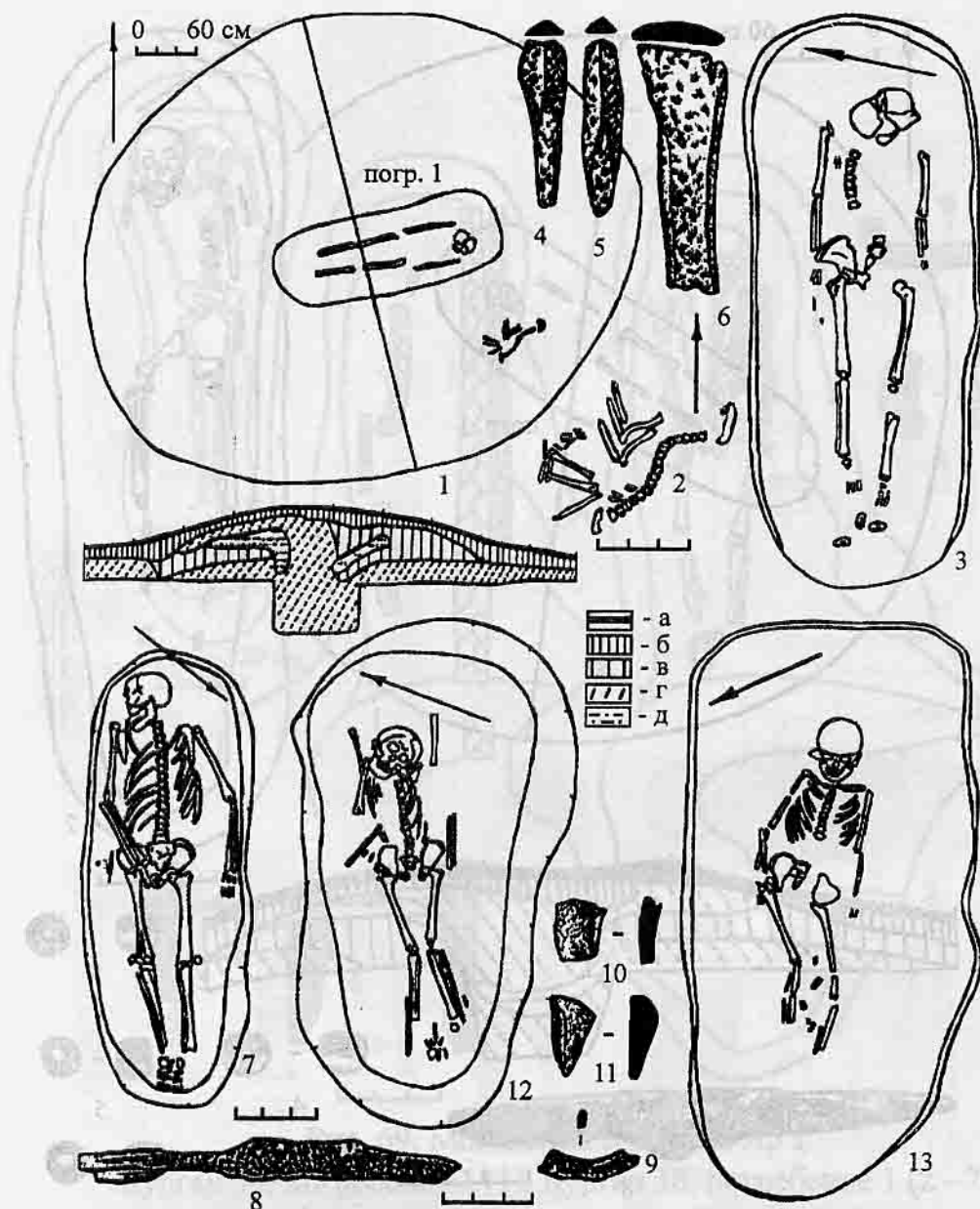

Рис. 71. Могильник Красный Яр 1. Курган 40 (1,2), погребение 1 (3 - 6). Курган 41, погребение 1 (13). Курган 42, погребение 1 (12). Курган 43, погребение 1 (7 - 11).

а - дерново - гумусный слой, б - черный, в - серый, г - светло - серый, д - желтый суглинок, 4 - 6 - кость, 8, 9 - железо, 10, 11 - кремнь.

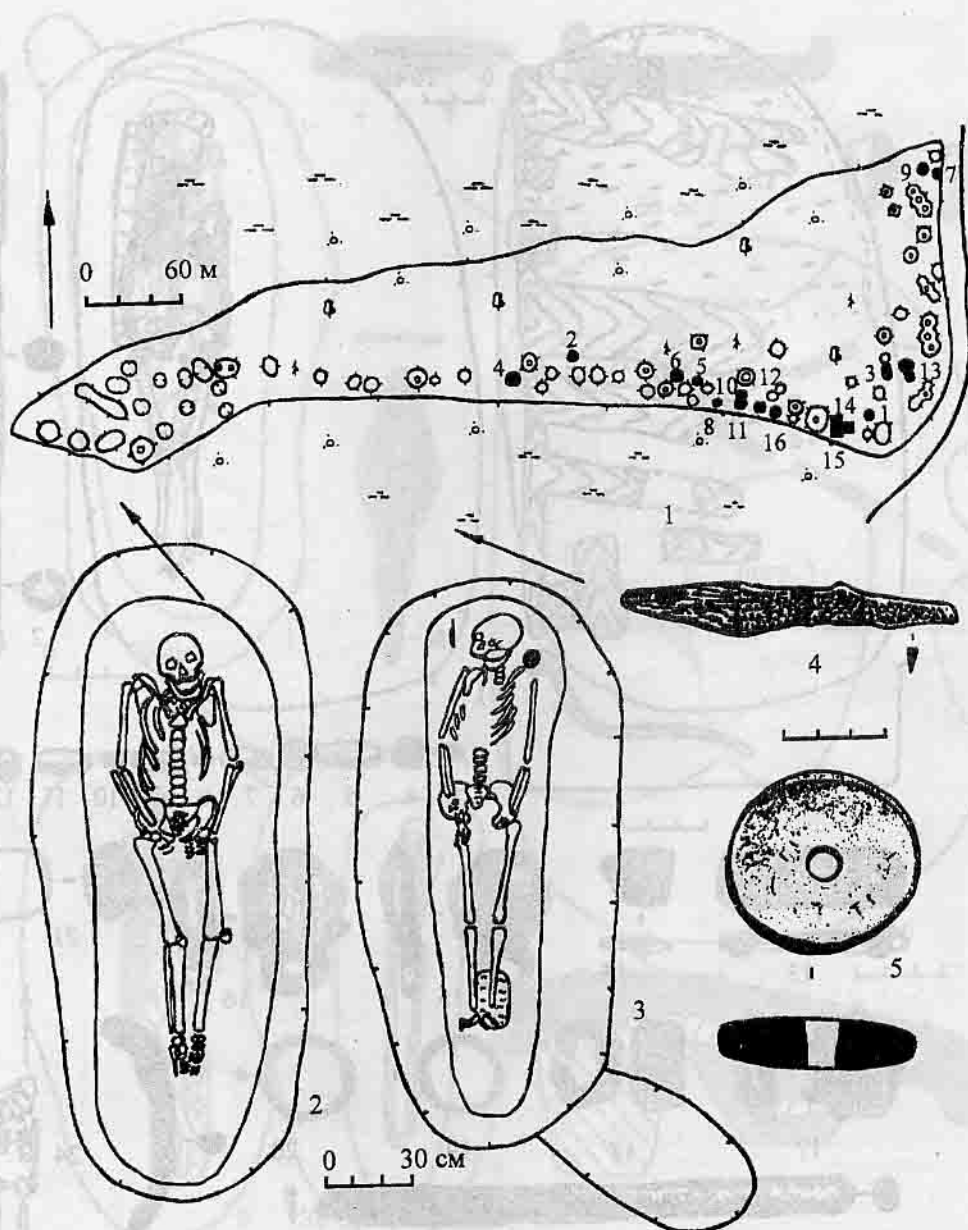

Рис. 72. План могильника Высокий борок.
 Курган 1, погребение 1 (2). Курган 2, погребение 1 (3 - 5).
 4 - железо, 5 - кап (?).

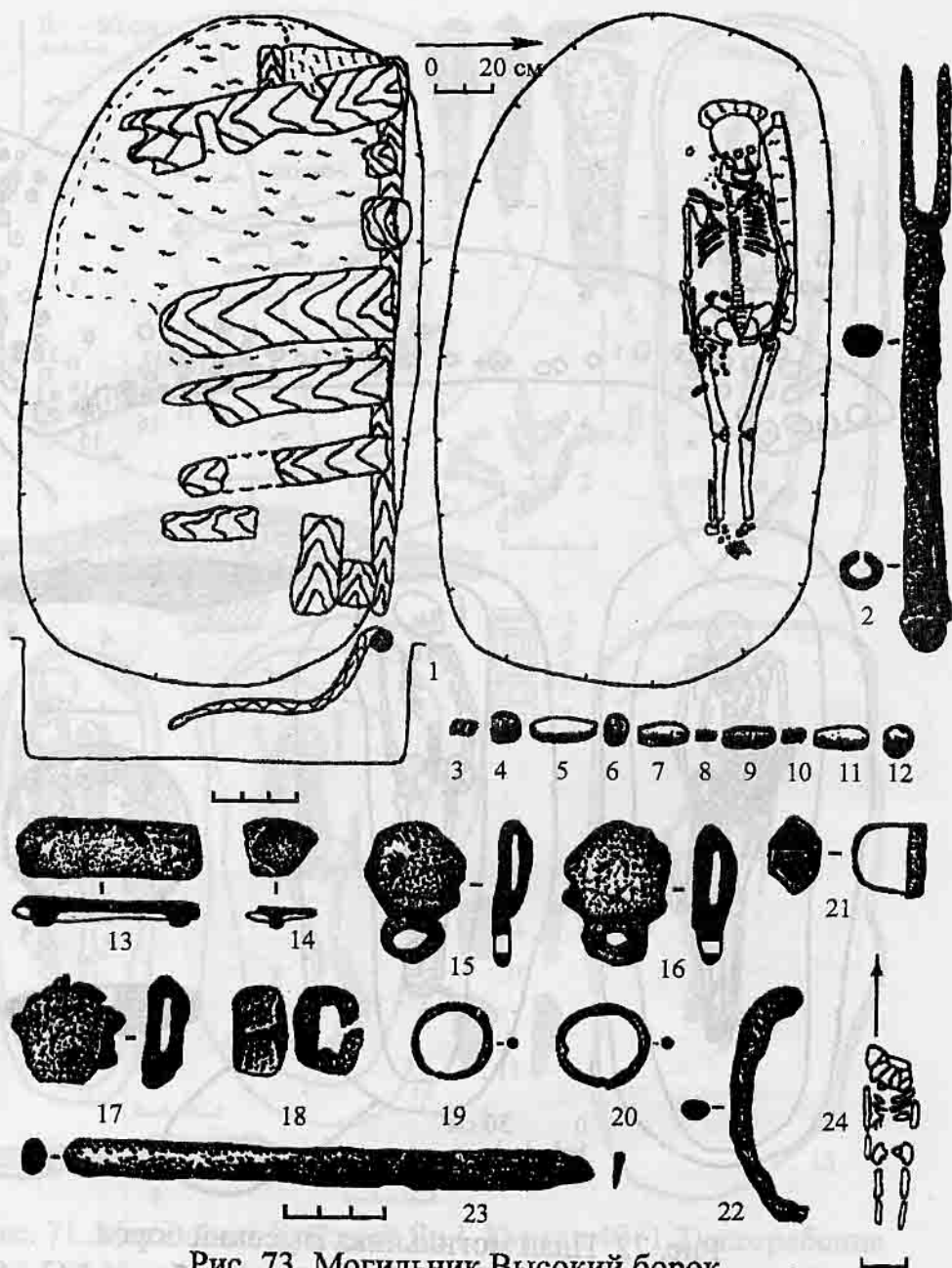

Рис. 73. Могильник Высокий борок.

Курган 4, погребение 1 (1 - 23), 2 (24).

2, 13 - 18, 22 - железо, 3 - 12 - стекло, 19 - серебро,
20 - бронза, 21 - медь, стекло, 23 - железо, кость.

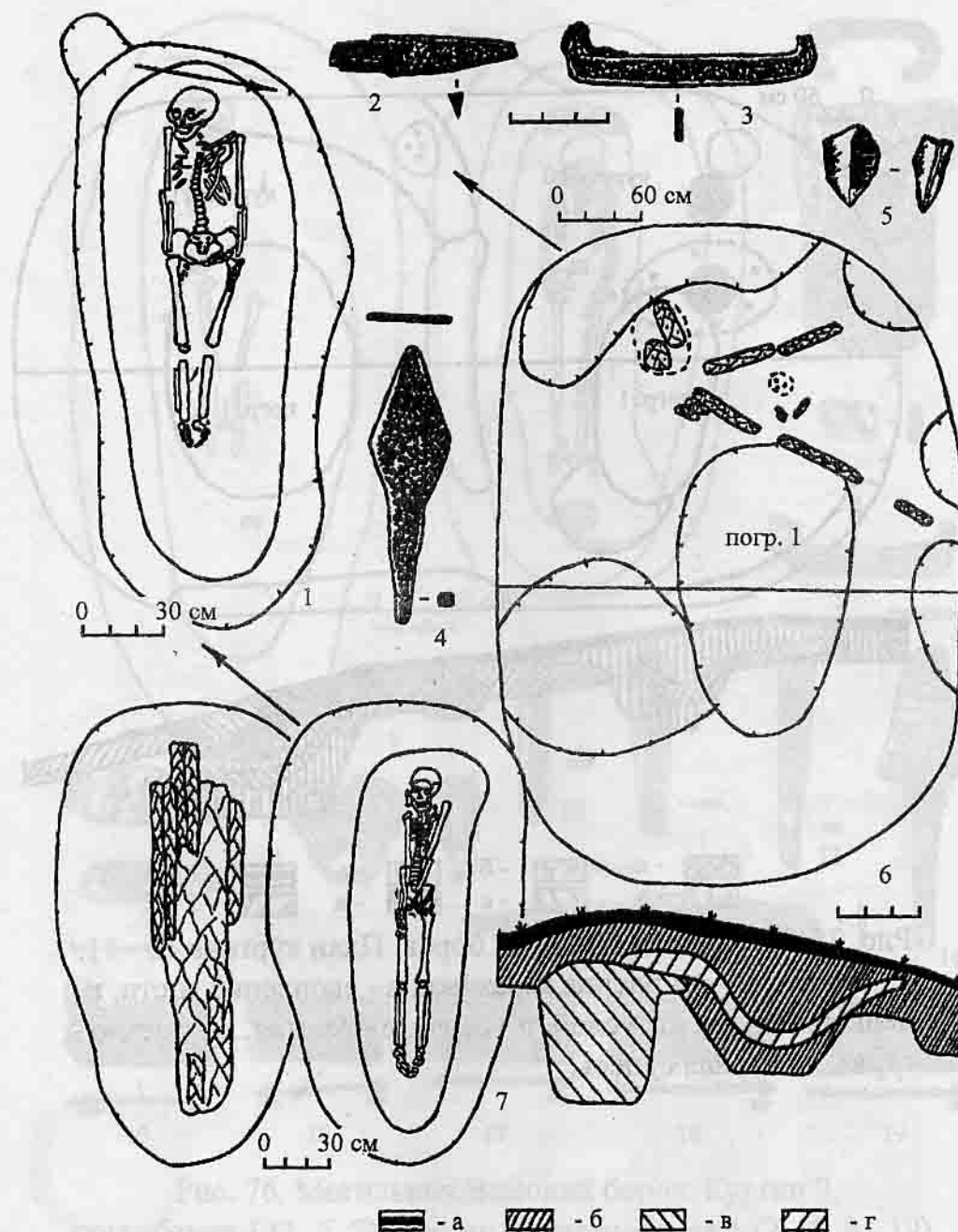

Рис. 74. Могильник Высокий борок. Курган 5, погребение 1 (1, 2). Курган 7, погребение 1 (3 - 5). Курган 8, погребение 1 (6,7). а - дерново - гумусный слой, б - светло - серая, в - черная, г - желтая супесь. 2 - 4 - железо. 5 - кремнь.

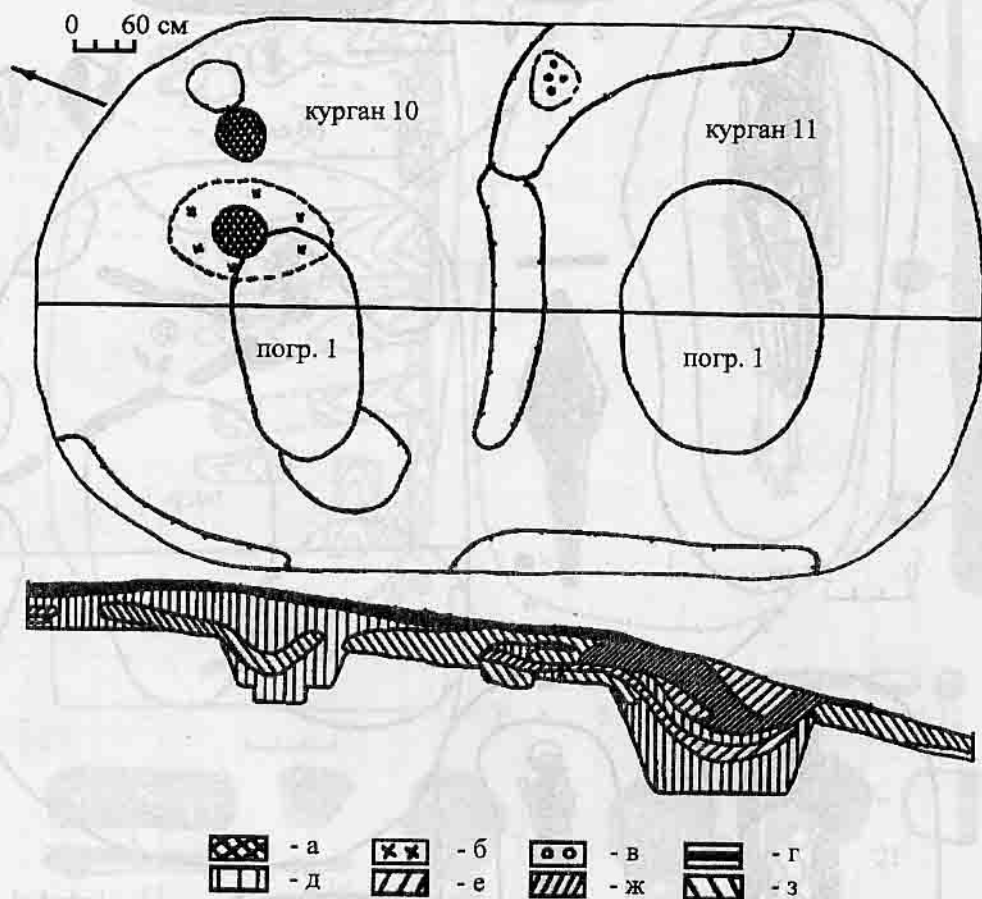

Рис. 75. Могильник Высокий борок. План кургана 10 - 11.
 а - провал, б - скопление керамики, в - скопление кости, г -
 дерново - гумусный слой, д - серая, е - желтая, ж - светло -
 серая, з - черная супесь.

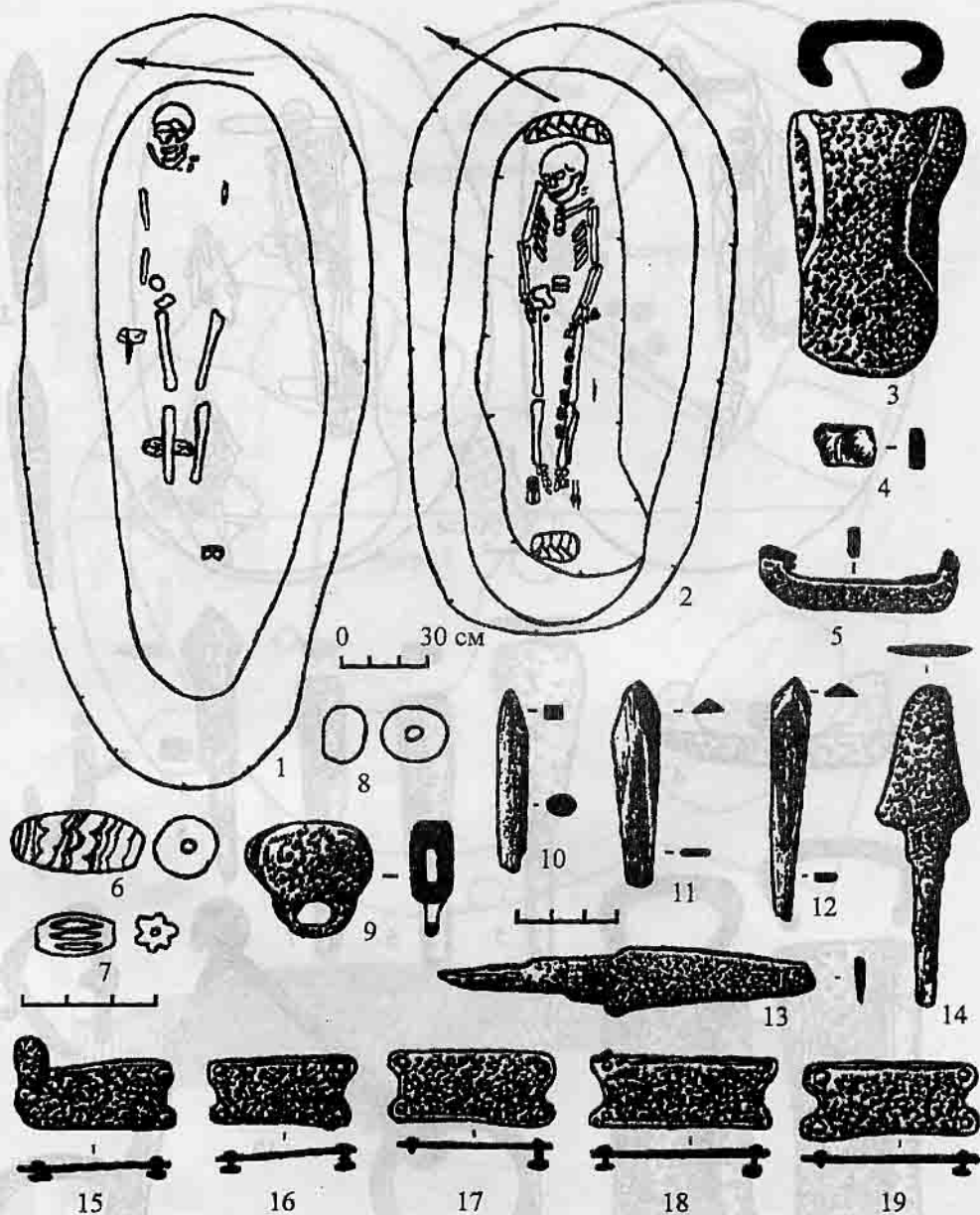

Рис. 76. Могильник Высокий борок. Курган 9, погребение 1 (1, 6, 7). Курган 10, погребение 1 (2 - 5. 8 - 19). 3, 5, 9, 13 - 19 - железо, 4 - кремнь, 6 - 8 - стекло, 10 - 12 - кость.

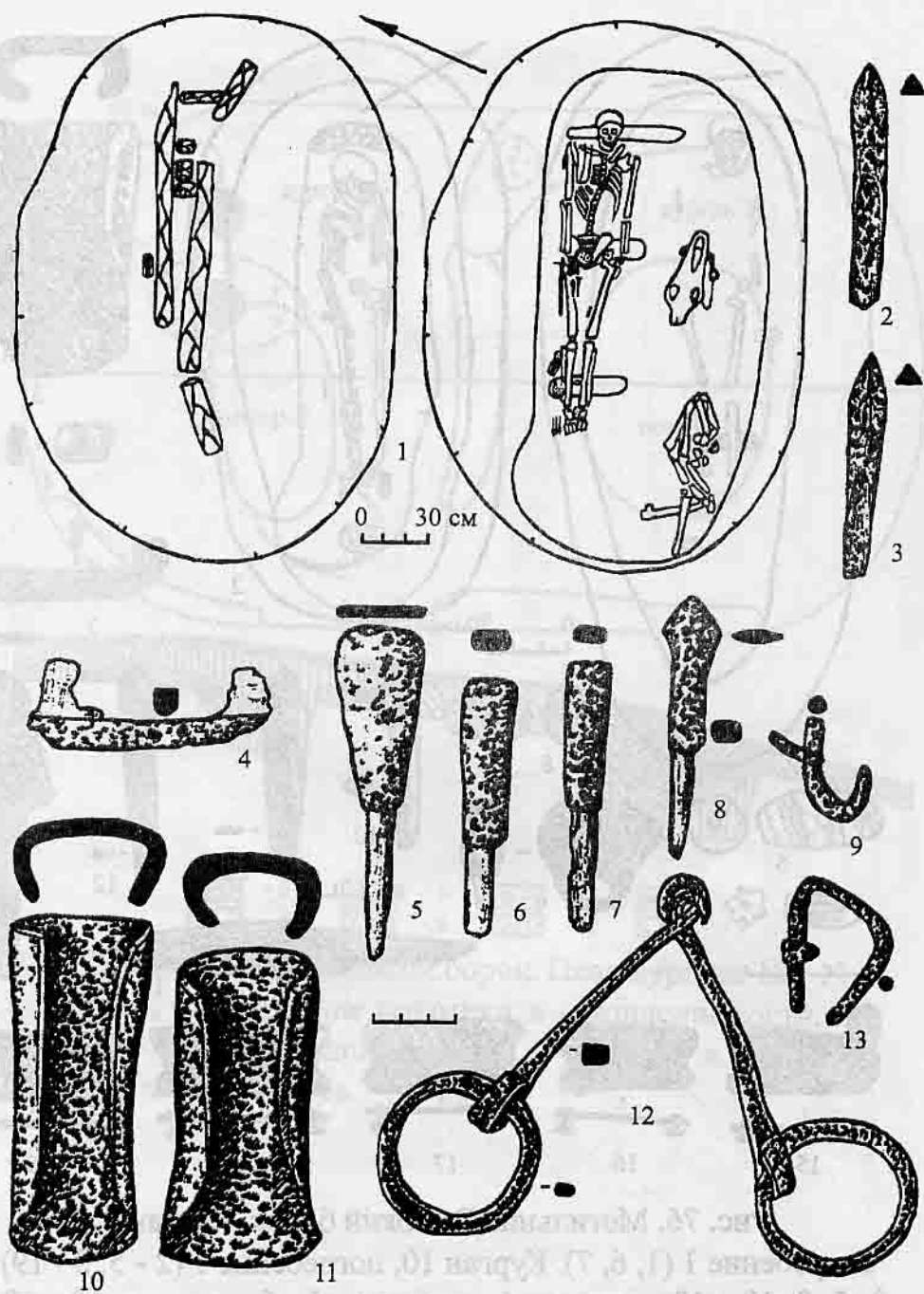

Рис. 77. Могильник Высокий борок. Курган 11, погребение 1.
2, 3 - кость. 4 - 13 - железо.

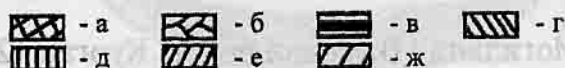
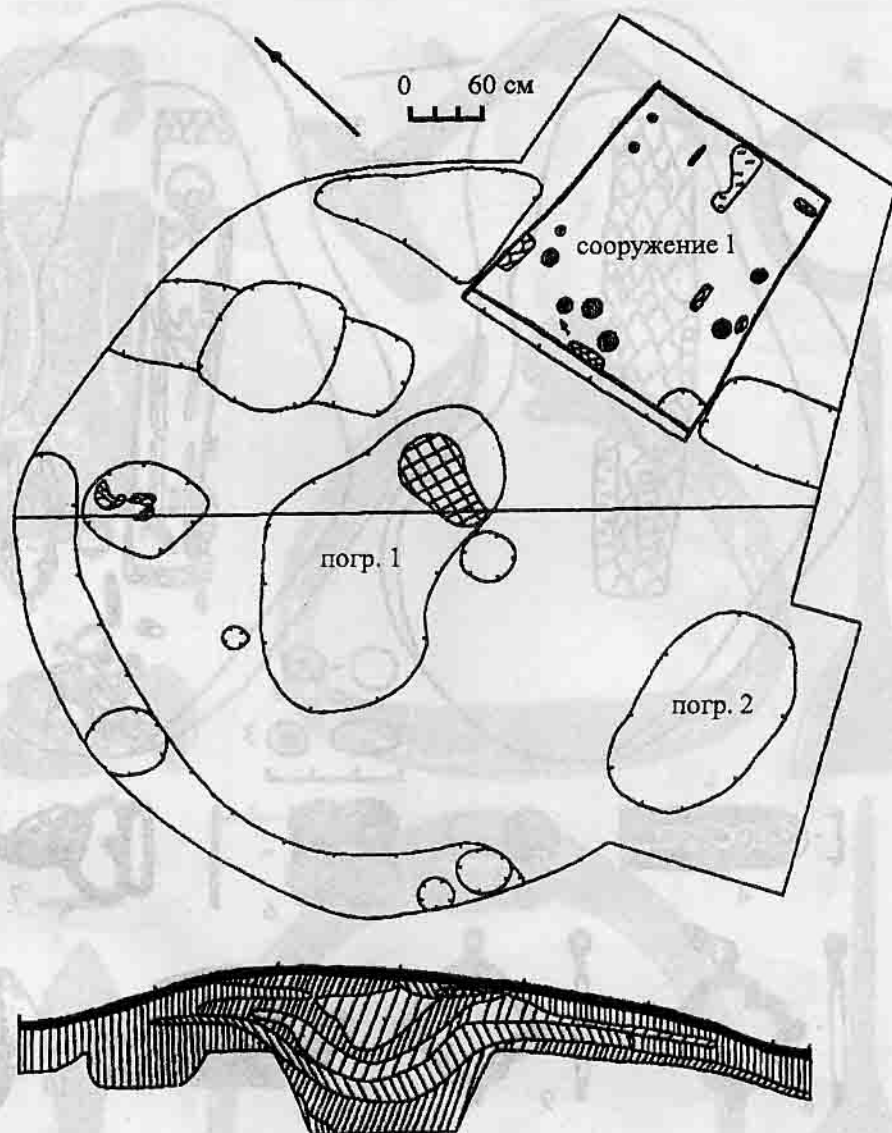

Рис. 78. Могильник Высокий борок. План кургана 12.
 а - прокол, б - обожженное дерево. в - дерново - гумусный слой,
 г - черная. д - серая, е - светло - серая, ж - желтая супесь.

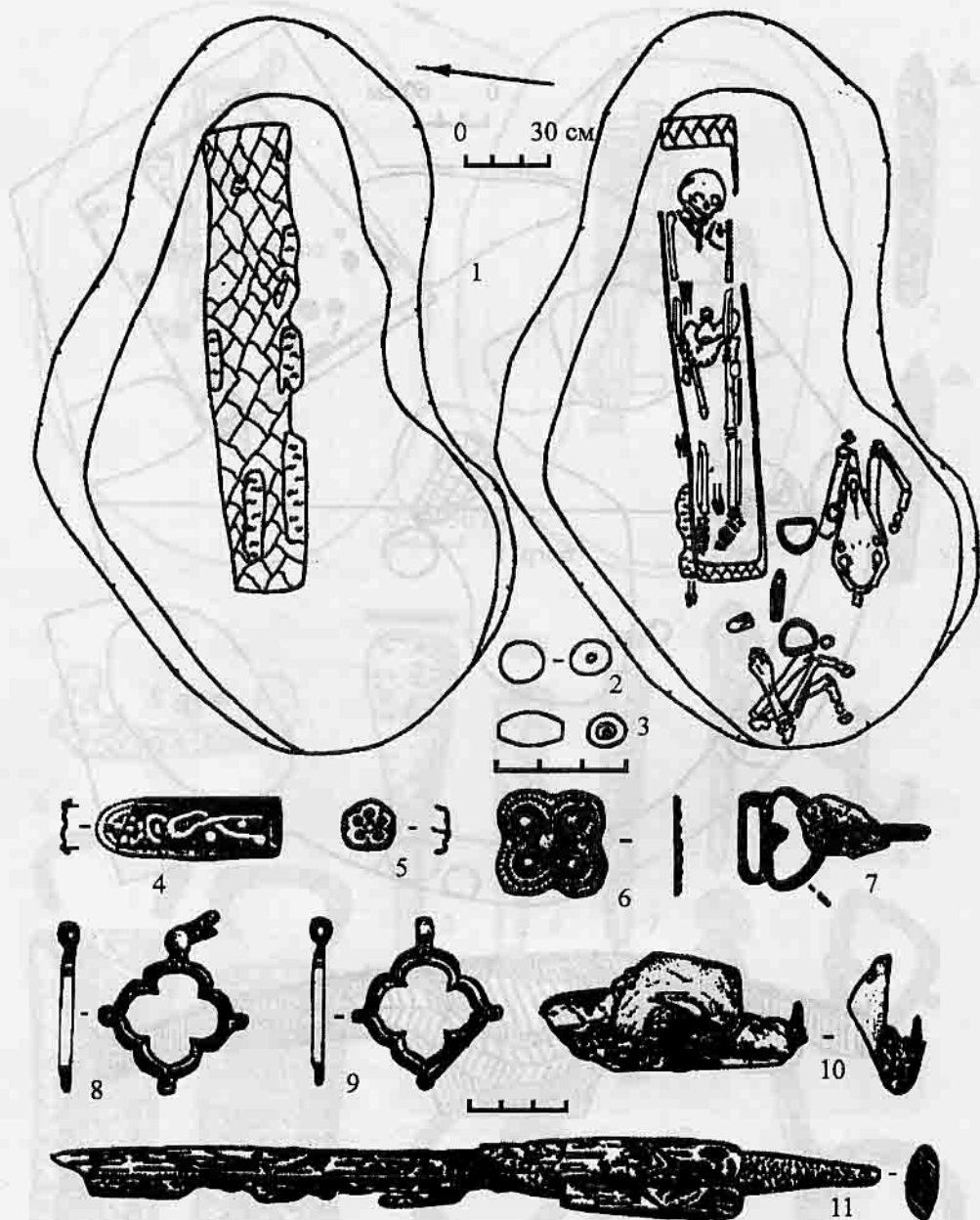

Рис. 79. Могильник Высокий борок. Курган 12, погребение 1.
 2, 3 - стекло, 4 - 9 - бронза, 10 - железо, дерево, кремнь, 11 -
 железо, дерево.

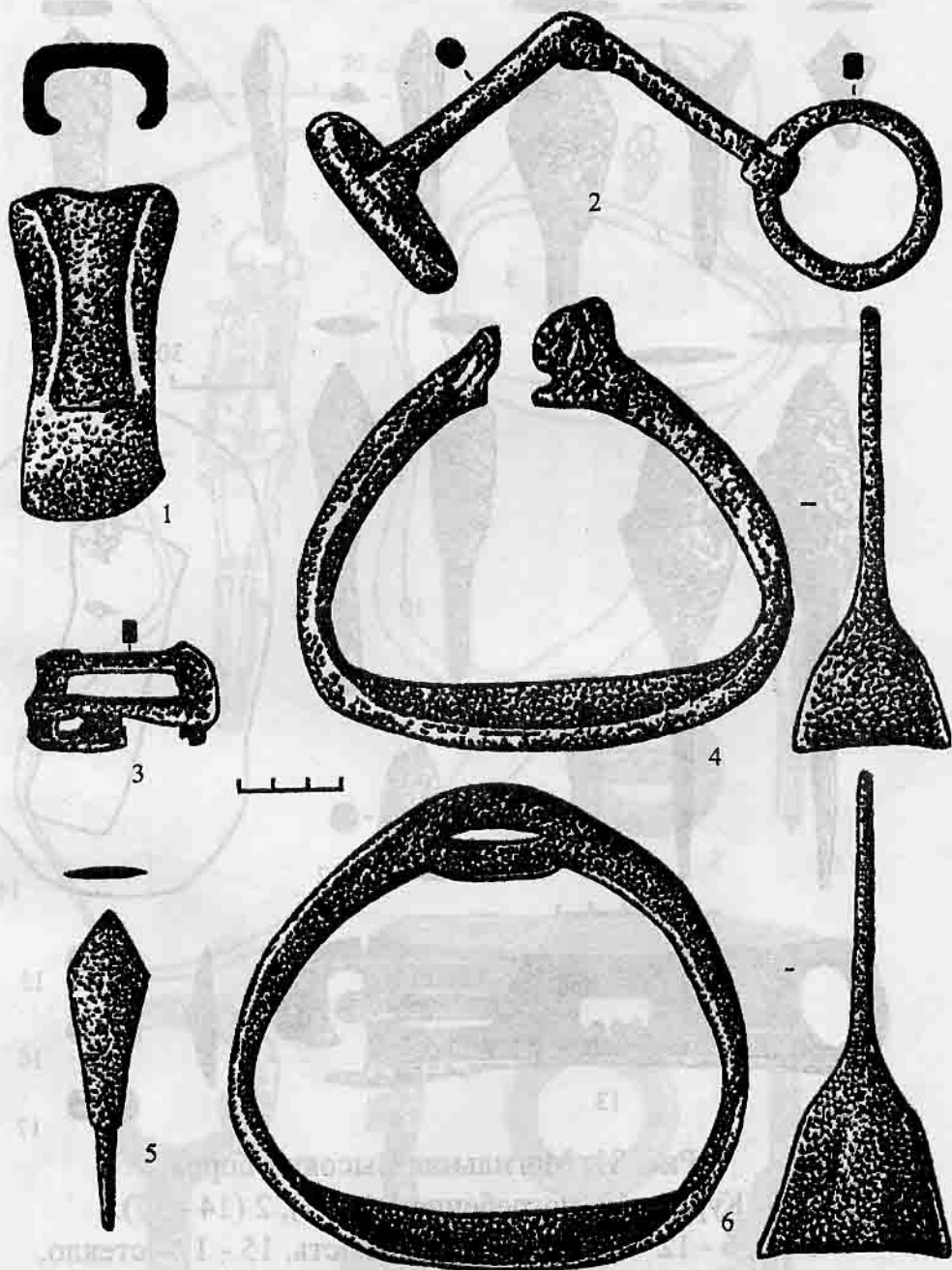

Рис. 80. Могильник Высокий борок.
 Курган 12, погребение 1.
 1 - 6 - железо.

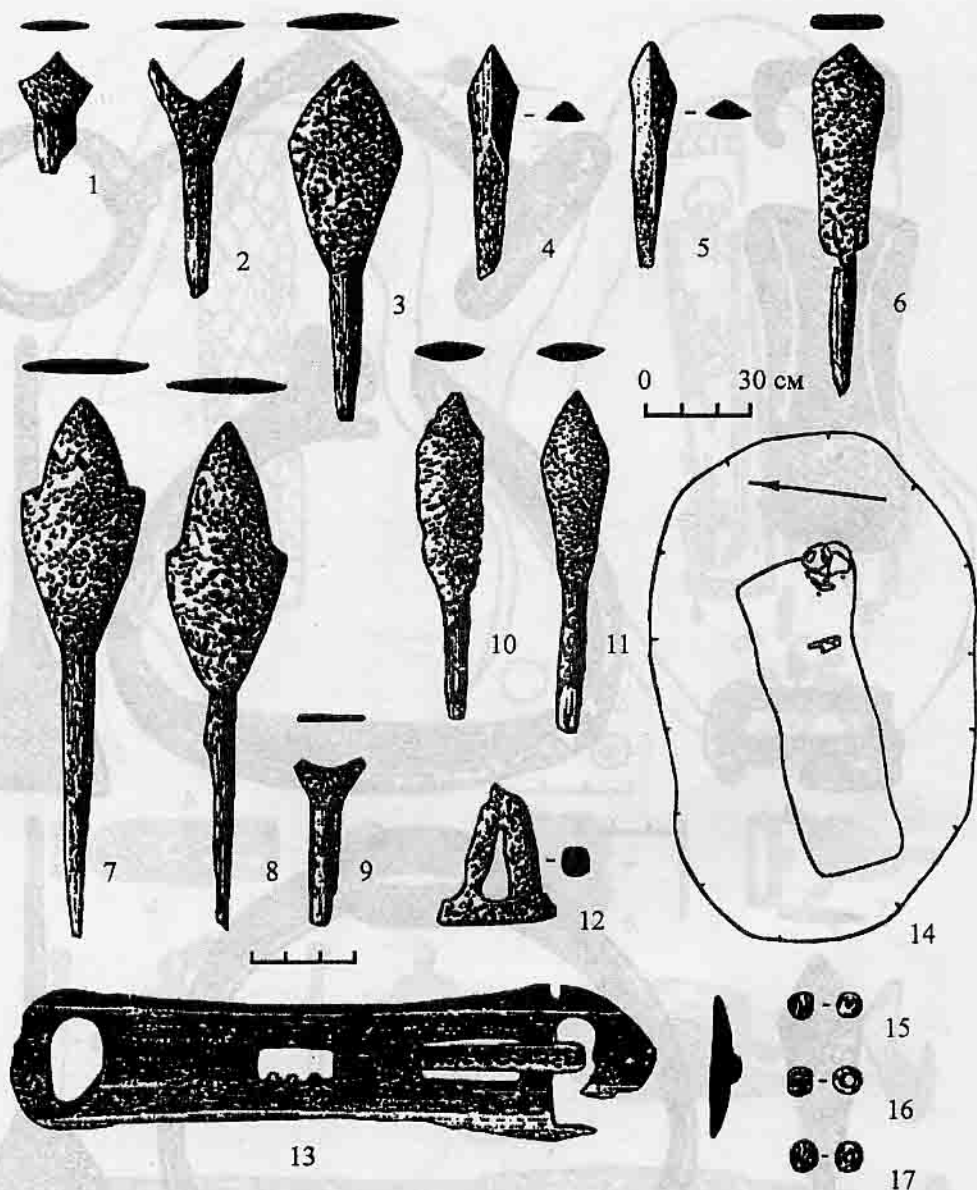

Рис. 81. Могильник Высокий борок.
 Курган 12, погребение 1 (1 - 3), 2 (14 - 17).
 1 - 3, 6 - 12 - железо, 4, 5, 13 - кость, 15 - 17 - стекло.

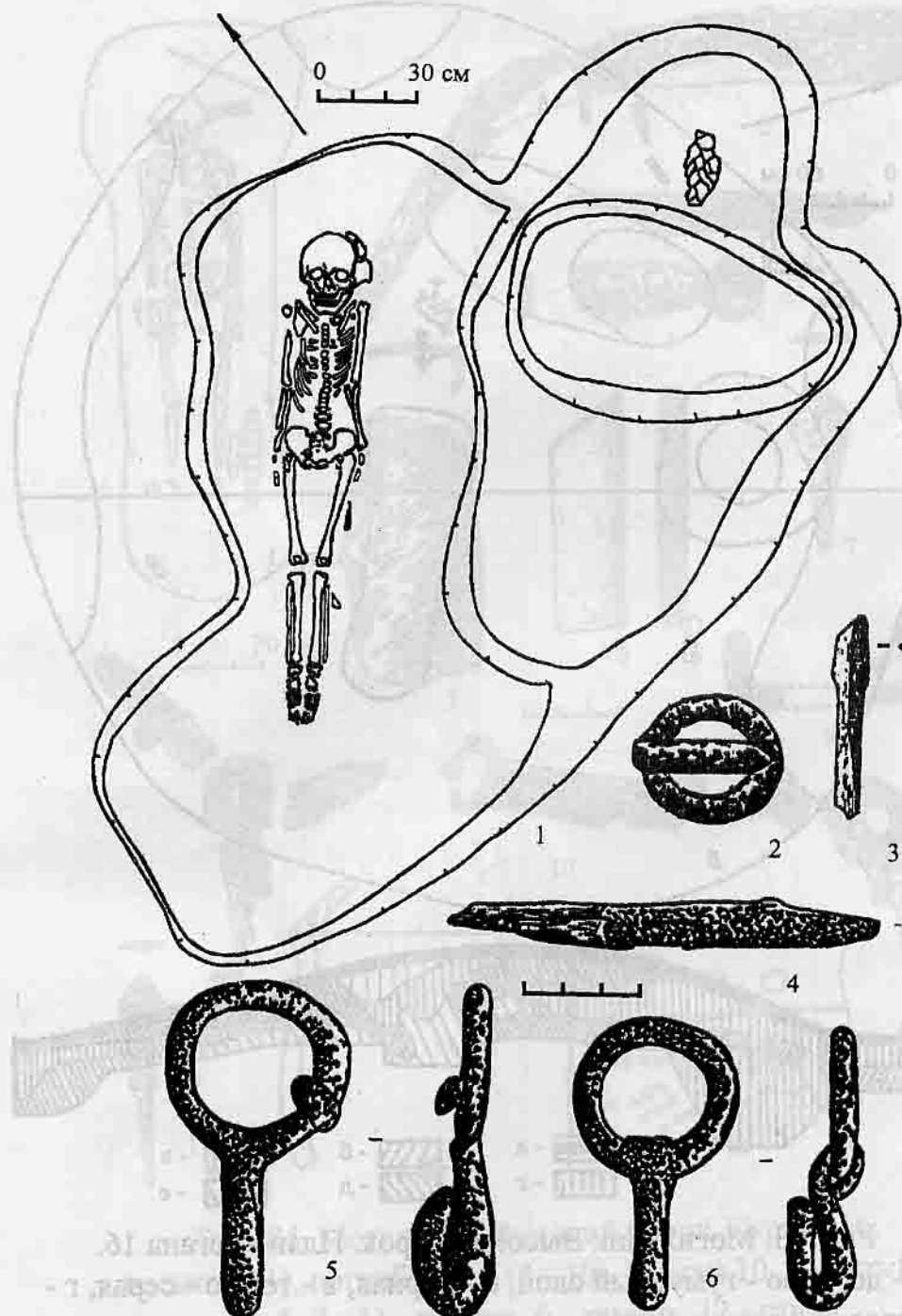

Рис. 82. Могильник Высокий борок. Курган 14, погребение 1.
2, 4 - 6 - железо, 3 - кость.

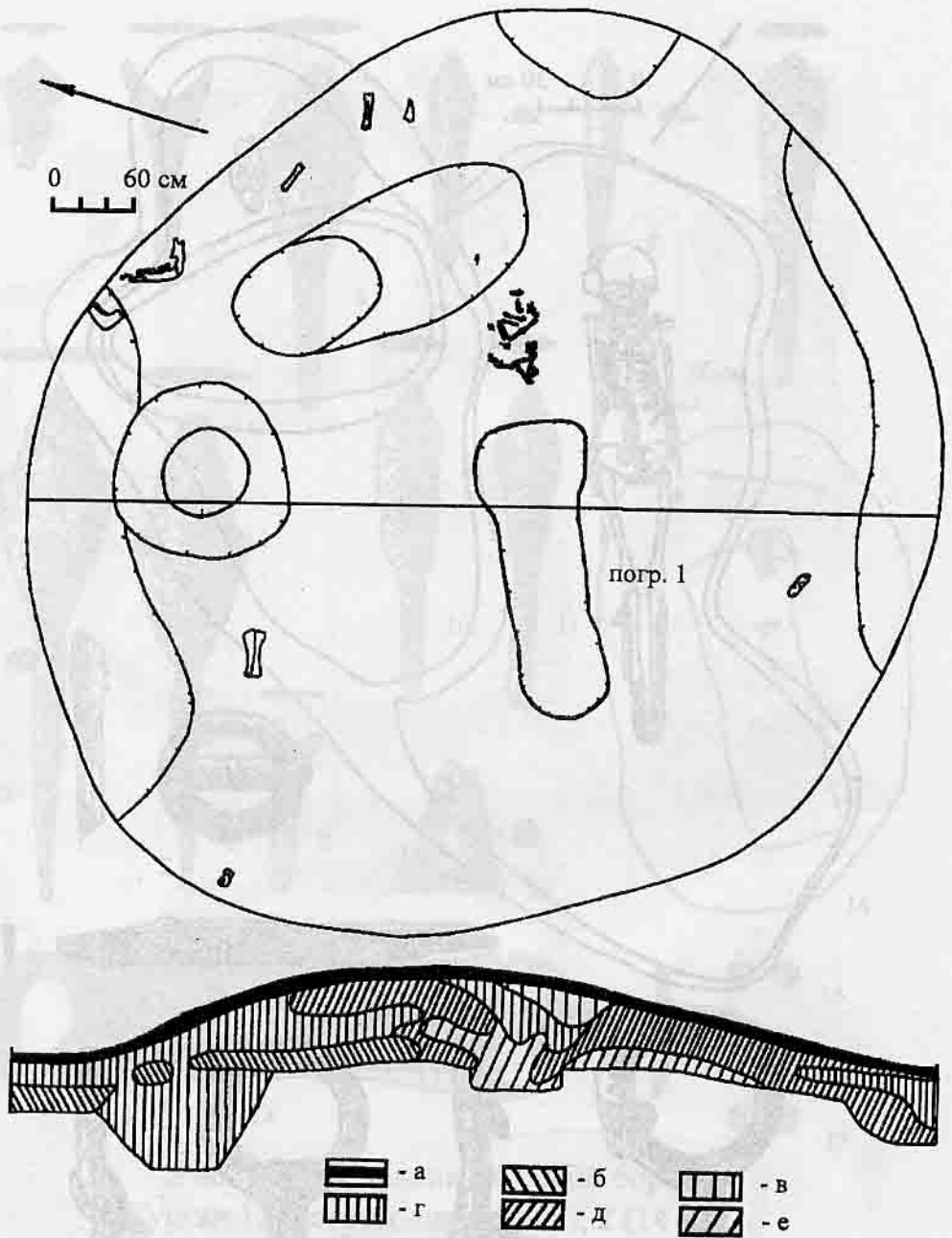

Рис. 83. Могильник Высокий борок. План кургана 16.
 а - дерново - гумусный слой, б - черная, в - темно - серая, г -
 серая, д - светло - серая, е - желтая супесь.

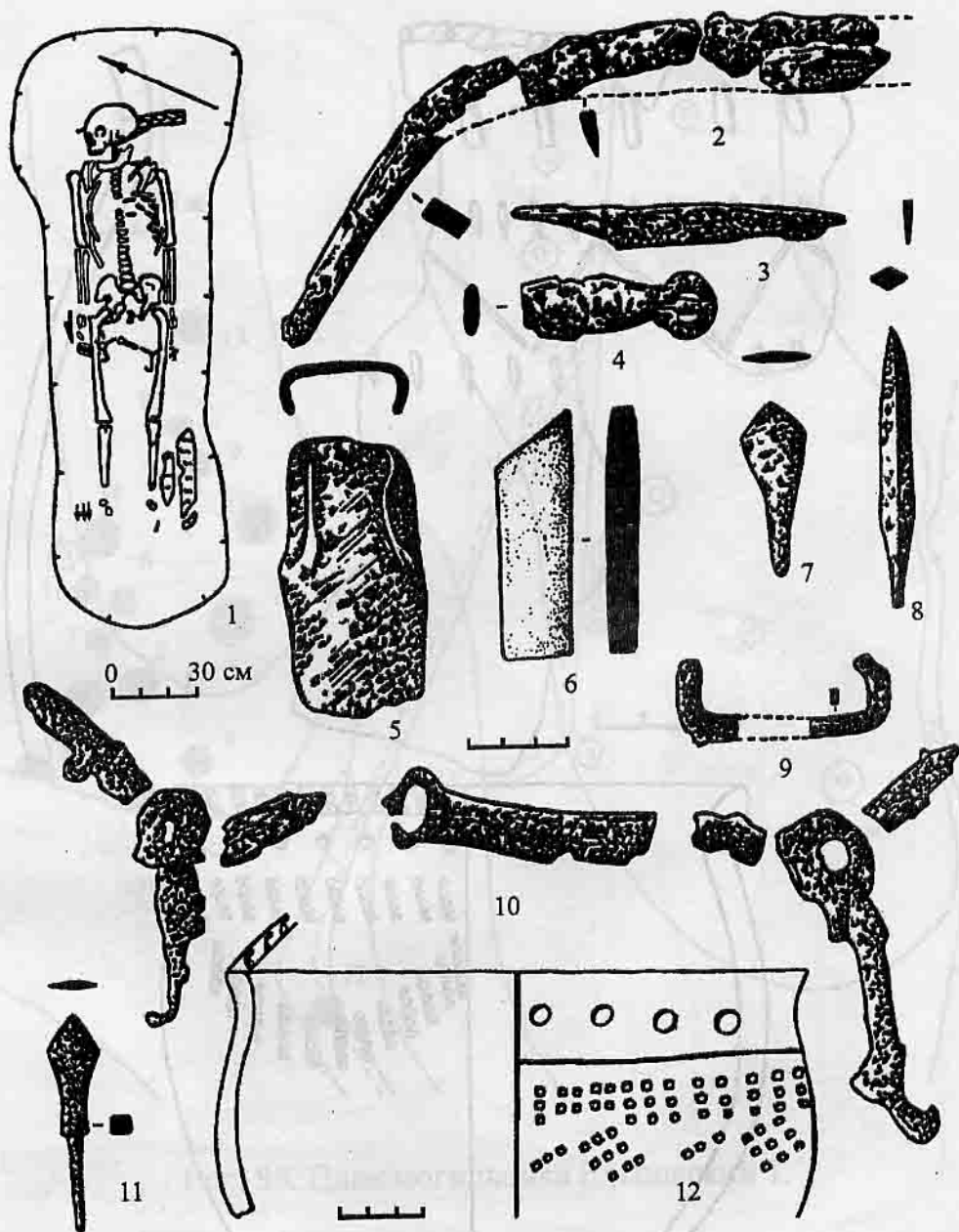

Рис. 84. Могильник Высокий борок. Курган 16, насыпь (11), погребение 1 (1 - 10). Курган 10, насыпь (12).
2 - 5, 7 - 11 - железо, 6 - камень, 12 - глина.

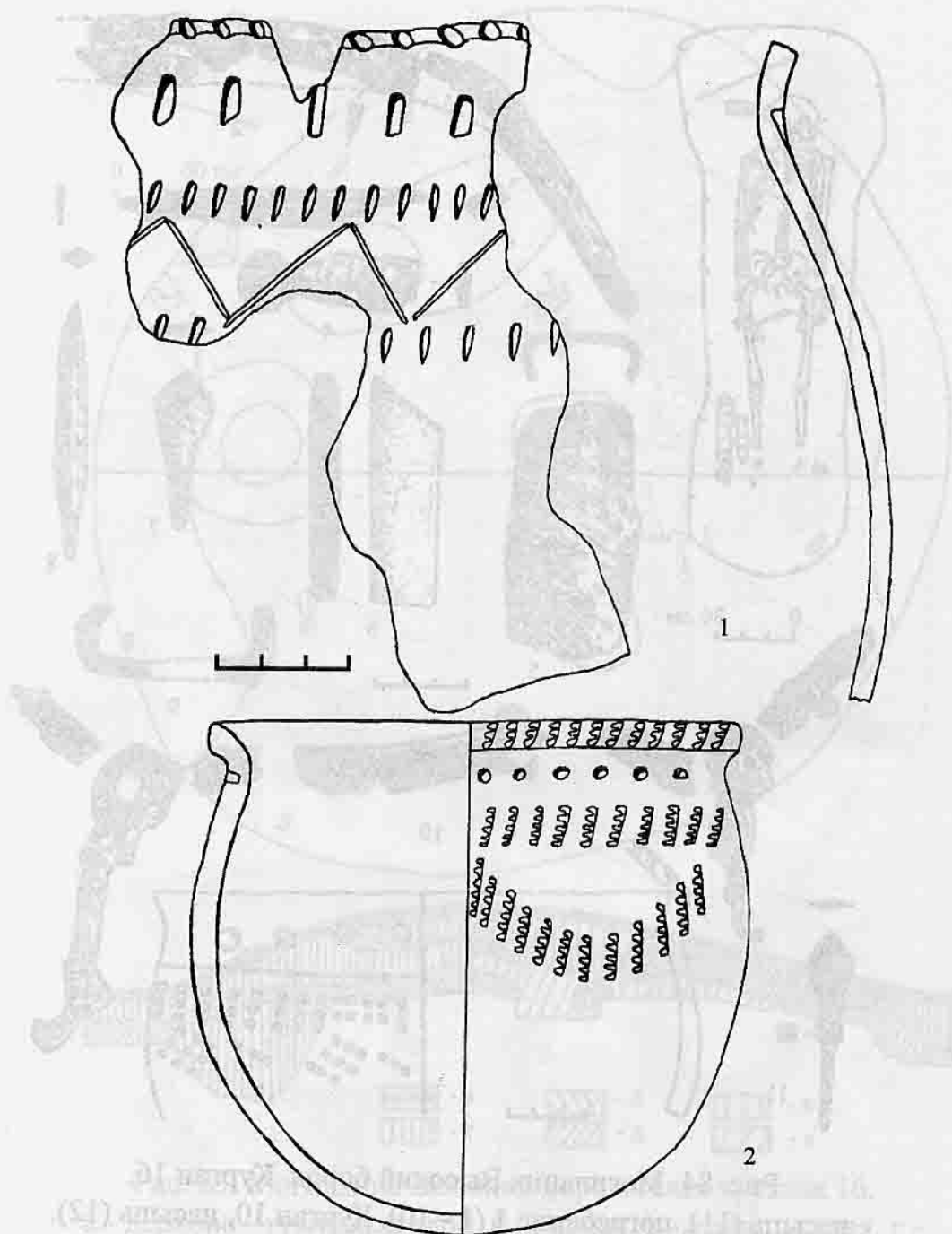

Рис. 85. Могильник Высокий борок.
 Курган 12, ровик (1). Курган 15, насыпь (2).
 1, 2 - глина.

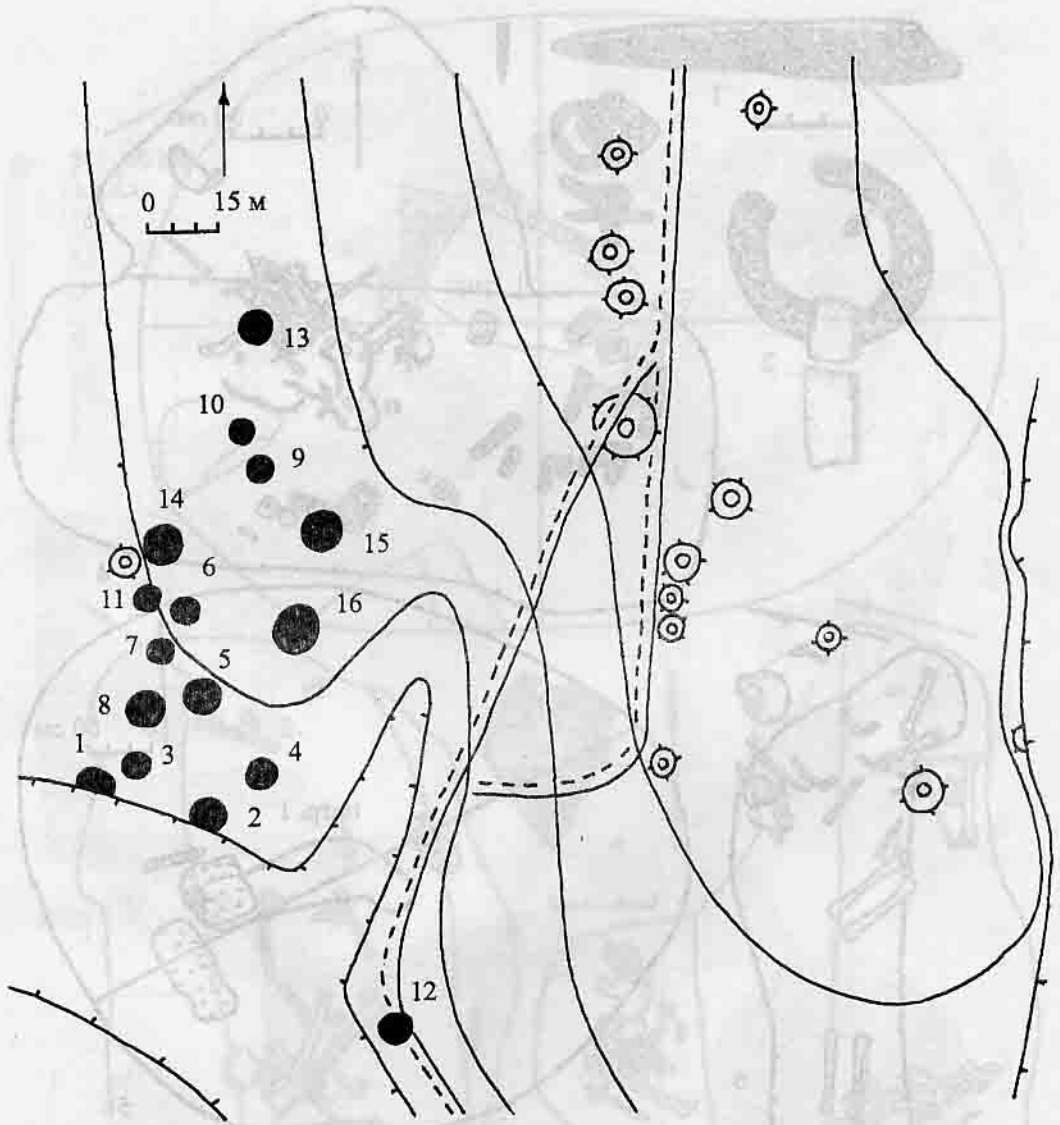

Рис. 86. План могильника Ельцовский 1.

Рис. 87. Могильник Ельцовский 1. Вид с севера. 1 - погребение I (1) - 3 - мезол. - керамика, 4 - керамика, 5 - керамика, 6 - керамика, 7 - керамика, 8 - керамика, 9 - керамика, 10 - керамика, 11 - керамика, 12 - керамика, 13 - керамика, 14 - керамика, 15 - керамика, 16 - керамика. 1 - керамика, 2 - керамика, 3 - керамика, 4 - керамика, 5 - керамика, 6 - керамика, 7 - керамика, 8 - керамика, 9 - керамика, 10 - керамика, 11 - керамика, 12 - керамика, 13 - керамика, 14 - керамика, 15 - керамика, 16 - керамика.

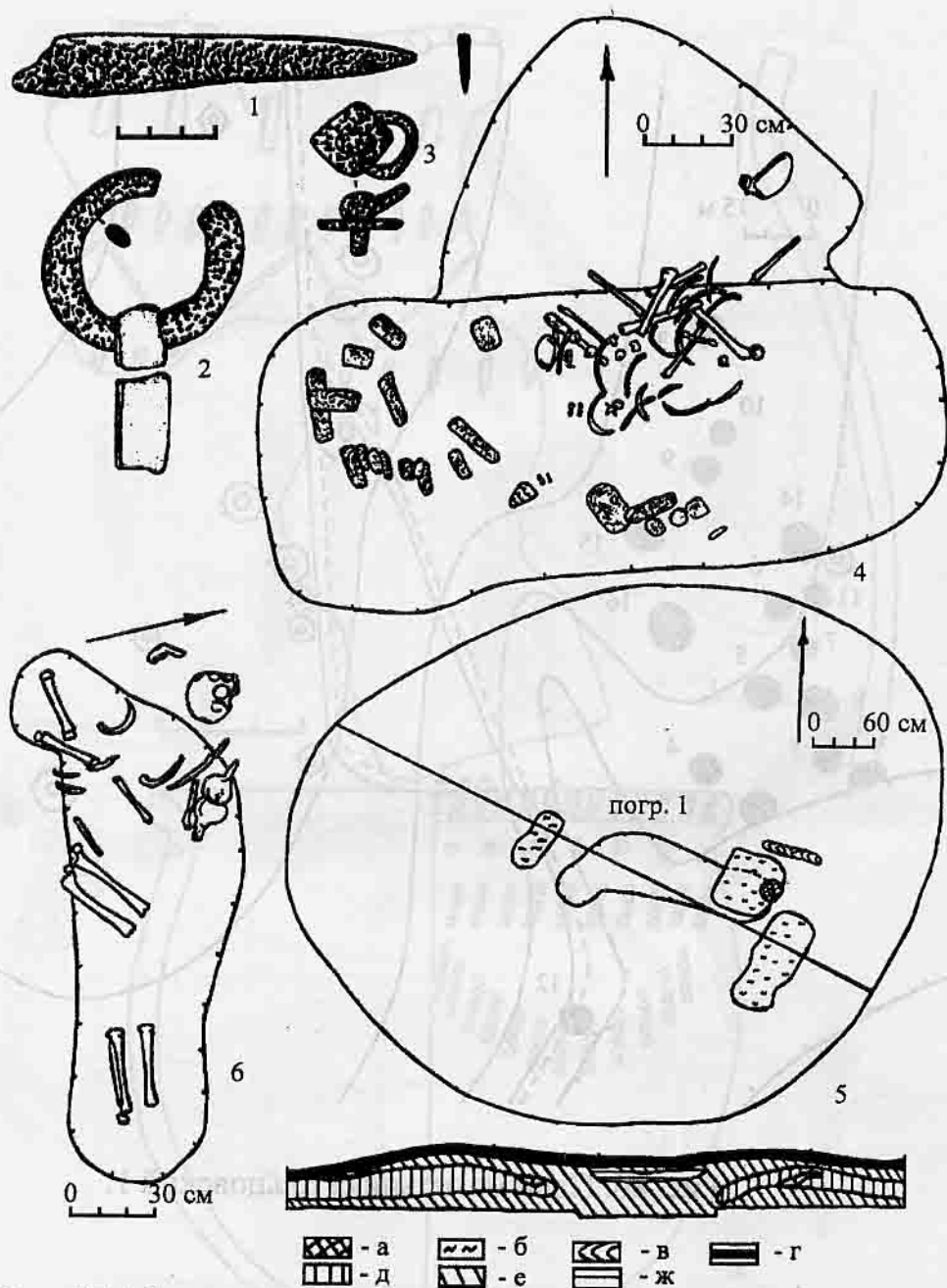

Рис. 87. Могильник Ельцовский 1. Курган 1, погребение 1 (1 - 3). Курган 2, погребение 1 (4). Курган 3, погребение 1 (5, 6). а - прокал, б - береста, в - дерево, г - дерново - гумусный слой, д - черный, е - темно - коричневый, ж - коричневый суглинок. 1 - 3 - железо.

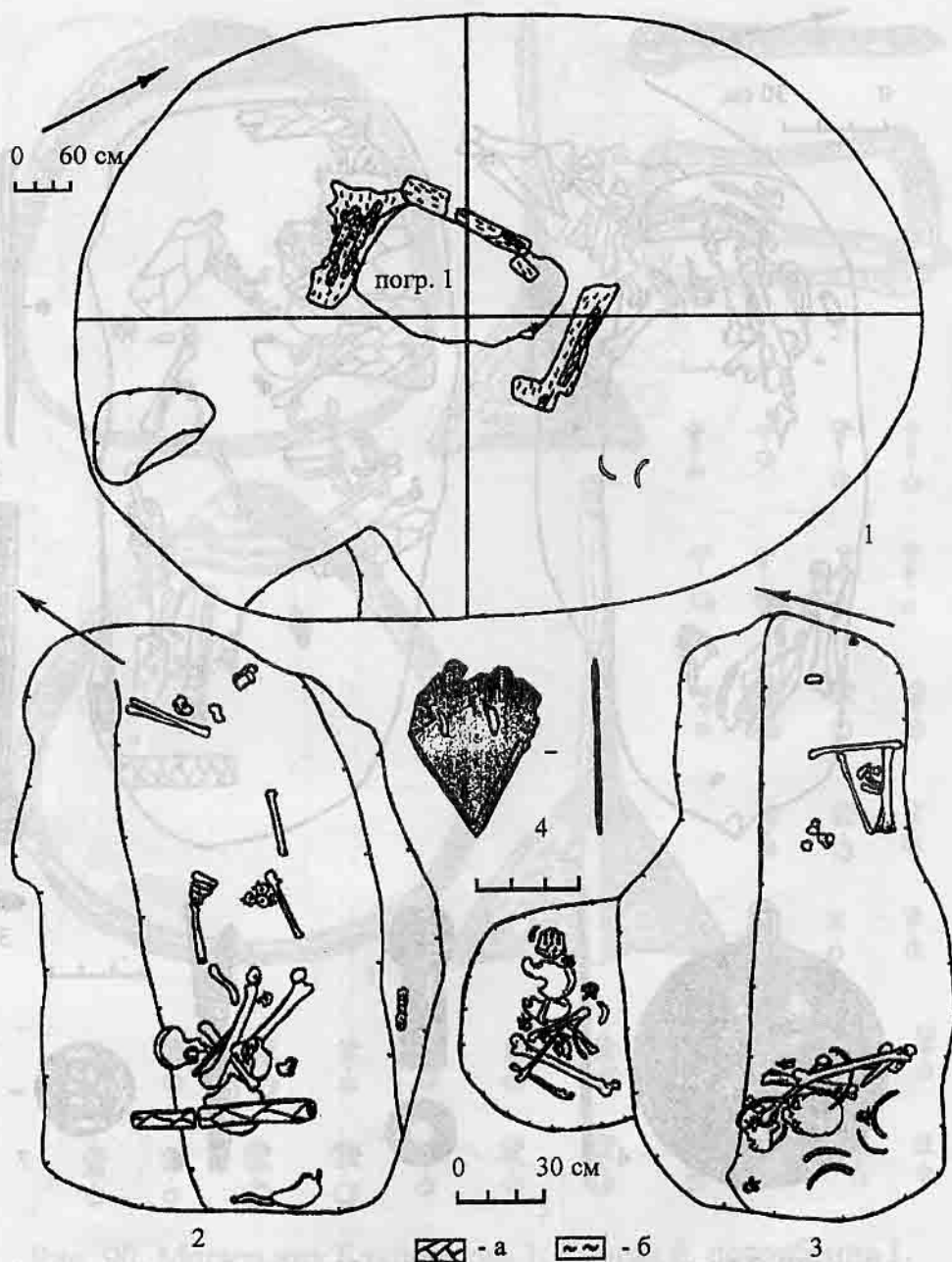

Рис. 88. Могильник Ельцовский 1.
 Курган 4, погребение 1 (1, 2). Курган 5, погребение 1 (3, 4).
 а - дерево, б - береста. 4 - бронза.

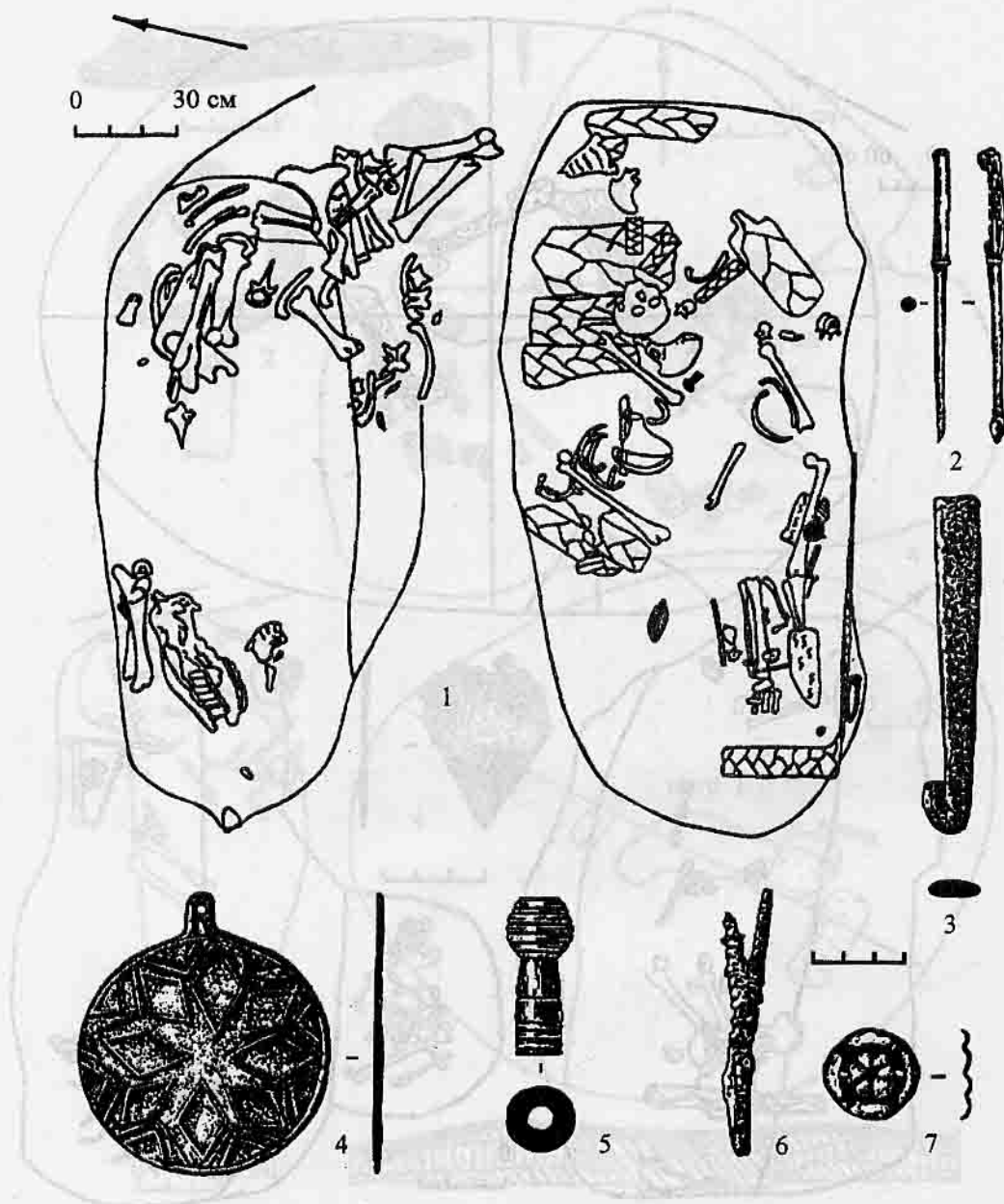

Рис. 89. Могильник Ельцовский 1. Курган 6, погребение 1.

2, 5 - кость, 3, 6 - железо, 4, 7 - бронза.

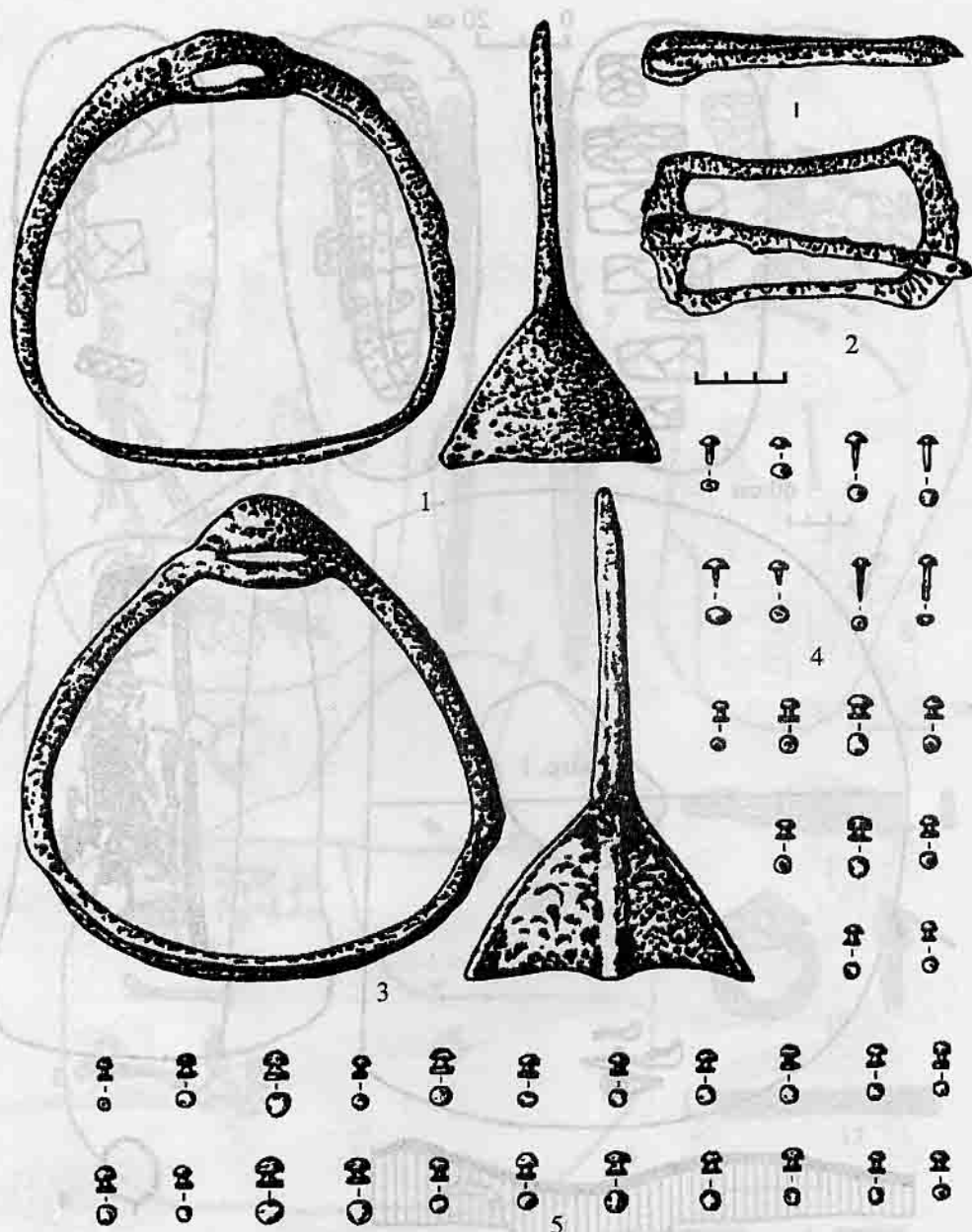

Рис. 90. Могильник Ельцовский 1. Курган 6, погребение 1.

1 - 3 - железо, 4, 5 - кость.

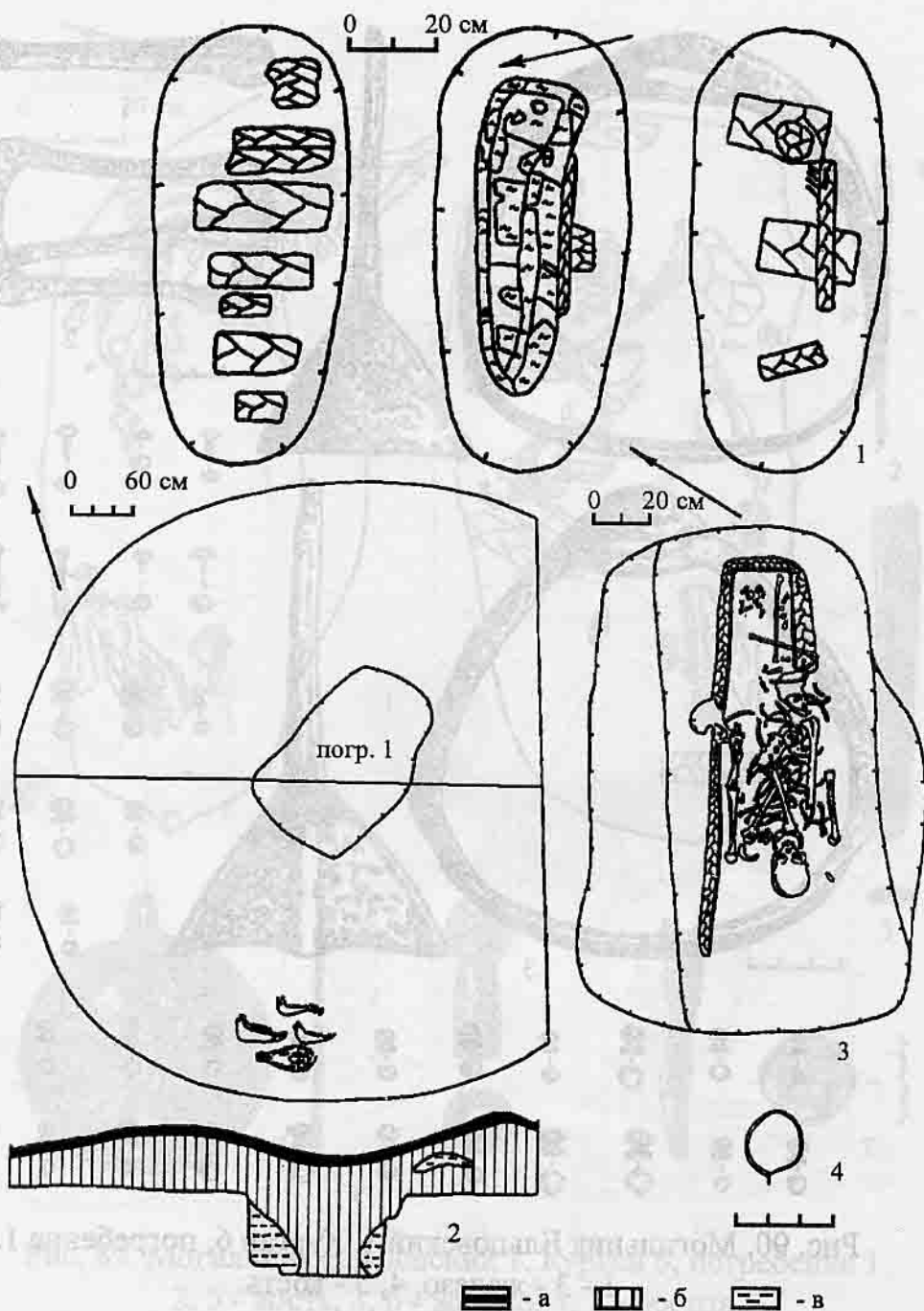

Рис. 91. Могильник Ельцовский 1.

Курган 4, Погребение 2 (1). Курган 7, погребение 1 (2 - 4).
 а - дерново - гумусный слой, б - черный, в - черный с желтым суглинок. 4 - серебро.

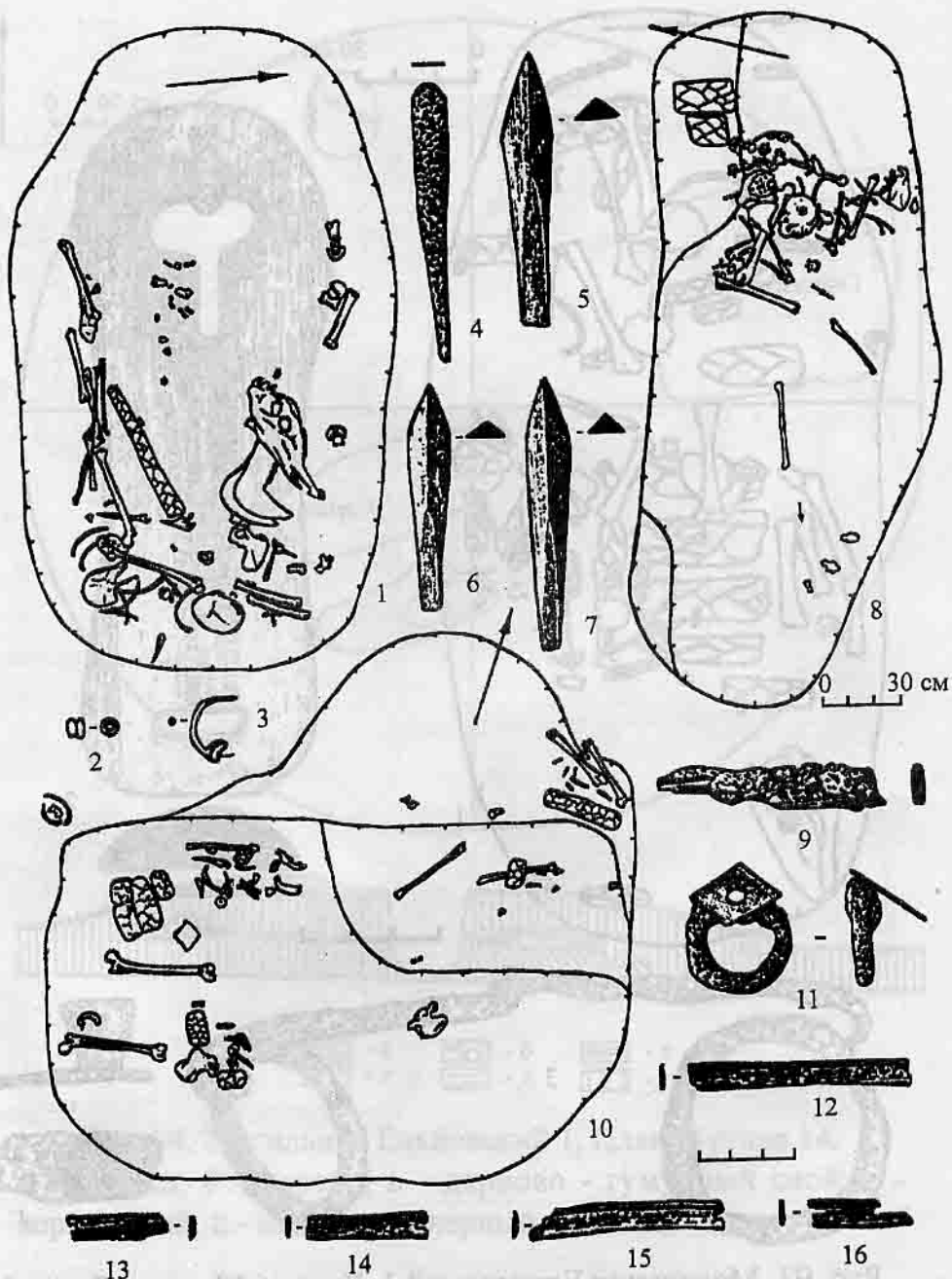

Рис. 92. Могильник Ельцовский 1.
 Курган 9, погребение 1 (1 - 3). Курган 10, погребение 1 (4 - 9).
 Курган 12, погребение 1 (10 - 16).
 2 - стекло, 3 - бронза, 4, 9, 11 - железо, 5 - 7, 12 - 16 - кость.

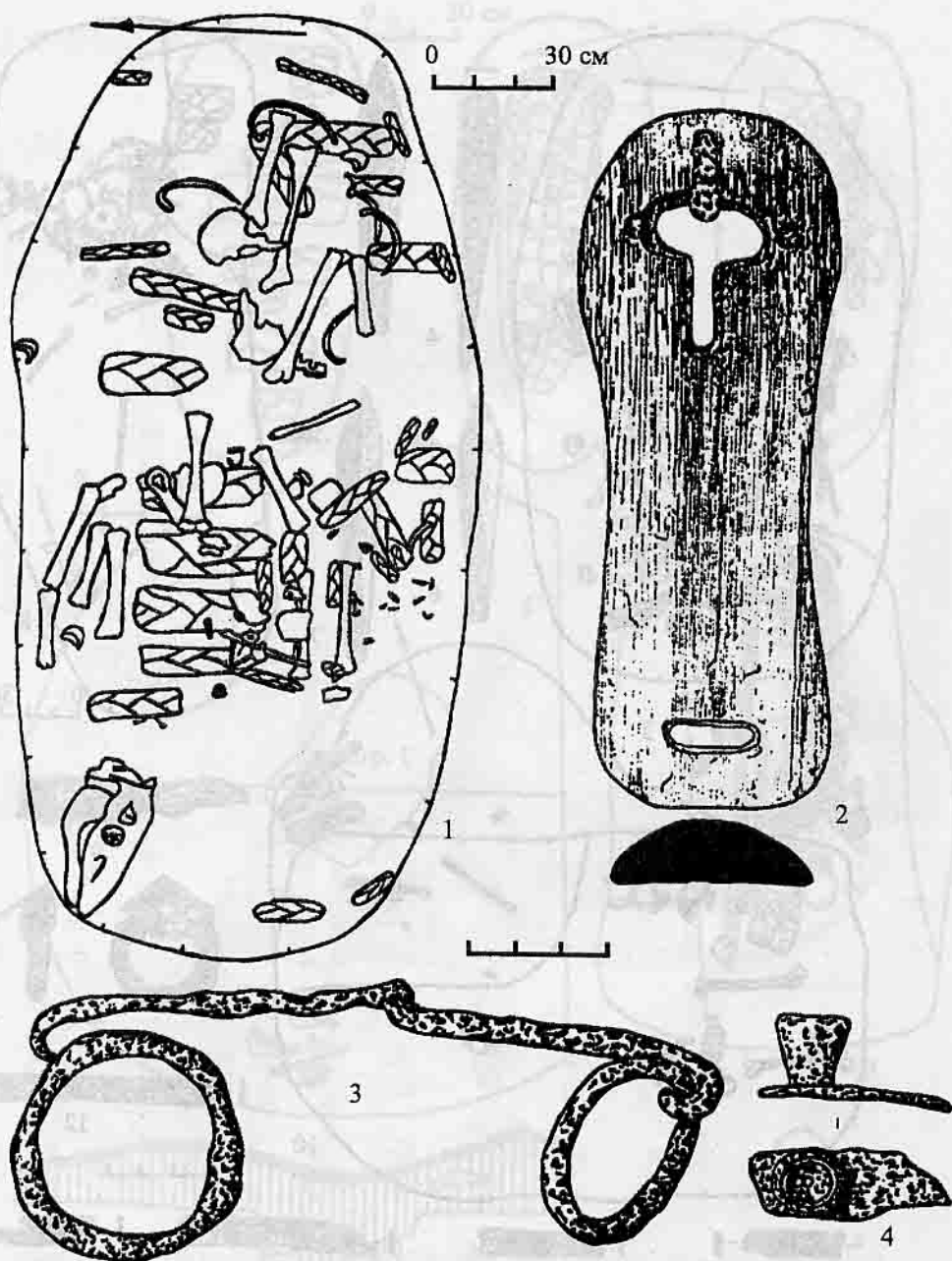

Рис. 93. Могильник Ельцовский 1. Курган 13, погребение 1.
2 - кость, 3, 4 - железо.

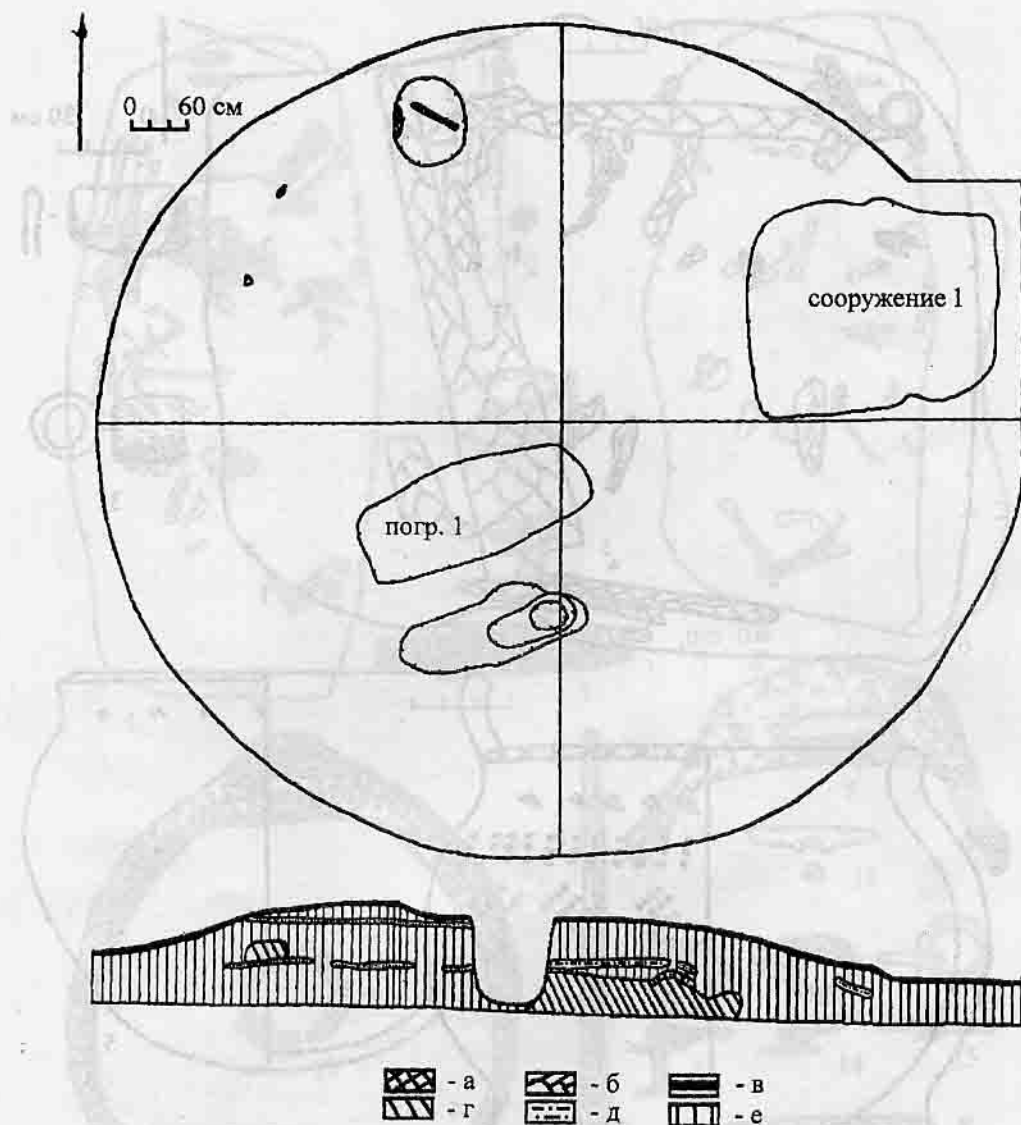

Рис. 94. Могильник Ельцовский 1. План кургана 14.
а - прокол, б - дерево, в - дерново - гумусный слой, г -
коричневый, д - желтый, е - черный суглинок.

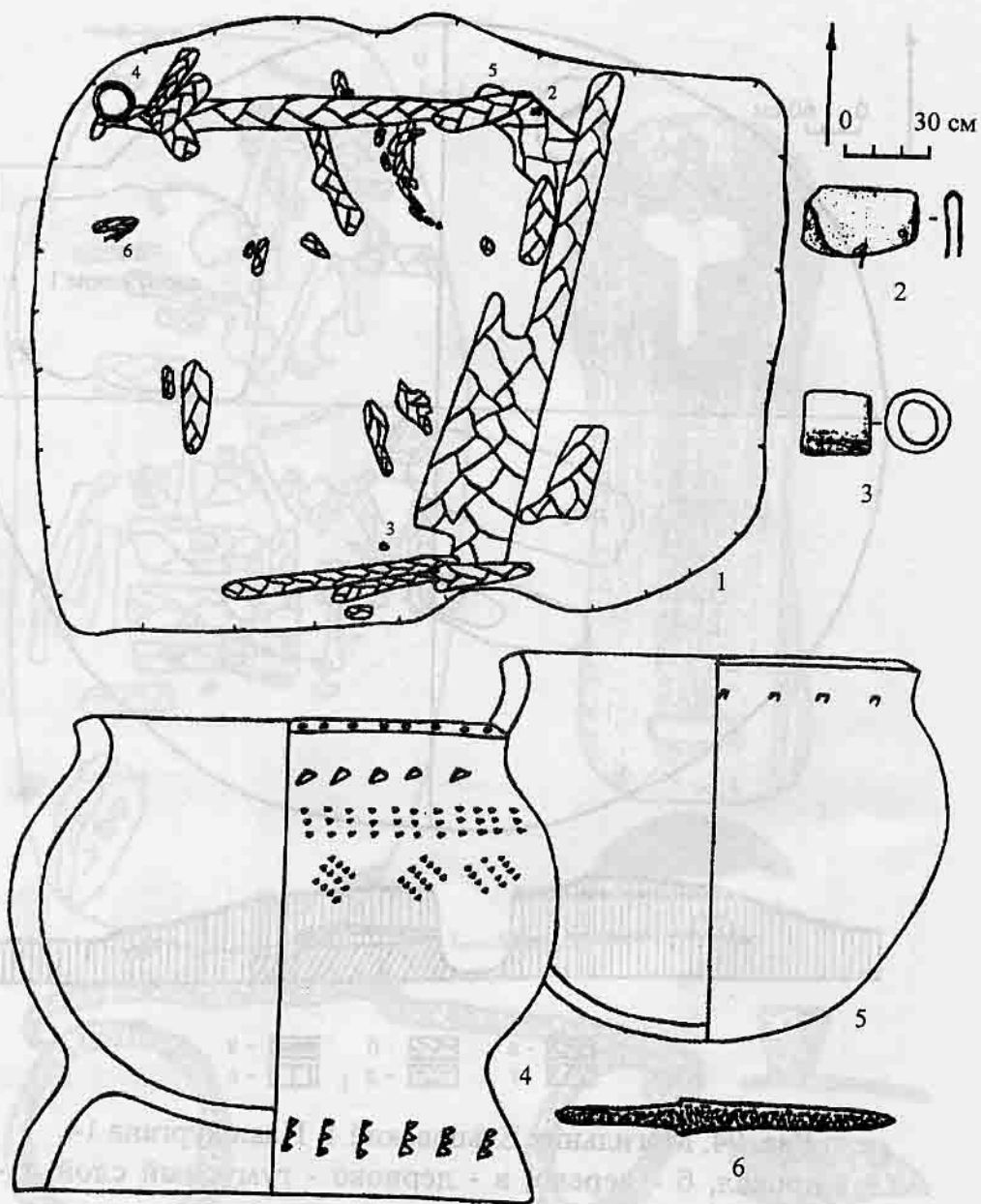

Рис. 95. Могильник Ельцовский 1. Курган 14, сооружение 1.
2 - бронза, 3 - кость, 4, 5 - глина, 6 - железо.

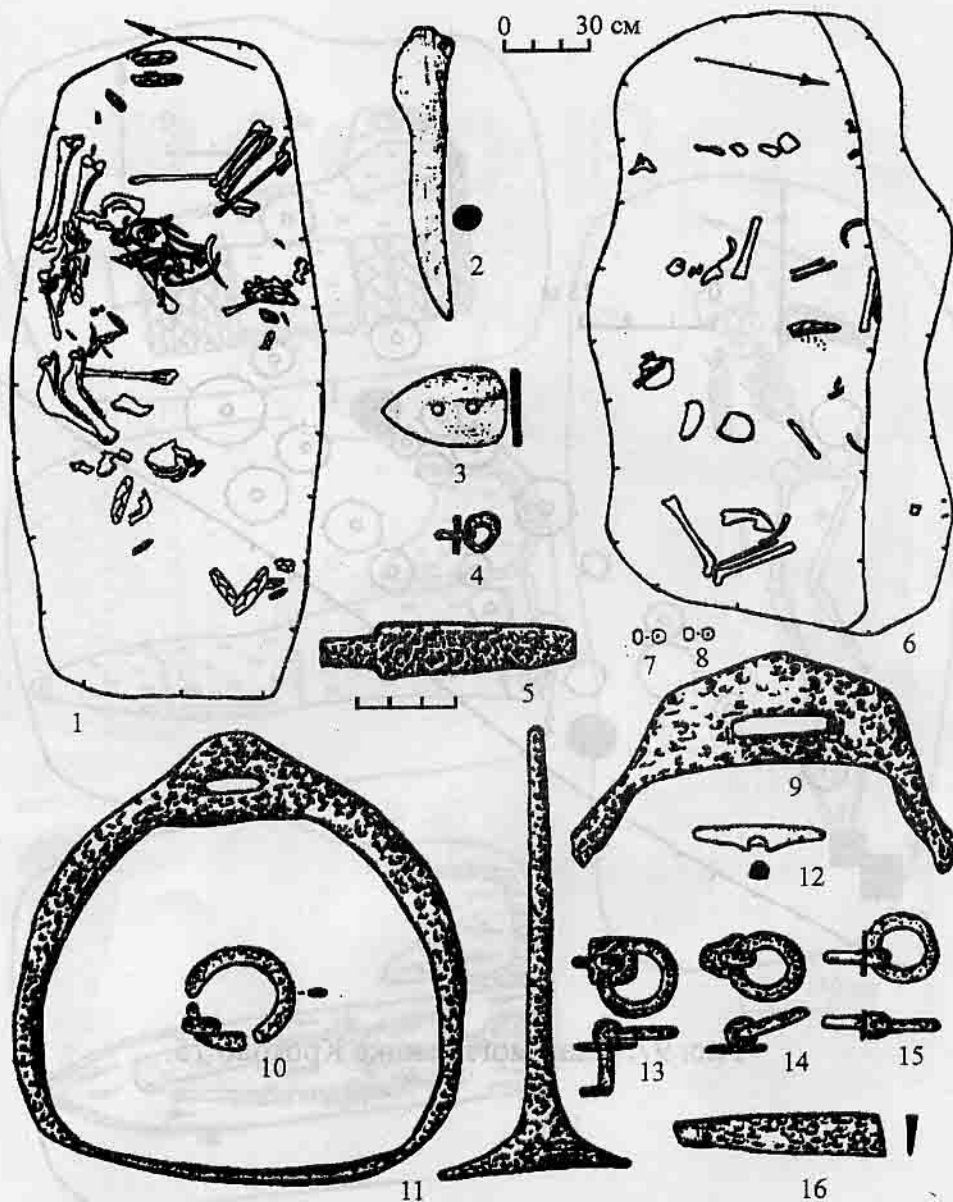

Рис. 96. Могильник Ельцовский 1. Курган 14, погребение 1 (1 - 5). Курган 15, насыпь (9), погребение 1 (7, 8). Курган 16, насыпь (11), погребение 1 (10, 12 - 16).

2, 3, 12 - кость, 7, 8 - стекло, 4, 5, 9 - 11, 13 - 16 - железо.

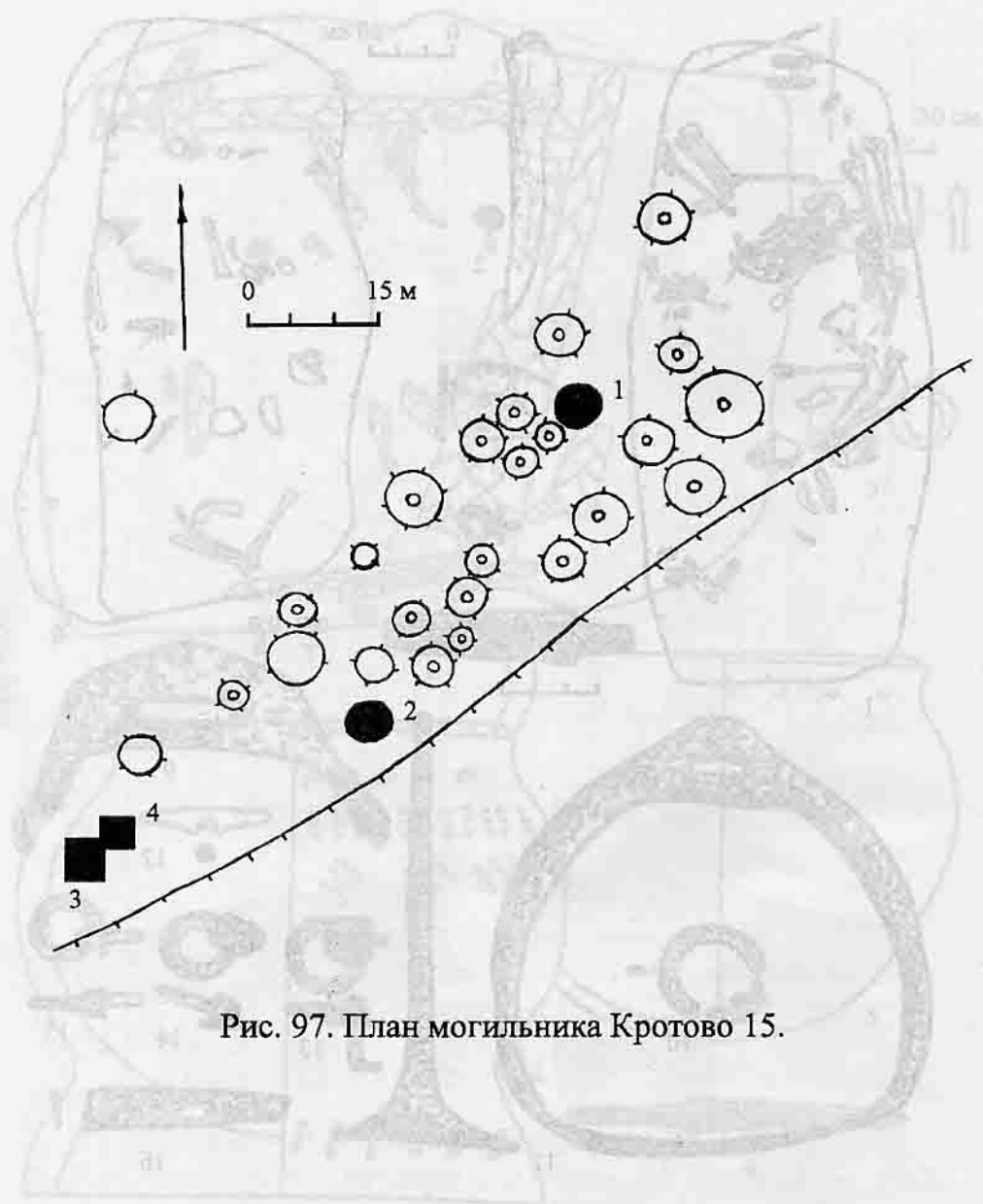

Рис. 97. План могильника Кротово 15.

Рис. 97. Могильник Кротово 15. План. 1 - погребение 1; 2 - погребение 2; 3 - погребение 3; 4 - погребение 4. 1 - погребение 1; 2 - погребение 2; 3 - погребение 3; 4 - погребение 4. 1 - погребение 1; 2 - погребение 2; 3 - погребение 3; 4 - погребение 4.

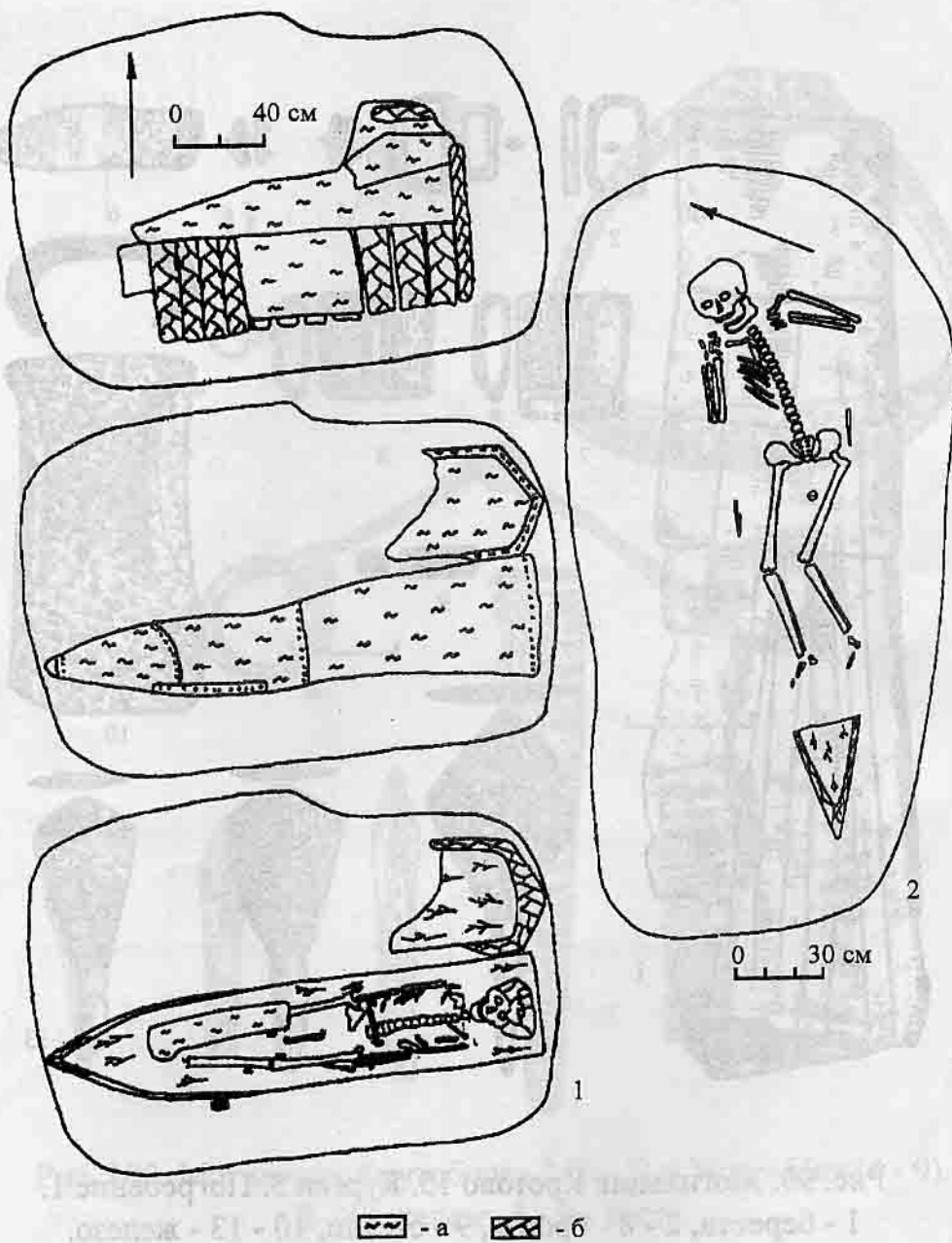

Рис. 98. Могильник Кротово 15.
 Курган 3, погребение 1 (1). Курган 4, погребение 1 (2).
 а - береста, б - дерево.

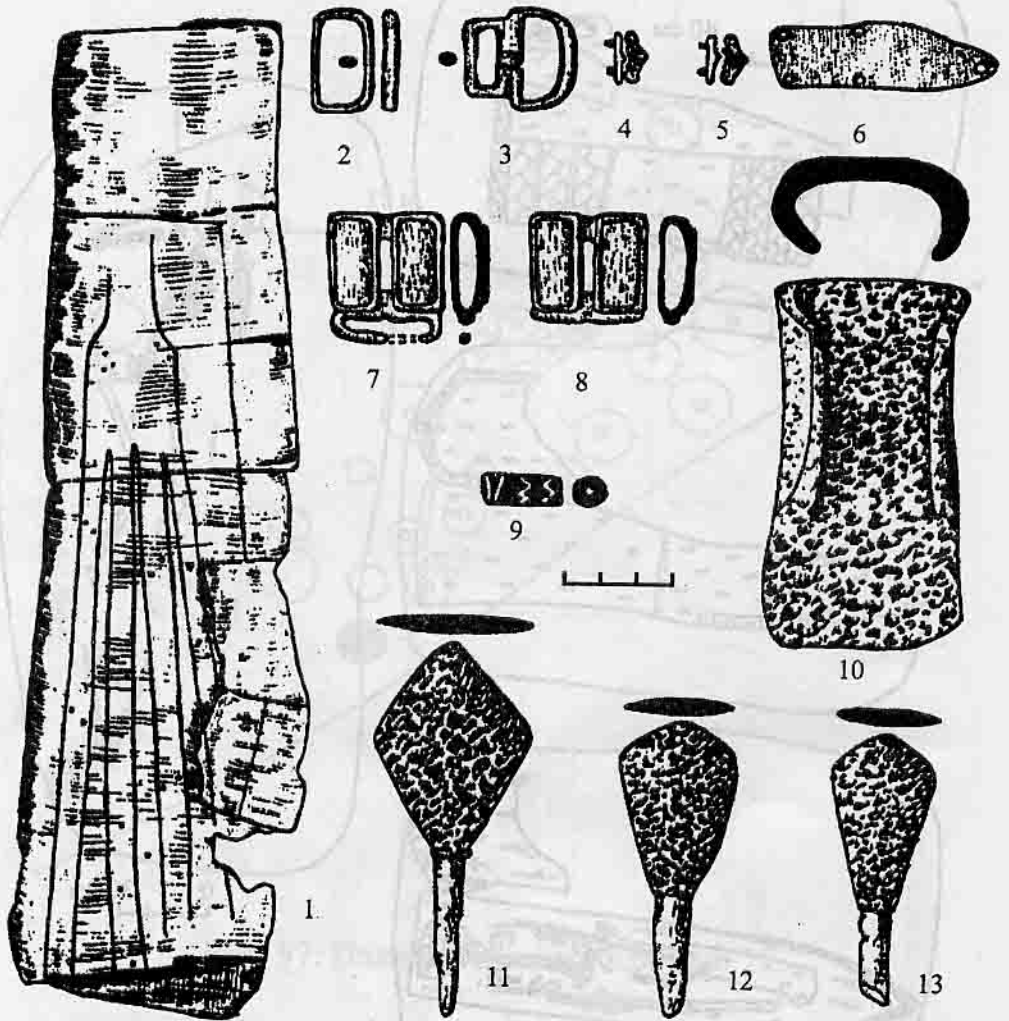

Рис. 99. Могильник Кратово 15. Курган 3. Погребение 1.
 1 - береста, 2 - 8 - бронза, 9 - стекло, 10 - 13 - железо.

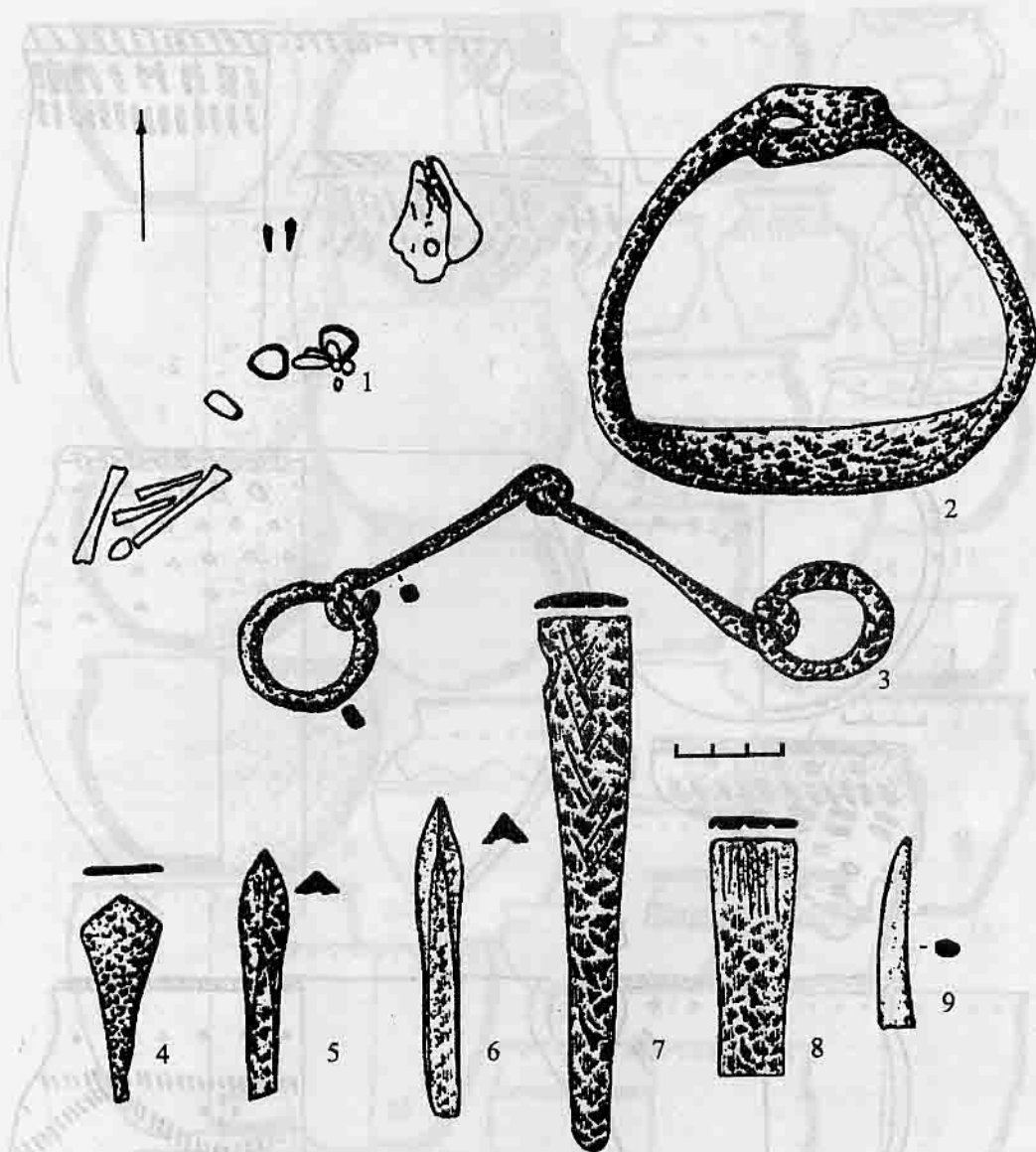

Рис. 100. Могильник Крутоборка 2 (1 - 3) и Усть - Иня (4 - 9).
2 - 4 - железо, 5 - 9 - кость.

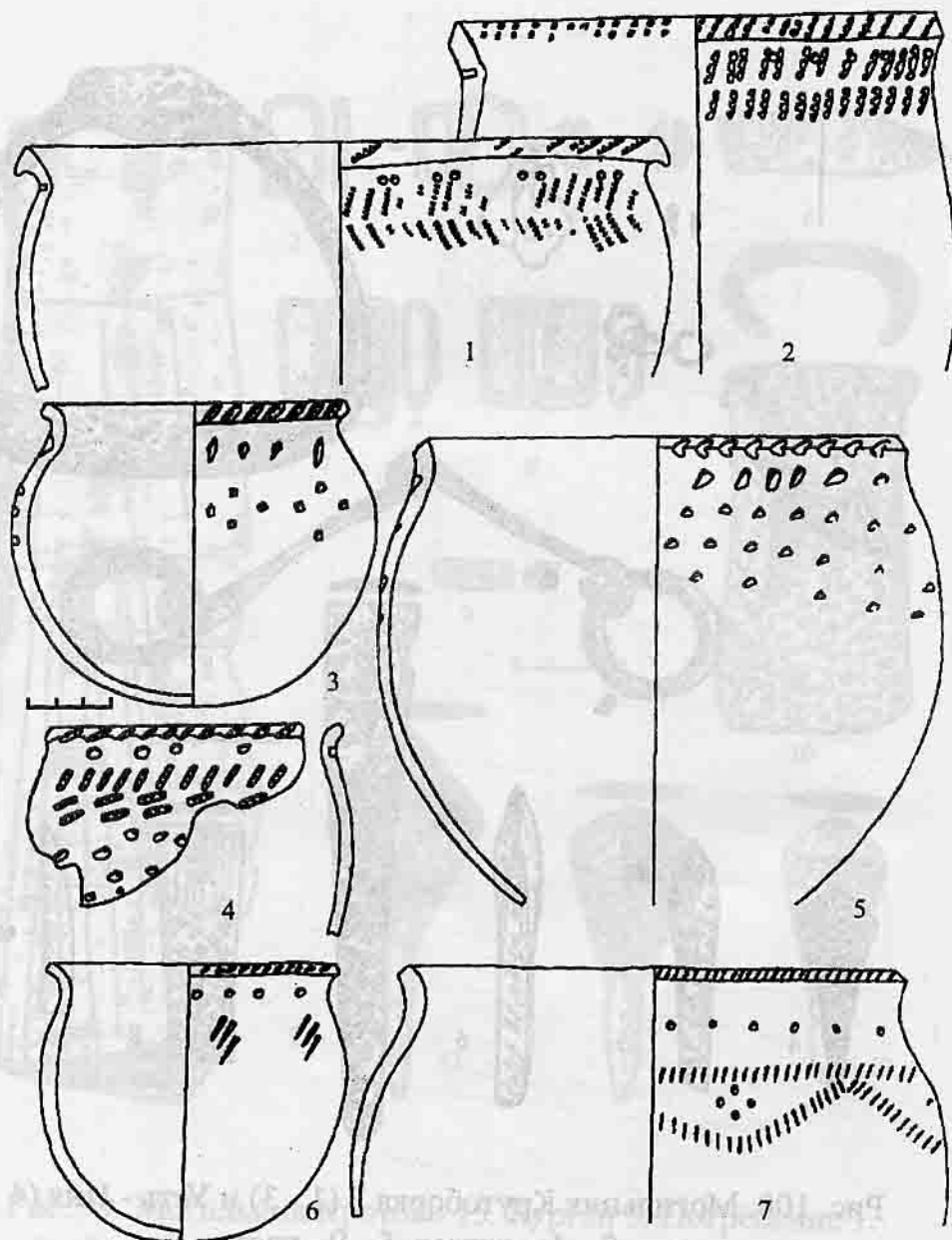

Рис. 101. Керамика XIII - XIV вв. с памятников Черный борок 6 (1), Каменушка 2 (2), Турист 1 (3), Крохалевка 13 (4, 5, 7), Седова Заимка 2 (6).

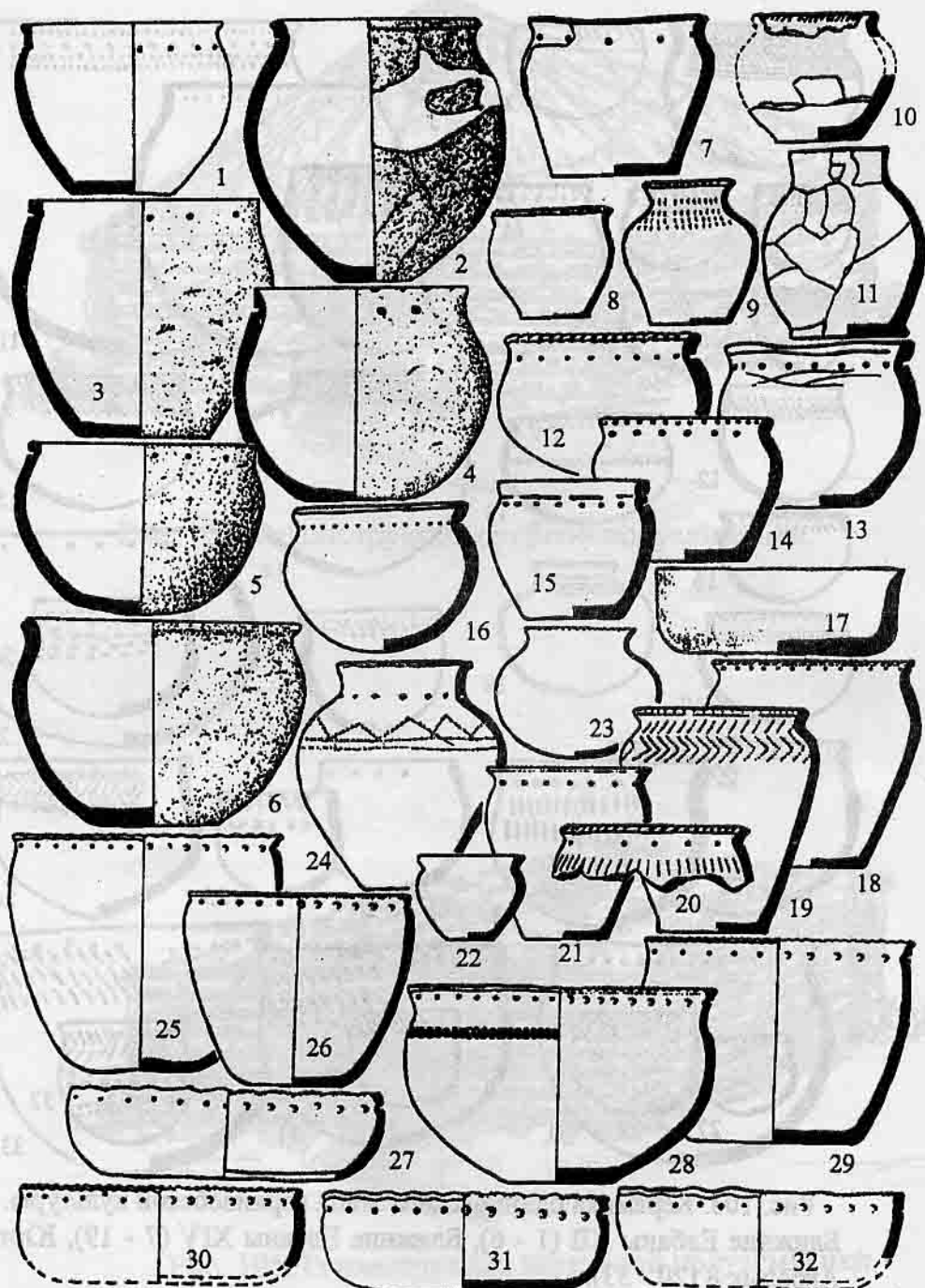

Рис. 102. Керамика сrostкинской культуры с памятников втор. пол. 1 тыс. н. э. Чулым 2 (1 - 6), Карашат 1 (7 - 9), Акчий III (10), Измайловка (11), Бобровский (12 - 22), Ближние Елбаны V (23), Ближние Елбаны VI (24), Ушлеп 5 (25 - 32).

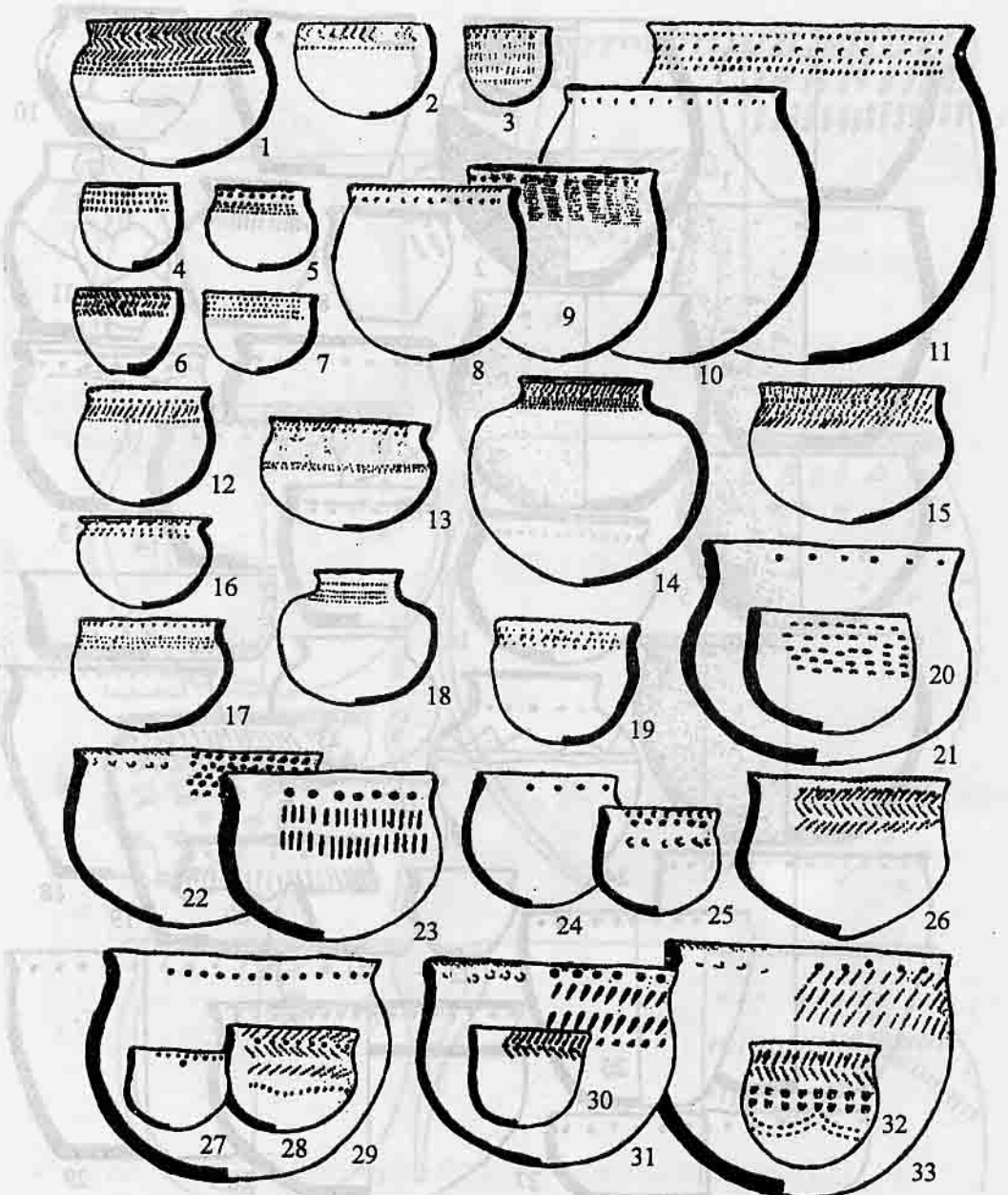

Рис. 103. Керамика одинцовского этапа верхнеобской культуры. Ближние Елбаны XII (1 - 6), Ближние Елбаны XIV (7 - 19), Юрт - Акбалык 8 (20 - 33).

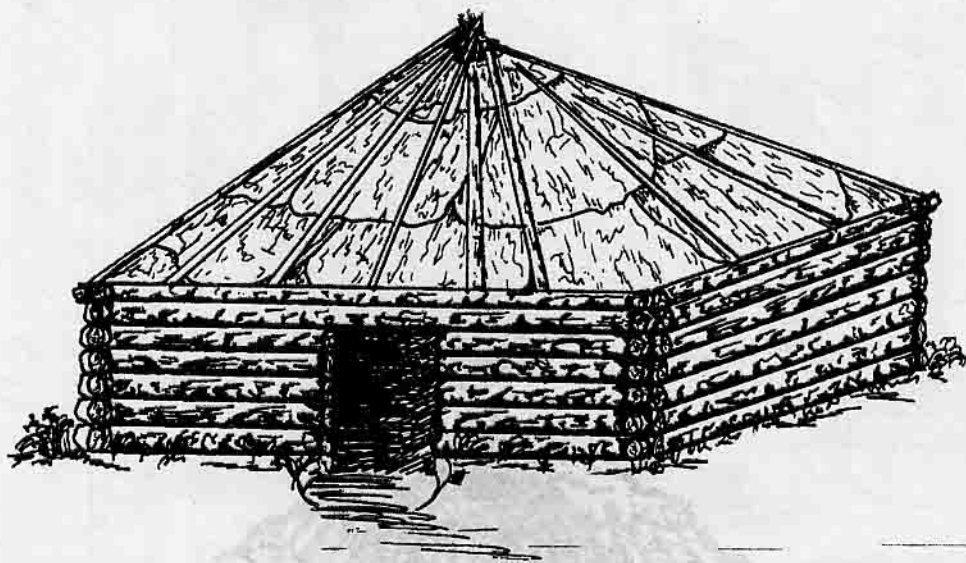

Рис. 104. Реконструкция срубной полуземлянки.

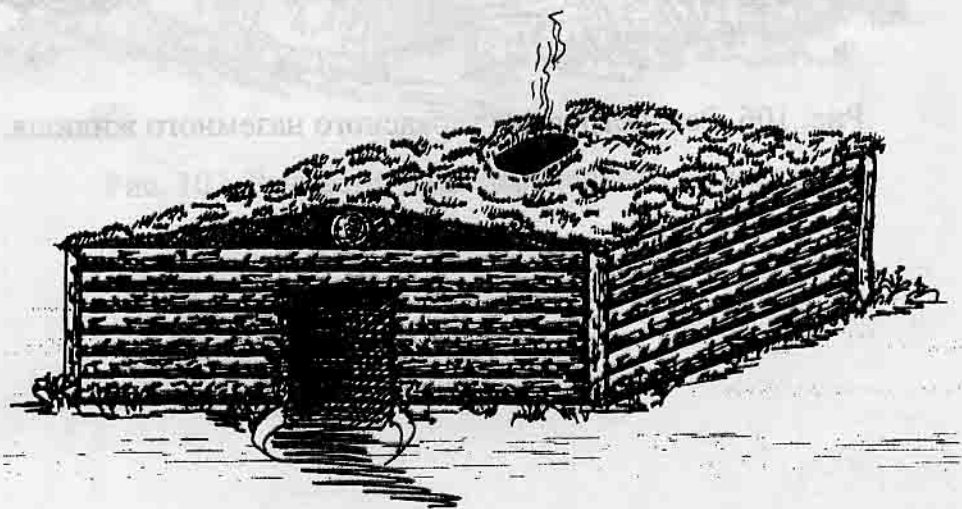

Рис. 105. Реконструкция каркасной полуземлянки.

Рис. 106. Реконструкция каркасного наземного жилища.

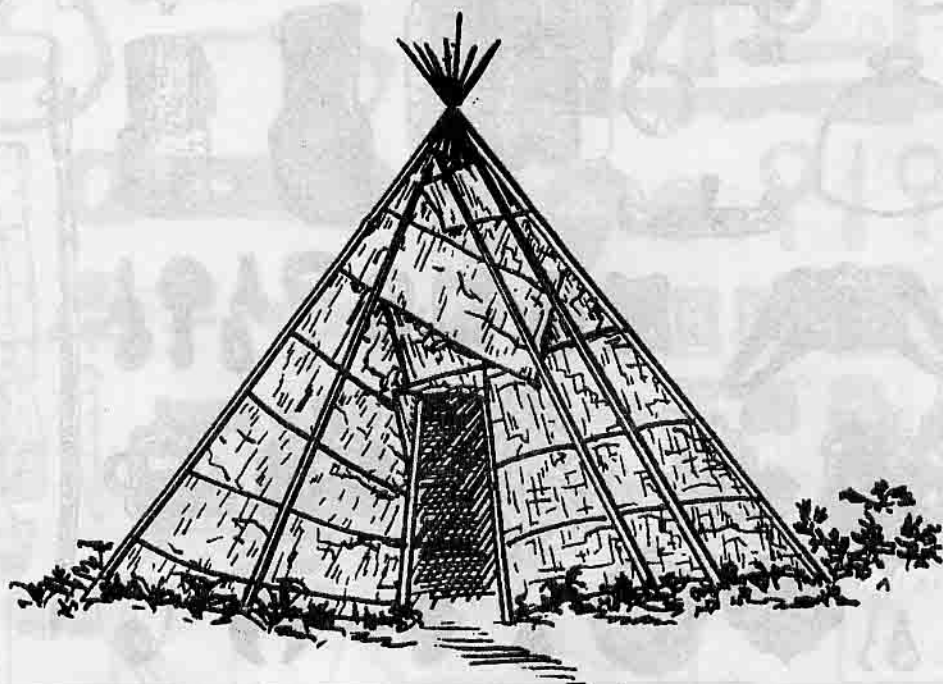

Рис. 107. Реконструкция переносного жилища.

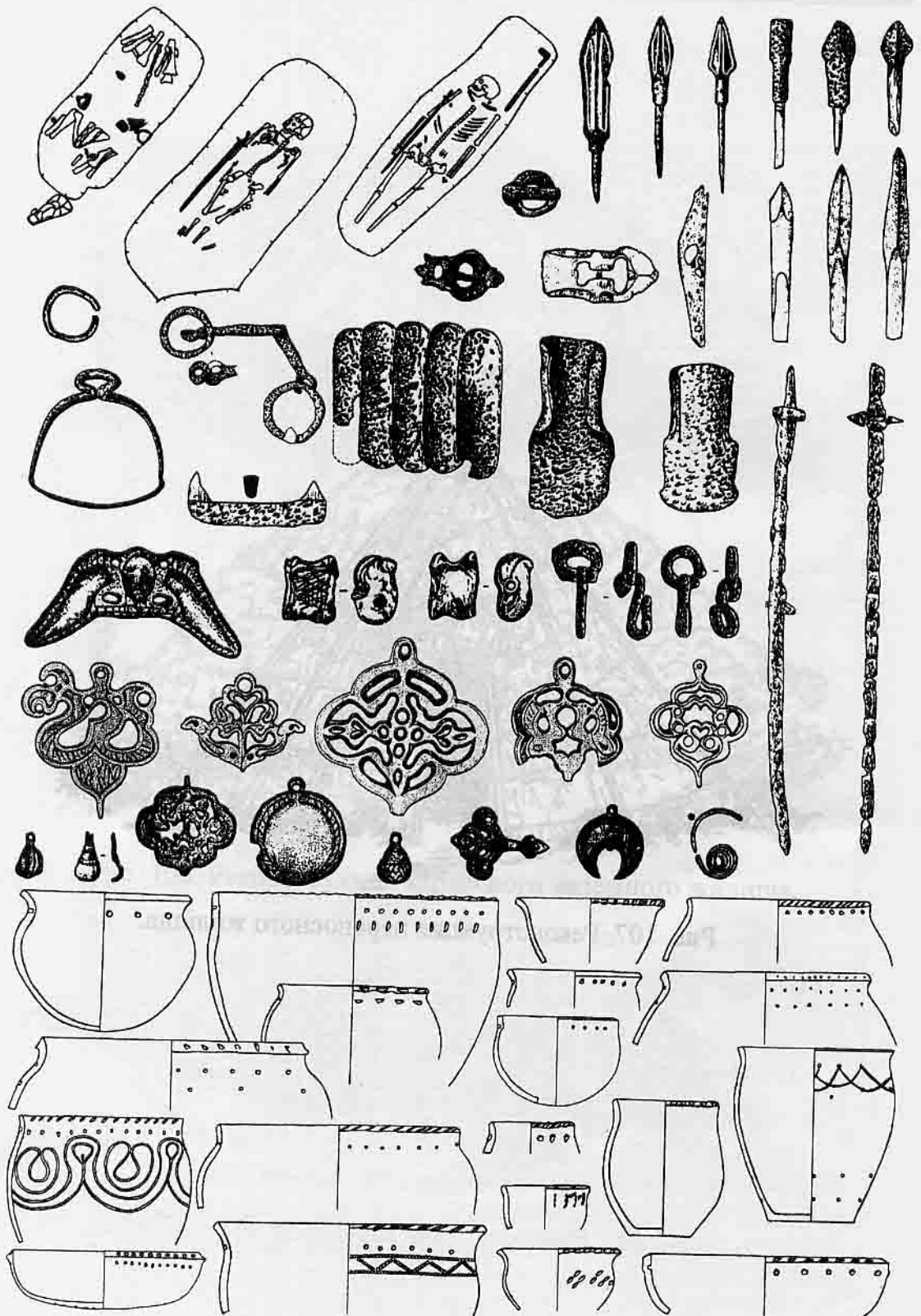

Рис. 108. Шадринцевский этап (X - XII вв.)

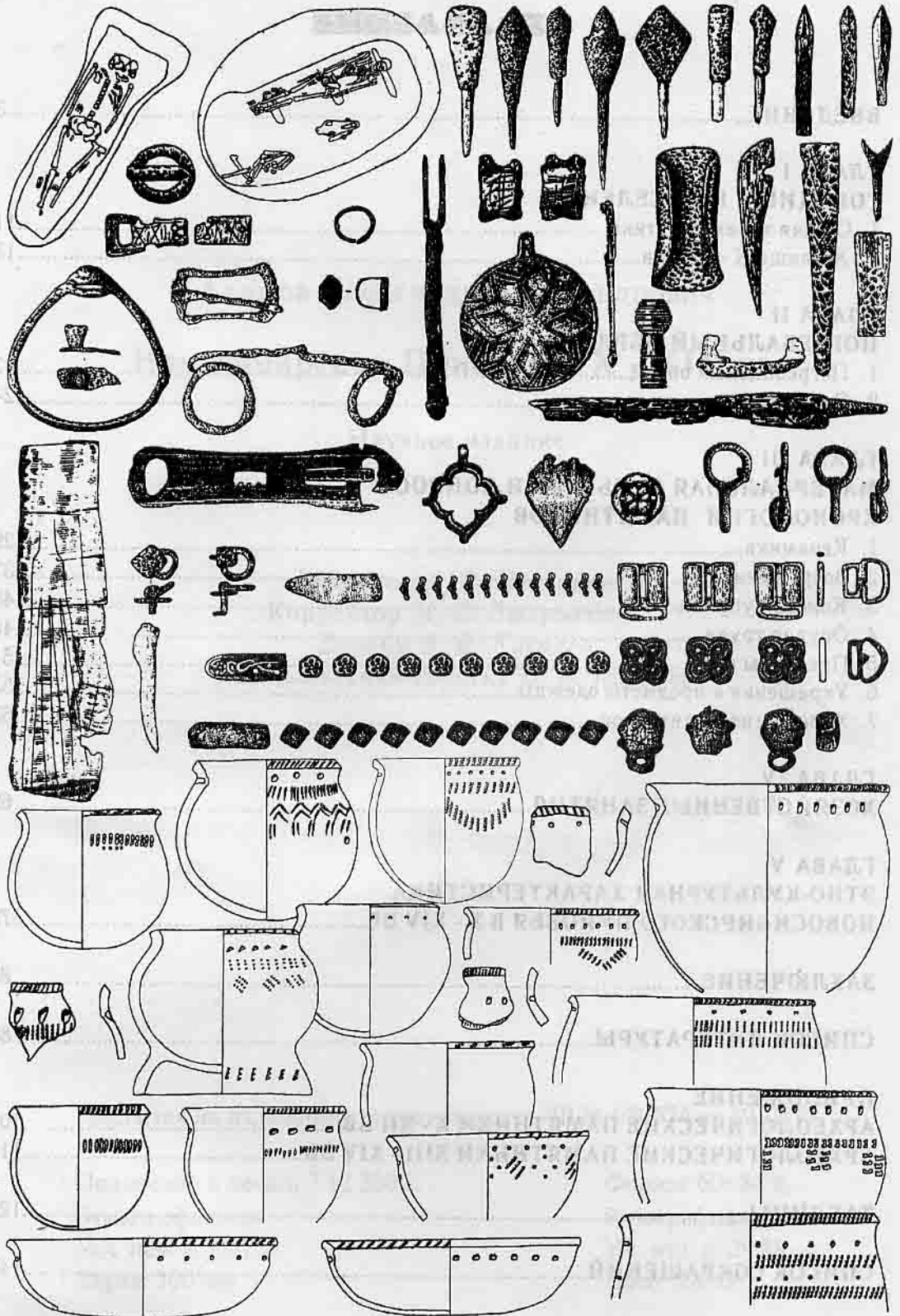

Рис. 109. Каменушкинский этап (XIII - XIV вв.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЕ	
1. Общая характеристика.....	11
2. Жилища X - XIV вв.....	13
ГЛАВА II ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	
1. Погребальный обряд.....	17
2. Поминальные сооружения.....	24
ГЛАВА III МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ	
1. Керамика.....	29
2. Вооружение.....	37
3. Конская упряжь.....	45
4. Орудия труда.....	48
5. Предметы быта.....	51
6. Украшения и предметы одежды.....	55
7. Хронология памятников.....	63
ГЛАВА IV ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ	69
ГЛАВА V ЭТНО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ В X - XIV ВВ.	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	86
ПРИЛОЖЕНИЕ	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ X - XII ВВ.	100
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII - XIV ВВ.	110
ТАБЛИЦЫ	124
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	147
ИЛЛЮСТРАЦИИ	148

Адамов Александр Александрович
Новосибирское Приобье в X - XIV вв.

Научное издание

Редактор *А. В. Нескоров*
Корректор *М. С. Выхристюк*
Дизайн *В. В. Киселев*
Компьютерная верстка *В. В. Киселев*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 020074 от 10.10.91

Подписано в печать 7.12.2000.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 32,13.

Тираж 300 экз.

Формат 60×84/8.

Ризография.

Уч.-изд. л. 29,88.

Заказ X-003

Отпечатано в типографии ООО “Издатель-Полиграфист”.